

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021. Том 7. № 4 (28)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Л. М. Симонова, д. э. н., проф.

Заместители главного редактора:

Е. В. Андрианова, к. с. н., доц.; *Л. В. Зайцева*, д. ю. н., доц.;

К. А. Баннова, к. э. н.

Контактная информация:

Центр научных периодических изданий:

625003, г. Тюмень,
ул. Перекопская, 15а
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-74-32

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:

Каталог Российской прессы
(индекс ПА249)

Журнал выходит 4 раза в год

Публикация статей для авторов
бесплатна. Прием статей:
vestnik-social-r@utmn.ru

Информация для авторов:
<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель, издатель:
ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Социально-экономические и правовые исследования, 2021
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Симонова Людмила Михайловна доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса ТюмГУ
- Андрианова Елена Владимировна кандидат социологических наук, доцент, заведущий кафедрой общей и экономической социологии ТюмГУ, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
- Давыденко Владимир Александрович доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики, начальник Научно-исследовательского центра ТюмГУ
- Акулич Мария Михайловна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Акихиро Ишикава профессор университета Чуо (Токио, Япония)
- Казьмерчик Ежи кандидат экономических наук, PhD, Государственный экономический университет в Познани (Познань, Польша)
- Костко Наталья Анатольевна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Ромашкина Гульнара Фатыховна доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике ТюмГУ
- Собкин Владимир Самуилович доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО
- Джунсо Сонг доктор наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея)
- Зайцева Лариса Владимировна доктор юридических наук, заведующая кафедрой трудового права и предпринимательства ТюмГУ
- Клеандров Михаил Иванович доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда Российской Федерации
- Комиссарова Елена Генриховна доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ТюмГУ
- Смахтин Евгений Владимирович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ТюмГУ
- Чеботарев Геннадий Николаевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ТюмГУ
- Ярвелейд Пеэтер доктор юриспруденции, профессор Таллиннского университета (Таллин, Эстония)
- Баннова Кристина Алексеевна кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и финансов, ТюмГУ
- Гамукин Валерий Владимирович кандидат экономических наук, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ТюмГУ
- Драшкович Веселин Душанович доктор экономических наук, профессор Университета Черногории (Котор, Черногория)
- Крайсинг Фолькмар доктор экономики, профессор, консультант Кенийского университета Таита Тавета
- Руденко Дмитрий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Финансово-экономического института ТюмГУ
- Шилова Любовь Федоровна доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита ТюмГУ
- Авдеев Дмитрий Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ТюмГУ, ответственный секретарь

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

SOCIAL, ECONOMIC, AND LAW RESEARCH

2021. Vol. 7. No. 4 (28)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. FS77-72158 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60412 on 29 December 2014) by RF Press Committee

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

EDITOR-IN-CHIEF:

L. M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.; *L. V. Zaytseva*, Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof.;

K. A. Bannova, Cand. Sci. (Econ.)

EDITORIAL BOARD

M. M. Akulich, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.

V. A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

A. Ishikava, Prof. (Japan)

J. Kaźmierczyk, Cand. Sci. (Econ.), PhD (Poland)

N. A. Kostko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

G. F. Romashkina, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

V. S. Sobkin, Dr. Sci. (Psychol.), Prof.,
academician (RAE)

J. Song, PhD in History, Prof.

M. I. Kleandrov, Dr. Sci. (Jur.), corr. member (RAS)

E. G. Komissarova, Dr. Sci. (Jur.), Prof.

Ye. V. Smakhtin, Dr. Sci. (Jur.), Prof.

G. N. Chebotaryov, Dr. Sci. (Jur.), Prof.

P. Järvelaid, Dr. of Jurisprudence, Prof.

V. V. Gamukin, Cand. Sci. (Econ.), Prof.

V. D. Drašković, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

V. Kreising, Dr. of Economy, Prof.

D. Yu. Rudenko, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.

L. F. Shilova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

D. A. Avdeev, Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. —
executive secretary

Contact information:

Published by the Center for Research Periodicals

**15a Perekopskya St.,
625003, Tyumen, Russia**
vestnik-social-r@utmn.ru
+7 (3452) 59-74-32

Subscription to the printed edition of the journal:

No. ПА249 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges.

For article submission or any requests contact:

vestnik-social-r@utmn.ru
http://vestnik.utmn.ru

E-version of the journal can be accessed at:

http://www.e-library.ru
http://vestnik.utmn.ru

Founded and published by the University of Tyumen

6 Volodarskogo St., 625003, Tyumen, Russia

© Tyumen State University Herald.
Social, Economic, and Law Research, 2021
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

СОЦИОЛОГИЯ

- Германов И. А., Маркова Ю. С.,
 Гордеева С. С.
**Организационная справедливость
 как фактор формирования
 вертикального доверия
 в организации (опыт исследования
 на предприятии нефтегазовой
 отрасли).....8**
- Андрианова Е. В., Ельшев Е. И.
**Фриланс в цифровых профилях:
 опыт контент-анализа.....29**
- Худякова М. В., Шашкин Д. И.
**Сельскохозяйственные бизнесмены
 юга Тюменской области: анализ
 жизненных историй46**
- Тарасова А. Н., Кострова Е. А.
**Социальные сети как механизм
 включения жителей в практики
 социального участия для развития
 территории69**
- Печеркина И. Ф., Кошкина А. А.,
 Хузахметов Р. Р.
**Территориальная идентичность
 в социальном пространстве85**
- Кульминская А. В.,
 Забокрицкая Л. Д.
**Досуг студенческой молодежи:
 результаты мониторингового
 исследования102**

- Батырева М. В., Карагулян Е. А.
**Оценка использования цифровых
 сервисов для проявления
 социально-политической
 активности жителями
 Тюменской области..... 121**

ПРАВО

- Клеандров М. И.
России нужна новая Конституция ... 139
- Комиссарова Е. Г., Краснова Т. В.
**Личные права детей в предмете
 конституционно-правового
 регулирования 152**
- Карпенко К. В.
**Особое мнение в конституционном
 правосудии и развитие
 юридической науки..... 167**
- Болотин С. В., Сидорова Н. В.
**Уголовно-процессуальные проблемы
 статуса священнослужителя
 как участника уголовного
 судопроизводства..... 183**
- Ключников А. Ю.
**Верховенство права
 и независимость судебной власти
 в практике Европейского суда
 по правам человека 196**
- Демченко М. С.
**Актуальные проблемы правового
 регулирования в области защиты
 населения и территорий
 в чрезвычайных ситуациях.....220**
- Лейс А. В.
**Местное самоуправление в новых
 конституционных условиях235**

ЭКОНОМИКА

- Крюков С. В., Березовская Е. А.
**Статическая и динамическая
сравнительная оценка
социально-экономического
развития регионов253**
- Бабурина Н. А., Куцев А. Г.,
Размашкина Т. А.
**Тенденции развития брокерской
деятельности коммерческих
банков в России270**
- Головко В. Б.
**Институт кредитной
потребительской кооперации:
ограничения и конкурентные
преимущества289**

CONTENTS

SOCIOLOGY

Germanov I. A., Markova Yu. S., Gordeeva S. S. Organizational justice as a factor in the formation of vertical trust in an organization (the case of an oil and gas company)8
Andrianova E. V., Elyshev E. I. Freelancing in digital profiles: A content analysis experience29
Khudyakova M. V., Shashkin D. I. Agribusinessmen of the Tyumen oblast south: Life-stories analysis46
Tarasova A. N., Kostrova E. A. Social networks as a mechanism for including residents in social participation practices of territory development69
Pecherkina I. F., Koshkina A. A., Khuziakhmetov R. R. Territorial identity in social space85
Kulminskaya A. V., Zabokritskaya L. D. Leisure of student youth: Results of monitoring research102
Batyreva M. V., Karagulyan E. A. Assessment of the use of digital services for social and political activity by the residents of the Tyumen region121

LAW

Kleandrov M. I. On the need for a new constitution of the Russian Federation 139
Komissarova E. G., Krasnova T. V. Personal rights of children in the subject of constitutional and legal regulation 152
Karpenko K. V. Dissenting opinion in the constitutional justice and the evolution of legal science 167
Bolotin S. V., Sidorova N. V. Criminal procedure issues of the status of a priest as a participant in criminal proceedings 183
Klyuchnikov A. Yu. The rule of law and the independence of the Judiciary in the practice of the European Court of Human Rights ... 196
Demchenko M. S. Urgent issues of legal regulation in the field of protection of population and territories in emergency situations220
Leis A. V. Local self-government in new constitutional conditions235
ECONOMICS
Kryukov S. V., Berezovskaya E. A. Static and dynamic comparative assessment of socio-economic development of regions253

Baburina N. A., Kutsev A. G., Razmashkina T. A. Developmental trends in brokerage activities of commercial banks in Russia	270
Golovko V. B. Institution of credit consumer cooperation: Restrictions and competitive advantages	289

СОЦИОПОГИЯ

Игорь Анатольевич GERMANOV¹

Юлия Сергеевна МАРКОВА²

Светлана Сергеевна ГОРДЕЕВА³

УДК 316.354

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРТИКАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ)*

¹ кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
germanov1973@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2338-6693

² кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
julyamarkova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6271-9403

³ кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
SSGordeyeva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5309-8318

Аннотация

Феномен доверия в настоящий момент находится в центре социологического дискурса. Интерес к тематике организационного доверия обусловлен возрастающим числом

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00488).

Цитирование: Германов И. А. Организационная справедливость как фактор формирования вертикального доверия в организации (опыт исследования на предприятии нефтегазовой отрасли) / И. А. Германов, Ю. С. Маркова, С. С. Гордеева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 8-28.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-8-28

исследований, доказывающих его позитивную роль в деятельности организаций и работников, в повышении экономической эффективности предприятий, стимулировании процессов их технико-технологической модернизации. В связи с этим возникает потребность поиска факторов, способствующих укреплению доверия. Одним из направлений исследования является изучение взаимодействия доверия и организационной справедливости. Однако существующие публикации не дают однозначного ответа относительно направленности влияния указанных феноменов: часть авторов утверждает, что доверие формируется под воздействием организационной справедливости, другие полагают, что влияние носит обратный характер. Дополнительным аргументом в пользу актуальности данной темы является то, что существующие исследования слабо отражают специфику российских предприятий, поскольку в отечественной научной литературе тема организационного доверия по-прежнему остается малоизученной.

Данная статья ставит целью эмпирическую проверку гипотез о связях доверия и организационной справедливости на материалах исследования, проведенного на одном из крупных российских предприятий. В качестве задач исследования выступили: характеристика доверия и организационной справедливости в различных группах персонала, оценка воздействия различных видов организационной справедливости на вертикальное организационное доверие.

Эмпирической базой исследования являются материалы формализованного опроса рабочих основного производства и инженерно-технических работников, проведенного в 2021 г. на одном из крупных промышленных предприятий Пермского края, относящихся к нефтегазовой отрасли ($n = 792$ чел.). Использовался метод сплошного обследования присутствующих на рабочих местах в подразделениях.

Новизна исследования заключается в том, что впервые на материалах опроса российских работников эмпирически проанализирована взаимосвязь доверия и организационной справедливости на разных этапах карьеры в организации, показан вклад различных видов организационной справедливости в формирование доверительного отношения работников к руководству.

В соответствии с результатами исследования установлено, что организационная справедливость оказывает влияние на вертикальное доверие в организации: чем более справедливыми воспринимаются работниками организационные условия, тем выше уровень доверия к руководству. Показано, что наибольшее влияние на формирование в организации вертикального доверия оказывают межличностная и процедурная справедливость, однако их роль меняется в зависимости от стажа работы. Сделан вывод, что с целью повышения уровня вертикального доверия внутренняя социальная политика организации должна включать технологии как организационного анализа, так и развития справедливости внутриорганизационных отношений, что, в свою очередь, будет способствовать повышению продуктивности и эффективности деятельности организации.

Ключевые слова

Организационное доверие, вертикальное доверие, организационная справедливость, работники.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-8-28

Введение

Актуальность рассмотрения феномена организационного доверия обусловлена рядом причин. Так, в научной литературе доверие рассматривается как фактор повышения экономической эффективности, преодоления негативных тенденций, связанных с отчужденностью работников от процесса труда. Также исследователи отмечают, что доверие стимулирует мотивационные установки следовать коллективным ценностям, кооперации и сотрудничеству в организации [11], повышает приверженность организации и ее целям [24], усиливает адаптационные ресурсы трудового коллектива, способствует повышению уверенности работников в своих силах [4], содействует формированию ощущения бóльшей причастности к трудовому процессу [26] и снижает сопротивление организационным изменениям со стороны работников [16]. Организационное доверие определяется социологами как важный механизм преодоления различных конфликтных ситуаций [7, 27], ему отводится значимая роль в стимулировании инноваций на предприятиях [6] и формировании результативных межличностных отношений между сотрудниками. Считается, что организации с высоким уровнем доверия имеют конкурентные преимущества на рынке и отличаются высокой степенью жизнеспособности [14].

Учитывая высокую значимость сложного и многогранного феномена организационного доверия, важным направлением исследований становится поиск факторов, воздействующих на формирование и динамику доверия.

Отечественные и зарубежные исследователи пришли к выводу, что на доверие работников к организации влияют поведенческие характеристики менеджеров [20], тип лидерства и управления [28], ценности и нормы организации [18], качество и эффективность коммуникации [3] и др.

Одним из важных факторов доверия в организации является организационная справедливость. Результаты эмпирических исследований, проводимых за рубежом, подтверждают наличие сильной взаимосвязи дистрибутивной, процедурной и межличностной справедливости с организационным доверием, выявляют корреляцию между восприятием работниками справедливости взаимодействия и вертикальным типом доверия [17]. При этом обнаружено, что восприятие работниками справедливости и доверия к организации, с одной стороны, и трудовое поведение и отношения внутри коллектива, с другой, также имеют тесные взаимодействия [8]. В связи с этим взаимодействие организационного доверия и справедливости в организации вызывает большой интерес со стороны социологов, психологов, других специалистов в области социального управления.

Важным направлением научной дискуссии является не только связь различных элементов организационного доверия с разными видами справедливости, но и механизмы их взаимодействия. Здесь можно выделить два ключевых методологических подхода. Первый из них изучает доверие как следствие ор-

ганизационной справедливости [17]. Примером может послужить исследование Чуа и Тан (B. S. Chua, C. C. Tan) [10], которые пришли к выводу, что работники склонны в большей степени доверять своему непосредственному руководителю в случае, если они рассматривают результаты оценки своей трудовой деятельности (вознаграждение, продвижение по службе и др.) как справедливые. Аргументом в пользу того, что доверие есть следствие, а не причина восприятия организационной справедливости, служат положения теории социального обмена. Так, согласно П. Блау (P. Blau) [9], доверие является необходимым основанием для социального обмена, поскольку первоначальное намерение взаимодействовать с партнером по обмену определяется позитивным ожиданием в отношении его поведения (субъект ожидает, что другой будет вести себя в соответствии с принятыми образцами поведения). При этом уровень доверия повышается в ответ на позитивные взаимодействия между субъектами в процессе социального обмена.

Согласно второму подходу, доверие рассматривается как фактор формирования организационной справедливости. Например, Б. Хольц и К. Гарольд (B. C. Holtz, C. M. Harold) [15] доказывают наличие влияния доверия к руководителю на восприятие процедурной и межличностной справедливости в негативной для работников ситуации (отклонения руководителем их рациональных предложений и т. д.). К схожим выводам приходят Д. Руссо и С. Тиджоривала (D. M. Rousseau, S. A. Tijoriwala) [22]. Они показывают, что работники с более высоким уровнем доверия в большей степени склонны признавать справедливость принимаемых руководителями решений.

В пользу второй методологической позиции исследователи приводят следующие аргументы: доверие формируется до того, как у человека появится возможность непосредственно проверить действия партнера по социальному обмену [13]; бессознательная оценка надежности партнера предшествует сознательному осмыслению и восприятию [25]; психологическая готовность человека быть уязвимым (указывает на формирующееся доверие) появляется даже в ситуации отсутствия каких-либо сигналов о благонадежности доверенного лица [19].

Таким образом, несмотря на длительный период обсуждения, решение вопроса о взаимосвязи доверия в организации и организационной справедливости остается неоднозначным и нуждается в дальнейшем изучении. Особенно актуальной данная тема является для российской науки, поскольку отечественных публикаций, посвященных организационному доверию, крайне мало, а имеющиеся статьи носят преимущественно теоретический характер. Цель данной работы — попытка восполнить существующий пробел и рассмотреть взаимосвязь организационной справедливости и вертикального доверия на эмпирических материалах, полученных на российских предприятиях.

Материалы и методы

В настоящем исследовании доверие анализируется как когнитивная форма социального капитала, которая характеризуется специфическими нормами, цен-

ностями, взглядами, убеждениями, способствующими сотрудничеству. Учитывая разнообразие форм и видов доверия [23], следует уточнить, что фокус анализа в настоящей статье сосредоточен на вертикальном внутриорганизационном доверии, под которым понимается степень, в которой работник готов приписывать добрые намерения и быть уверенным в словах и действиях представителей менеджмента.

Измерение вертикального доверия осуществлялось двумя способами. Первый предполагал включение в анкету прямого вопроса об отношении к руководителям разного уровня: «Как Вы считаете, насколько руководители предприятия заслуживают Вашего доверия?» с четырьмя вариантами ответа от «однозначно не заслуживают» до «вполне заслуживают». Респонденту предлагалось определить свое отношение к субъектам на трех уровнях управления: линейного, среднего и высшего менеджмента.

Второй способ опирался на методику Дж. Кука и Т. Уолла (J. Cook, T. Wall) [12], использовавших шкалу суммарных оценок (шкала Лайкерта) для оценки серии суждений, отражающих мнения доверителя (человека, который доверяет) в отношении доверенного лица (человека, которому доверяют) с учетом его основных качеств: доброжелательности и компетентности. Вариации значений шкалы вертикального доверия и отдельных субшкал приведены к диапазону [0, 1], где «1» означает максимальный уровень доверия. Объектом доверия в данной методике выступает топ-менеджмент организации.

Под организационной справедливостью в нашем исследовании понимается феномен сознания работника, отражающий восприятия степени честности во внутриорганизационных отношениях. Началом социологического анализа организационной справедливости можно считать теорию Дж. Хоманса (G. C. Homans), согласно которой стороны, участвующие в обмене (сотрудники и руководители), ожидают прибыли пропорционально вложенным, по их мнению, инвестициям. Современные концепции выделяют различные виды организационной справедливости: дистрибутивную (распределительную), процедурную (процессуальную) и межличностную (справедливость взаимодействия) [21].

Дистрибутивная справедливость — отражение в сознании работника соответствия затрат (квалификации, отработанного времени и затрачиваемых в работе усилий) к полученному вознаграждению. Для измерения данного концепта использовался подход, предложенный Г. П. Бессокирной и Г. Г. Татаровой [2]: три индекса, отражающие восприятие справедливости в оплате труда, объективности вознаграждения и компаративной справедливости.

Оценка справедливости в оплате труда представляет собой логический индекс, учитывающий ответы о соответствии заработной платы сложности и ответственности выполняемой работы, а также прямой вопрос о справедливости оплаты труда. Измерение индекса находится в границах от 1 до 5, где «1» означает минимальную оценку степени справедливости оплаты труда, а «5» — максимальную.

Индекс объективности вознаграждения оценивает его зависимость от трудового вклада. Показатель рассчитывался как разность среднего арифметиче-

ского баллов, полученных респондентом по вопросам о связи оплаты труда с уровнем квалификации и личного трудового вклада и числа баллов, полученных по вопросу о связи оплаты труда с характером взаимоотношений с непосредственным руководителем. Значения индекса находятся в диапазоне от -5 до 5 , при этом значению « -5 » соответствует полное отсутствие зависимости оплаты от трудового вклада, а « 5 » — полная зависимость оплаты от трудового вклада.

Компаративная справедливость определялась посредством построения логического индекса, учитывающего субъективное восприятие соответствия собственной оплаты труда заработной плате работников, выполняющих аналогичную работу в той же организации и на других предприятиях. Значения индекса находятся в диапазоне от 1 до 5 , при этом « 5 » означает наиболее позитивную сравнительную оценку уровня своей заработной платы.

Процедурная справедливость — восприятие объективности процедур, используемых для оценивания результатов работы.

Межличностная справедливость — степень вежливости, достойного отношения и уважения к работникам со стороны их руководителей.

Измерение процедурной и межличностной справедливости осуществлялось с помощью шкалы суммарных оценок в отношении серии суждений, отражающих стиль взаимоотношений с непосредственным руководителем. Использовались элементы инструментария, разработанного С. С. Баранской [1]¹. Для измерения процедурной справедливости использовались суждения: «Я понимаю систему оценок своей работы», «Мне оперативно сообщают об изменениях правил, касающихся оценки моей работы», «Критерии оценки моей работы справедливы»; для оценки межличностной справедливости: «При обсуждении моей работы руководитель... обращается со мною уважительно», «Приводит адекватные аргументы для обоснования своего мнения», «Дает необходимые мне разъяснения». Значения каждого из индексов приведены к 5-балльной шкале, в которой « 5 » соответствует максимальному, а « 1 » — минимальному уровню воспринимаемой справедливости.

В нашем исследовании были выдвинуты следующие гипотезы:

- Н1. Уровень вертикального доверия позитивно связан с воспринимаемой организационной справедливостью. В соответствии с используемой схемой концептуализации, данная гипотеза имеет три следствия: чем выше работник оценивает дистрибутивную (Н1.1), процедурную (Н1.2) и межличностную справедливость (Н1.3), тем большее доверие к руководству он проявляет.
- Н2. Сила влияния различных видов организационной справедливости неравнозначна.
- Н3. Влияние различных видов организационной справедливости будет иметь специфику, связанную со статусом работника (Н3.1) и стажем его работы в организации (Н3.2).

¹ Для каждого из компонентов использовались пункты шкалы, имеющие наибольшую факторную нагрузку (при трехфакторном решении).

В исследовании использованы результаты формализованного опроса работников, проведенного в 2021 г. на крупном предприятии нефтегазового сектора ($n = 792$ чел.). В структуре выборки представлен основной производственный персонал (47%) и инженерно-технические работники (53%). Использовался метод сплошного обследования присутствующих на рабочих местах в подразделениях, определенных по выбору руководства предприятием с учетом особенностей технологий и доступности респондентов во время работы. Доля опрошенных по отношению к общей численности работающих на предприятии составила около 20%.

С целью проверки гипотез исследования применялся корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, а также линейный регрессионный анализ.

Результаты

Предыдущие исследования показали, что в отечественных организациях доминирует атмосфера доверия, которое распространяется в том числе и на руководителей предприятий [4]. Согласно последним опубликованным данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, доверяют своим руководителям свыше 70% работников («полностью доверяют» 18%, «скорее доверяют» 54%) [5]¹. В нашем опросе зафиксированы более высокие показатели². Наибольшим уровнем доверия своих подчиненных располагают линейные руководители — 95% («полностью доверяют» 75%, «скорее доверяют» 20% опрошенных). Доверие к менеджменту, находящемуся на более высоком уровне управленческой иерархии, также достаточно высокое: к руководителям предприятия среднего звена — 91% (67 и 24% соответственно), к руководителям высшего уровня — 90% (64 и 26% соответственно).

Альтернативный способ оценки уровня вертикального доверия хорошо согласуется с ответами респондентов на прямой вопрос (значение коэффициента корреляции между прямым и косвенным способами измерения доверия выше-

¹ Используются данные 28-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Информация представлена по категориям респондентов: «специалисты высшего уровня квалификации», «специалисты среднего уровня квалификации», «квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом», «квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы», «неквалифицированные рабочие», занятые в отрасли нефтегазовой промышленности ($n = 2\,961$).

² Различия могут объясняться особенностями методов сбора данных (опрос на рабочих местах может приводить к завышению декларируемого доверия), а также используемой методикой измерения (РМЭЗ использует пятибалльную шкалу с нейтральной позицией «отчасти доверяю, отчасти нет»).

му руководству предприятия составляет $r_s = 0,581$, $\alpha < 0,001$). Суммарный индекс вертикального доверия, аккумулирующий субъективные оценки работников относительно показателей доброжелательности и компетентности руководства, составляет 0,71 (при максимальном значении 1). При этом оценка компетентности несколько выше (значение индекса — 0,75), чем оценка доброжелательности (0,69). Также необходимо отметить, что руководство предприятия пользуется большим доверием у специалистов и ИТР в сравнении с производственным персоналом (см. таблицу 1).

Таким образом, в целом менеджеры предприятия воспринимаются, с одной стороны, как заботливые, честные и готовые прислушиваться к мнению работников руководителя, а с другой стороны — как эффективно выполняющие свои трудовые функции управленцы, которым можно доверить принятие рациональных решений касательно будущего предприятия.

Основные статистические характеристики показателей воспринимаемой организационной справедливости представлены в таблице 2. При анализе дистрибутивной справедливости видно, что наиболее низкими являются оценки объективности оплаты труда (значение индекса 1,2). Это указывает на то, что в трудовом коллективе преобладает мнение о большей зависимости размеров заработной платы от отношений с руководителем, чем от квалификации и трудового вклада работника. Индекс восприятия справедливости оплаты труда примерно соответствует среднему значению по шкале (2,4). При этом значительная часть персонала полагает, что они получают меньше, чем заслуживают (46%),

Таблица 1

Оценки вертикального доверия и его элементов в различных группах персонала

Table 1

Assessments of vertical trust and its elements in different groups of personnel

Категория персонала	Элемент измерения	Среднее значение индекса (макс. 1)	Стандартное отклонение
Весь персонал	Доброжелательность	0,69	0,247
	Компетентность	0,75	0,239
	Вертикальное доверие	0,71	0,236
Специалисты и ИТР	Доброжелательность	0,74	0,226
	Компетентность	0,81	0,206
	Вертикальное доверие	0,77	0,209
Рабочие основного производства	Доброжелательность	0,63	0,258
	Компетентность	0,68	0,255
	Вертикальное доверие	0,65	0,248

и, соответственно, считают это несправедливым (33%). В вопросе сравнения собственной заработной платы с уровнем оплаты труда других работников большая часть опрошенных (53%) полагают, что получают примерно на уровне своих коллег, при этом значительная часть респондентов (43%) затруднились сопоставить свою заработную плату с оплатой труда аналогичных работников на других предприятиях. В результате индекс компаративной справедливости немногим превышает среднее значение по шкале (2,7).

Таблица 2

Оценки элементов организационной справедливости в различных группах персонала

Table 2

Assessments of the elements of organizational justice across different groups of personnel

Категория персонала	Виды организационной справедливости		Среднее значение индекса (макс. 5)	Стандартное отклонение
Весь персонал	Дистрибутивная справедливость	Справедливость в оплате труда	2,4	1,1
		Объективность вознаграждения	1,2	2,1
		Компаративная справедливость	2,7	0,7
	Процедурная справедливость		3,8	1,07
	Межличностная справедливость		3,6	0,6
Специалисты, ИТР	Дистрибутивная справедливость	Справедливость в оплате труда	2,5	1,1
		Объективность вознаграждения	1,3	2,1
		Компаративная справедливость	2,8	0,69
	Процедурная справедливость		3,9	1,0
	Межличностная справедливость		3,7	0,58
Рабочие основного производства	Дистрибутивная справедливость	Справедливость в оплате труда	2,3	1,1
		Объективность вознаграждения	1,1	2,1
		Компаративная справедливость	2,7	0,7
	Процедурная справедливость		3,7	1,13
	Межличностная справедливость		3,6	0,62

По всем элементам организационной справедливости оценки специалистов и представителей ИТР оказываются выше, чем оценки рабочих на основном производстве.

На первом этапе для проверки гипотез о связанности показателей доверия и организационной справедливости использовался корреляционный анализ. Значения коэффициента Спирмена показывают, что существует прямая положительная связь между воспринимаемой работниками организационной справедливостью и уровнем доверия работников к руководству предприятия, оцененному через суммарный индекс вертикального доверия (см. таблицу 3). Связи доверия с элементами дистрибутивной справедливости относятся к категории слабых (справедливость в оплате труда $r_s = 0,397$, $\alpha < 0,001$; объективность вознаграждения $r_s = 0,294$, $\alpha < 0,001$; компаративная справедливость $r_s = 0,194$, $\alpha < 0,001$). Связи вертикального доверия с процедурной и межличностной справедливостью относятся к категории умеренных (соответственно, $r_s = 0,523$ и $r_s = 0,571$ при $\alpha < 0,001$ в обоих случаях).

Сила корреляции показателей доверия и организационной справедливости в группах рабочих и специалистов/ИТР различаются незначительно. Максимальная разница наблюдается для связи доверия со справедливостью в оплате труда (для рабочих $r_s = 0,30$, для специалистов и ИТР $r_s = 0,45$, $\alpha < 0,001$ в обоих случаях), также для связи доверия с объективностью вознаграждения (значения коэффициента корреляции составляют, соответственно, 0,23 и 0,35, $\alpha < 0,001$ в обоих случаях).

На втором этапе для проверки гипотез была использована линейная регрессия. Доверие было включено в модель как зависимая переменная, а показатели организационной справедливости — в качестве предикторов. Поскольку переменные «справедливость в оплате труда» и «компаративная справедливость»

Таблица 3

Связь вертикального доверия с организационной справедливостью (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, r_s)

Table 3

Correlation of vertical trust with organizational justice (Spearman's rank correlation coefficient, r_s)

Виды организационной справедливости	r_s
Справедливость в оплате труда	0,397***
Объективность вознаграждения	0,294***
Компаративная справедливость	0,194***
Процедурная справедливость	0,523***
Межличностная справедливость	0,571***

*** Корреляция значима на уровне 0,001 (двусторонняя).

*** Correlation is significant at the level of 0,001 (2-sided).

Таблица 4

Влияние организационной справедливости на вертикальное доверие (регрессионные коэффициенты)

Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты β	Стандартизированные коэффициенты β	t	α
Константа	-0,215	—	-4,970	0,000
Справедливость в оплате труда	0,043	0,196	6,560	0,000
Объективность вознаграждения	0,009	0,08	2,700	0,007
Компаративная справедливость	0,022	—	0,723	0,470
Процедурная справедливость	0,059	0,267	8,600	0,000
Межличностная справедливость	0,162	0,409	13,820	0,000

Примечание: Коэффициент детерминации $R^2 = 0,445$.

Table 4

The impact of organizational justice on vertical trust (regression coefficients)

Note: Coefficient of determination $R^2 = 0.445$.

имеют порядковый уровень измерения, для включения в регрессионную модель первоначально была произведена их дихотомизация¹. Результаты анализа представлены в таблице 4.

Полученные результаты линейного регрессионного анализа (использовался пошаговый ввод независимых переменных) согласуются с отдельными теоретическими идеями о влиянии организационной справедливости на уровень вертикального доверия в организации, что позволяет в целом подтвердить выдвинутые гипотезы (H1). Качество полученной модели является в целом приемлемым ($R^2 = 0,445$). Оценка уровня значимости показывает, что на вертикальное доверие в организации оказывают влияние все исследуемые виды организационной справедливости: процедурная, межличностная, а также два из трех

¹ На первом этапе дихотомизации для обеих переменных выделены только четыре категории значений: поскольку значение «5» в ответах респондентов встречается очень редко, значения «4» и «5» были объединены. Проверка параметров регрессионной модели с дихотомизированными переменными показала, что в силу отсутствия значимых различий во взаимосвязи между показателем вертикального доверия и категориями «1» и «2» требуется дихотомизация указанных переменных путем объединения категорий: «1» с «2», а также «3» с «4» и «5».

элементов дистрибутивной справедливости ($\alpha < 0,05$ для всех предикторов). Таким образом, низкие оценки восприятия справедливости в организации снижают вероятность формирования доверительного отношения работников к руководству. Влияние на доверие сравнения собственной заработной платы с уровнем оплаты труда других работников (компаративная справедливость) в нашем исследовании не установлено.

Для проверки гипотезы Н2 было осуществлено сравнение стандартизированных регрессионных коэффициентов β , что позволило в целом подтвердить выдвинутое предположение. Наиболее сильное влияние на уровень вертикального доверия оказывают межличностная и процедурная справедливость (коэффициенты $\beta = 0,409$ и $0,267$ соответственно). В меньшей степени на доверие к руководству воздействуют показатели дистрибутивной справедливости — справедливость в оплате труда ($\beta = 0,196$) и объективность вознаграждения ($\beta = 0,08$).

В рамках проверки третьей гипотезы были построены аналогичные регрессионные модели отдельно для специалистов/ИТР и рабочих. Существенных различий между группами не выявлено. Набор предикторов и сила их влияния на доверие в обеих группах примерно одинаковы. Таким образом, гипотеза Н3.1 не подтвердилась.

Разделение работников на группы по стажу позволило выявить специфику влияния организационной справедливости на вертикальное доверие. Экспериментальным путем установлено, что контраст между группами обнаруживается при установлении границы разбиения персонала по продолжительности работы на предприятии на отметке «1 год»¹. В первой группе (стаж 1 год и менее) предикторами доверия являются процедурная справедливость и справедливость в оплате труда ($R^2 = 0,349$), во второй (стаж более 1 года) — межличностная справедливость, процедурная справедливость, справедливость в оплате труда и объективность вознаграждения ($R^2 = 0,451$), см. таблицы 5 и 6.

Обсуждение и выводы

Литературный обзор продемонстрировал неоднозначность интерпретаций исследователями взаимосвязи между организационным доверием и справедливостью, характера их взаимообусловленности. Проведенное исследование позволило эмпирически доказать, что существует зависимость доверия руководству организации от организационной справедливости в целом и различных ее видов (дистрибутивной, процедурной, межличностной). Опираясь на теорию социального обмена, можно заключить, что доверие работников к руководству формируется в ответ на справедливое к ним отношение, то есть в том случае, который может быть назван обменом справедливыми вознаграждениями. Доверие выступает тем ресурсом, которым работники готовы «вознаграждать» руковод-

¹ В качестве границ разбиения работников на группы по стажу использовались: 1 год, 2 года, 3 года, 4 года, 5 лет. В целях контроля альтернативных объяснений обнаруженных различий в группах по стажу в исходную регрессионную модель в качестве дополнительного предиктора был добавлен возраст респондентов.

ство организации в обмен на уважительное и вежливое отношение, справедливую оплату труда, готовность объективно и по достоинству оценивать трудовую деятельность, поддерживать обратную связь и давать разъяснения относительно выполняемых трудовых задач. Создание, сохранение и повышение уровня доверия как динамически развивающегося социального явления будет зависеть от готовности руководства поддерживать приемлемый для работников уровень организационной справедливости.

Учитывая иерархию элементов организационной справедливости по силе влияния на доверие, можно сделать вывод, что доверие в организациях по-прежнему формируется главным образом как результат межличностных отношений по линии руководство — подчиненные. Восприятие объективности процедур, используемых для оценки работы, которое отражает выраженность безличной формы доверия, также имеет важное значение, но всё же уступает влиянию опыта личных контактов.

Среди элементов дистрибутивной справедливости заметный вклад в формирование доверия руководству предприятия вносит лишь отражение в сознании работника соответствия характера и объема затраченного труда полученному вознаграждению (справедливость в оплате). Влияние на уровень оплаты харак-

Таблица 5

Влияние организационной справедливости на вертикальное доверие в группе работников со стажем работы 1 год и менее (регрессионные коэффициенты)

Table 5

The impact of organizational justice on vertical trust in a group of employees with 1 year of service or less (regression coefficients)

Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты β	Стандартизированные коэффициенты β	t	α
Константа	-0,168	—	-0,755	0,453
Справедливость в оплате труда	0,063	0,253	2,199	0,032
Объективность вознаграждения	0,015	—	1,241	0,220
Компаративная справедливость	0,030	—	0,804	0,425
Процедурная справедливость	0,091	0,349	3,030	0,004
Межличностная справедливость	0,079	—	1,587	0,118

Примечание: Коэффициент детерминации $R^2 = 0,349$.

Note: Coefficient of determination $R^2 = 0.349$.

Таблица 6

Влияние организационной справедливости на вертикальное доверие в группе работников со стажем работы более 1 года (регрессионные коэффициенты)

Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты β	Стандартизированные коэффициенты β	t	α
Константа	-0,237	—	-4,645	0,000
Справедливость в оплате труда	0,040	0,186	5,545	0,000
Объективность вознаграждения	0,008	0,075	2,408	0,016
Компаративная справедливость	0,005	—	0,454	0,650
Процедурная справедливость	0,055	0,254	7,637	0,000
Межличностная справедливость	0,171	0,425	13,574	0,000

Примечание: Коэффициент детерминации $R^2 = 0,451$.

Table 6

The impact of organizational justice on vertical trust in a group of employees with over 1 year of service (regression coefficients)

Note: Coefficient of determination $R^2 = 0.451$.

тера отношений с руководством (объективность вознаграждения) также прослеживается, но сила воздействия этого фактора заметно уступает указанным выше. Наконец, сопоставление своей заработной платы с оплатой труда других работников влияния на формирование доверия не оказывает.

Более глубокий анализ взаимодействия организационной справедливости и вертикального доверия в различных группах персонала не выявил специфики, связанной с позицией работников в организационной структуре. Анализ связей указанных феноменов, проведенный отдельно в группе рабочих и специалистов (в том числе ИТР), дал очень схожие результаты.

В то же время набор элементов организационной справедливости, определяющих отношение к руководству предприятия, и их сравнительная значимость в формировании этого отношения различаются в зависимости от стажа работы в организации. На начальном этапе карьеры доверие формируется под влиянием восприятия формальных политик и процедур, используемых при оценке результатов работы, а также соотношения объема и характера труда от уровня его оплаты. В дальнейшем по мере работы в организации на первый план в формировании доверия выходит межличностная справедливость, отражающая тон и манеру отношения руководителей к подчиненным. С течением времени

меняется и роль такого элемента организационной справедливости, как объективность вознаграждения. В первые месяцы работы он не оказывает заметного влияния на доверие к руководству, однако в дальнейшем начинает играть сравнительно небольшую, но всё же значимую роль в формировании отношения к руководителям предприятия.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что формирование и последующее развитие вертикального доверия должно быть подкреплено организационными условиями, одним из которых выступает организационная справедливость. С целью повышения уровня вертикального доверия внутренняя социальная политика организации должна включать технологии как организационного анализа, так и развития справедливости внутриорганизационных отношений. В условиях современной российской действительности изменения сложившейся системы трудовых отношений на предприятиях как фактора модернизации промышленности насуточно необходимы. Особое внимание требуется уделить формированию на предприятиях эффективной системы социального партнерства, где доверие является ценностной основой социальных взаимоотношений между работниками и руководством. Решение подобных социально-ориентированных задач внесет существенный вклад в стимулирование творчества, самостоятельности, инициативности работников, позитивно скажется на развитии инноваций, тем самым способствуя повышению конкурентоспособности российских предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранская С. С. Опросник «Организационная справедливость» (русскоязычная адаптация) / С. С. Баранская // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Вып. 3. С. 145-153.
2. Бессокирная Г. П. Идентификация с предприятием: индексы для типологического анализа работников / Г. П. Бессокирная, Г. Г. Татарова // Официальный сайт ИС РАН. 2014. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3125>
3. Каратаева Е. И. Факторы взаимного доверия сотрудников коммерческих организаций / Е. И. Каратаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Политология. Социология. Психология. Право. Международные отношения. 2007. № 4. С. 370-374.
4. Козырева П. М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах / П. М. Козырева // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 24-33.
5. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE): оф. сайты. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms>
6. Тарасова А. Н. Инновационная активность и внутриорганизационное доверие: проблема взаимосвязи / А. Н. Тарасова, Е. В. Андрианова // Власть. 2016. Том 24. № 11. С. 130-137.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 730 с.

8. Aryee S. Trust as a mediator of the relationship between organizational justice and work outcomes: test of a social exchange model / S. Aryee, P. S. Budhwar, Z. X. Chen // *Journal of Organizational Behavior*. 2002. Vol. 23. No. 3. Pp. 267-285.
9. Blau P. Exchange and power in social life / P. Blau. New York, NY: Wiley, 1964. 352 pp.
10. Chua B. S. Trust, trustworthiness and justice perception toward the head of department / B. S. Chua, C. C. Tan // *Global Journal of Arts, Humanities and Social Sciences*. 2013. Vol. 1. No. 1. Pp. 20-29.
11. Coleman J. S. Foundations of Social Theory / J. S. Coleman. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 993 pp.
12. Cook J. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment / J. Cook, T. Wall // *Journal of Occupational Psychology*. 1980. Vol. 53. Pp. 39-52.
13. Gambetta D. Can we trust trust? // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* / D. Gambetta (ed.). New York: Basil Blackwell, 1988. Pp. 213-237.
14. Hassan H. Authentic leadership, trust and work engagement / H. Hassan, F. Ahmed // *International Journal of Social, Education, Economics and Management Engineering*. 2011. Vol. 5. No. 8. Pp. 150-156.
15. Holtz B. C. When your boss says no! The effects of leadership style and trust on employee reactions to managerial explanations / B. C. Holtz, C. M. Harold // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2008. Vol. 81. Pp. 777-802.
16. Kramer R. Trust and distrust: emerging questions, enduring questions / R. Kramer // *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 50. Pp. 569-598.
17. Lewicki R. J. What is the role of trust in organizational justice? / R. J. Lewicki, C. Wiethoff, E. C. Tomlinson // *Handbook of Organizational Justice* / J. Greenberg, J. A. Colquitt (eds.). Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. Pp. 247-270.
18. Lumineau F. Trust development across levels of analysis: an embedded-agency perspective / F. Lumineau, O. Schilke // *Journal of Trust Research*. 2018. Vol. 8. No. 2. Pp. 238-248. DOI: 10.1080/21515581.2018.1531766
19. Mayer R. C. An integrative model of organizational trust / R. C. Mayer, J. H. Davis, F. D. Schoorman // *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. Pp. 709-734.
20. McKnight H. Initial trust formation in new organizational relationships / H. McKnight, L. Cummings, N. Chervany // *The Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. No. 3. Pp. 473-490.
21. Pattnaik S. The journey of justice: recounting milestones over the past six decades / S. Pattnaik // *Tripathy Management and Labour Studies*. 2019. Vol. 44. No. 1. Pp. 58-85. DOI: 10.1177/0258042X18808896
22. Rousseau D. M. What's a good reason to change? Motivated reasoning and social accounts in promoting organizational change / D. M. Rousseau, S. A. Tijoriwala // *Journal of Applied Psychology*. 1999. Vol. 84. Pp. 514-528.
23. Sztompka P. Trust: a sociological theory / P. Sztompka // Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 214 pp.
24. Thau S. The relationship between trust, attachment and antisocial work behaviors / S. Thau, C. Crossley, R. Bennett, S. Sczesny // *Human Relations*. 2007. Vol. 60. Pp. 1155-1179.
25. Todorov A. Evaluating faces on trustworthiness after minimal time exposure / A. Todorov, M. Pakrashi, N. N. Oosterhof // *Social Cognition*. 2009. Vol. 27. Pp. 813-833.

26. Tyler T. R. The psychology of procedural justice: a test of the group-value model / T. R. Tyler // *Journal of Personality & Social Psychology*. 1989. Vol. 57. Pp. 830-838. DOI: 10.1037/0022-3514.57.5.830
27. Woolcock M. Social capital: implications for development theory, research, and policy / M. Woolcock, D. Narayan // *The World Bank Research Observer*. 2000. Vol. 15. No. 2. Pp. 225-249.
28. Yasir M. Leadership styles in relation to employees' trust and organizational change capacity: evidence from non-profit organizations / M. Yasir, R. Imran, M. K. Irshad, N. A. Mohamad, M. M. Khan // *SAGE Open*. 2016. Vol. 6. No. 4. Pp. 1-12. DOI: 10.1177/2158244016675396

Igor A. GERMANOV¹
Yulia S. MARKOVA²
Svetlana S. GORDEEVA³

UDC 316.354

**ORGANIZATIONAL JUSTICE AS A FACTOR
IN THE FORMATION OF VERTICAL TRUST
IN AN ORGANIZATION (THE CASE OF AN OIL
AND GAS COMPANY)***

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology,
Perm State National Research University
germanov1973@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2338-6693

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology,
Perm State National Research University
julyamarkova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6271-9403

³ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology,
Perm State National Research University
SSGordeyeva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5309-8318

Abstract

The phenomenon of trust is currently under focus in sociological discourse. Interest in the topic of organizational trust is due to an increasing number of studies proving its positive role in performance of organizations and employees, in increasing the economic efficiency

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 20-011-00488).

Citation: Germanov I. A., Markova Yu. S., Gordeeva S. S. 2021. "Organizational justice as a factor in the formation of vertical trust in an organization (the case of an oil and gas company)". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 8-28.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-8-28

of enterprises, stimulating the processes of its technical and technological modernization. In this regard, there is a need to search for factors conducive to building trust. One area of such research is the study of interaction of trust and organizational justice. However, existing publications do not give a definite answer regarding a direction of influence of these phenomena: some authors argue that trust is formed under the influence of organizational justice, others believe that the influence is vice versa. An additional argument in favor of the relevance of this topic is that the existing studies poorly reflect the specifics of Russian enterprises, since the topic of organizational trust is still under-examined in the domestic scientific literature.

This article aims to empirically test hypotheses about the relationship between trust and organizational justice based on research materials carried out at one of the largest Russian enterprises. The objectives of the study were as followed: characterization of trust and organizational justice in various groups of personnel, assessment of impact of various types of organizational justice on vertical organizational trust.

The empirical basis of the study is the materials of structured interviews of workers of the main production unit and engineering workers, conducted at one of the largest oil and gas industrial enterprises of the Perm Krai in 2021 (n = 792 people). The authors used the method of a continuous survey of workers at their workplaces in subdivisions.

The novelty of the study lies in the fact that for the first time, based on the materials of a survey of Russian workers, the relationship between trust and organizational justice at different stages of a career in an organization was empirically analyzed. Furthermore, the contribution of various types of organizational justice to the formation of employee trust in management was illustrated.

In accordance with the results of the study, the authors found out that organizational justice affects vertical trust in an organization: the more fair the organizational conditions are perceived by employees, the higher the level of trust in management. The authors point out that interpersonal and procedural justice have the major influence on the formation of vertical trust in an organization, but their role changes depending on length of service. It is concluded that in order to increase the level of vertical trust, the internal social policy of an organization should include technologies for both organizational analysis and the development of justice of intra-organizational relations, which, in turn, will contribute to an increase of productivity and efficiency of an organization.

Keywords

Organizational trust, vertical trust, organizational justice, workers.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-8-28

REFERENCES

1. Baranskaya S. S. 2011. “‘Organisational Justice’ questionnaire (Russian language adaptation)”. *Vestnik of Saint Petersburg University*, vol. 3, pp. 145-153. [In Russian]

2. Bessokirnaya G. P., Tatarova G. G. 2014. "Identification with the enterprise: Indices for typological analysis of workers". Official website of Institute of Sociology of RAS. Accessed on 10 July 2021. <http://www.isras.ru/publ.html?id=3125> [In Russian]
3. Karataeva E. I. 2007. "Factors of mutual trust of employees of commercial organizations". Vestnik of Saint Petersburg University. Series. 6. Philosophy. Political Science. Sociology. Psychology. Law. International Relations, no. 4, pp. 370-374. [In Russian]
4. Kozyreva P. M. 2008. "On the issue of trust within a workforce". Sociological research, no. 11, pp. 24-33. [In Russian]
5. NRU HSE. Russian Monitoring of Economic Situation and Population Health (RLMS HSE): Official websites. Accessed on 2 December 2021. <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>; <http://www.hse.ru/rhms> [In Russian]
6. Tarasova A. N., Andrianova E. V. 2016. "Innovation activity and intra-organizational trust: the problem of relationship". The Authority, vol. 24, no. 11, pp. 130-137. [In Russian]
7. Fukuyama F. 2004. Trust: Social virtues and the creation of prosperity. Translated from English by D. B. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: AST. 730 pp. [In Russian]
8. Aryee S., Budhwar P. S., Chen Z. X. 2002. "Trust as a mediator of the relationship between organizational justice and work outcomes: Test of a social exchange model". Journal of Organizational Behavior, vol. 23, no. 3, pp. 267-285.
9. Blau P. 1964. Exchange and Power in Social Life. New York, NY: Wiley. 352 pp.
10. Chua B. S., Tan C. C. 2013. "Trust, trustworthiness and justice perception toward the head of department". Global Journal of Arts, Humanities and Social Sciences, vol. 1, no. 1, pp. 20-29.
11. Coleman J. S. 1994. Foundations of Social Theory. Cambridge: Harvard University Press. 993 pp.
12. Cook J., Wall T. 1980. "New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment". Journal of Occupational Psychology, vol. 53, pp. 39-52.
13. Gambetta D. 1988. "Can we trust trust?". In: D. Gambetta (ed.). 1988. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Pp. 213-237. New York: Basil Blackwell.
14. Hassan H., Ahmed F. 2011. "Authentic leadership, trust and work engagement". International Journal of Social, Education, Economics and Management Engineering, vol. 5, no. 8, pp. 150-156.
15. Holtz B. C., Harold C. M. 2008. "When your boss says no! The effects of leadership style and trust on employee reactions to managerial explanations". Journal of Occupational and Organizational Psychology, vol. 81, pp. 777-802.
16. Kramer R. 1999. "Trust and distrust: Emerging questions, enduring questions". Annual Review of Psychology, vol. 50, pp. 569-598.
17. Lewicki R. J., Wiethoff C., Tomlinson E. C. 2005. "What is the role of trust in organizational justice?". In: J. Greenberg, J. A. Colquitt (eds.). 2005. Handbook of Organizational Justice. Pp. 247-270. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.
18. Lumineau F., Schilke O. 2018. "Trust development across levels of analysis: An embedded-agency perspective". Journal of Trust Research, vol. 8, no. 2, pp. 238-248. DOI: 10.1080/21515581.2018.1531766
19. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. 1995. "An integrative model of organizational trust". Academy of Management Review, vol. 20, pp. 709-734.

20. McKnight H., Cummings L., Chervany N. 1998. "Initial trust formation in new organizational relationships". *The Academy of Management Review*, vol. 23, no. 3, pp. 473-490.
21. Pattnaik S. 2019. "The journey of justice: Recounting milestones over the past six decades". *Tripathy Management and Labour Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 58-85.
DOI: 10.1177/0258042X18808896
22. Rousseau D. M., Tijoriwala S. A. 1999. "What's a good reason to change? Motivated reasoning and social accounts in promoting organizational change". *Journal of Applied Psychology*, vol. 84, pp. 514-528.
23. Sztompka P. 1999. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge university press. 214 pp.
24. Thau S., Crossley C., Bennett R., Sczesny S. 2007. "The relationship between trust, attachment and antisocial work behaviors". *Human Relations*, no. 60, pp. 1155-1179.
25. Todorov A., Pakrashi M., Oosterhof N. N. 2009. "Evaluating faces on trustworthiness after minimal time exposure". *Social Cognition*, vol. 27, pp. 813-833.
26. Tyler T. R. 1989. "The psychology of procedural justice: A test of the group-value model". *Journal of Personality & Social Psychology*, vol. 57, pp. 830-838.
DOI: 10.1037/0022-3514.57.5.830
27. Woolcock M., Narayan D. 2000. "Social capital: Implications for development theory, research, and policy". *The World Bank Research Observer*, vol. 15, no. 2, pp. 225-249.
28. Yasir M., Imran R., Irshad M. K., Mohamad N. A., Khan M. M. 2016. "Leadership styles in relation to employees' trust and organizational change capacity: Evidence from non-profit organizations". *SAGE Open*, vol. 6, no. 4, pp. 1-12.
DOI: 10.1177/2158244016675396

Елена Владимировна АНДРИАНОВА¹
Егор Игоревич ЕЛЬШЕВ²

УДК 316.35

ФРИЛАНС В ЦИФРОВЫХ ПРОФИЛЯХ: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА*

¹ кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет;
старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Тюмень)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² магистрант программы «Экономическая социология»,
Тюменский государственный университет
stud0000104115@study.utmn.ru

Аннотация

Сегодня проблема самостоятельной занятости является чрезвычайно актуальной и требует к себе внимания, так как в перспективе ее значимость и распространенность будут только расти.

Российские самозанятые в основном сосредоточены в традиционных отраслях и малоквалифицированных видах деятельности и не могут похвастаться выдающимся уровнем инновационного потенциала. Тем не менее, благодаря активному развитию информационного общества, его цифровизации и высокому распространению Интернета, в нашей стране быстрыми темпами растет число особой группы самозанятых профессионалов высокой квалификации, занятых преимущественно интеллектуальным трудом, которые выделяются из общего пула самозанятых. В своей деятельности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07131.

Цитирование: Андрианова Е. В. Фриланс в цифровых профилях: опыт контент-анализа / Е. В. Андрианова, Е. И. Ельшев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 29-45. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-29-45

они активно используют технологии и работают преимущественно через интернет-биржи удаленной работы.

Ввиду обозначенной дифференцированности внутри пула самозанятых с целью конкретизации портрета электронного фрилансера был проведен контент-анализ персональных страниц фрилансеров категории «Лучшие исполнители» сайта FL.ru, который является крупнейшей русскоязычной биржей удаленной работы. Метод включал сплошной анализ представленных профилей. Результаты позволили описать социально-демографические характеристики фрилансеров, сделать выводы относительно профессионального состава «лучших исполнителей», выявить наиболее популярные специализации, определить средний рейтинг электронных фрилансеров. В статье рассмотрены оценки работы фрилансеров, выявлено среднее количество лет работы в сфере фриланса, охарактеризовано наполнение личных профилей, проанализирована информация о стоимости услуг, выявлена доступность сведений о правовом статусе «лучших исполнителей».

Полученные данные полезны и актуальны в свете роста сегмента электронных фрилансеров в России и процессов институционализации самозанятости на государственном уровне.

Ключевые слова

Фриланс, электронные фрилансеры, самозанятость, самозанятые, неформальная занятость, социологическое исследование, контент-анализ.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-29-45

Введение

На сегодняшний день проблема самостоятельной занятости, представляющей собой одну из отдельных форм хозяйственной деятельности в экономике, является чрезвычайно актуальной и требует к себе пристального внимания, в том числе с позиций социологии [7, с. 99]. Самозанятость — весьма неоднозначное явление: с одной стороны, она стимулирует предпринимательскую активность, решает проблему безработицы и доходов населения в периоды кризисов, способствует определенной культуре трудовой автономности и независимости, а с другой — расширяет неформальный сектор, формирует прекарную группу граждан с неустойчивым положением на рынке труда [9, с. 538; 11, с. 200]. Ее «теневой» характер делает невозможным даже примерный подсчет удельного количества самостоятельно занятых граждан в структуре населения Российской Федерации: так, их число может достигать свыше пятнадцати миллионов, по аналитическим оценкам Росстата, и свыше тридцати миллионов, по оценкам Министерства экономического развития страны [4, с. 213].

Российские самозанятые в основном сосредоточены в традиционных отраслях и малоквалифицированных видах деятельности, зачастую с преобладанием физического труда (няни, мастера по маникюру, швеи, грузчики, таксисты, кондитеры, косметологи и представители многих других профессий), и не могут

похвастаться выдающимся уровнем инновационного потенциала [13, с. 10]. Тем не менее, благодаря активному развитию информационного общества, цифровизации и высокому распространению Интернета, в нашей стране быстрыми темпами растет число особой группы независимых профессионалов высокой квалификации, занятых преимущественно интеллектуальным трудом, которые выделяются из общего пула самозанятых. В своей деятельности они активно используют технологии и работают преимущественно через интернет-биржи удаленной работы, позволяющие им коммуницировать, наращивать профессиональный и социальный капитал, а также продавать свои навыки, работая практически на любом удалении от заказчика. Упомянутая «удаленность», популярности и распространению которой также поспособствовала и пандемия COVID-19, в современной литературе описывается разными терминами, которые могут использоваться как синонимы: удаленная работа, дистанционная, виртуальная, электронная, телеработа и др. [8, с. 76; 13, с. 33]. Вслед за Д. О. Стребковым, А. В. Шевчуком и М. О. Спириной в данной работе мы будем называть высококвалифицированных участников бирж удаленной работы электронными фрилансерами [13, с. 35].

Вышеизложенные рассуждения дополняют исследования прекариата, или прекарной занятости, сущность которой открыл для российского читателя Ж. Т. Тощенко. В своих работах автор тоже выделяет фрилансеров как специфическую группу самозанятых, удаленно занятую высокоинтеллектуальным трудом, требующим соответствующей квалификации, и подчеркивает, что на рынке труда современного постиндустриального общества такие работники, связанные с обработкой и производством информации, а также оказанием услуг, не требующих полной и стабильной занятости в штате персонала, становятся всё востребованнее [14, с. 99, 160]. Ж. Т. Тощенко считает, что фрилансеры входят в некий «основной пул» кандидатов в прекариат, поскольку находятся в промежуточном положении, в процессе размывания своей идентификации [14, с. 57, 84]. Среди черт, роднящих фрилансеров с прекариатом, автор выделяет нестабильность и неравномерность как заработка, так и самой занятости, которая зачастую сводится к работе по проектам; отсутствие социальных и правовых гарантий, ввиду нахождения большей части фрилансеров вне поля действия трудового законодательства; риски проблем с законом из-за отсутствия легализации доходов [14, с. 164]. Однако существуют и мнения, согласно которым высококвалифицированных электронных фрилансеров следует воспринимать скорее как представителей нового этапа экономического развития — «свободных агентов» [17, с. 18]. Согласно этой точке зрения, ввиду своей свободы от организационной иерархии, такие «странствующие эксперты» обладают большими преимуществами перед традиционными работниками, а выбор ими самозанятости выступает свидетельством их предпринимательского духа [6, с. 67-68].

Обозначенная дифференцированность внутри пула самозанятых позволяет сделать предположение о существовании ряда проблем, связанных с этим, в том числе о вероятном социальном неравенстве, а следовательно, подталкивает нас

к необходимости более детального рассмотрения портрета электронного фрилансера.

Степень разработанности темы исследования

Проблема самозанятости поднимается в научных работах многих исследователей, среди которых фигурируют как зарубежные, так и отечественные авторы. Большой вклад в изучение самозанятости в неформальном секторе внесли К. Гирц и Г. Харт, исследовавшие способы выживания безработных [1, 15]. Д. Пинк, осмысляя феномен самозанятых в США, ввел в научный оборот понятие «свободный агент» [17]. Существующий эмпирический опыт изучения самозанятых детально рассмотрели и систематизировали Н. Симозс, С. Морейра и Н. Креспо [20]. Среди отечественных авторов социологической интерпретацией самозанятости занимались Т. И. Заславская, З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, Т. И. Горина [2, 5]. Институционализации самозанятости свои работы посвящали В. С. Скруг, Е. Ю. Цуканова, Е. А. Придатко [9, 16]. Фрилансеров как особую группу самозанятых изучали Д. О. Стребков, А. В. Шевчук, М. О. Спирина, Ж. Т. Тощенко [13, 14].

Тем не менее важными остаются вопросы, связанные с определением места и роли электронных фрилансеров в пуле самозанятых, что и определило тему, цели и задачи настоящего исследования.

Методы

С целью конкретизации портрета электронного фрилансера был проведен контент-анализ качественных данных, сформированных по общедоступным страницам фрилансеров в категории «Лучшие исполнители» сайта FL.ru, который является крупнейшей русскоязычной биржей удаленной работы, где зарегистрировано более 1,5 млн пользователей. Платформа была организована в 2005 г., став доминирующим игроком в структуре рынка удаленной работы для русскоязычных интернет-фрилансеров на территории России и стран СНГ и своеобразной отправной точкой для развития российского рынка фриланс-услуг, что обосновывает ее выбор в качестве объекта контент-анализа [13, с. 44]. Метод включал систематизацию и классификацию открытых анонимированных профилей, представленных на странице «Лучшие исполнители» по состоянию на 18 мая 2021 г. ($n = 37$).

Был проанализирован социально-демографический и профессиональный состав «лучших исполнителей», выявлены наиболее популярные специализации, определен средний рейтинг фрилансеров и рассмотрены отзывы об их услугах, выявлено среднее количество лет работы в сфере фриланса, охарактеризовано наполнение личных профилей, проанализирована информация о стоимости услуг, выявлена доступность сведений о правовом статусе «лучших исполнителей». Первичные социологические данные были обработаны в программе IBM SPSS Statistics 21.

Результаты

В результате анализа качественных данных, сформированных по официальным общедоступным страницам фрилансеров, можно дать ориентировочную характеристику основных социально-демографических признаков электронного фриланса. Всего 65% зарегистрированных на сайте фрилансеров проживают на территории России, и из них 46% — в Москве, 11% — в Санкт-Петербурге, 8% — в прочих городах. Такую активность Москвы и Санкт-Петербурга, крупнейших городов России, можно объяснить, в первую очередь, высоким уровнем образования и компьютеризации населения.

Важно отметить, что остальные 35% фрилансеров проживают за пределами России: в основном они работали на бирже из Украины. Такие русскоязычные фрилансеры, проживающие за пределами территории Российской Федерации, могут быть рассмотрены в качестве «электронных мигрантов», которые благодаря высокому уровню человеческого капитала вносят важный вклад в развитие экономики России [13, с. 104].

Если говорить о гендерной принадлежности «лучших исполнителей», было выявлено подавляющее преобладание мужчин — они составили 81% профилей; женщины — только 11%; оставшиеся 8% профилей представляли конкретные фирмы, что не позволило сделать однозначного вывода об их половой принадлежности. Наши результаты расходятся с данными исследовательского проекта Д. О. Стребкова, А. В. Шевчука и М. О. Спириной «Мониторинг рынка удаленной работы» — масштабного количественного онлайн-опроса фрилансеров и заказчиков их услуг, который реализовала Лаборатория экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2009–2014 гг. По результатам данной «переписи фрилансеров» был отмечен уверенный рост доли женщин среди русскоязычных независимых профессионалов (от 33 до 42% к 2014 г.) на фоне сохранения численного преимущества за мужчинами [13, с. 109]. Такие расхождения можно объяснить не только проблемой малой выборки. Гендерные сравнения на рынках удаленной работы являются довольно сложными в связи с их высокой чувствительностью к различиям в профессиональном составе фрилансеров для бирж различной направленности [13, с. 105]. Например, согласно проведенному контент-анализу, лидирующими специализациями среди «Лучших исполнителей» стали разработка сайтов (58%, $n = 21$), поисковая оптимизация (44%, $n = 16$), дизайн (33%, $n = 12$), реклама и маркетинг (31%, $n = 11$), а также аутсорсинг и консалтинг (31%, $n = 11$), а именно в данных специализациях, согласно «переписи фрилансеров», доминируют мужчины, что в итоге и могло привести к их преобладанию в структуре полового состава категории «Лучшие исполнители» [13, с. 113]. Также следует учитывать, что на бирже FL.ru одному исполнителю может быть приписано сразу несколько специализаций. Зная об этой возможности, около двух третьих фрилансеров категории «Лучшие исполнители» заявили себя сразу в нескольких категориях, поэтому, говоря о них, мы ведем речь не о количестве людей, а о предложениях профессиональных навы-

ков. Здесь же стоит отметить, что, судя по специализациям, Интернет для части электронных фрилансеров выступает не только инструментом коммуникации, но и объектом работы [18, с. 40].

Выводы по возрастному составу исполнителей оказались невозможны ввиду отсутствия данной информации в профилях и ее конфиденциальности.

Что касается опыта работы, у всех «лучших исполнителей» он составляет не менее пяти лет. Около трети из проанализированных фрилансеров работают в своих сферах свыше 9 лет.

Важно отметить, что в категорию «Лучшие исполнители» попадают только те пользователи, которые имеют на бирже статус «Profi». «Profi» — это платный аккаунт с самыми широкими возможностями и функционалом, которые может обеспечить сайт. После покупки обладатель получает увеличение рейтинга на 40%, скидку 20% на все платные сервисы сайта, а также размещение на промо-странице и в блоке «Лучшие исполнители». Здесь стоит сказать о том, что исполнитель всё же должен соответствовать ряду требований: работать на сайте дольше года, получить не меньше 10 отзывов, из которых минимум 90% будут положительными. Стоимость данного аккаунта по состоянию на май 2021 г. составляет 5 990 рублей в месяц.

Разумно предположить, что не все фрилансеры могут позволить себе на постоянной основе оплату «Profi»-аккаунта и попадание в категорию «Лучшие исполнители»: стоимость аккаунта должна окупаться, что дает нам основания предположить обилие исполнителей с высоким уровнем дохода в данной категории. Что интересно, согласно «переписи фрилансеров», на бирже отчетливо наблюдается тенденция к гендерному неравенству с точки зрения размера личного ежемесячного дохода, который ниже у женщин, а значит, уровень дохода мог стать еще одним фактором, который обусловил преобладание мужчин в структуре полового состава категории «Лучшие исполнители» [13, с. 181]. Повторимся, что мужчины чаще выбирают более высокооплачиваемые специальности, а значит, с большей вероятностью могут позволить себе оплату «Profi»-аккаунта и попадание в категорию «Лучшие исполнители».

На практике ситуация с платным аккаунтом ведет к тому, что «лучшие» фрилансеры сильно разнятся по рейтингу и количеству положительных отзывов. Так, минимальный рейтинг среди «лучших исполнителей» оказался в 87 раз меньше максимального (5 742 ед. против 499 575 ед.). Среднее значение составило 105 924 единицы рейтинга. Медианное значение рейтинга составило 70 282 единицы, что означает, что, «разделив» рейтинги всех рассматриваемых фрилансеров на две равные группы, мы получим, что в первой группе у каждого не больше 70 282 единиц, во второй же — не меньше 70 282 единиц. Самым низким значением среди обработанных страниц стало 17 положительных отзывов; самым высоким — 1 118 отзывов. При этом в среднем количество положительных отзывов для «лучших исполнителей» составило 251, а медианное значение — 132. Можно отметить, что большое количество позитивных отзывов действительно привлекает заказчиков («единственная причина, по которой он [фрилансер] получил от меня заказ — это позитивные отзывы здесь»).

Среди причин немногочисленных негативных отзывов со стороны заказчиков можно выделить несоответствие конечного продукта техническому заданию (далее — ТЗ) («человек не читает ТЗ, ничего не понимает», «программа в целом вышла не такой, какой была задумана и описана в ТЗ»), несоблюдение сроков («кормил какими-то обещаниями», «пришлось изменить намеченное из-за того, что исполнителю не хватило бы времени осуществить всё в оговоренные сроки»), значительное превышение заявленного на этапе переговоров бюджета, неудовлетворительный уровень коммуникации («сутки жестко игнорировал, затем грубо и небрежно ответил», «человек вообще пропал на 4 дня и больше не появился — пропало время, деньги, настроение», «плох в ответственности и общении», «взял предоплату и ушел в игнор», «читает мои сообщения, но не отвечает», «на все мои увещевания нарисовать хоть что-нибудь вразумительное товарищ присылал смайлики и говорил, что „ему и так нравится“»), обман («взял деньги и перестал выходить на связь», «человек просто кинул на деньги»), несоответствие реальных умений заявленным («берет на себя гораздо больше, чем реально может и умеет», «качество софта неудовлетворительное», «мне выдали нечто непотребное, вместо симпатичной девушки — какого-то мужеподобного монстра с цветом кожи молодого инопланетянина»). Нейтральные отзывы на сайте обычно носят скорее позитивный характер («профессионал как дизайнер, но свой брендинг размыт», «как-то всё слишком холодновато и расчетливо для женского дизайна, но очень профессионально и добротню»).

Абсолютно все фрилансеры воспользовались возможностью представить свое портфолио заказчикам. Зачастую оно было структурировано по типам работ и явно нацелено на то, чтобы представить имеющиеся у исполнителя навыки в наиболее выгодном свете. Следует упомянуть, что помимо демонстрации совершенствования и мастерства исполнителя предоставленные работы добавляют баллы рейтинга на сайте.

Какие-либо сертификаты, подтверждающие компетенции фрилансеров, были представлены лишь в четверти случаев — ими стали сертификаты, подтверждающие работы на платформах Google AdWords и Alytics, членство в «Международной профессиональной ассоциации экспертов», партнерство с «Российской Неделей Продаж» и «Неделями Маркетинга» и даже рекомендательные письма от клиентов. Стоит отметить, что зачастую среди кейсов «лучших исполнителей» можно встретить не только известных российских, но и зарубежных заказчиков: сеть гипермаркетов «Лента», крупнейший российский частный банк «Альфа-банк», интернет-магазин Wildberries, модный бренд Michael Kors и др.

Треть профилей содержала сведения о победах в конкурсах, соответствующих специализации фрилансеров. Например, упоминались конкурсы для фрилансеров «Золотое Копье», «Международный фестиваль комиксов», «Дизайнер года» и др.

Подавляющее большинство фрилансеров указали в своих профилях цены за свои услуги, пусть и довольно размыто, зачастую используя перед ценой предлог «от» (например, «от 50 тыс. руб.»). Данная информация указывалась в

свободной форме: 41% указал цену за час своей работы, 19% — за готовый проект, 22% — за месяц. В остальных случаях для уточнения стоимости заказчиком предлагалось связаться напрямую с исполнителем. Также стоит отметить, что суммы обозначались в различных валютах: рублях, долларах, евро. Обозначение стоимости услуг в долларах и евро оказалось характерно для фрилансеров из стран СНГ. Можно предположить, что ввиду понимания многообразия национальных валют и географического местоположения пользователей биржи FL.ru, данные исполнители предпочли указать цену услуг в евро и долларах США как де факто основных мировых валютах.

Что касается конкретных сумм, то в среднем за час своей работы «лучшие исполнители» запрашивают порядка 8 800 рублей (медианное значение — 1 300 рублей); за проект — 68 100 рублей (медианное значение — 20 000 рублей); за месяц — 110 800 рублей (медианное значение — 80 000 рублей). На наш взгляд, следует учитывать, что фрилансеры могли указывать минимальный ценовой порог за свои услуги с целью привлечения большего количества заказчиков.

Около трети профилей содержат информацию о легализации статуса исполнителя, но обычно в роли ИП или ООО. О регистрации в качестве самозанятых в анализируемых профилях упоминаний не найдено. В целом данную ситуацию можно объяснить тем, что внедрение специального налогового режима для самозанятых граждан в Российской Федерации началось сравнительно недавно (в 2019 г.), тогда как стаж работы большинства «лучших исполнителей» составляет свыше 9 лет. Исходя из этого можно предположить, что в целях оптимизации отношений с заказчиками, которым зачастую удобнее работать и производить оплату с юридически закрепленными лицами, те из фрилансеров, кто мог потянуть издержки легального продолжения деятельности в виде налогового бремени и чей уровень доходов был сопоставим с расходами, которые возникнут при регистрации, на момент внедрения налога уже были зарегистрированы как легальное ИП или ООО. Вместе с тем данные сайта ФНС (Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства) по динамике зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (микропредприятий) в федеральных округах Российской Федерации демонстрируют стагнацию или даже некоторое снижение распространенности индивидуальной трудовой деятельности в России (рис. 1). Выраженный рост наблюдается лишь в крупнейших городах (Москве и Санкт-Петербурге), что, вероятно, связано с более благоприятным бизнес-климатом и общим ростом населения. Можно предположить, что в целом по России наблюдаемые явления связаны с усилением налогового администрирования и низкими темпами экономического развития: действительно, для менее успешных деятелей «цена подчинения закону», в виде денежных и временных затрат, может стать одной из причин отказа от регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей — предпочтительнее для них будет легализация в качестве самозанятых или даже нахождение в неформальном секторе [16, с. 199].

Каждый из проанализированных фрилансеров хотя бы раз выполнял заказы, используя функцию «безопасная сделка», которая подразумевает оплату внутри

биржи и является важнейшим институтом современного электронного рынка удаленной работы. Основная задача функции заключается в минимизации финансовых рисков при сотрудничестве заказчика и исполнителя со стороны биржи, как третьей, независимой стороны. При осуществлении «безопасной сделки» гарантируется качественное выполнение работы со стороны фрилансера и своевременная оплата труда со стороны клиента, путем снятия и временной резервации со счета заказчика суммы оплаты проекта, когда исполнитель берет проект в работу. Сервис «безопасная сделка» биржа FL.ru ввела одной из первых. В среднем фрилансеры категории «лучшие исполнители» имеют порядка 95 работ через «безопасную сделку».

Также в рамках проведения контент-анализа профилей фрилансеров категории «Лучшие исполнители» сайта FL.ru было рассмотрено визуальное наполнение страниц. Оказалось, что использование собственного информационного баннера вверху персональной страницы является довольно популярным явлением на сайте биржи — так, порядка 62% страниц содержат вверху крупное яркое прямоугольное изображение. Часто на баннер выносятся «продающие фразы» («качественный сервис», «адекватная цена», «ваш сайт будет лучшим»

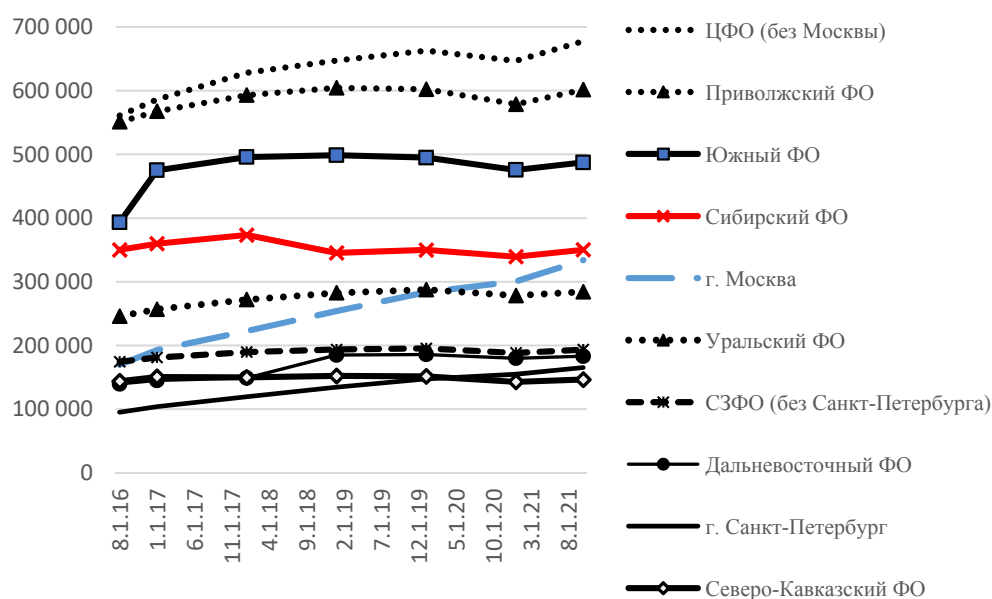

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (микропредприятий), по данным сайта ФНС (Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства)
Источник: [3]. Представление данных авторское.

Fig. 1. Dynamics of the number of registered sole proprietors (micro-enterprises) according to the FTS website (Unified Register of Small and Medium Enterprises).
Source: [3]. Data visualization made by authors.

и др.), данные о специализациях фрилансера (SEO-продвижение, брендинг, логотипы и т. д.), контакты (телефонные номера, ссылки на социальные сети и мессенджеры, в основном Viber, Telegram, WhatsApp), сведения об опыте и прошлых проектах.

Порядка 65% профилей включают наличие персональной фотографии фрилансера, обычно на аватарке, реже — на баннере. Некоторые из них сделаны профессиональными фотографами, некоторые — самостоятельно. На большинстве из этих аватарок запечатлено крупным планом лицо фрилансера, его плечи и торс; выражение лица спокойное или с легкой улыбкой; ракурс в анфас или полуанфас; без темных очков и головных уборов. Стиль одежды можно охарактеризовать как «кэжуал» — однотонные футболки и рубашки неярких тонов, пиджаки. Можно предположить, что данные пользователи намерены выглядеть солидно и профессионально в глазах потенциальных заказчиков, которые открывают их страницы и начинают оценку профиля в первую очередь с просмотра главного фото. Таким образом, аватарка может выступать для фрилансеров элементом виртуальной самоидентификации, играя немаловажную роль в создании их авторитета экспертов в глазах заказчиков. У остальных 35% страниц профильным фото являлись собственные логотипы, абстрактные стоковые картинки или персонажи из мультфильмов. Интересно отметить, что один из фрилансеров, обещающий своим клиентам рост показателей и продаж после своей работы, установил профильной картинкой кадр с купающимися в деньгах Скруджем МакДаком, предприимчивым и темпераментным персонажем мультфильма «Утиные истории», что также можно считать символом, передающим определенную информацию заказчикам.

Что касается стиля подачи исполнителями информации о себе и своих навыках, на 87% профилей можно было выделить преобладание публицистического стиля речи, к которому по функционально-стилистической принадлежности можно отнести большинство рекламных текстов. Объявления фрилансеров демонстрировали информационную и воздействующую функции и имели своей целью побуждение потенциальных клиентов к пользованию своими услугами, совмещая в языковых средствах «стандарт» и экспрессию («лучший в мире дизайн» и т. п.) [10, с. 47]. Тем не менее часто рекламные тексты оказываются на периферийном месте в структуре публицистического стиля, что обусловлено экстралингвистической основой рекламы [10, с. 47]. Так, оставшиеся 12% профилей были оформлены с преобладанием разговорного стиля, включая просторечия, восклицания, сленг, менее деловые речевые обороты («юху, мы 12 лет на сайте», «пиши в телегу», «улетно делаю проекты»). Использование юмора было обнаружено в единичных случаях, например, в виде упоминания интернет-мема про «британских ученых», который иронизирует над абсурдными и несерьезными научными исследованиями («как говорят британские ученые, красивая иллюстрация понятнее текста примерно в 1 679 057 раз»). Также только 30% страниц содержали употребления смайликов и эмодзи: даже в случае их использования предпочтение отдавалось наиболее сдержанным и деловым

символам — «галочкам», «стрелкам», «крестикам», обычно чтобы выделить наиболее важную информацию.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что информацию о себе на бирже принято излагать в пограничной области публицистического стиля, что предполагает как контаминацию стилей в одном рекламном тексте, так и использование других стилей вместо публицистического. В целом исполнители пытаются заявить о себе как солидных потенциальных партнерах для заказчиков, насыщая профиль профессиональной информацией и терминологией.

В ходе контент-анализа были выделены некоторые дополнительные особенности, встречающиеся в профилях «лучших исполнителей», достойные освещения и комментариев, но изначально не заложенные в индикаторы и бланк контент-анализа. Прежде всего, на страницах ряда исполнителей упоминаются сведения об их рабочем графике: эти фрилансеры сразу устанавливают временные границы, в пределах которых они будут коммуницировать с заказчиками («постоянно на связи с 8 до 21.00») и даже обозначают выходные дни («сб-вс, всеобщие праздники»). Результаты мониторинга НИУ ВШЭ дают основания поддержать теорию о перегруженности фрилансеров: при самооценках рабочего времени выяснилось, что их трудовой день длится даже несколько дольше, чем у офисных работников (если говорить о среднем рабочем времени, то оно составляет 9 часов в день, или 52 часа в неделю). Так, для независимых профессионалов характерно отклонение от периода занятости в традиционном рабочем графике в штате организации: более половины всех опрошенных работают и в дневное, и в вечернее (ночное) время, а также электронные фрилансеры намного чаще трудятся в выходные и праздничные дни. Такие нестандартные графики в итоге влияют на ухудшение баланса между работой и личной жизнью, становясь для электронных фрилансеров своеобразной ловушкой гибкой занятости [12, с. 99]. Например, ночной рабочий график, который, вероятно, отличается от рабочих графиков друзей, знакомых и потенциальных партнеров, ограничивает возможности самозанятых для общения: эти электронные фрилансеры могут чувствовать себя социально изолированными, что также приводит к снижению удовлетворенности балансом работы и личной жизни [19, с. 96].

Во-вторых, достаточно часто в профилях встречаются предупреждения о мошенниках, которые работают от лица высокорейтинговых исполнителей на сайте биржи FL.ru («будьте внимательны с контактными данными: мошенники на похожих номерах представляются именами специалистов»).

В-третьих, в нашем случае при проведении контент-анализа данные об образовании были обнаружены только в одном из профилей, причем указанное образование не соответствовало специальности исполнителя на бирже. Приведя здесь данные из результатов «переписи фрилансеров», можно отметить, что, несмотря на высокий образовательный уровень, который, исходя из результатов мониторингового исследования, имеет тенденцию и к последующему повышению (за 5 лет доля фрилансеров с высшим образованием выросла с 54 до 70%), около двух пятых всех русскоязычных фрилансеров оценивают харак-

тер своей занятости на рынке удаленной работы как не соответствующий полученному образованию [13, с. 115].

Заключение

Несмотря на то, что платформа FL.ru не является глобальной биржей удаленной работы (основным и единственным языком интерфейса и коммуникации между пользователями сайта является русский), ее влияние распространяется за географические пределы нашей страны: треть «лучших исполнителей» проживает за пределами России (в странах СНГ).

Говоря о половой принадлежности, можно отметить значительное преобладание мужчин, что объясняется выбором более высокооплачиваемых специализаций (которые в основном и представлены в разделе «Лучшие исполнители» — разработка сайтов, поисковая оптимизация, маркетинг), а значит, и большим доступом к покупке профессионального аккаунта. Выполнив минимальные требования и заплатив, пользователь получает статус «Profi» и попадает в категорию «Лучшие исполнители», что на практике ведет к тому, что фрилансеры сильно разнятся по рейтингу и количеству положительных отзывов. По нашему мнению, данное обстоятельство может затруднять для заказчиков выбор исполнителей, а также вести к другому негативному аспекту, который заключается в том, что прочие высокорейтинговые профессиональные фрилансеры, которые не заплатили за аккаунт, могут получать меньшее внимание от клиентов.

Подавляющее большинство фрилансеров в разных валютах указывают в своих профилях цены за услуги. Около трети страниц содержат информацию о легализации статуса исполнителя в роли ИП или ООО, однако о регистрации в качестве самозанятых не упоминалось. Опыт работы фрилансеров составляет не менее пяти лет; две трети фрилансеров работают свыше 9 лет.

Стиль подачи информации о себе в основном публицистический; просторечия, восклицания, сленг, юмор и смайлики используются редко. Использование собственного информационного баннера, включающего «продающие фразы», и наличие собственной фотографии являются популярным явлением на сайте биржи. Также на страницах упоминались сведения о предпочтительном рабочем графике, достижениях, сертификатах, предупреждения о мошенниках. В целом исполнители пытаются заявить о себе как солидных потенциальных партнерах, насыщая профиль демонстрацией портфолио и имеющихся навыков, что позволяет сделать вывод о важности виртуальной самоидентификации.

Полученные данные полезны для конкретизации портрета высокорейтингового электронного фрилансера на примере «лучших исполнителей» сайта FL.ru и актуальны ввиду роста сегмента, а также в связи с процессами институционализации самозанятости в России на государственном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге / К. Гирц; пер. В. В. Радаева, Г. Б. Юдина // Экономическая социология. 2009. Том 10. № 2. С. 54-61.
2. Голенкова З. Т. Социологический портрет самозанятых в современной России / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, Т. И. Горина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Том 20. № 4. С. 821-836.
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства: поиск по реестру // Федеральная налоговая служба.
URL: <https://tmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended#> (дата обращения: 03.11.2021).
4. Зайцева Л. В. Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса / Л. В. Зайцева // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 212-222.
5. Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 17-32.
6. Карпова Г. Г. Социальная незащищенность фрилансеров: объективное положение и субъективное восприятие / Г. Г. Карпова, А. С. Убогова, А. А. Федосеева // INTER. 2019. № 19. С. 62-80.
7. Пациорковский В. В. Самозанятость — ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений / В. В. Пациорковский // Народонаселение. 2020. Том 23. № 1. С. 88-103.
8. Плотников А. В. Особенности организации работ фрилансеров и самозанятых / А. В. Плотников, Д. С. Брагина; под общ. ред. Л. А. Демидовой, Т. А. Куткович // Наука и знание: актуальные проблемы устойчивого экономического развития и обеспечения безопасности регионов России в условиях вызовов времени: материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. (Новороссийск, 15-16 апреля 2021 г.). Новороссийск: Московский гуманитарно-экономический ин-т, Новороссийский филиал, 2021. С. 76-78.
9. Скруг В. С. Регулирование процесса легализации налогообложения доходов самозанятых граждан в Российской Федерации на современном этапе / В. С. Скруг // Экономика труда. 2019. № 1. С. 535-552.
10. Соловьева Н. В. К вопросу о стиле рекламных текстов (на материале рекламы в сфере туризма) / Н. В. Соловьева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 6. С. 46-50.
11. Соловьева Ю. Н. Прекариат и самозанятость: социологический аспект / Ю. Н. Соловьева // Социально-экономическое развитие России: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 27 ноября 2020 г.) / БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2020. С. 199-201.
12. Стребков Д. О. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86-102.
13. Стребков Д. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009-2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров) / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук, М. О. Спирина; отв. ред. В. В. Радаев. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. 225 с.

14. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Ж. Т. Тощенко; Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.
15. Харт Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт; пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 302 с.
16. Цуканова Е. Ю. К вопросу правового статуса самозанятых граждан / Е. Ю. Цуканова, Е. А. Придатко // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 196-203.
17. Pink D. H. Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers Are Transforming the Way We Live / D. H. Pink. New York: Warner Books, Hachette Book Group, 2001. 368 pp.
18. Shevchuk A. V. Freelancers in Russia: remote work patterns and E-markets / A. V. Shevchuk, D. O. Strebkov // Economic Sociology. The European Electronic Newsletter. 2012. Vol. 13. No. 2. Pp. 37-45.
19. Shevchuk A. V. The autonomy paradox: how night work undermines subjective well-being of Internet-based freelancers / A. V. Shevchuk, D. O. Strebkov, S. N. Davis // Industrial and Labor Relations Review. 2019. Vol. 72. No. 1. Pp. 75-100.
20. Simoes N. Individual determinants of self-employment entry — what do we really know? / N. Simoes, S. B. Moreira, N. Crespo // Journal of Economic Surveys. 2016. No. 30 (4). Pp. 783-806. URL: <https://repositorio.iscte-iul.pt/handle/10071/12173> (дата обращения: 03.11.2021).

Elena V. ANDRIANOVA¹
Egor I. ELYSHEV²

UDC 316.35

**FREELANCING IN DIGITAL PROFILES:
A CONTENT ANALYSIS EXPERIENCE***

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Head of Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen;
Senior Researcher, West-Siberian Branch
of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² Master Student of Economic Sociology,
University of Tyumen
stud0000104115@study.utmn.ru

Abstract

Nowadays, the issue of self-employment is extremely urgent and it requires attention as its significance and prevalence will only grow.

The Russian self-employed are mostly concentrated in traditional kinds of business and occupied with low-skilled activities, and cannot demonstrate an outstanding level of innovative potential. Nevertheless, thanks to the active development of information society, its digitalization and the wide spread of the Internet, the number of highly qualified self-employed professionals, engaged mainly in intellectual work, who stand out from the general pool of the self-employed, is growing rapidly in our country. In their job, they actively use technology and work mainly through Internet-based remote work websites.

Considering marked differentiation within the pool of self-employed, in order to concretize the portrait of an online freelancer, we conducted a content analysis of personal pages

* The reported study was funded by RFBR, project no. 19-29-07131.

Citation: Andrianova E. V., Elyshev E. I. 2021. "Freelancing in digital profiles: A content analysis experience". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 29-45.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-29-45

of freelancers in the “Best Performers” category of FL.ru website, which is the largest Russian-language remote work website. The method consisted of a mass observation of the presented profiles. The results made it possible to describe the socio-demographic characteristics of freelancers, make conclusions about the professional composition of the “Best Performers”, identify the most popular specializations and determine average rating of online freelancers. The article reviews performance rating of the freelancers, reveals the average number of years of work in the field of freelancing, characterizes the content of personal profiles, analyzes information about the cost of services, reveals the availability of information about the legal status of the “Best Performers”.

The data obtained are useful and relevant in the light of the growth of the segment of online freelancers in Russia and the processes of institutionalization of self-employment nationwide.

Keywords

Freelancing, online freelancers, self-employment, self-employed, informal employment, sociological research, content analysis.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-29-45

REFERENCES

1. Geertz C. 2009. “The bazaar economy: Information and search in peasant marketing”. Translated by V. V. Radaev and G. B. Yudin. *Journal of economic sociology*, vol. 10, no. 2, pp. 54-61. [In Russian]
2. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V., Gorina T. I. 2020. “Sociological portrait of the self-employed in contemporary Russia”. *RUDN Journal of sociology*, vol. 20, no. 4, pp. 821-836. [In Russian]
3. RF Federal Tax Service. “The unified register of subjects of small and medium business”. Accessed on 3 November 2021. <https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended#> [In Russian]
4. Zaitseva L.V. 2019. “Economically dependent self-employed: differences national approaches to determining the legal status”. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 446, pp. 212-222. [In Russian]
5. Zaslavskaya T. I. 1995. “The business stratum of Russian society: Concept, structure, identification”. *Social sciences and contemporary world*, no. 1, pp. 17-32. [In Russian]
6. Karpova G. G., Ubogova A. S., Fedoseeva A. A. 2019. “Social insecurity of freelance workers: Objective position and subjective perception”. *INTER*, no. 19, pp. 62-80. [In Russian]
7. Patsiorkovsky V. V. 2020. “Self-employment as response of the part of economically active population to the crisis of standard labor relations”. *Population*, vol. 23, no. 1, pp. 88-103. [In Russian]
8. Plotnikov A. V., Bragina D. S. 2021. “Features of labor organization of freelancers and self-employed”. *Proceedings of the 23rd International Scientific and Practical Conference “Science and knowledge: important issues of sustainable economic*

- development and security ensuring of Russian regions during times challenges”. Edited by L. A. Demidova, T. A. Kutkovich. Novorossiysk, Russian Federation, Moscow Humanitarian Economic University, Novorossiysk branch, 15-16 April 2021. Pp. 76-78. [In Russian]
9. Skrug V. S. 2019. “Regulation of the Process of Legalization of the Income Taxation of self-employed citizens in the Russian Federation at the present stage”. *Russian journal of labor economics*, vol. 6, no. 1, pp. 535-552. [In Russian]
 10. Soloviyova N. V. 2009. “On advertising texts style (basing on advertising in tourism)”. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 6, pp. 46-50. [In Russian]
 11. Solovyeva Yu. N. 2020. “Precariat and self-employment: Sociological aspect”. *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation “Prospects for socio-economic development of Russia”*. Cheboksary, Russian Federation, Chuvash State Institute of Culture and Arts, 27 November 2020. Cheboksary: Publishing house “Sreda”. Pp. 199-201. [In Russian]
 12. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. 2019. “The trap of flexible work schedule: how unusual working patterns influence the work-life balance of freelancers”. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 3, pp. 86-102. [In Russian]
 13. Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. 2015. *The development of the Russian-speaking market of remote work, 2009–2014 (based on data of the Russian Freelancers Census)*. Edited by V. V. Radaev. Moscow: NRU HSE. 225 pp. [In Russian]
 14. Toshchenko Zh. T. 2018. *Precariat: From protoclass to a new class: Monograph*. Moscow: Nauka. 350 pp. [In Russian]
 15. Hart G. L. A. 2007. *The Concept of Law*. Translated from English; edited by E. V. Afonasin, S. V. Moiseev. Saint Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg University. 302 pp. [In Russian]
 16. Tsukanova E. Yu., Pridatko E. A. 2016. “The problem of legal self-employment status of citizens”. *Matters of Russian and international law*, no. 9, pp. 196-203. [In Russian]
 17. Pink D. H. 2001. *Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*. New York: Warner Books, Hachette Book Group. 368 pp.
 18. Shevchuk A. V., Strebkov D. O. 2012. “Freelancers in Russia: Remote Work Patterns and E-Markets”. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*, vol. 13, no. 2, pp. 37-45.
 19. Shevchuk A. V., Strebkov D. O., Davis S. N. 2019. “The autonomy paradox: how night work undermines subjective well-being of internet-based freelancers”. *Industrial and Labor Relations Review*, vol. 72, no. 1, pp. 75-100.
 20. Simoes N., Moreira S. B., Crespo N. 2016. “Individual determinants of self-employment entry — what do we really know?”. *Journal of Economic Surveys*, no. 30 (4), pp. 783-806. Accessed on 3 November 2021. <https://repositorio.iscte-iul.pt/handle/10071/12173>

Марина Владимировна ХУДЯКОВА¹
Дмитрий Игоревич ШАШКИН²

УДК 316.4

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ БИЗНЕСМЕНЫ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ ИСТОРИЙ*

¹ кандидат социологических наук, доцент
кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

² магистрант кафедры общей и экономической социологии,
лаборант-исследователь Научно-исследовательского центра
Финансово-экономического института,
Тюменский государственный университет
d.i.shashkin@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6681-008X

Аннотация

Сельскохозяйственное предпринимательство является существенным фактором развития отечественной экономики и современных рыночных отношений на селе. В статье представлены реалии российского сельского предпринимательства на примере развития бизнеса, фермерских и крестьянских хозяйств российской «глубинки». Цель данной статьи — выявить образ сельского бизнесмена, характерный для юга Тюменской области. Эмпирические данные получены в ходе реализации научно-исследовательского проекта, направленного на изучение развития сельских территорий региона. Анализ проблемных вопросов основывается на изучении 59 глубинных интервью, в том числе

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий».

Цитирование: Худякова М. В. Сельскохозяйственные бизнесмены юга Тюменской области: анализ жизненных историй / М. В. Худякова, Д. И. Шашкин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 46-68.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-46-68

21 непосредственно с сельскохозяйственными бизнесменами. Для анализа экспертных интервью использован нарративный подход. В теоретическом аспекте авторы опираются на классическую и современную научную литературу по социологии села и социологии предпринимательства, на теоретические и методологические подходы, доминирующие в каждом из выделенных направлений социологии. На основе данных экспертного интервью выявлены основные характеристики сельского бизнесмена, его актуальные качества и навыки, необходимые для работы; изучены внутренние и внешние факторы предпринимательской среды, от которых зависит успешность бизнеса в сельскохозяйственной сфере. Контекстуально обозначены проблемы сельского хозяйства и сельских территорий, рассматриваемые как барьеры для развития предпринимательства. Научная новизна заключается в получении уникальных эмпирических данных в ходе проведения интервью с экспертами для дальнейших исследований в данной сфере; прикладное значение имеет демонстрация возможностей для анализа и интерпретации данных с помощью инструментов программы для изучения качественных и смешанных данных *MAXQDA Plus 2020*.

Ключевые слова

Предпринимательство, бизнес, сельская территория, образ предпринимателя, предпринимательская среда.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-46-68

Введение

Проблематика сельскохозяйственного бизнеса поднимается в настоящее время достаточно часто. Развитие предпринимательских структур этого сектора характеризует уровень современных рыночных отношений на селе, является существенным фактором успешности агропромышленного комплекса, обеспечивает продовольственную безопасность регионов и государства, во многом определяет эволюционирование всего сельского общества.

Экономические преобразования и следующие за ними институциональные изменения на селе носят практически перманентный характер. Такие условия мало способствуют формированию положительного фона для образования новых предпринимательских структур и существования действующих, снижая деловую активность в части организации и ведения фермерской деятельности. В новой истории за последние 25-30 лет наблюдаем движение от всеобщей «фермеризации» селян в условиях практического отсутствия поддержки со стороны органов власти до признания на государственном уровне серьезных проблем, наличествующих в АПК, и критичности существования многих сельских поселений. Государственные программы, реализуемые с 2014 г., направленные на развитие сельских территорий, обеспечили положительную динамику сельскохозяйственного производства и частичное преобразование инфраструктуры крупных поселений. Но далеко не все проблемы решены, а селяне покидают родные места, пытаются найти лучшие условия для жизни в городах

или мигрируя, выбирая вахтовый метод работы в промышленности. Доля сельского населения продолжает снижаться, за период 2014-2020 гг. сокращение составило 2,5% в среднем по России; на юге Тюменской области показатель существенно выше, здесь сельских жителей стало меньше более чем на 3% [11].

Невзирая на общие неутешительные показатели активности предпринимательства в сельских территориях, сельское хозяйство показывает рост как общих показателей, так и по большинству отраслей. Именно предпринимательство как источник общего движения. Бизнес-сообщество, обеспечивая производство востребованного продукта, выстраивая собственную систему хозяйственных связей и внутреннюю предпринимательскую среду в общем и целом, играют существенную роль в развитии своей территории, во многом определяя имидж региона и его привлекательность для инвесторов, а главное — жизни населения.

В свою очередь, изучение образа предпринимателя позволяет обозначить важнейшие проблемы, препятствующие развитию сферы предпринимательства, а также определить условия, которые необходимы для его развития. Рассмотрение основных характеристик современного предпринимателя и его предпринимательской среды отражает суть происходящих экономических и социальных процессов. Таким образом, ключевая исследовательская *цель данной статьи* — выявить образ сельского бизнесмена, характерный для юга Тюменской области.

Научная новизна обусловлена получением уникальных эмпирических данных для раскрытия образа современного сельского бизнесмена, понимания актуальных характеристик внутренних и внешних факторов предпринимательской среды; прикладное значение имеет анализ и интерпретация данных с помощью инструментов программы для изучения качественных и смешанных данных *MAXQDA Plus 2020*.

Теоретические подходы

Теоретический конструкт начнем с используемых понятий «предприниматель» и «бизнесмен». Следует сделать оговорку, что в профессиональном понимании бизнесмен представляет любую деловую сферу, предпринимателя же характеризует использование в работе любого рода новации. Поскольку в обыденном понимании сельское хозяйство более отождествляется с традиционными способами производства и уровень дохода сельхозпроизводителей, попавших в поле зрения нашей исследовательской команды, незначительно зависит от используемых технологий и способов организации производства, обозначенные понятия используем как синонимичные. Данная «вольность» основывается также на концепции многозначности понятия «предприниматель» и «неуловимости предпринимательства на эмпирическом уровне» [13, с. 151].

По мнению исследователей, «предпринимательство является естественным проявлением потребности части общества в самовыражении», а среди ключевых предпосылок и условий его развития — государственная политика регулирования бизнеса, «система ценностей общества, которая психологически поощряет и поддерживает дух и направленность индивидуальной инициативы» [7, с. 107].

Немаловажное значение имеют способности человека к реализации всех предпринимательских функций.

На наш взгляд, наиболее полное раскрытие образа предпринимателя возможно посредством анализа его поведения, деятельностных функций. Исходим из того, что отдельные действия предпринимателя могут отличаться значительным разнообразием, но объединяющая их заметная специфика, выделяемая внешним социальным окружением, делает возможным охарактеризовать само предпринимательское поведение и хозяйствующего субъекта [6, с. 66-67]. Раскрывая образ сельскохозяйственного бизнесмена, учитываем отраслевую профильность, рассматривая бизнес-активность, распространенную на сельской территории, а также такие факторы, как историческая преемственность деловой среды в части использования накопленных на предыдущем этапе профессионального пути навыков и социальных связей; деловые начинания, имеющие инновационную составляющую как в экономическом, так и в социальном аспектах.

Опираемся на понятие «жизненный мир», который определяется Ж. Тошечко как «единство объективного и субъективного, синтез реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии; деятельности, поведении людей, условий, в которых они реализуются» [10, с. 7]. Данное понятие получило свое эмпирическое приложение с развитием феноменологического подхода, который мы также принимаем во внимание, исследуя межиндивидуальные взаимодействия сельских бизнесменов как основы социальной жизни (по П. Бергеру и Т. Лукману).

В анализе применяем методический прием, используемый в работе М. Шкаратана по исследованию современного отечественного предпринимательства на этапе его становления. В основу формирования образа бизнесмена закладываются одно или несколько «типических» интервью, а остальные «элементы, дополняющие образ, черты — из тех интервью, которые тяготеют к повторению этого образа» [13, с. 154]. Каждая отличительная характеристика субъекта иллюстрируется текстом транскриптов, цитатой из интервью, что позволяет более точно понять контекст образа.

Смыслы сельского предпринимательства не могут быть полно раскрыты без учета особенностей той территории, где живут и работают сельскохозяйственные бизнесмены. В этом смысле опираемся на классическую и современную научную литературу по сельской проблематике. Мировые контексты социологии села в приложении к российским реалиям более подробно рассмотрены нашей исследовательской командой в предыдущих публикациях (например, в [4]).

История развития социологии села содержит впечатляющие примеры объемных и глубоких исследований [12, с. 14], на что ссылаются последователи, а также результаты масштабных социальных обследований начала XX в.

В современный период особенно актуально было изучение процессов рыночной трансформации всей российской экономики, в том числе в сельскохозяйственной сфере. Такой же научной яркостью выделяется среди подходов концепция двойной рефлексивности. Ее автор, Т. Шанин, обобщил результаты

глубинных интервью, интерактивного наблюдения и метод коллективной интеллектуальной поддержки. С позиции ученого, село представлено «мелкими сельскохозяйственными производителями, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают — прямо или косвенно — на удовлетворение своих собственных нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти» [2, с. 11]. В первые годы текущего столетия исследование сельской социальности рассматривалась через призму его взаимовлияния с антропогенным и культурным ландшафтом. Влияние процессов глобализации на сельхозпроизводство и сельскохозяйственные рынки; формирование и взаимовлияние агломераций в округах городов, изменение социокультурного пространства пригорода; развитие сельского предпринимательства; проблемы сельского общества — актуальные вопросы исследований в последующий период [9, с. 62]. Новые исследования описывают, с одной стороны, процессы измельчения и детализации поселенческой сети, а с другой — поляризации сельской местности [5, с. 26-27], всё большее экономическое отдаление села от города [8, с. 68]. В центре внимания также социально-экономические проблемы села как результаты реформирования хозяйств и институциональных изменений в сельских территориях: тотальная безработица и бедность сельского жителя, деградация человеческого капитала, депопуляция сельского образа жизни, при одновременном становлении крупных предприятий, происходящем при прямом финансировании государства [1, с. 64].

Данные и методы исследования

В методологическом и методическом плане опираемся на подход В. Г. Виноградского, используя в работе реальные кейсы и жизненные истории тех, кто работает в сельских поселениях региона, «проверенный на местности» инструментарий и «личный опыт исследований сельских миров» [3, с. 126]. Эмпирические данные получены в ходе полевого этапа научно-исследовательского проекта по изучению развития сельских территорий (Грант РФФИ № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий», научный руководитель — доктор социологических наук, профессор В. А. Давыденко). В течение 2020-2021 гг. собрано 91 глубинное и экспертное интервью в 12 муниципальных районах Тюменского региона. Выборочная совокупность формировалась с учетом охвата информантов из разных социальных групп: представители органов власти, бизнеса и общественных организаций и общественно-активных сельян. Из общего массива отобрано 59 глубинных интервью, содержащих информацию по обозначенной проблематике, среди которых 21 интервью непосредственно с бизнесменами в сфере сельскохозяйственного производства. Интервью были личными; разработанный план интервью носил полуформализованный характер; при проведении интервью осуществлялась аудиофиксация с последующей транскрибацией. Для обработки и анализа полученных данных использована программа для изучения качественных и смешанных данных *MAXQDA Plus 2020*.

Результаты исследования

На этапе отбора респондентов исходили из необходимости собрать данные о представителях как крупного (в масштабе поселения или муниципального района), так и малого бизнеса (в том числе собственников крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей). Поэтому в группе информантов, представляющих сельскохозяйственных бизнесменов (далее — бизнесмены), обозначены руководители и собственники предприятий разных форм хозяйствования: индивидуальный предприниматель (ИП), общество с ограниченной ответственностью (ООО), кооператив, акционерное общество (АО), крестьянско-фермерское хозяйство (КФХ) (рис. 1). Рассматриваемые предприятия охватывают ключевые отрасли сельского хозяйства (животноводство и растениеводство), переработку сельхозсырья, а также обслуживающие отрасли (предприятие общественного питания, торговли, кредитная организация — кредитный кооператив). Производственные мощности бизнесменов в основном располагаются в сельской местности, небольшая часть — в городах. Среди бизнесменов 8 женщин и 13 мужчин, преимущественно с высшим образованием.

Большинство бизнесменов начали свое дело в период перестройки, перехода к рыночным условиям хозяйствования, когда значительная часть населения страны испытывала жизненные трудности, среди которых невыплата или задержка заработной платы, увольнение при ликвидации структурного подразделения или закрытие предприятия:

«В то время была ситуация экономическая, перестали платить заработную плату. Пришла идея открыть свое дело. Это сработало» (эксперт № 26, мужчина, производство хлебопродуктов).

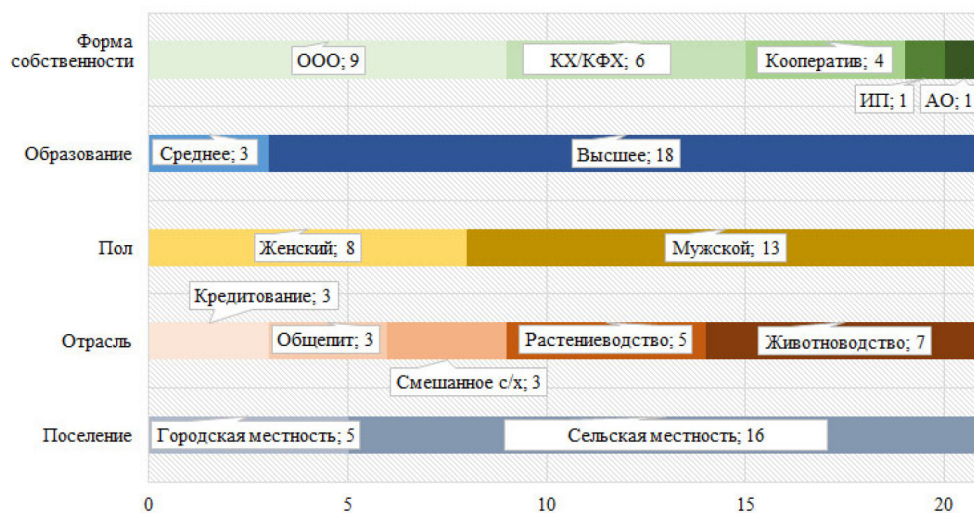

Рис. 1. Социально-демографические характеристики бизнесменов, n = 21

Fig. 1. Socio-demographic characteristics of businessmen, n = 21

«На сегодня практически никого не осталось в том виде, в каком мы существуем. Не от нашего желания это зависело, такие времена были. Разукрупнились, укрупнились и такая чехарда...» (эксперт № 11, мужчина, смешанное с/х).

Отмечено, что большая часть бизнесменов, которые уже длительное время в бизнесе, чьи предприятия занимают устойчивые позиции на рынке, имеет профильное (в сфере с/х) образование и опыт руководящей работы в советский период (председатель колхоза, главный агроном и т. д.). В условиях динамичных рыночных изменений бизнесмены осознают необходимость обучаться и повышать квалификацию практически в течение всей жизни. Случалось и так, что получение двух высших образований и повышение квалификации являлись не реакцией на внешние обстоятельства, а личным стремлением, которое в будущем сыграло на руку:

«Была возможность стажировки, и не раз, так как у нас существуют интересные программы... Столько опыта было практического набрано за эти годы, и в Казахстане я была, и там же училась вместе с сельхозтоваропроизводителями» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

«Я всю жизнь занимаюсь сельским хозяйством, закончил [название вуза] институт, параллельно в Омске учился... Здесь на инженера-зоотехника, там на агронома. Получал повышение квалификации, даже не думая, что когда-то пригодится, что самостоятельно буду работать, что страна в одночасье исчезнет» (эксперт № 24, мужчина, растениеводство).

Сегодняшняя рыночная ситуация предъявляет серьезные требования к участникам практически всех рынков. Независимо от отрасли функционирования, бизнесмены должны обеспечить гибкость бизнеса, его адаптивность к меняющейся конкурентной среде:

«Сегодня ситуация на рынке очень интересная, жесткая. ...Если во что-то ввязываешься, то ты в этом должен разбираться на сто процентов» (эксперт № 6, мужчина, растениеводство).

«Нельзя останавливаться [о повышении квалификации], как только остановился, всё, считай, поплыл назад» (эксперт № 11, мужчина, смешанное с/х).

«Понятно, что идешь в ногу со временем, понятно, что всё меняется, люди меняются, требования меняются, вообще форма работы и так далее. Если сейчас пандемия, работа на доставку; если раньше ты работал в кафе и знал, что у тебя там, то сейчас нет» (эксперт № 25, женщина, организация общественного питания).

Наглядное представление об общих нарративах в жизненных историях бизнесменов дает облако слов, наиболее часто упоминаемых в интервью, которое составлено на основе высказываний бизнесменов (рис. 2). Облако слов постро-

ено с использованием инструментов визуализации данных *MAXQDA Plus 2020* [14, с. 101]. Размер слова характеризует частоту его упоминания, а цветовая гамма и положение слов являются одним из вариантов представления данных.

Рисунок показывает, что среди часто упоминаемых слов присутствуют такие, как «предприятие», «человек», «деньги», «время»; среди ключевых глаголов — «работать», «делать». Эти термины отражают непосредственную специфику предпринимательской деятельности, связанную с высокой трудовой и деловой активностью, работой в команде, стремлением к достижению финансового результата.

Прослеживается очевидная, на первый взгляд, связь между родом деятельности бизнесменов — сфера материального производства — и частотой упоминания соответствующих слов: «хозяйство», «продукция», «технология», «оборудование». При этом часто используемое слово «тяжело» подчеркивает не только сложные условия сельскохозяйственного труда, даже при использовании новых технологий и современной техники, но и определенную зависимость от государственной поддержки. На последнее указывает частота упоминания слов «государство», «власть», «поддержка», «программы», «субсидия». Вместе с тем рыночные условия хозяйствования сделали привычным для работников села использование терминов «конкуренты», «бизнес». Термины «инициатива», «кооперация», «качество» отражают современные тренды развития конкурентоспособного бизнеса — принятие самостоятельных нестандартных решений, снижение рыночных рисков путем формирования сети надежных партнеров, выпуск качественной продукции.

Рис. 2. Облако слов, наиболее часто встречающихся в интервью с бизнесменами, $n = 100$ (неинформативные слова и символы исключены)

Fig. 2. Tag cloud of words most frequently encountered in interviews with businessmen, $n = 100$ (undescriptive words and symbols are excluded)

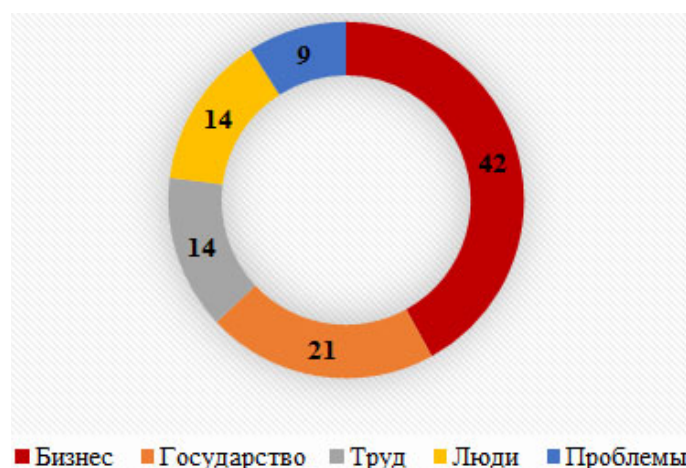

Рис. 3. Категоризация облака слов, %

Fig. 3. Word cloud categorization, %

Обобщение ключевых терминов облака слов с учетом их контекста в интервью дало возможность выделить несколько тематических категорий, присутствующих в обсуждениях с информантами: «бизнес», «государство», «труд», «люди», «проблемы» (рис. 3).

Обозначенные тематические категории отражают круг вопросов, обсуждаемых с бизнесменами, их оценки текущей ситуации и перспектив, дают нам возможность охарактеризовать предпринимательскую среду. Результатом категоризации содержания облака слов являются следующие наблюдения.

1. Наибольшей категорией по частоте упоминания соответствующих ей слов очевидно является «Бизнес». К этой категории отнесены слова «предприятие» (297), «хозяйство» (174), «продукция» (162), «деньги» (146), «производство» (124), «организация» (88), «качество» (82), «бизнес» (70), «технология» (64), «компания» (63), «оборудование» (37), «конкуренты» (18). Высказывания бизнесменов в данной категории формулируются в рамках сельского хозяйства как общей сферы их деятельности. Слова «компания», «предприятие», «бизнес», «организация», «хозяйство» используются информантами как синонимичные при описании истории, планов и перспектив развития компании, направлений ее деятельности, используемых технологий (оборудования), производственных мощностей. Например:

«Наша организация — это овцеводческое предприятие. Родилось в 2013 году, началось с 50 голов овец... Сейчас доросло до... самого крупного овцеводческого хозяйства» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

В соответствии с современными тенденциями, даже небольшое сельскохозяйственное предприятие не обходится без использования новых технологий и информационных продуктов. Но для крестьянско-фермерских хозяйств это совершенно не характерно. Например:

«У нас учет в программе очень грамотный, и он способен под существующие и возникающие цели и задачи быстро приспосабливаться. В ИС: Селекции есть свой штат IT-специалистов, которые быстро реагируют на те или иные задачи» (эксперт № 57, мужчина, животноводство).

Бизнесмены предпочитают обращаться за советом к ближайшему окружению, принимать коллегиальное решение о запросе внешней помощи, считаются с позициями других мелких и средних бизнесменов, работающих рядом, в том же поселении:

«Принцип элементарно понятный: лишь бы был человек свой...» (эксперт № 6, мужчина, растениеводство).

«Поэтому полагаться на партнеров по бизнесу — нет. Единственное, что у нас есть тут — соседи-фермеры. Мы друг друга поддерживаем. Кому-то что-то надо? Мы можем перезанять корма. Это у нас есть, мы поддерживаем друг друга» (эксперт № 21, женщина, животноводство).

Во взаимодействиях с партнерами предпочтение отдается регулярности сделок и долгосрочному характеру деловых отношений. Чем длительнее партнерские связи, тем меньше они ассоциируются с условиями, прописанными в договоре.

Партнерские связи сохраняют свою прочность даже в условиях ухудшения рыночной конъюнктуры. Бизнесмены готовы идти на дополнительные риски и издержки, лишь бы сохранить имеющиеся связи. Современный бизнесмен в сфере сельского хозяйства не является исключением, принимает взвешенные решения, просчитывая потенциальные риски, о чем говорят нижеследующие высказывания сельхозпроизводителей:

«Я работаю только с XXXXX [указывается название компании], потому что они готовы платить. Я не работаю с сетями. XXXXX — это очень интересный сегмент, когда готовы платить за полуфабрикатную продукцию. Когда всё начиналось 6 лет назад, мы сбывали продукцию живым весом и только в тушках. Это совершенно другая цена. В полуфабрикате я всё продаю гораздо выгоднее. Да, конечно [о дополнительных издержках, связанных с внедрением маркировок по требованию системы „Меркурий“], так как мы перерабатываем на заводе, на аутсорсе, нам всё маркируют, вакуумируют с нашей лейбой, и всё уходит» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

«Я работал на Европу, мне было интересно работать и с Прибалтикой. <...> ...Этот маршрут мне и без субсидий выгоднее» (эксперт № 6, мужчина, растениеводство).

Предприниматели сходятся во мнении, что вопрос качества выпускаемых продуктов питания — сложный, проблемы в этой сфере существуют и достаточно серьезные. При этом качество местного сельскохозяйственного сырья

и производимых в регионе продуктов питания не вызывает сомнения. Гарантом качества выступают сами производители, их деловая репутация и имидж предприятия:

«Благодаря тому, что у нас качественное поголовье... соответственно, к минимуму сведено пользование ветеринарных препаратов, антибиотиков. В целом сейчас в России тенденция ухода от антибиотиков и замена различными другими препаратами на основе растительного сырья» (эксперт № 57, мужчина, животноводство).

«Производство ХХХ [название] в основном нормального, хорошего качества, которая здесь производится. Я про Тюмень говорю. В основном натуральная продукция. Сегодня возьмем ХХХХ [название] предприятие. Со своего молока перерабатывают и продают, реализуя сети магазинов. Доверяю как потребитель, да» (эксперт № 3, мужчина, региональная законодательная власть).

В оценках фермеров и производителей сельхозсырья ухудшение качества, в первую очередь экологичности продукта не выгодно самим предпринимателям. Достаточное количество сельскохозяйственных угодий и высокие цены на удобрения экономически обуславливают производство безопасной продукции.

В целом бизнесмены высоко оценивают свои возможности по обеспечению области всем необходимым без помощи импортной продукции. Приведем одно из иллюстративных высказываний:

«Я считаю, что мы вполне можем себя обеспечивать и даже помогать соседям, если работать в полную силу. Я считаю, что мы можем вполне жить без помощи ввозимой продукции. У нас есть очень много фирм, которые могут обеспечить область всем необходимым» (эксперт № 50, мужчина, животноводство).

2. Следующей по убыванию категорией, на которую приходится почти пятая часть упоминаемых слов, является «Государство». К данной категории отнесены используемые слова «государство» (48), «власть» (34), «субсидия» (46), «программы» (88), «поддержка» (80), «помощь» (26 упоминаний в контексте государственной поддержки), «строительство» (38 упоминаний о жилье, благоустройстве территории), «развитие» (территории, 139 упоминаний), «условие» (73, в контексте условий и качества жизни населения).

Государство и власть воспринимаются бизнесменами как идентичные понятия. Однако заметны различия в восприятии различных уровней власти: чем выше уровень, тем меньше доверие со стороны бизнесменов. Это также объяснимо, поскольку непосредственные взаимодействия с представителями властных органов осуществляются на местах, и люди нередко получают реальную поддержку с их стороны. Отсюда любые положительные отзывы о государстве озвучиваются с привязкой к региону или муниципалитету. Например:

«На протяжении двух лет субсидий ни копейки. ...Нам ответил Минсельхоз, что это направление неперспективное, идите ищите другие варианты. Но другие варианты все переработанные, как можно туда попасть?» (эксперт № 6, мужчина, растениеводство).

«Хорошие главы районов выискивают небольших предпринимателей, и они стараются им помочь, портфель документов им собрать, познакомиться с высшими исполнительными органами власти» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

Различия в восприятии власти определяет и отношение к программам поддержки сельскохозяйственной деятельности. Примеры высказываний, отражающих позиции бизнесменов:

«На федеральные программы никогда особо и не надеялись, честно говоря» (эксперт № 30, женщина, сельскохозяйственный кредитный кооператив).

«...Всекие программы от области у нас для сельских жителей есть» (эксперт № 35, женщина, сельскохозяйственный потребительский кооператив).

«Какое великое счастье, что я тоже живу в Тюменской области, у нас очень хорошая поддержка была раньше. Это только у нас в Тюменской области было. Сейчас, возможно, правительство где-то же выделяет, но я из Курганской, Омской, Алтайской областей спрашивал, там нет такого. Я пол-России знаю, мы ездим» (эксперт № 24, мужчина, растениеводство).

3. Третья категория метафорически названа «Труд», к ней отнесены слова «работать» (234), «делать» (109), «деятельность» (55), «учиться» (42). Если слова «делать» и «учиться» связаны с различными видами и направлениями продуктивной деятельности, то «работать» часто употребляется в негативном контексте. Бизнесмены делают акцент на том, что сельское хозяйство — это сфера тяжелого труда. Например, следующие высказывания:

«Фермерство не для всех. Это колоссальный труд, тратится столько здоровья, сил...» (эксперт № 14, женщина, региональная законодательная власть).

«Условия работы тяжелые. ...Работники из коренных — работающие, потому что здесь просто пиздон какой-то не сможет работать» (эксперт № 26, мужчина, производство хлебопродуктов).

Более того, для большей части сельских жителей трудовые будни не завершаются с окончанием рабочего времени. Содержание крупного рогатого скота в домашнем хозяйстве современного селянина уже не является распространенной и традиционной практикой, но огороды, как правило, есть даже у тех людей, кто живет в благоустроенной квартире или многоквартирном доме. Один из примеров:

«На селе жить тяжелее. В городе человек приехал домой, умылся и отдыхает, а на селе основная масса ведет личные подсобные хозяйства. У кого есть курочки, собачки, козочки, коровки, у кого-то огороды есть. Всё равно сотрудник в дальнейшем продолжает вести образ жизни вечером» (эксперт № 56, мужчина, животноводство).

Тяжелые условия сельского труда, сложившийся образ, ритм и условия жизни в сельских поселениях не могут не сказываться на самих людях и присущих им характеристиках. Для сельхозбизнесменов люди — это не просто члены команды, работники, но и близкое окружение, односельчане, земляки. Поэтому следующая категория «Люди» не отличается по масштабности от категории «Труд».

4. Категорию «Люди» кроме самого этого слова (с упоминанием 288), непосредственно упомянутого в интервью, наполняют слова «человек» (113) и «инициатива» (39 упоминаний в контексте социальной активности жителей поселения). Бизнесмены говорят о людях в контексте трудовой деятельности, в первую очередь как о наемных работниках, сотрудниках предприятия:

«Для успешного развития нужно же еще и команду подобрать и ее выучить» (эксперт № 6, мужчина, растениеводство).

Этот же подход сохраняется при переходе к слову «люди» как жители конкретной сельской территории или сельские жители в целом. Информанты указывают на отличительные характеристики селян как особенных людей по отношению к труду, своей земле, поселению, к социальному окружению. Это настоящие трудоголики, на которых держится сельская территория и сельское хозяйство. В большей степени селяне работают на селе, чем живут здесь:

«На селе живут совершенно особые люди, ментальность совершенно другая» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

«Здесь в основном работающие, преданные люди, которые привязаны к дому» (эксперт № 26, мужчина, производство хлебопродуктов).

«Отличаются жители сельских территорий от горожан. Мне кажется, это более добрые люди, ответственные, дисциплинированные. У них ответственность лежит за то, что они на себя взяли» (эксперт № 35, женщина, сельскохозяйственный потребительский кооператив).

Хотя предприимчивость, находчивость, выдержка, дисциплина — отличительные характеристики, которые всё более утрачиваются:

«На селе другие люди, особые, но они кончаются, к сожалению. У меня брат родной занимается овощами профессионально, у него есть десятки гектаров, современное оборудование, технологии, он сам ездит, на тракторе работает даже. А есть такие, кто раз уткнулся, по зубам получил. И всё, убегают. А деревня пустая остается...» (эксперт № 6, мужчина, растениеводство).

5. Наименьшей по частоте упоминаний, но не по значимости, оказалась категория «Проблемы». В данную категорию отнесли само смыслообразующее слово «проблема» (175), а также «тяжело» (43 упоминания в контексте самостоятельного ведения и развития бизнеса, удержания и привлечения работников на производство), «возможности» (37 упоминаний в контексте отсутствия возможностей по найму квалифицированных кадров, обеспечению сменяемости работников, развитию хозяйства), «молодежь» (22 упоминания в контексте оттока молодежи из села, отсутствия образованных и непьющих молодых людей). Относительно нечастое упоминание проблем, с которыми сталкиваются бизнесмены, работая на сельской территории, на наш взгляд, подчеркивает их характерную черту — в большей степени полагаться на собственные силы, не прибегая к сторонней помощи:

«Только на себя надеяться. Сегодня помогут — дай бог, не помогут — ладно» (эксперт № 6, мужчина, растениеводство).

«За помощью ни к кому не обращаюсь, делаю сама бизнес, у меня прекрасно налаженный процесс» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

«Возникнут проблемы — значит мы их должны решать сами. В сельском хозяйстве так: ты должен всё просчитать» (эксперт № 21, женщина, животноводство).

Поэтому, отвечая на вопросы, предусмотренные планом интервью, о препятствиях в работе и необходимых мерах поддержки, бизнесмены чаще уходили от частных проблем, касающихся только их предприятия, и поднимали проблемы более общего характера, характерные для сельских территорий в целом. На фоне общего оттока населения из сельских поселений актуализируется кадровый вопрос. Тяжелый сельскохозяйственный труд не является привлекательным даже за хорошую заработную плату. Кроме того, для маленьких деревень, удаленных территорий проблема девиантного поведения стоит достаточно остро. Например:

«Есть такая частичная деградация слоев сельского населения, потому что работать не хотят...» (эксперт № 21, женщина, животноводство).

«Да, сейчас работать вилами тяжело. Даже если платить ему 50 тысяч, он не будет работать. А кто в сельском хозяйстве, в основном — это вилы, сено, навоз» (эксперт № 59, мужчина смешанное с/х).

«Молодежь есть, но без толка. У кого есть толк — пьют все. Положиться не на кого. Я семь лет на пенсии, а работаю» (эксперт № 42, женщина, животноводство).

Недостаточность ресурсов у мелких бизнесменов для найма хороших (с позиции профессиональных и личных характеристик) работников также влияет на качество рабочей силы, о чем говорит следующее суждение информанта:

«Мелкие предприятия нанимают себе алкашей, за которыми нужен глаз да глаз. Мне их очень жаль, потому что я с ними постоянно сталкива-

юсть, и это люди, которые выросли на земле, способные и умеющие работать» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

С точки зрения проблем, характерных для внешней предпринимательской среды сельских бизнесменов, отмечается следующее. Для мелких сельхозпроизводителей сохраняются проблемы продвижения товара. На фоне несоотнесимых объемов мелкие компании не выдерживают конкуренции с крупными игроками и не имеют «нацеленности на рынки в глобальном масштабе». На рынке розничной торговли продуктами питания ключевыми игроками являются торговые сети, которые диктуют свои условия в части доставки, упаковки, маркировки товара, а часто и его цены. И эти условия далеко не всегда приемлемы для некрупных производственных компаний:

«Мы говорили, что предлагаем качественную продукцию, а у нас они [торговые сети] ее не берут, потому что дорого. А дешевле мы не можем... Нам говорят выбирать сырье низшего качества, по-другому туда не попасть. А без них не выжить. Вот и всё» (эксперт № 26, мужчина, производство хлебопродуктов).

Торговые сети имеют другой уровень товародвижения и логистики, а мелкие компании не имеют на них влияния:

«Мы не конкуренты тем поставщикам продукции, которые имеют миллиарды за спиной. ...Люди больше покупают в этих супермаркетах» (эксперт № 49, мужчина, животноводство).

С помощью следующего инструмента визуализации *MAXQDA Plus 2020* построена карта взаимосвязи кодов (названий категорий, соотнесенных с соответствующими фрагментами интервьюируемых) (рис. 4).

Каждый объект на карте символизирует код, а расстояние между ними указывает на тесноту их взаимосвязи. Бóльший размер объекта обозначает бóльшее

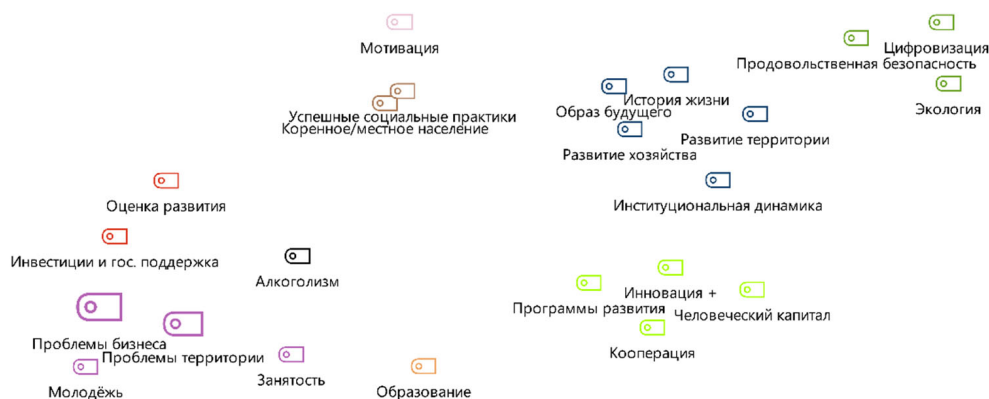

Рис. 4. Карта кода

Fig. 4. Code map

количество фрагментов интервью, соотнесенных с этим кодом. Анализ взаимосвязи кодов был произведен с помощью опции «Перекрытие кодов в сегменте», что позволило представить, насколько тесно расположены коды, присвоенные одновременно одному фрагменту интервью или его частям. В данном случае коды не обязательно должны единолично покрывать полностью весь фрагмент. Каждый информант в силу особенностей повествования мог затронуть в одном высказывании (или в ответе на один вопрос) несколько разных тем. Программа автоматически сгруппировала коды в кластеры, выделив их цветом. В наиболее крупный «синий» кластер попали коды «Институциональная динамика», «Развитие территории», «Образ будущего», «Развитие хозяйства», «История жизни». Аналогично облаку слов, карта кода демонстрирует связь между ремеслом бизнесменов и нарративами интервью. Дело в том, что наиболее крупным кодом на карте является «Проблемы бизнеса».

Построенное облако слов, группа смысловых категорий с часто употребляемыми словами и карта кода имеют опосредованную связь. Слова с высокой частотой употребления и поправкой на содержание смысла (облако слов) дают представление об ассоциативных ключевых словах в высказываниях бизнесменов, представляют собой ограниченную информацию без учета контекста их употребления. Тематические категории характеризуют тематическую окраску содержания облака слов и контекст их употребления в конкретных высказываниях или группах высказываний. Тематические кластеры (карта кода) позволяют судить о близости, пересечении тематических категорий как по содержанию высказываний, так и по количеству и объему высказываний.

Обсуждение и выводы

В приоритете для бизнеса в сегодняшних условиях — выстраивание диалога между участниками бизнес-процессов и субъектами внешней среды, включая представителей власти.

Как показали результаты исследования, бизнес дистанцируется от органов власти, рассчитывая в большей степени на себя. Вместе с тем затруднительные условия ведения сельского хозяйства в нашей климатической зоне, высокие издержки сельхозпроизводства и переработки практически не позволяют вести бизнес в этих отраслях без поддержки государства, следовательно, предполагается высокая степень взаимодействия «власть — сельскохозяйственный бизнес». Например, одно из высказываний:

«Программы, конечно, они роль большую играют. Даже в сельхозпроизводстве они большую роль играют. Там тоже государство оказывает им поддержку» (эксперт № 4, мужчина, муниципальная исполнительная власть).

Не только жизненные обстоятельства приводят бизнесменов к обращению за помощью к властным структурам, но и положительный опыт подобных взаимодействий:

«...Письмо от меня — это одно, а письмо от главы — это, естественно, другое. Мы сегодня с областным департаментом, наши программы переданы. Нас слышат» (эксперт № 7, мужчина, животноводство).

Подобного рода деловые контакты нередко иницируются «сверху» как инструмент продвижения перспективных предпринимателей:

«По стечению обстоятельств меня позвали быть управляющей делами... уже зная нашу репутацию, директор дома культуры сама вышла на меня и предложила: „Не хотите ли вы взять кафе?“ <...> ... Опять же власть вышла на меня: „Не хотите ли вы заняться этим бизнесом?“» (эксперт № 25, женщина, общепит).

Продемонстрировано единодушие информантов во мнении, что структура агропромышленного комплекса складывается не в пользу мелких предпринимательских структур в связи с появлением таких игроков, как мегафермы и агрохолдинги. И это является новым рыночным вызовом для сельскохозяйственных предпринимателей. Неслучайны обеспокоенные высказывания о государственных приоритетах (по оценкам мелких производителей) в пользу именно крупного бизнеса:

«Я понимаю глав районов, потому что, когда заходит крупное предприятие, оно несет налоги в бюджет района, рабочие места, благополучие. Я бы тоже отдавала предпочтение крупным. А мелкие... придет Васька-тракторист, скажет, что хочет купить две коровы и заниматься. Не всегда есть убежденность в том, что Васька-тракторист доведет дело до конца» (эксперт № 5, женщина, животноводство).

«Малые формы более уязвимы, подвержены всяким катаклизмам. Их тоже надо содержать» (эксперт № 49, мужчина, смешанное с/х).

При этом именно развитие фермерских хозяйств, мелкого и среднего бизнеса на селе может стать одним из решений вопроса сохранения и воспроизводства сельского населения, проблемы деградации сельской территории.

Возможный способ развития хозяйства, а для многих мелких фермерских хозяйств и способ выживания, бизнесмены видят в сотрудничестве с крупными партнерами или кооперации с рыночными игроками их уровня:

«Мы уже имели сотрудничество с ХХХ [указывается крупный в регионе животноводческий комплекс]. <...> ... Они с нами. Купили свиней сначала, попробовали, своих животных воспроизвели» (эксперт № 57, мужчина, животноводство).

«Вот когда не было свинины, сразу всё сделали. Давали 2 поросенка из свинофермы частнику, один остается ему, а одного ты сдаешь. И давали тебе еще 500 килограммов комбикорма. После такого и у тебя интерес есть, сдал, а у тебя еще остался поросенок» (эксперт № 1, мужчина, региональная законодательная власть).

Различные формы социальной активности и реализация социальной ответственности по отношению к своему персоналу способствуют решению другой отмеченной в исследовании, значимой для предпринимателей проблемы — недостаточности квалифицированных кадров. Они решают этот вопрос рекрутингом работников в близлежащих поселениях или соседних областях. Работники привлекаются предоставляемым жильем, хорошими условиями и оплатой труда. Предприниматели осознают, что особый подход нужен к работе с молодежью, и их непосредственный вклад в эту работу может быть существенным. Налаживается сотрудничество с учебными заведениями, организуются практики на предприятиях и наем выпускников. Некоторые бизнесмены организуют обучающие и просветительские площадки для детей со школьного возраста для их привлечения в сельское хозяйство:

«...Мы начали решать социальные вопросы, строительство жилья, различные положения по мотивации выстраивать. И вопрос с кадрами у нас начал закрываться. Сейчас главная задача — развитие людей. Мы оплачиваем полностью обучение, практику у нас проходят, мы можем отправить на любое предприятие. Стараемся сюда притащить молодежь... <...> В школе идет подготовка деток. Занимаются при техникуме, к нам приезжают на производство... <...> Результат есть. Дети остаются» (эксперт № 11, мужчина, смешанное с/х).

«Мы в течение трех лет молодых специалистов по пять в год устраиваем. Обучаем сразу на производственном месте: руководитель структурного подразделения плюс наставник» (эксперт № 56, мужчина, животноводство).

Таким образом, в целом выводы по исследованию относятся к малым и средним бизнесменам, в ведении которых располагаются небольшие локальные производственные мощности и которые не имеют налаженных ресурсных связей с городом.

Жизненные истории бизнесменов конструируются вокруг ключевых вех профессионального развития: семья, получение высшего образования, первый профессиональный опыт, возникновение жизненной трудности (как правило, внешнего характера), восстановление после потрясения, профессиональный рост. Переход к рыночной экономике стимулировал формирование предпринимательских структур на селе, но предпринимательство было скорее вынужденным, как одна из стратегий выбора новой сферы деятельности бывших руководителей и членов коллективных и совместных хозяйств.

Род деятельности бизнесменов определяет соответствующее мышление, поведение и темы повествования в их рассказах. Первоочередная ежедневная забота информантов — сельскохозяйственная деятельность. Накопленный опыт, знания и навыки, понимание проблем и представления об их решении вплетаются в разговорные практики бизнесменов, перенаправляя тот или иной вопрос для обсуждения в профессиональное русло о знакомом и волнующем.

Жизненные представления о «своем и чужом» формируются не только относительно дихотомии «селяне — горожане», но и «региональная власть — федеральная власть». Бизнесмены не ощущают желаемого внимания со стороны представителей федеральной власти. В то же время личные связи с «районом» являются поддержкой и опорой в трудный момент.

Крупнейшими проблемами села и сельского хозяйства, которые обнаруживаются в рассказах бизнесменов о своей жизни, являются отток молодежи и кадровый вопрос. Сами же бизнесмены отличаются находчивостью и не просто говорят об этих проблемах, но и выражают собственную готовность и предлагают варианты по их разрешению. Неслучайно высказывание одного из информантов о том, что сельские территории Тюменской области способны обеспечить себя самостоятельно и оказывать помощь соседним регионам, если все люди будут работать в полную силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова С. Ю. Дилемма «Фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения / С. Ю. Барсукова // *Общественные науки и современность*. 2016. № 5. С. 63-74.
2. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
3. Виноградский В. Г. Экология сельского мира как предмет социологического исследования / В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская, Е. С. Никулина // *Крестьяноведение*. 2020. Том 5. № 1. С. 125-142. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-125-142
4. Давыденко В. А. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, М. В. Худякова // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 79-129.
5. Зубаревич Н. В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности / Н. В. Зубаревич // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2013. № 3. С. 26-38. DOI: 10.15356/0373-2444-2013-3-26-38
6. Кобяк О. В. Феномен предпринимательства как объект социологических исследований / О. В. Кобяк, И. А. Андрос // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018. № 1. С. 64-72. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/195041/1/64-72.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
7. Некрасов С. И. Научно-прикладные проблемы психологии малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве / С. И. Некрасов, Д. И. Останин, Ю. А. Некрасова // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2016. № 2. С. 106-119.
8. Нефёдова Т. Г. Агропромышленная концентрация в российских регионах / Т. Г. Нефёдова // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2014. Том 44. № 4. С. 64-82.

9. Нефёдова Т. Г. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности / Т. Г. Нефёдова, Н. Е. Покровский, А. И. Трейвиш // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60-69.
10. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6-17.
11. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу [официальный сайт]. Официальные отчеты ФСГС по Тюменской области. URL: <https://tumstat.gks.ru> (дата обращения: 15.11.2021).
12. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / А. В. Чаянов. М.: Экономика, 1989. 492 с.
13. Шкараган М. О. Феномен предпринимателя: интерпретация понятий / М. О. Шкараган // Мир России. Социология. Этнология. 1994. Том 3. № 2. С. 149-177.
14. Rädiker S. Focused Analysis of Qualitative Interviews with MAXQDA / S. Rädiker, U. Kuckartz. Berlin: MAXQDA Press, 2020. 125 pp. DOI: 10.36192/978-3-948768072

Marina V. KHUDYAKOVA¹
Dmitriy I. SHASHKIN²

UDC 316.4

**AGRIBUSINESSMEN OF THE TYUMEN OBLAST SOUTH:
LIFE-STORIES ANALYSIS***

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

² Master Student, Department of General and Economic Sociology,
Research Lab Assistant of the Research Center,
Institute of Finance and Economics,
University of Tyumen
d.i.shashkin@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6681-008X

Abstract

Agricultural entrepreneurship, viewed as an essential structural factor for the development of economy and market relations in rural areas, is largely affected by the socio-economic context. The article discloses the realities of Russian agricultural entrepreneurship on the example of various forms of agribusinesses in the remote Russian countryside (companies, farms, peasant farms). Article aims to reveal the characteristic image of a rural businessman of the Tyumen oblast south. Empirical data are obtained as a part of a research project which studies the development of regional rural areas. Authors' narrative analysis of problematic issues is based on 59 expert in-depth interviews (21 with agribusinessmen, 38 with the ones of related occupations). In the theoretical aspect, the authors rely on classical and modern scientific literature on rural sociology, sociology of entrepreneurship and theoretical and methodological approaches that dominate in these areas of sociology. Qualitative data

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project no. 20-011-00087 «Institutional Factors and Forms of Rural Development».

Citation: Khudyakova M. V., Shashkin D. I. 2021. "Agribusinessmen of the Tyumen oblast south: Life-stories analysis". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 46-68.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-46-68

analysis allowed us to reveal: 1) main characteristics of a rural businessman, their actual qualities and skills necessary for their work; 2) internal and external factors of the business environment, that influence the efficiency of agribusiness. The problems of agriculture and rural areas, considered as barriers to business-activity development, are contextually identified. Scientific novelty of results is determined by the original empirical data, obtained through expert interviews, as it can be used in further research within this field. The application of *MAXQDA Plus 2020* tools for analysis and interpretation of qualitative and mixed data is of practical importance.

Keywords

Entrepreneurship, business, rural area, the image of the entrepreneur, entrepreneurial environment.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-46-68

REFERENCES

1. Barsukova S. Yu. 2016. "The dilemma of the 'farmers vs agricultural holdings' in the context of import substitution". *Social sciences and contemporary world*, no. 5, pp. 63-74. [In Russian]
2. Shanin T. (ed.). 1992. *The great unknown. Peasants and farmers in contemporary world: Anthology*. Moscow: Progress, Progress-Academy. 432 pp. [In Russian]
3. Vinogradskiy V. G., Vinogradskaya O. Y., Nikulina E. S. 2020. "Ecology of the rural world as an object of sociological research". *Russian peasant studies*, vol. 5, no. 1, pp. 125-142. [In Russian]
4. Davydenko V. A., Andrianova E. V., Khudyakova M. V. 2020. "Contemporary world contexts of rural sociology in the Russian rural life realities". *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 6, no. 3 (23), pp. 79-129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129 [In Russian]
5. Zubarevich N. V. 2013. "Transformation of rural settlement pattern and service network in rural areas". *Russian Academy of Sciences journal. Geographic series*, no. 3, pp. 26-38. DOI: 10.15356/0373-2444-2013-3-26-38 [In Russian]
6. Kobayak O. V., Andros I. A. 2018. "The phenomenon of entrepreneurship as an object of sociological research". *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, no. 1, pp. 64-72. Accessed on 15 November 2021. <https://elibrary.by/bitstream/123456789/195041/1/64-72.pdf> [In Russian]
7. Nekrasov S. I., Ostanin D. I., Nekrasova Yu. A. 2016. "Scientific-applied problems of small and medium sized enterprise psychology in the rural economy". *Psychology. Historical-critical reviews and current researches*, no. 2, pp. 106-119. [In Russian]
8. Nefedova T. G. 2014. "Agroindustrial concentration in Russian regions". *All-Russian economics journal ECO*, vol. 44, no. 4, pp. 64-82.
9. Nefedova T. G., Pokrovskiy N. E., Treivish A. I. 2015. "Urbanization, desurbanization and rural-urban communities in the face of growing horizontal mobility". *Sociological studies*, no. 12, pp. 60-69. [In Russian]

10. Toshchenko Zh. T. 2016. "Life world and its meanings". Sociological studies, no. 1, pp. 6-17. [In Russian]
11. Department of the Federal State Statistics Service for the Tyumen Region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. [Official website]. Official Reports of Federal State Statistics Service in Tyumen Region. Accessed on 15 November 2021. <https://tumstat.gks.ru> [In Russian]
12. Chayanov A. V. 1989. Peasant business: Selected works. Moscow: Economy. 492 pp. [In Russian]
13. Shkaratan M. O. 1994. "Phenomenon of entrepreneur: Interpretation of concepts". Russian world. Sociology. Ethnology, vol. 3, no. 2, pp. 149-177. [In Russian]
14. Rädiker S., Kuckartz U. 2020. Focused Analysis of Qualitative Interviews With MAXQDA. Berlin: MAXQDA Press. 125 pp. DOI: 10.36192/978-3-948768072

Анна Николаевна ТАРАСОВА¹
Екатерина Александровна КОСТРОВА²

УДК 316.472.4

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК МЕХАНИЗМ ВКЛЮЧЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ В ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ*

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) a.n.tarasova@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-9448-2893

² студентка направления «Публичная политика», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) kostrovaekaterina1504@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию роли социальных сетей в развитии территории через включение отдельных людей в социальные сообщества, оказывающие влияние на социально-экономическое, социокультурное развитие городов и регионов. Под социальной сетью в работе понимается структура социальных связей и взаимоотношений между людьми, основанная на уважении, общих интересах и взаимопомощи. Статья раскрывает некоторые взаимосвязи между показателями социальной сети (как структуры взаимодействия между людьми) и условиями жизни (как характеристиками уровня развития территории), а также показывает, через какие социальные связи чаще всего осуществляется включение человека в практики социального участия,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00471А).

Цитирование: Тарасова А. Н. Социальные сети как механизм включения жителей в практики социального участия для развития территории / А. Н. Тарасова, Е. А. Кострова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 69-84.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

способствующие развитию территории. Для решения поставленных задач задействованы метод корреляционного анализа открытой базы данных аналитического центра Legatum Institute и анализ социальных графов, построенных на основе данных социальной сети «ВКонтакте». Обнаруживаются слабо-умеренные, но статистически значимые связи между показателями территориального развития и индикаторами, определяющими качество социальной сети (уровень уважения, общность интересов и помощь другим). В результате исследования выявлен механизм разнонаправленных взаимосвязей социальных сетей и условий жизни, за счет которого может обеспечиваться территориальное развитие даже в ситуациях кризиса и экономической нестабильности. Анализ социальных графов показал, что социальная сеть очень сильно отличается у людей социально активных и социально пассивных по количеству социальных связей, по числу социальных общностей, в которые они включены, по типу этих общностей. Сделан важный вывод о том, что вуз чаще способствует включению в практики социального участия именно за счет развития новых связей в социальной сети. А вот школа этому мало способствует. Также отмечается сравнительно низкий уровень включения молодежи в деятельность территориальных сообществ (ТСЖ, дворовых, домовых, городских сообществ и т. п.), что требует дальнейшего более детального изучения.

Ключевые слова

Социальная сеть, социальные связи, социальные сообщества, местные сообщества, социальные графы, социальное участие, социальная активность, развитие территорий.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

Введение

В представленной работе «социальная сеть» трактуется не в обыденном понимании, как онлайн-платформа для общения, а более широко — как структура социальных связей и взаимоотношений между людьми, основанная на уважении, общих интересах и взаимопомощи. Участие в различных культурных мероприятиях города, субботниках по уборке территории и прочее не реализуется в одиночку. Именно поэтому важна роль социальных сообществ (узлов социальной сети), позволяющих аккумулировать усилия многих людей для обеспечения устойчивого социально-экономического и культурного развития города. Неспроста среди исследователей даже появился термин «умные сообщества» [11], который как раз развивает концепцию вклада социальных сообществ в развитие территории (города, региона). В эпоху цифровизации данная тема актуализируется и привлекает внимание исследователей тем, что именно социальные сети, в которых осуществляется социальное взаимодействие, способны оказывать значимое влияние на развитие города и региона. Практическая значимость работы заключается в поиске возможностей использования потенциала социальных сообществ для развития территорий, определения возможных технологий присоединения отдельных людей к значимым для территориального развития сообществам.

Цель данной исследовательской работы — выделить особенности использования социальных сетей (как структуры взаимодействия между людьми) в развитии территории и обозначить механизмы присоединения отдельных людей к социальным сообществам, вносящим значимый вклад в культурное и социально-экономическое развитие города/региона. Для достижения поставленной цели определено две ключевых задачи:

- 1) выявить существующие взаимосвязи между качеством социальных сетей и социально-экономическим развитием территорий, одним из последствий которого является улучшение условий жизни населения;
- 2) определить, через какие социальные общности человек включается в новые для него социальные структуры, способствующие социокультурному и социоэкономическому развитию территории.

Первая задача реализована посредством корреляционного анализа открытой базы данных индикаторов индекса процветания стран мира [2]. Достижение второй задачи осуществлялось с помощью метода анализа социальных графов.

Теоретическая основа исследования

Теоретические рамки исследования заданы концепцией социальной сети как элемента социального капитала и исследованиями роли социальной сети в территориальном развитии. Многие современные авторы рассматривают социальную сеть как онлайн-платформу, что является логичным в современную эпоху широкого распространения сети Интернет. Но в данном исследовании понятие «социальная сеть» трактуется более широко, как структура социальных связей и взаимоотношений между людьми, основанная на уважении, общих интересах и взаимопомощи. При этом учитывается, что Интернет оказывает определенное влияние на развитие социальных сетей и сообществ в них.

Как отмечают М. М. Хайкин и А. Б. Крутик, одним из способов существования социальной сети в настоящее время является Интернет, именно в нем происходит зарождение новых сообществ [9, с. 86]. При этом виртуальные социальные отношения способны переходить в реальную жизнь и наоборот. Таким образом, сообщества, зародившиеся в сети Интернет, могут становиться реальными и влиять на общество [6]. В своей статье В. А. Сергодеев показывает, что развитие Интернета и появление в нем виртуальных сообществ приводит к тому, что комьюнити начинают рассматривать не как территориальные общности, а как сети социальных отношений, при этом сообщество рассматривается как объединение людей, которые находятся во взаимодействии друг с другом на основе общих целей и интересов [7]. Такой подход популярен среди исследователей и сейчас [8].

Изучая местные сообщества, С. А. Мартышкин, Д. В. Прохоров и В. М. Цлаф выделяют главное, что объединяет местные сообщества. И это не совместная территория, а общие интересы, но так как участники данных сообществ живут на одной территории, то у них так или иначе появляются интересы, связанные с их местом жительства, общей территорией [1, с. 47]. Данные авторы считают,

что сообщества имеют большой потенциал в развитии экономического и социокультурного пространства городов/регионов/стран посредством реализации различных программ, идей, проектов в рамках своих интересов, но также влияющих на улучшение условий жизни населения в целом, причем деятельность таких сообществ чаще всего осуществляется на безвозмездной основе [1]. Таким образом, сообщества имеют большой потенциал в развитии пространства территории, они могут более эффективно выражать свои интересы, чем отдельные люди, и в целом развитие городов в принципе невозможно без местных сообществ.

Местные сообщества также рассматриваются с точки зрения привлечения ресурсов для реализации различных проектов развития территорий. В работе А. А. Чернеги показано, что особенно это важно для маленьких городов и сельских поселений, жизнь которых напрямую зависит от активности местных сообществ, способных привлечь ресурсы извне с помощью различных инструментов: инициативного бюджетирования, проектно-грантовой деятельности, локального инвестирования, информационной и PR-деятельности в социальных сетях, конструирования туристических достопримечательностей [10]. Таким образом, данные сообщества, реализуя свои интересы, на которые им необходимо привлечение ресурсов, будут напрямую влиять на развитие экономического и социокультурного пространства территорий, на которых они проживают.

Поскольку социальные сети — это один из элементов социального капитала, то в отдельный блок можно выделить исследования, в которых изучается именно роль социального капитала в развитии территорий. Так, М. М. Хайкин и А. Б. Крутик представляют социальный капитал как качество социальных отношений, определяемое уровнем доверия, способностью прийти на помощь, уровнем включенности людей в социальные отношения, и показывают, что без роста социального капитала невозможно развитие городов [9].

Дополнительный аспект, рассматриваемый в работе, — это проявляемая самими людьми социальная активность или пассивность по отношению к своему региону. Понятия «социальное участие», «социальная активность», «потенциальное участие» детально разобраны в работах М. В. Певной [3-5].

Таким образом, все авторы отмечают, что социальные сети (как структуры взаимодействия между людьми) способствуют развитию территории (через совместную деятельность, инициацию новых проектов, привлечение ресурсов и др.). Отмечается, что местные сообщества, сформированные на основе общности интересов, способствуют улучшению качества жизни населения. Но при относительно большом числе работ по данной проблематике ощущается дефицит исследований, которые бы раскрывали механизм включения отдельных людей в сообщества, вносящие вклад в развитие территории через привлечение к различным практикам социального участия.

Методология исследования

В данной статье объединены в единое целое результаты двух разных исследований, раскрывающих принципиально разные аспекты социальных сетей как

механизма включения жителей в практики социального участия для развития территории. Первое — это статистический анализ показателей по странам, позволяющий проверить наличие взаимосвязи между качеством социальных сетей и условиями жизни городской среды. Второе — это изучение социальной сети отдельных людей (взяты молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет), чтобы понять, как меняются характеристики сети в зависимости от уровня включенности в практики социального участия для развития территории (взято 3 группы: социально активные, потенциально активные и пассивные). Соответственно для каждого из исследований использовались свои методы — это корреляционный анализ и анализ социальных графов.

Корреляционный анализ осуществляется на основе панельных данных, собранных лондонским аналитическим центром Legatum Institute по 167 странам мира за последние 14 лет: с 2007 по 2020 г. В целом база состоит из 12 элементов, включающих 66 различных показателей, измеряемых почти по 300 отдельным индикаторам [2]. Благодаря большому числу наблюдений по годам и странам корреляционный анализ покажет объективные и достоверные связи, позволит определить динамику развития социальных сетей и условий жизни, а также сопоставить по странам. Оценка качества социальных сетей (Social Networks) в нашем исследовании определяется тремя индикаторами: уровнем уважения, общности интересов и помощи другим (в базе это соответствующие индексы), и измеряется в баллах от 0 до 100. Показатель «условия жизни» (Living Conditions) также измеряется в баллах от 0 до 100 и определяется такими индикаторами, как доступ к различным услугам (услугам водоснабжения и чистой воде, электричеству, мобильной связи, дорогам и др.), возможности их получения и удовлетворенность качеством этих услуг.

Вторым методом, используемым в данной работе, стал анализ социальных графов, проведенный с помощью Jupyter Notebook¹ и Gephi². На основе страничек в социальной сети «ВКонтакте» были построены схемы социальных графов для 30 человек примерно одного и того же возраста (18-25 лет) и социального положения, в том числе 10 социально активных человек, 10 потенциально активных и 10 пассивных. Отбор целевой по возрасту и уровню активности. Под социально активными людьми принимались те, кто систематически принимает участие в какой-либо общественной деятельности, влияющей на развитие территорий. За потенциально активных взяты те, кто, во-первых, выражает готовность к социальному участию, во-вторых, когда-либо принимал такое участие, но разовое, а не систематическое. К пассивным отнесены те, кто практически не принимал участия в какой-либо деятельности, влияющей на развитие территории, и выражает неготовность к такому участию. Выборка целевая. Анализ

¹ Jupyter Notebook — это веб-приложение с открытым исходным кодом, которое позволяет очищать и перерабатывать данные, осуществлять числовое и статистическое моделирование, визуализировать данные и многое другое.

² Gephi — это пакет программного обеспечения с открытым исходным кодом для визуализации и анализа связанных данных.

социальных графов проводился на предмет того, каким образом человек включается в новые для него социальные структуры, относящиеся к волонтерским, добровольческим или другим общественно-полезным сообществам, влияющим на социокультурное развитие территорий. В данной работе представлены лишь некоторые из составленных социальных графов, наиболее четко отражающих выделенные особенности, так как все показать здесь нет возможности из-за ограниченного объема.

Результаты

Прежде всего рассмотрим динамику качества социальных сетей с 2007 по 2020 г. в России в сравнении с Польшей (Польша за основу для сравнения взята, поскольку уровень социального доверия в этой стране наиболее близок к уровню в России¹). На представленном графике (см. рис. 1) виден постепенный равномерный рост показателя в России: она еще немного отстает от Польши, но, в отличие от 2007 г., в 2020 г. этот разрыв становится минимальным. За прошедшие годы Россия переместилась со 137-го на 108-е место в мировом рейтинге.

За этот же период по показателю «условия жизни» Россия изменила свой рейтинг с 65-го на 58-е место. На рис. 2 представлена динамика этого показателя. Можно увидеть, что наблюдается медленный постепенный рост в обеих странах, но всё же качество условий жизни в России остается ниже, чем в Польше.

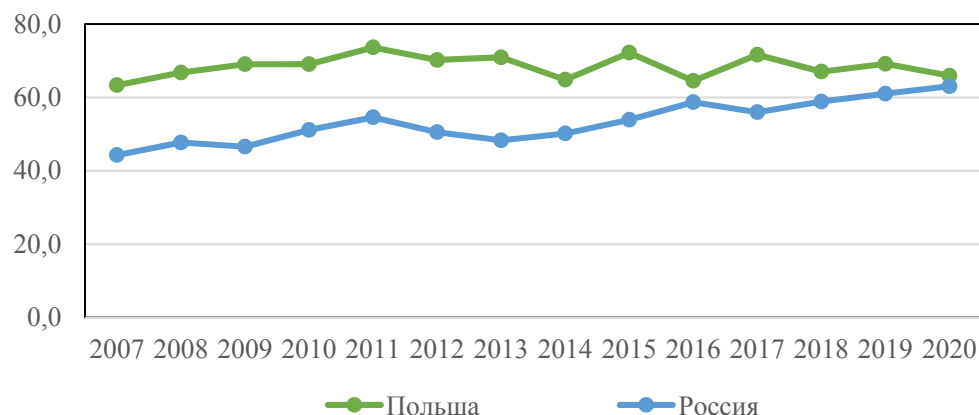

Рис. 1. Динамика балльной оценки качества социальных сетей (Social Networks) в России и Польше

Источник: построено автором на основе данных открытой базы LEGATUM PROSPERITY INDEX.

Fig. 1. Dynamics of score assessment of social networks quality in Russia and Poland

Source: compiled by the author, based on data from an open database LEGATUM PROSPERITY INDEX.

¹ См., например, World Values Survey Wave 1 to 6 Key Aggregates, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

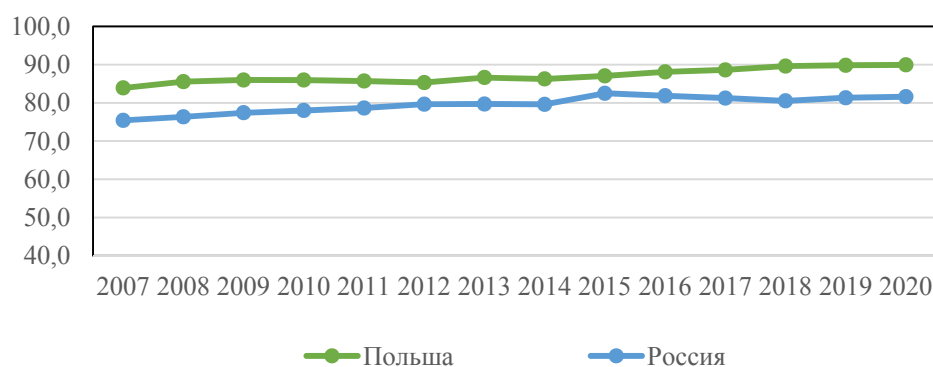

Рис. 2. Динамика балльной оценки условий жизни населения в России и Польше
Источник: построено автором на основе данных открытой базы LEGATUM PROSPERITY INDEX.

Fig. 2. Dynamics of the score assessment of the population's living conditions in Russia and Poland
Source: compiled by the author, based on data from an open database LEGATUM PROSPERITY INDEX.

Анализируя взаимосвязи между данными показателями и их составными индикаторами, можно отметить, что такие составляющие условий жизни, как доступ к различного рода услугам, удовлетворенность качеством жилья, качеством дорог имеют хоть и не сильные (коэффициент корреляции Пирсона на уровне 0,3-0,4), но статистически максимально значимые связи (ошибка менее 0,001) с качеством социальных сетей (уровнем уважения, общности интересов и помощи другим). Учитывая влияние огромного количества других факторов на эти показатели, такая сила связи между условиями жизни населения и социальными сетями может считаться весьма существенной. При этом следует отметить разнонаправленность связей между отдельными индексами, составляющими показатель «социальные сети», и показателем условий жизни. Отмечается наличие прямых связей с индикаторами «уровень уважения» и «общность интересов», но при этом обратная связь с индикатором «помощь другим», т. е. рост качества жизни сопровождается ростом уважения и общности интересов в социальных сообществах, но при этом снижением помощи другим. И наоборот, при снижении качества жизни отмечается рост помощи другим, но уважение и общность интересов уменьшаются. Можно предположить, что именно благодаря такому противоречивому механизму взаимосвязей социальных сетей и условий жизни может обеспечиваться территориальное развитие даже в ситуациях кризиса и экономической нестабильности, когда помощь другим возрастает даже при наличии разрыва общности интересов. Например, в ситуации пандемии уровень социальной активности в направлении помощи другим возрос, что помогает преодолевать существующие трудности. Но требуются дальнейшие более детальные исследования этого механизма.

Таким образом, включенность в социальные сообщества и развитие социальных сетей в России идет достаточно быстрыми темпами. Доказано наличие статистически значимой связи между индикаторами, определяющими качество социальной сети (уровень уважения, общность интересов и помощь другим) и показателями территориального развития. Далее проведем анализ социальных графов отдельных людей, сравнив схемы социально активных людей (систематически принимающих участие в какой-либо общественной деятельности, влияющей на развитие территорий), потенциально активных (участие разовое, но имеется готовность к участию) и пассивных (характеризуются отсутствием готовности к участию в разного рода активностях по развитию территории).

На рисунках ниже визуализированы социальные графы разных людей, где каждый цвет обозначает отдельный кластер (социальную общность), в которую включен человек. Следует отметить, что кластеры выделяла программа, причем у каждого человека выделялись (и произвольно раскрашивались в разные цвета) свои специфические социальные общности, в которые он включен (например, у отдельных людей родственники и друзья были как один кластер, а у кого-то даже родственники могли быть разделены на два). Респонденты объясняли, что за люди попали в один кластер, таким образом эти социальные общности в исследовании идентифицировались. При этом некоторые единичные кластеры идентифицировать не удалось, т. к. даже сам респондент не смог объяснить, по какому принципу программа собрала этих людей в одну социальную общность. Достаточно хорошо идентифицировались кластеры «школа» (одноклассники, учителя, школьные товарищи), «вуз» (знакомства из вуза: преподаватели, соскурсники, знакомые из студсовета и др.), «родственники», «коллеги по работе». Хуже — некие «производные» кластеры, связанные с включенностью прежде в какие-то проекты (знакомства типа «вместе участвовали на молодежном форуме», «знакомые по работе в молодежном правительстве» и т. п.). Задача исследования состояла не в том, чтобы полностью идентифицировать все кластеры, а в том, чтобы изучить конфигурацию этих сетей — количество социальных общностей и социальных связей, основные кластеры.

Для схем социально активных людей (рис. 3) характерно: 1) огромное количество социальных связей, 2) социально активные люди включены не менее чем в 6 и более социальных групп (в среднем 8-9), 3) причем как минимум одна — это общность вне ближнего окружения (к ближнему окружению относятся родственники, коллеги по работе, друзья, одноклассники, одноклассники и т. п.).

У потенциально активных людей обычно количество связей и общностей меньше, чем у социально активных людей, и они включены не более чем в 5-7 социальных общностей (рис. 4).

Но здесь не всё однозначно. Например, на схеме слева на рис. 4 отмечается большое число социальных связей, но даже при увеличенном числе контактов все они ограничены общностями ближнего окружения (друзья, школа, родственники, институт). Данная схема построена для человека, сменившего недавно место жительства при поступлении в вуз, поэтому видно, что социальные связи

института (на схеме этот кластер обозначен голубым) несколько изолированы от остальных. А вот остальные кластеры, в которые человек был включен ранее, тесно взаимосвязаны друг с другом, что более характерно для социально активных людей. Однако переезд в другой город отграничивает их, делая таким образом мало приемлемыми для вовлечения человека в различного рода социаль-

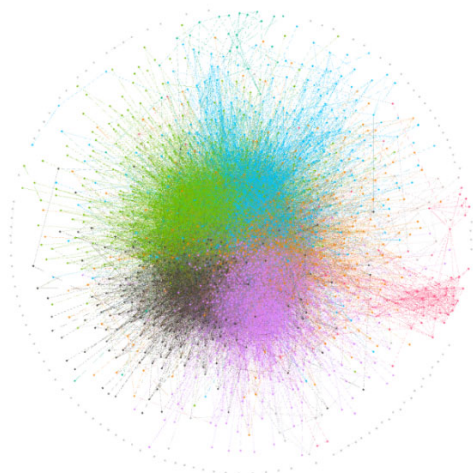

Рис. 3. Пример схем социальных связей социально активных людей

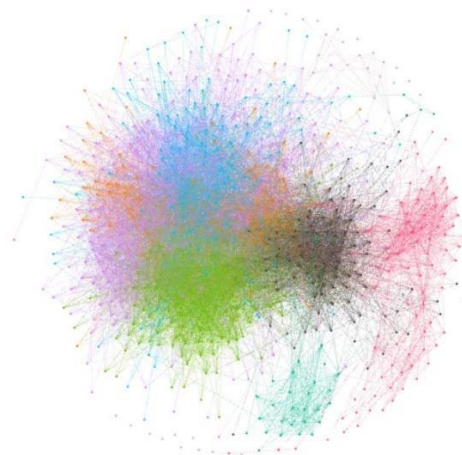

Fig. 3. An example of schemes representing social connections of socially active people

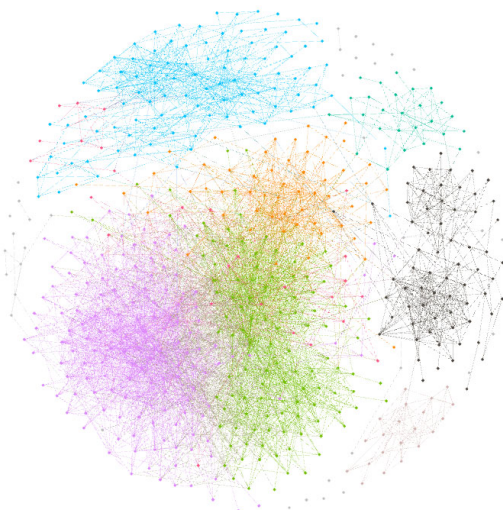

Рис. 4. Пример схем социальных связей потенциально активных людей

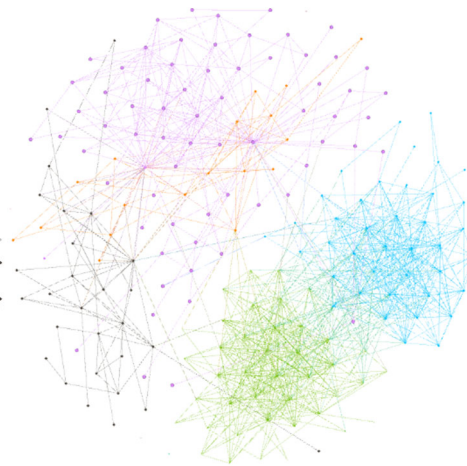

Fig. 4. An example of schemes representing social connections of potentially active people

ные активности. Вместе с тем, учитывая динамику накопления социальных связей в вузе, есть все основания полагать, что данный человек уже в ближайшем будущем сможет выйти на новую социальную общность вне ближнего круга и начнет систематически участвовать в какой-либо общественно-полезной деятельности на благо города.

В исследовании М. В. Певной отмечается, что доля тех, кто не участвует и не готов к социальному участию, согласно опросу, проведенному среди студенческой молодежи Свердловской области, составляет 36% (т. е. чуть более трети всех студентов) [4, с. 49]. В нашем исследовании при анализе социальных графов таких социально пассивных людей было отмечено, что такие люди включены в среднем в 3-5 социальных общностей, количество социальных связей у них гораздо меньше, чем у активных и потенциально активных людей, при этом все выделенные кластеры (социальные общности) имеют пересечение по ограниченному числу контактов, либо вообще их не имеют (см. рис. 5).

Рассматривая, через какие социальные общности происходит выход на новые социальные связи, можно сделать вывод, что родственники и школа в большинстве случаев являются относительно изолированными кластерами (в том числе и у социально активных и потенциально активных). Например, это отчетливо видно в схеме социальных связей социально активного человека на рис. 6, где школа обозначена оранжевым цветом, а кластер родственников в целом отсутствует. Чаще всего инициирует выход «на новый уровень» и включение в социальную активность именно вуз, выступая связующим звеном с новыми социальными общностями. Например, на том же рис. 6 институт выделен голубым цветом, и мы видим, что через него осуществлена связь с несколькими общественными и общественно-политическими организациями, осуществляющими регулярное привлечение человека к различным социально значимым проектам, в том числе и по территориальному развитию.

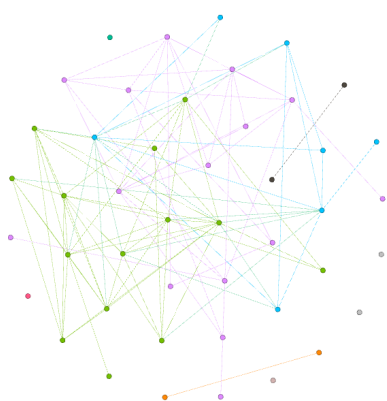

Рис. 5. Пример схем социальных связей социально пассивных людей

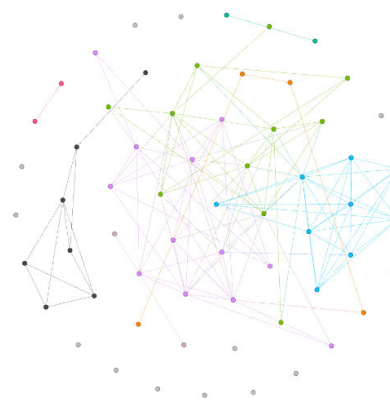

Fig. 5. An example of schemes representing social connections of socially passive people

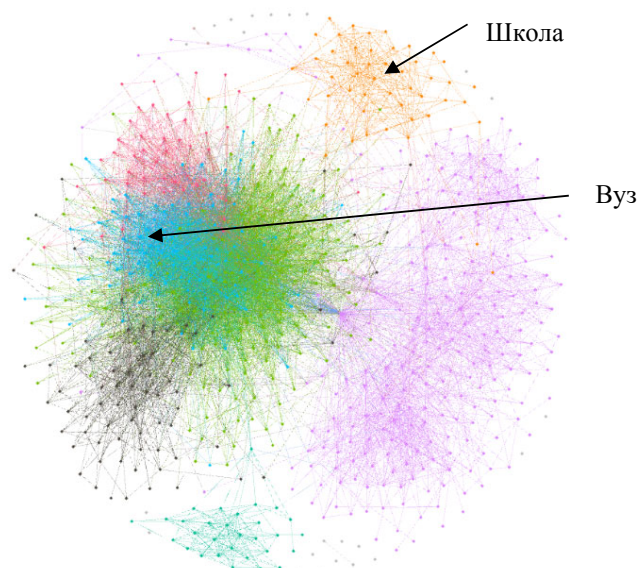

Рис. 6. Место школы и вуза в схеме социальных связей социально активного человека

Fig. 6. Place of school and university in a scheme of social relations of a socially active person

Вероятно, это связано с тем, что школа привлекает к различным проектам, но не дает возможности установить взаимодействие (социальные связи) с другими организациями, что ограничивает социальную активность учащихся только проектами самой школы. При отсутствии интереса к этим проектам закладывается неготовность к социальному участию в дальнейшем. Университеты же ориентированы на то, чтобы «связать» студентов с другими организациями — НКО, общественными организациями, органами власти, коммерческими организациями и др., что расширяет возможности (как и спектр возможных направлений) социального участия молодых людей и формирует основу для их долгосрочного и регулярного включения.

Также следует отметить, что чем активнее начинают формироваться социальные связи вне ближнего окружения, тем быстрее человек начинает включаться во всё новые и новые социальные общности (идет активное наращивание социального капитала). Кроме вузов значима роль общественных организаций, также активно помогающих формированию социальных связей и включению молодежи в значимую для развития территории социальную активность.

Еще одним значимым результатом исследования стало то, что была отмечена минимальная включенность молодежи в различные территориальные общности: сообщество горожан, ТСЖ, дворовые сообщества и т. д. Но учитывая, что метод построения социальных графов использовался для ограниченной выборки в 30 человек, можно это выделить лишь как вопрос, требующий более детального изучения, а не как достоверный вывод исследования.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие социальных сетей в России идет гораздо быстрее, чем повышение качества условий жизни, но радует положительная динамика. Исследование показало, что связь между качеством социальных сетей и условиями жизни населения действительно существует. Местные сообщества, образованные на общности интересов, способны оказывать значимое влияние на развитие территорий. В результате исследования выявлен механизм разнонаправленных взаимосвязей социальных сетей и условий жизни, за счет которого обеспечивается территориальное развитие даже в ситуациях кризиса и экономической нестабильности. Но требуются дальнейшие более детальные исследования этого механизма.

Исследование показало, что социальные сети (как структура социальных связей и взаимоотношений между людьми) очень сильно отличаются у людей социально активных и социально пассивных по количеству социальных связей, по числу социальных общностей, в которые они включены, по типу этих общностей. Сделан вывод о том, что школа не способствует раскрытию потенциала социального участия, а вот вуз справляется с этой задачей значительно лучше именно за счет развития новых связей в социальной сети.

Интересно, что даже в условиях цифровизации большинство социальных связей — это связи с «ближним окружением» (родственниками, друзьями из школы, вуза и т. п.). Отмечено, что включенность в разного рода территориальные сообщества (ТСЖ, дворовые, домовые, городские сообщества и т. п.) не характерна для рассмотренной выборки молодежи (в том числе и социально активной), что требует дальнейшего более глубокого и детального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартышкин С. А. Местные сообщества как фактор социокультурного развития территории (на примере г. о. Самара) / С. А. Мартышкин, Д. В. Прохоров, В. М. Цлаф // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 45-50.
2. Официальный сайт LEGATUM PROSPERITY INDEX. URL: <https://www.prosperity.com/> (дата обращения: 05.03.2021).
3. Певная М. В. Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. Ю. Быстрова [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт экономики и управления, Школа государственного управления и предпринимательства. Екатеринбург: Уральск, 2020. 244 с.
4. Певная М. В. Социальное участие студенчества России и Армении в социокультурном развитии городов / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, А. Н. Тарасова, Л. А. Асоян // Высшее образование в России. 2020. Том 29. № 7. С. 43-55. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-43-55

5. Певная М. В. Теоретическая концептуализация социального участия молодежи / М. В. Певная, А. А. Кузьминчук // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27-28 апреля 2020 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Уральский фед. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 33-36.
6. Селезнев Р. С. Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде / Р. С. Селезнев, Е. И. Скрипак // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. С. 125-131.
7. Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики / В. А. Сергодеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1. С. 132-137.
8. Сетевые сообщества как акторы социальных инноваций и стейкхолдеры стратегического развития городов (дискуссия на «Форуме стратегов») // Публичная политика. 2019. Том 3. № 1-2. С. 192-215.
9. Хайкин М. М. Социальный капитал и социальные сети / М. М. Хайкин, А. Б. Крутик // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. № 1. С. 85-92.
10. Чернега А. А. «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) / А. А. Чернега // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 3. С. 51-77.
11. Чуланова З. К. «Умное сообщество» как новая парадигма управления социально-экономическим развитием / З. К. Чуланова // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы II Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (Вологда, 16-18 мая 2017 г.). Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2017. С. 319-323.

Anna N. TARASOVA¹

Ekaterina A. KOSTROVA²

UDC 316.472.4

**SOCIAL NETWORKS AS A MECHANISM FOR INCLUDING
RESIDENTS IN SOCIAL PARTICIPATION PRACTICES
OF TERRITORY DEVELOPMENT***

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology and Public Administration,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)
a.n.tarasova@urfu.ru; ORCID 0000-0002-9448-2893

² Undergraduate Student of Public Policy,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)
kostrovaekaterina1504@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the role of social networks in development of a territory through the inclusion of individuals in social communities that influence the socio-economic, socio-cultural development of cities and regions. A social network in the present article refers to the structure of social relations and relationships between people, based on respect, common interests and mutual assistance. The study reveals some interconnections between indicators of a given social network (as structures of interaction between people) and living conditions (as characteristics of the level of territory development), and also shows through which social connections a person is most often included in social participation practices that contribute to development of a territory. In the study authors used the

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research
(project no. 20-011-00471A).

Citation: Tarasova A. N., Kostrova E. A. 2021. "Social networks as a mechanism for including residents in social participation practices of territory development". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 69-84.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

method of correlation analysis of the open database of the “Legatum Institute” analytical center. Another method consists of analysis of social graphs based on data from the social networking service “Vkontakte”. Weak-moderate but statistically significant associations are found between indicators of territorial development and indicators that determine quality of a social network (level of respect, harmony of interests and assistance to others). The study revealed a mechanism of multidirectional relationships between social networks and living conditions. Through this mechanism, territorial development can be ensured even in situations of crisis and economic instability. Analysis of social graphs showed that social networks differ while being linked to people who are socially active and socially passive in the number of social connections, in the number of social communities in which they are included, in the type of these communities. An important conclusion was made that university more often promotes inclusion in social participation practices precisely through development of new connections in a social network. While school systems contribute little to this. There is also a relatively low level of inclusion of youth in activities of territorial communities (POA, courtyard, housing, city communities, etc.), which requires a further detailed study.

Keywords

Social network, social connections, social communities, local communities, social graphs, social participation, social activity, development of territories.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

REFERENCES

1. Martyshkin S. A., Prokhorov D. V., Tslaf V. M. 2015. “Local communities as a factor in socio-cultural development of a territory (based on an example of Samara)”. Omsk University Herald. Economics series, no. 3, pp. 45-50. [In Russian]
2. Legatum Institute. 2021. Official website “Legatum Prosperity Index”. Accessed on 5 March 2021. <https://www.prosperity.com/>
3. Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Bystrova T. Yu. et al. 2020. “Social participation of youth in urban development: Methodological ideas, methodological approaches and experience in the study of constructive practices”. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University, Institute of Economics and Administration, School of State Administration and Entrepreneurship. Yekaterinburg: Uralsk. 244 pp. [In Russian]
4. Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Tarasova A. N., Asoyan L. A. 2020. “Social participation of students of Russia and Armenia in socio-cultural development of cities”. Higher education in Russia, vol. 29, no. 7, pp. 43-55. DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-7-43-55 [In Russian]
5. Pevnaya M. V., Kuz'minchuk A. A. 2020. “Theoretical Conceptualization of Youth Social Participation”. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference “Development strategies of social communities, institutes and territories”. Yekaterinburg,

- Russian Federation, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, 27-28 April 2020. Pp. 33-36. [In Russian]
6. Seleznev R. S., Skripak E. I. 2013. "Social networks as a phenomenon of information society and specifics of social connections in its environment". Kemerov State University Herald, no. 2, pp. 125-131. [In Russian]
 7. Sergodeev V. A. 2013. "Network Internet communities: Essence and sociocultural characteristics". The Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Regional studies: Philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies, no. 1, pp. 132-137. [In Russian]
 8. Strategists Forum. 2019. "Network communities as actors of social innovation and stakeholders of strategic development of cities". Public policy, vol. 3, no. 1-2, pp. 192-215. [In Russian]
 9. Khaykin M. M., Krutik A. B. 2014. "Social capital and social networks". Bulletin of the South Ural State University. Series "economics and management", vol. 8, no. 1, pp. 85-92. [In Russian]
 10. Chernega A. A. 2020. "'The power of local communities': Practices, mechanisms and models of resident's participation in sociocultural development of territories (on the materials of small towns and villages in the Vologda Region)". The Journal of Sociology and Social Anthropology, vol. 23, no. 3, pp. 51-77. [In Russian]
 11. Chulanova Z. K. 2017. "'Smart Community' as a new paradigm for managing socio-economic development". Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Internet Conference "Problems of economic growth and sustainable development of territories". Vologda, Russian Federation, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 16-18 May 2017. Pp. 319-323. [In Russian]

Ирина Фёдоровна ПЕЧЕРКИНА¹
Анастасия Александровна КОШКИНА²
Роман Ренатович ХУЗЯХМЕТОВ³

УДК 316.4

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

¹ кандидат социологических наук, доцент
кафедры менеджмента и бизнеса,
Тюменский государственный университет
i.f.pecherkina@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4978-0311

² магистр направления «Социология»,
магистерская программа «Экономическая социология»,
Тюменский государственный университет
anastasiyakoshkina1999@mail.ru

³ младший научный сотрудник, научно-исследовательский центр
Финансово-экономического института,
Тюменский государственный университет
r_o_m_a_n_14@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0850-4716

Аннотация

В статье рассматриваются современные теоретические и эмпирические проблемы территориальной идентичности в социальном пространстве села и города, актуальность которых обусловлена тем, что представляемые теории процессов социальной идентичности могут использоваться в качестве «эвристической линзы» для изучения, операционализации и верификации процессов идентичности в их взаимосвязи с со-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

Цитирование: Печеркина И. Ф. Территориальная идентичность в социальном пространстве / И. Ф. Печеркина, А. А. Кошкина, Р. Р. Хузяхметов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 85-101.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101

циальными изменениями в различных социокультурных и географических контекстах. Теоретической базой послужили *теории процесса идентичности (identity process theory)* и *исследования социальной репрезентации (social representations research)* через «символы статуса» и «статусной ценности» в своей самопрезентации, различные компоненты которых могут быть операционализированы в вопросах по поводу содержания идентичности, ее структуры, процессов и мотивационных принципов, которыми индивиды руководствуются. Эмпирической базой стали исследования территориальной идентичности 2006-2021 гг., проведенные научным коллективом социологов Тюменского государственного университета. Доказательства важности роли процессов идентичности в коммуникативном использовании социальных представлений в понимании своего истинного территориального места получены из анализа данных исследования использования оценки символов своего поселения, региона, страны, мира. Анализ полученных данных территориальной идентичности жителей Тюменской области в динамике 2006-2021 гг. показал отношение к своему региону, и зафиксировано, что проявляется положительная динамика эмоциональной близости к своему месту проживания, идентифицированной как позитивная территориальная идентичность («я рад, что живу здесь»), с ростом в динамике от количества опрошенных (от 31% в 2006 г. до 43% в 2021 г.). Росту региональной идентичности способствует высокий профессиональный статус респондента, его позитивное социальное самочувствие, сравнительно высокое материальное положение. Вместе с тем четко отмечается негативная динамика территориальной идентичности, которая сопряжена с тем, что жители сельских поселений, а также малых и средних городов, в целом не хотят связывать будущее своих детей с их местом проживания.

Ключевые слова

Идентичность, территориальная идентичность, социальная идентичность, теория социальной идентичности.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101

Введение

Под идентичностью (англ. Identity; лат. Identit as, от латинского корня idem, означающего «то же самое») понимается ментальное свойство индивида в концентрированном виде выражать именно то, как он сам представляет себе свою принадлежность к разным объектам, субъектам, группам, общностям (социальным, экономическим, этническим, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, культурным, территориальным, гендерным и др.), или отождествление себя с чем-то/кем-то. В этом смысле понятие использовалось в философии, выяснявшей, что именно делает вещь именно этой вещью, отличной от других («тождественная бытию определенность вещи», Гегель). Постепенно термин «идентичность» стал использоваться для характеристики не «бытия вещей», а для обозначения человеческого бытия, его «самости», приобретая значение «самотождественности», или «личного тождества». Идентич-

ность стала обозначать свойство индивида или группы оставаться «тем же самым», сохраняя свою бытийную (экзистенциальную) сущность и специфику, как воплощение только им присущих свойств и черт.

Раньше всех проблему «личного тождества» (personal identity) осмыслил в XVII в. английский философ Джон Локк. Идентичность индивида или групп в социологии, как правило, стала проявляться в использовании социальных представлений в понятиях «символов статуса» и «статусной ценности». «Новое приращение знания», которое внес в проблему идентичности Г. Тэджфел, заключается в том, что идентификация является важным условием социализации, усвоения человеком (прежде всего это касается детей) схем и образцов (паттернов) поведения в обществе, когда индивид принимает на себя те или иные свои социальные роли. Индивид осознает, что принадлежит к определенной группе (возрастной, профессиональной, религиозной, политической, расовой, этнической), социальным нормам которой нужно обязательно следовать. В этом пункте социальная психология смыкается с социологией, раскрывая явление, наблюдаемое нами как бы со стороны, по поводу групповой принадлежности, межгрупповых отношений, социального восприятия, личностной и территориальной идентичности. Подход социологов в рамках данного вопроса отличается от подхода психологов ровно тем, что если представители социологии имеют дело с социокультурными особенностями идентичности, изучая способы самоопределения социальных групп и анализ механизмов идентификации индивидов в различных сообществах, то психологи ставят акцент на «психических свойствах личности», которые включены в процесс ее самоопределения. Психологи часто не учитывают социальный контекст, который фиксирует тот или иной набор обстоятельств, которые создают и определяют ситуацию, реально затрагивающую человека и его окружение.

В современной терминологии «идентификация» представляет собой констатацию некоего объект-субъектного процесса, определяя его реальные результаты. Понятие же «идентичность» относится к состоянию внутреннего мира индивида как субъективное отнесение себя к определенной социальной группе и в общем виде представляет собой отождествление человека с другими. Для социологов социальная идентификация является маркером «групповых идентификаций личности, то есть самоопределения индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей как „своих“ и „не своих“» [22]. Возвращаясь к теории Г. Тэджфела, надо признать, что вне идентичности человеческая жизнь склонна к фрагментации и проживанию в потоке несвязанных эпизодов, в которых теряются сами смыслы существования. Утрата смыслов бытия в глубинах человеческой души, завершая распад данной культуры и духовности в душе человека, ускоряет распад общества. В последнее время многие исследователи отмечают процессы потери идентичности, когда утрачивается ощущение живой общности людей, объединенных коллективными ценностями, несущими в себе жизненные смыслы, когда происходит радикальное сужение пространства таких ценностей, выделяется всё большее число

людей, находящихся всё в большей духовной дистанции и от общества в целом и от своих территорий — мест, отбрасывающих людей на «периферию идентификации». В этом контексте очень важны ответы людей на вопросы по социальной и территориальной идентификации, которые заложены в социологический инструментарий «Социокультурной эволюции регионов России».

Теоретические аспекты изучения территориальной идентичности

Теория социальной идентичности (Social Identity Theory), разработанная Г. Тэджфелом, положила начало рассмотрению идентичности как осознания человеком своей принадлежности к определенным группам лиц, которыми в то же время определяется «радиус доверия». Поскольку этими группами могут являться любые общности, которые объединены интересами, деятельностью, ценностями и целями, то выделяется несколько видов социальной идентичности, одним из которых выступает территориальная идентичность. В современных экономико-социологических исследованиях наряду с понятием «территориальная идентичность» используются также «городская идентичность», «региональная идентичность», «местная идентичность», «пространственная идентичность», но все они имеют схожее теоретическое обоснование. Под ними понимается общность, обусловленная своими территориальными границами, в которых сформированы единые интересы, традиции, нормы и устои, в рамках которых формируется социальная идентичность индивида. Отечественные исследователи обозначили термин «территориальная идентичность» как идентичность, связанную с субъективно-личностным освоением пространства, иными словами, формирование идентичности осуществляется путем «переживания» индивидом символов территориальной общности. Формируется образ «Я — член территориальной общности», который имеет не пространственную, а социальную направленность [21, с. 94]. Термин «региональная идентичность» [20, с. 73] понимается как приверженность индивида к определенному региону, который имеет свои исторические предпосылки, территорию, политику, культуру и язык. Е. В. Еремина предложила понимать под «региональной идентичностью» пространственно-структурное образование со всеми своими характеристиками и содержанием, в котором определяется включенность индивида в городское сообщество [5]. Также рассматривается идентичность как набор городских смыслов, посредством которых горожанин формирует связь между собой и городом [19, с. 34].

В научной литературе идентичности, связанные с пространством, территорией, городом, обосновываются, в большинстве случаев, понятием «идентичность места» [3, с. 106]. Многие отечественные исследователи отмечают, что «идентичность места» в разных ее формах является социальной идентичностью, так как индивиды вступают в социальные группы, самоопределяются по отношению к самой группе, к ценностям, нормам, паттернам [4, с. 55]. Так, Н. С. Дягилев вносит определение термину «городская идентичность». Городская идентичность является составляющей социальной идентичности индивида, которая формируется посредством отождествления индивида с конкретной городской категорией

с ее символами. Таким образом, например, городская идентичность понимается как результат, полученный путем когнитивного, аффективного и оценочного аспектов. На городскую идентичность влияют составляющие города, такие как культура, история, политика, социальные и экологические факторы [23, с. 139].

Социальная идентичность предполагает идентификацию себя с группами с целью максимизации позитивной самобытности. Посредством групп индивид может не только определить себя в обществе, но и получить чувство собственного достоинства. Группы выступают инструментом, посредством которого определяется принадлежность индивида к социальным категориям. В рамках теории социальной идентичности операционализируются понятия «внутригрупповой фаворитизм» (ingroup-favoring behavior) и «межгрупповая дискриминация» (intergroup discrimination) [24, с. 79]. Первое понятие отражает предпочтение своей группы в противовес интересам другой группы. Последнее устанавливает различия в оценках своей и другой группы. Таким образом, объясняется установление сходств и различий между представителями разных социальных групп, а именно определяется ценность группы, в которой состоит индивид (ингруппа), и группы, членом которой индивид не является (аутгруппа). Данное объяснение становится результатом когнитивного, ценностного и эмоционального процессов. Когнитивный процесс позволяет определить свою принадлежность к группе, ценностный отражает оценку нахождения в группе, эмоциональный выражает принятие или отвержение группы. Территориальная идентичность, подобно социальной, формируется благодаря трем составляющим. Во-первых, житель должен иметь знания о своем регионе — когнитивный аспект, во-вторых, дать оценку пространству (региону, городу) — оценочный аспект, в-третьих, определить свое отношение к пространству (региону, городу) — эмоциональный аспект.

Социальная идентичность может иметь черты как позитивного, так и негативного характера. Чтобы достичь положительной идентичности, необходимо обратиться к модели, которая включает следующие процессы: социальная категоризация, социальная идентификация и социальное сравнение. Г. Тэджфел обозначил данные шаги как модель «категоризация — идентификация — сравнение» (categorization-identification-comparison) [25, с. 22]. Данная модель основана на том предположении, что при отсутствии враждебности либо конкуренции между группами существует тенденция к предпочтению своей группы, то есть проявление внутригруппового фаворитизма. У истоков становления теории социальной идентичности (Social Identity Theory) стояла парадигма минимальной группы, которая подразумевала отнесение индивида к группе на когнитивном уровне и составляла минимальную групповую категоризацию. Далее привлекает интерес то, как члены группы ведут себя в группе, как оценивают свое пребывание в ней и как отражается данное пребывание на самооценке индивида, то есть проявление социальной категоризации. Таким образом, социальная категоризация определяет не только личность людей, но и их принадлежность к различным социальным категориям. Например, мы определяем себя как человека определенной национальности, определенного вероисповедания, определенного территориального нахождения.

Социальная идентичность определяется как часть «Я-концепции», основанная на знании своей принадлежности к социальной группе или группам вместе с ценностно-аффективной значимостью этого членства [25, с. 24]. Позитивная социальная идентичность в большинстве случаев может возникнуть только при сравнении, поэтому становится явной значимость социальных категорий, поскольку при оценке своей группы индивид сравнивает ингруппу с аутгруппой, вследствие чего обеспечивается положительная социальная идентичность. Социальное сравнение представляет собой процесс, когда люди, не имея стандартов для сравнения, сравнивают свою группу с другой (аутгруппой). Аутгруппа является ключевым звеном в данном процессе сравнения, поскольку члены данной группы могут быть близки к членам другой группы.

Позитивная территориальная идентичность, подобно теории социальной идентичности, может достигаться благодаря трем компонентам, а также процессу социального сравнения. Горожанин, сравнивая свой регион с другим, выделяет для себя пространство, лучшее для жизни, посредством данного сравнения формируется либо позитивная, либо негативная идентичности. Данные векторы влияют на отношение горожанина к региону, на деятельность горожанина во благо города, а также в целом на имидж региона [5]. Если вектор идентичности направлен в негативную сторону, то возможны такие последствия, касающиеся членства индивида в группе [24, с. 69]:

1. Возможно, индивид будет стремиться покинуть группу в силу того, что она не удовлетворяет его потребности, в то время как другая группа внесет вклад в позитивный аспект идентичности. В рамках территориальной идентичности горожанин может мигрировать в другой регион, город, который будет положительно влиять на его жизнь.
2. Если выход из группы будет затруднен, то индивид либо примет отрицательный вектор, либо будет проявлять свою активность в устранении негативных черт. Данное последствие отражается на территориальной идентичности, поскольку, не имея возможности миграции в другой регион, индивид приложит усилия, чтобы негативные черты были устранены и принимали положительный характер.

Социологи исследуют территориальную идентичность под разным углом зрения. Для нашего исследования важной является позиция, представленная в аналитическом докладе М. К. Горшкова по результатам исследования ИС РАН российской идентичности, где отмечается, что изучение территориальной идентичности невозможно без оценки и анализа близости населения с другими жителями, институтами и сообществами, поскольку без данного анализа невозможно понять перспективы формирования групповых интересов, а также в целом перспективы развития региона (города, территории) [14, с. 27]. Необходимо изучить близость или отдаленность («свое — чужое»), а также измерить степень интенсивности близости с помощью коэффициента интенсивности слоевой близости [8, с. 60].

Методы и материалы исследования

Методы исследования включают теоретический и эмпирический виды анализа, сравнительный, исторический и социокультурный подходы. Рассматривались социальные группы, социальные общности и социальные идентичности на данных конкретных социологических исследований. Эмпирические данные были получены в ходе социологических опросов, проведенных в период 2006-2021 гг. коллективом социологов Тюменского государственного университета. Данные более ранних волн исследований представлены в ряде статей и монографий, например, «Социокультурная динамика» [17], «Новая индустриализация» [11], «Атлас модернизации», глава 7 [1]. В 2021 г. было опрошено 1 714 человек, по стратифицированной многоступенчатой выборке, репрезентирующей население региона от 18 до 70 лет по полу, возрасту и территории проживания, ошибка выборки не превышает 3,5% по формуле Паниотто. Анализ данных проведен в процентных распределениях, применялся сравнительный метод, индексный метод, дисперсионный анализ.

Обсуждение результатов

В инструментарии социологов ТюмГУ применялся такой теоретический конструкт, как так называемая «аффективная составляющая» территориальной идентичности, которая на уровне региона измерялась по ответам на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», в % от числа опрошенных. Динамика отношения к своему региону все годы мониторинга носит ярко выраженный характер позитивного тренда, рис. 1.

Так, на вопрос о том, какие чувства они испытывают по отношению к своему региону, ответили, что рады жить здесь, 31% в 2006 г., и 43% опрошенных в 2021 г. Еще 41% (в 2006 г.) и 34% (в 2021 г.) в целом довольны, но многое не устраивает. Таким образом, модальный ответ за 15 лет сместился от второго варианта к первому, самому позитивному. «Зона безразличия» колеблется в диапазоне 10-14% и традиционно занимает третий ранг в структуре региональной идентичности. Ранее Г. Ф. Ромашкина и Г. Н. Чапарова по данным социокультурного мониторинга в Тюменской области за 2006-2013 гг. указывали, что росту региональной идентичности способствует высокий профессиональный статус, позитивное социальное самочувствие, высокое материальное положение [13, с. 67]. При этом критический градус резко возрастает среди высокообразованных слоев населения. Весь период мониторинга ответ «хотел бы вообще уехать из России» давали 3-4% опрошенных в регионе, в 2021 г. эта ситуация не изменилась. В цитированной выше статье было проведено сравнение с общероссийскими данными, полученными под руководством Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой [1]. В целом по России уровень позитивного отношения к своему региону также колеблется вокруг 40%, снижаясь в отдаленных регионах [14, с. 70]. В социальном пространстве региона на идентичность влияет в основном разброс материального благосостояния, качество управления, качество жизни.

Как сельские жители относятся к региону своего проживания в 2021 г., показано на рис. 2.

Позитивная динамика (тренд) региональной идентичности продолжается и остается доминирующей для 43% сельских жителей в 2021 г. При этом позитивная идентификация снижается в малых городах. Однако диапазон колебаний не превышает ошибки выборки (до 4% между крупным и малым городом и 1% между крупным и сельским поселением).

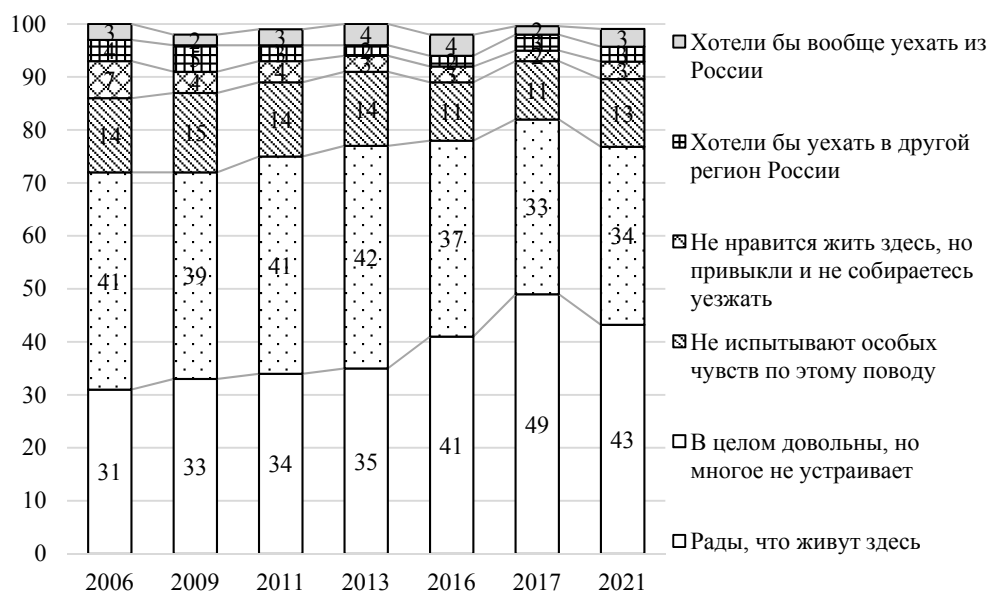

Рис. 1. Динамика аффективной компоненты территориальной идентичности жителей Тюменской области, 2006-2021 гг., % от числа опрошенных

Fig. 1. Dynamics of the affective component of the territorial identity of residents of the Tyumen region 2006-2021, % of the number of respondents

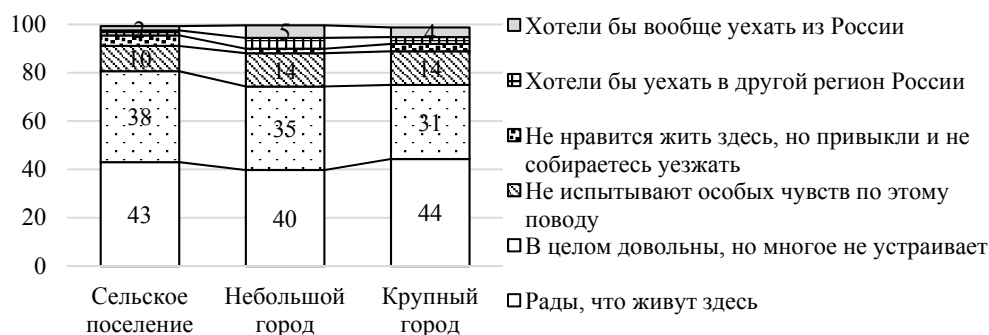

Рис. 2. Аффективная компонента территориальной идентичности жителей поселений различного типа, Тюменская область, 2021 г., % от числа ответивших

Fig. 2. Affective component of territorial identity of residents of settlements of various types, Tyumen region 2021, % of the number of respondents

между сельским поселением и крупным городом), поэтому качественно интерпретировать такие различия можно, только если выделить более значимые социальные слои.

Отметим, что в сельских поселениях существенно выше доля тех, кто в целом доволен, но многое их не устраивает (38%). При этом уровень безразличия значительно выше для городских жителей, чем селян (10% против 14%) в регионе. Миграционные настроения высказывают явно 6-8% опрошенных (причем селяне дают такие ответы чуть реже — 4%), но трудно оценить, является ли это результатом желания давать социально ожидаемые ответы или реальным жизненным фактом.

Миграционные настроения в этих вопросах проявляются чаще, повышаясь с 6% в явных вопросах (рис. 1-2) до 10% в вопросах, отраженных на рис. 3. Но территориальных различий здесь нет. Косвенно проясняют ситуацию ответы на вопрос «Связываете ли Вы свое будущее и будущее своих детей», которые давали жители различных поселений в 2021 г., рис. 3.

Уверенно свое будущее связывают со своим поселением 62% селян, 51% жителей небольших городов и 61% жителей крупного города. Тогда как для своих детей так отвечает 18% селян, 20% жителей небольших городов и 42% жителей столицы региона. Таким образом, миграционные настроения в сельских территориях и небольших городах региона обращены в первую очередь на своих детей и выросли в три и более раз. В крупном городе свое будущее не связывают со своим поселением 10%, а для своих детей — уже 15% жителей. Критерий хи-квадрата Пирсона подтверждает максимальную значимость различий и позволяет отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии различий по типу поселения для данных вопросов, $p < 0 < 001$. При этом для уровня «Свое будущее» Критерий хи-квадрата Пирсона равен 11,5, а для уровня «Будущее своих детей» — 79,5. То есть сила территориальных различий существенно выросла.

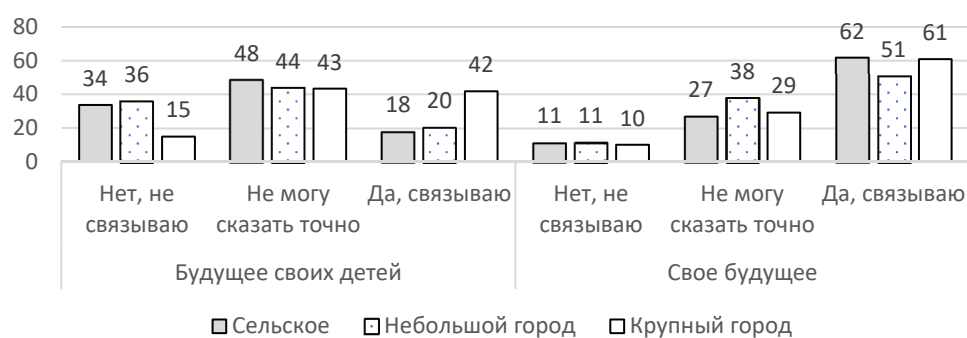

Рис. 3. Связываете ли Вы свое будущее и будущее своих детей с населенным пунктом, где сейчас живете? Тюменская область, 2021 г., % от числа ответивших

Fig. 3. Do you intend to stay and raise your children within the locality where you live now? Tyumen region, 2021, % of the number of respondents

Указанные вопросы демонстрируют прожективную компоненту территориальной идентичности, то есть то, насколько жители региона связывают свое будущее с местом, в котором они живут. Прожективная компонента территориальной идентичности значительно снижается при переходе от своего будущего к будущему своих детей.

Для того чтобы выявить территориальные идентичности жителей региона, были рассмотрены ответы на вопрос «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое — чужое») с такими людьми», рис. 4.

Варианты ответов «свое», «близкое, но не свое» были объединены и отнесены к категории «есть идентичность», варианты «чужое», «далекое, но не чужое» были отнесены к варианту «нет идентичности», вариант «безразлично» оставлен без изменения. Заметно значительное преобладание идентичности на уровне жителей поселения, в котором живут респонденты, который мы далее будем называть «поселенческая идентичность». Так, 73% сельских жителей отмечают свою поселенческую идентичность, в небольших (малых и средних) городах региона так считают уже только 65%, а в крупном городе — только 57%. Уровень безразличия, наоборот, быстро повышается по мере возрастания размера поселения: 16, 25 и 29% в селах, небольших и крупных городах региона соответственно.

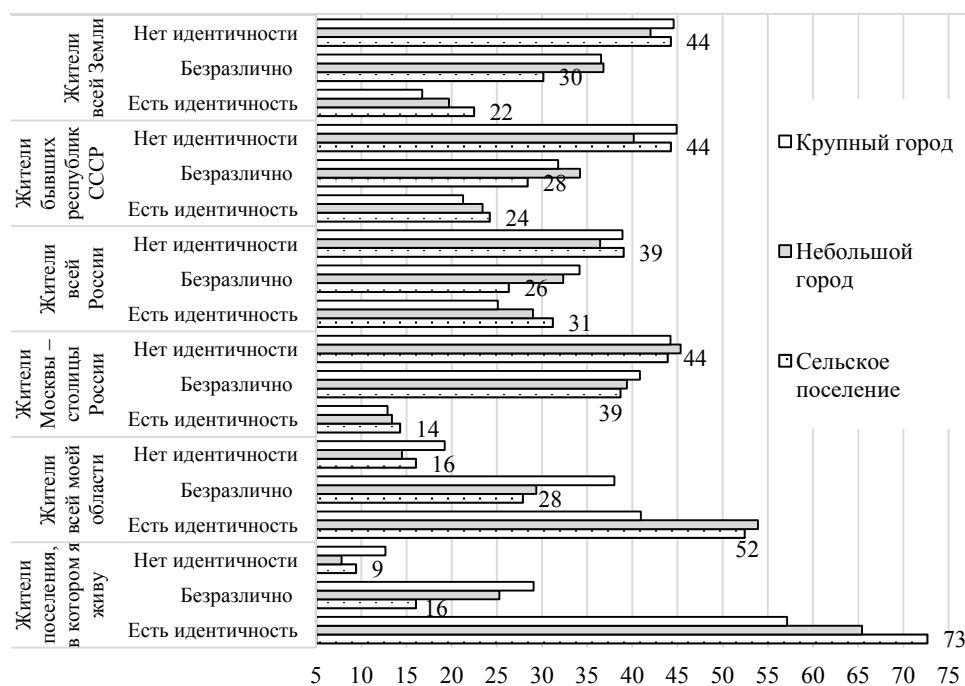

Рис. 4. Структура территориальной идентичности жителей Тюменской области в 2021 г., % от числа ответивших, % указаны для жителей сельских поселений

Fig. 4. The structure of the territorial identity of residents of the Tyumen region in 2021, % of the number of respondents, % are indicated for residents of rural settlements

Чуть менее выражены, но полностью совпадают по направленности структура региональной, всероссийской и всемирной идентичностей. Последние три уровня измерялись через идентификации как свои или близкие для селян, жителей небольших и больших городов соответственно по отношению к жителям своего региона (52, 54 и 41%), всей России (31, 29, 25%) и всей Земли (22, 20, 17%). Идентификация себя с жителями Москвы и бывших республик СССР не зависит от типа поселения, но быстро убывает вместе с возрастом респондента. По отношению к Москве проявляют идентичность 12-14% всех жителей региона, а по отношению к жителям бывших республик СССР — уже 21-24% городских и сельских жителей соответственно (рис. 4). Проверка значимости различий здесь и ниже проводилась на основе индекса Фишера, статистически устойчивыми различия были приняты, если уровень значимости составлял $p < 0,05$. Для того чтобы проанализировать структурные зависимости социальной идентичности, мы вычислили три индекса (через отношение) идентичности и проверили их изменчивость между различными социальными слоями. В формуле индекса (поселенческая к региональной) в числителе стоит доля тех, кто считает своими или близкими жителей поселения (то есть поселенческая идентичность), в которых они живут, а в знаменателе — доля тех, кто считает своими или близкими жителей всего своего региона (то есть региональная идентичность). Значение полученного индекса показывает, во сколько раз поселенческая идентичность превышает идентичности соответствующих уровней. Аналогично рассчитано отношение поселенческой идентичности к всероссийскому и всемирному уровням, см. индексы «поселенческая к всероссийской» и «поселенческая к всемирной» идентичностям, рис. 5.

Наиболее значимо различия проявляются между представителями различных поколений, проживающих в сельских и городских поселениях. Чем старше человек, тем более выражены различия территориальной идентичности. Так, доля поселенческой идентичности поколения старше 55 лет выше всемирной в 6,5 раза среди жителей небольших городов, в 4,3 раза для жителей крупного города и в 3 раза для сельских жителей. Доля поселенческой идентичности поколения моложе 25 лет выше всемирного уровня в 2,5 раза для селян, в 3 раза для жителей небольших городов и в 2,2 раза для жителей крупного города. В средних поколениях такие различия соответственно варьируются в пределах от трехкратного до четырехкратного превышения при переходе от регионального к мировому уровню, см. рис. 5.

Вариация отношения поселенческой идентичности к всероссийской также снижается при переходе от сельских территорий к городским и от старших к самым молодым поколениям. Региональная идентичность ниже уровня поселенческой в 1,2-1,4 раза и практически не варьируется между поколениями жителей самых разных поселений.

Выводы

1. Социокультурные исследования в Тюменской области за 15 лет наблюдений отмечают в целом позитивную динамику отношения жителей к сво-

- ему региону. Такое отношение фиксирует аффективную составляющую территориальной идентичности и занимает 41% от всей выборки в 2021 г.
- Территориальная идентичность в первую очередь проявляется для людей на уровне поселения, в котором они живут. Чем дальше от поселения (регион, страна, весь мир), тем ниже уровень территориальной идентичности. Но важные социальные различия наиболее значимы там, где люди могут сравнивать свою жизнь с жизнью самых разных людей, которых они называют для себя «другие». При этом чем моложе человек, тем меньше такие различия. Молодые люди менее замкнуты на своем поселении, но и для самых молодых, и самых образованных жителей большого города доля поселенческой идентичности выше всемирной в 3-4 раза.
 - Миграционные настроения в явном виде высказывают 6-7% опрошенных. Однако при анализе того, с какой территорией связывают свое будущее жители региона, проявляются самые сильные трансформации.
 - Жители сельских территорий категорически не хотят связывать будущее своих детей со своим поселением, тогда как свое будущее со своим поселением связывают 62% селян. Эти данные вполне согласуются с оценками поселенческой идентичности. Есть поселенческая идентичность для 73% селян, а отказ от поселенческой идентичности высказывают 9% селян.

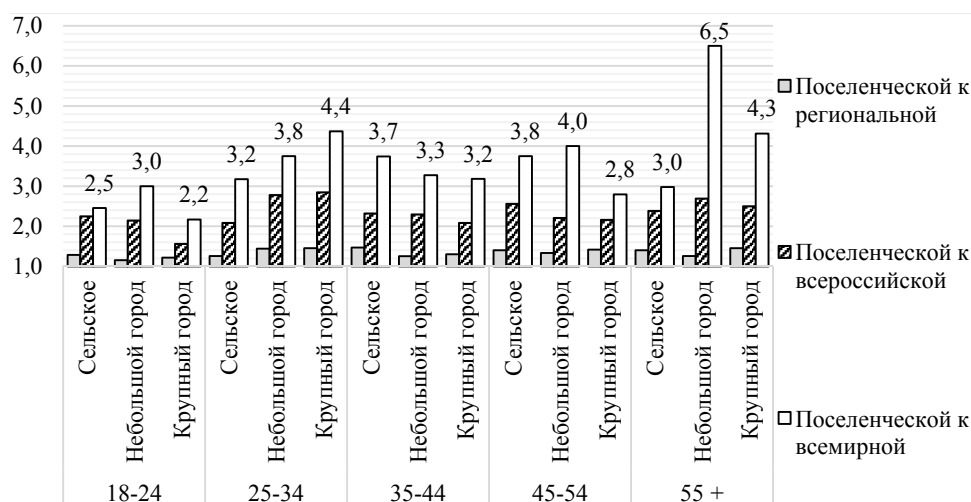

Рис. 5. Межпоколенческие различия преобладания поселенческой идентичности по отношению к региональной, всероссийской и всемирной, в размах, Тюменская область, 2021 г., значения индекса указаны для жителей сельских поселений

Fig. 5. Intergenerational differences in the prevalence of settlement identity in relation to the regional, all-Russian and global identities, by times, Tyumen region, 2021, the index values are indicated for residents of rural settlements

5. Значительно «проваливаются» компоненты идентичности также и в малых и средних городах региона. Здесь 75% опрошенных в той или иной степени довольны своим местом проживания, 65% показывают позитивную поселенческую идентичность, но только 51% опрошенных связывают свое будущее со своим поселением, а нет поселенческой идентичности только у 8% опрошенных. При этом будущее своих детей со своим городом связывают только 20% жителей.
6. Практически во всех поселениях люди значительно реже связывают будущее своих детей со своим поселением, чем свое будущее. Но самые трагически сильные различия наблюдаются в сельских поселениях и небольших городах региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.
2. Голубева Н. А. Территориальная идентичность и ценностные ориентации как фактор структурирования социального пространства / Н. А. Голубева, М. М. Кончаловская // Психологические исследования. 2013. № 32. С. 7.
3. Давыденко В. А. «Идентичность места» как критерий поддержки сетевых взаимодействий: теоретический анализ и эмпирические оценки / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Том 10. № 6. С. 104-119.
4. Дягилев Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности / Н. С. Дягилев // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54-59.
5. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Еремина // Регионоведение. 2011. № 3. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (дата обращения: 29.10.2021).
6. Замятина Н. Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151-163.
7. Зелетдинова Э. А. Региональная идентичность в фокусе социологического анализа / Э. А. Зелетдинова, В. В. Дьякова, М. Н. Руденко, Е. В. Гайнутдинова // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). С. 14-22.
8. Корепанов Г. С. Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития / Г. С. Корепанов // Вестник РУДН. 2009. № 4. С. 56-65.
9. Котова М. В. Стратегии поддержания социальной идентичности: значение для теории социальной идентичности и понимания межгрупповых отношений / М. В. Котова // Журнал Высшей школы экономики. 2016. Том 13. № 4. С. 691-711.
10. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность / Н. А. Левочкина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1 (3). С. 446-453.
11. Новая индустриализация: возможности, ограничения и противоречия социокультурного пространства: монография / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко,

- Е. П. Данилова, Н. В. Мальцева, И. Ф. Печеркина и др. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2018. 226 с.
12. Радина Н. К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических измерений / Н. К. Радина. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.
 13. Ромашкина Г. Ф. Факторный анализ региональной идентичности на примере арктического региона / Г. Ф. Ромашкина, Г. Н. Чапарова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Том 1. № 3(3). С. 63-72.
 14. Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук / под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 140 с.
 15. Самошкина И. С. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования / И. С. Самошкина // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2008. № 3. С. 43-53.
 16. Соловей Л. В. Территориальная идентичность горожан в контексте пространства мегаполиса / Л. В. Соловей, М. И. Ковалева, И. В. Доронина // ИСОМ. 2019. № 3. С. 113-122.
 17. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: коллективная монография // Е. В. Андрианова, И. Я. Арбитайло, Р. М. Ахмедзянова, Я. Н. Дашина, Т. В. Комбарова и др. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2015. 357 с.
 18. Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты / Н. Г. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (3). С. 32-49.
 19. Черникова В. В. Формирование региональной идентичности в современной России (на примере Воронежской области) / В. В. Черникова // Вестник ВГУ: история, политология, социология. 2013. № 2. С. 81-87.
 20. Чернявская О. С. Осмысление понятия территориальной идентичности / О. С. Чернявская // Вестник ВятГУ. 2011. № 4. С. 70-76.
 21. Шматко Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94-98.
 22. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Психология самосознания: хрестоматия. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 597.
 23. Belanche D. Understanding the cognitive, affective and evaluative components of social urban identity: determinants, measurement, and practical consequences / D. Belanche, L. V. Casalo, C. Flavian // Journal of Environmental Psychology. 2017. Vol. 50. Pp. 138-153.
 24. Tajfel H. Social identity and intergroup behavior / H. Tajfel // Social Science Information. 1974. Vol. 13. No. 65. Pp. 65-93.
 25. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations identity / H. Tajfel // Annual Review Inc. 1982. Vol. 33. Pp. 1-39.
 26. Trepte S. Social Identity Theory and Self-Categorization Theory / S. Trepte, L. S. Loy // The International Encyclopedia of Media Effects. 2017. Pp. 1-14.

Irina F. PECHERKINA¹
Anastasia A. KOSHKINA²
Roman R. KHUZIAKHMETOV³

UDC 316.4

TERRITORIAL IDENTITY IN SOCIAL SPACE*

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Management and Business,
University of Tyumen
i.f.pecherkina@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4978-0311

² Master student of Economics Sociology,
University of Tyumen
anastasiyakoshkina1999@mail.ru

³ Junior Researcher of the Research Center,
Institute of Finance and Economics,
University of Tyumen
r_o_m_a_n_14@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0850-4716

Abstract

The article examines modern theoretical and empirical problems of territorial identity in rural and urban social space. The relevance of these problems is determined by the fact that application of the theory of social identity can be used as a “heuristic lens” for the study, operationalization and verification of identity formation processes in their interconnection with social changes in socio-cultural and geographical contexts. The article uses identity process theory and social representations research as theoretical basis adopting concepts of “status symbols” and “status value”, various components of which can be operationalized in questions about identity contents, its structure and internal processes, as well as motivational principles

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research
(grant no. 20-011-00087 “Institutional factors and forms of rural territories development”).

Citation: Pecherkina I. F., Koshkina A. A., Khuziakmetov R. R. 2021. “Territorial identity in social space”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 85-101.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101

that individuals are guided by. The empirical basis is the study of territorial identity in 2006-2021, conducted by a research team of sociologists of University of Tyumen. Evidence of the importance of identity processes in the verbalization of social representations about territory image is obtained from the respondents' evaluations of the symbols of their settlement, region, country and world as a whole. The analysis of the obtained data on the territorial identity of the Tyumen region, Russia in 2006-2021 shows residents' attitude to the region. It is revealed that there is a positive dynamics of emotional connection to one's place of residence, defined as a positive territorial identity («I am glad that I live here»), which appears in an increase in the corresponding share among respondents (from 31% in 2006 to 43% in 2021). The development of regional identity is associated with respondents' higher professional status, higher social well-being, and relatively higher income. Meanwhile downward trend of territorial identity of the residents of rural areas and smaller cities is detected in their general unwillingness to connect the future of their children with the settlement of their birth and current residence.

Keywords

Identity, territorial identity, social identity, theory of social identity.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101

REFERENCES

1. Lapin N. I. (ed.). 2016. Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems. Moscow: Ves Mir. 360 pp [In Russian]
2. Golubeva N. A., Konchalovskaya M. M. 2013. "Territorial identity and values as factors of structuring social space". Psychological research, no. 32, p. 7. [In Russian]
3. Davydenko V. A., Romashkina G. F. 2017. "'Place identity' as a criterion for supporting network communications: Theoretical analysis and empirical estimation". Economic and social changes: facts, trends, forecast, vol. 10, no. 6, pp. 104-119. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.7 [In Russian]
4. Dyagilev N. S. 2013. "Theoretical aspects of urban identity". Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference "Branding of towns and small cities in Russia: experience, problems, forecast". Yekaterinburg: UrFU. Pp. 54-59. [In Russian]
5. Eremina E. V. 2011. "Regional identity in the context of sociological analysis". Russian Journal of Regional Studies, vol. 29, no. 3. Accessed on 29 November 2021. <http://regionsar.ru/node/781> [In Russian]
6. Zamyatina N. Yu. 2012. "Territorial identities and social structures". Social Sciences and Modernity, no. 5, pp. 151-163. [In Russian]
7. Zeletdinova E. A., Dyakova V. V., Rudenko M. N., Gainutdinova E. V. 2020. "Regional identity in the focus of sociological analysis". Theory and practice of social development, no. 1 (143), pp. 14-22. [In Russian]
8. Korepanov G. S. 2009. "Regional identity in the discourse of regional development sociology". RUDN Journal of Sociology, no. 4, pp. 56-65. [In Russian]
9. Kotova M. V. 2016. "Identity management strategies: Significance for the social identity theory and understanding of intergroup relations". Journal of the HSE, vol. 13, no. 4, pp. 691-711. [In Russian]

10. Levochkina N. A. 2016. "Regional identity: The concept and essence". *International Journal of Applied and Fundamental Research*, no. 1 (3), pp. 446-453. [In Russian]
11. Andrianova E. V., Davydenko V. A., Danilova E. P., Maltseva N. V., Pecherkina I. F., Romashkina G. F., Tarasova A. N., Ushakova Yu. V., Khudyakova M. V., Cheblakov A. L. 2018. *New industrialization: Opportunities, limitations and contradictions of the socio-cultural space: Monograph*. Tyumen: Tyumen region Duma. 226 pp. [In Russian]
12. Radina N. K. 2015. *City in space and time: Problems of territorial identity in the context of socio-economic dimensions*. Nizhny Novgorod: Dekom. 344 pp. [In Russian]
13. Romashkina G. F., Chaparova G. N. 2015. "Factor analysis of the regional identity as exemplified by the Arctic region". *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 1, no. 3 (3), pp. 63-72. [In Russian]
14. Gorshkov M. K. (ed.). 2008. "Russian identity in the sociological dimension". *Information and Analytical Bulletin of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences*. Moscow: Institute of Sociology RAS. 140 pp. [In Russian]
15. Samoshkina I. S. 2008. "Territorial identity as a subject of socio-psychological research". *Bulletin of Russian University for the Humanities. Series: Psychology, Pedagogy, Education*, no. 3, pp. 43-53. [In Russian]
16. Solovey L. V., Kovaleva M. I., Doronina I. V. 2019. "Territorial identity of citizens in the context of megalopolis space". *Historical and Social-Educational Idea*, no. 3, pp. 113-122. [In Russian]
17. Andrianova E. V., Arbitaylo I. Ya., Akhmedzyanova R. M., Dashina Ya. N., Kombarova T. V., et al. 2015. *Socio-cultural dynamics — Portrait of the Tyumen region: Col. monograph*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 357 pp. [In Russian]
18. Fedotova N. G. 2017. "Formation of urban identity: Factor and institutional aspects". *Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 20 (3), pp. 32-49. [In Russian]
19. Chernikova V. V. 2013. "Formation of regional identity in modern Russia (exemplified by the Voronezh region)". *Voronezh State University Herald: History, political science, sociology*, no. 2, pp. 81-87. [In Russian]
20. Chernyavskaya O. S. 2011. "Comprehension of the concept of territorial identity". *Bulletin of VyatSU*, no. 4, pp. 70-76. [In Russian]
21. Shmatko N. A., Kachanov Yu. L. 1998. "Territorial identity as a subject of sociological research". *Sociological Research*, no. 4, pp. 94-98. [In Russian]
22. Yadov V. A. 2003. "Social and socio-psychological mechanisms of the formation of a person's social identity". *Psychology of Self-Awareness: Anthology*. Samara: Bakhrakh-M. 597 pp. [In Russian]
23. Belanche D., Casalo L. V., Flavian C. 2017. "Understanding the cognitive, affective and evaluative components of social urban identity: Determinants, measurement, and practical consequences". *Journal of Environmental Psychology*, vol. 50, pp. 138-153.
24. Tajfel H. 1974. "Social identity and intergroup behavior". *Social Science Information*, vol. 13, no. 65, pp. 65-93.
25. Tajfel H. 1982. "Social psychology of intergroup relations identity". *Annual Review Inc.*, vol. 33, pp. 1-39.
26. Trepte S., Loy L. S. 2017. "Social identity theory and self-categorization theory". *The International Encyclopedia of Media Effects*, pp. 1-14.

Алина Владимировна КУЛЬМИНСКАЯ¹
Любовь Дмитриевна ЗАБОКРИЦКАЯ²

УДК 316.4

ДОСУГ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) a.v.kulminskaia@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-8538-938X

² кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) zabokritskaya@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-4653-4409

Аннотация

В статье представлены результаты VIII этапа мониторинга социокультурного развития молодежи, реализуемого в течение 25 лет под руководством Ю. Р. Вишневого. Объем выборки последнего этапа — 2 000 студентов третьего курса очного отделения вузов Среднего Урала. Квотные параметры — пол и профиль обучения респондентов (гуманитарное, инженерное, социально-экономическое и естественнонаучное направления подготовки). Цель статьи — зафиксировать изменения, произошедшие в структуре досуговых занятий студенчества с 2016 г. Выборка за 2016 г. построена на аналогичных принципах, N = 1 827.

Теоретическая часть статьи содержит подходы к определению понятия досуга, его видов и основных факторов, которые влияют на структуру предпочтений при выбо-

Цитирование: Кульминская А. В. Досуг студенческой молодежи: результаты мониторингового исследования / А. В. Кульминская, Л. Д. Забокрицкая // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 102-120.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-102-120

ре досуговой деятельности. Результаты статьи включают в себя динамику интереса студентов к досуговым занятиям за период с 1995 по 2020 г. Выявлен рост числа видов досуга на одного респондента, а также повышение интереса к деятельности, связанной с цифровыми технологиями. Отмечено снижение интереса к активным формам досуга: туризму, выездам на природу, спорту. Сохраняется интерес к видам досуга, связанным с социальным взаимодействием как в непосредственной, так и опосредованной форме.

Наибольшее внимание уделено сопоставлению данных за 2016 и 2020 гг., так как именно в эти годы сформировалась наиболее полная панель видов деятельности студентов. Проанализировано влияние пола респондента на выбор досуговой деятельности. Произведена группировка респондентов по нескольким классификациям досуга. На основании классификаций отмечен интерес к развлекательной деятельности и сохранение рекреационной функции досуга.

Ключевые слова

Социология молодежи, социология досуга, мониторинговое исследование, молодежная политика, социокультурное развитие молодежи, пандемия, студенчество.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-102-120

Введение

Досуг дошкольников и школьников полностью или частично управляется и контролируется родителями. Студенты уже сами управляют своим свободным временем: формируют структуру предпочтений и реализуют различные виды деятельности. Именно культурно-досуговая сфера позволяет им реализовать свою субъектность в полной мере [5]. При этом современные студенты включены в большое число повседневных практик, их жизнь очень насыщена. Совмещение обучения в вузе с работой, участием в общественной жизни, самореализацией в творчестве или спорте — это обычная жизнь молодого человека. Такая ситуация ставит вопрос и о том, как отдыхают студенты, и отдыхают ли они вообще.

Органы власти и общественные организации могут предложить досуговые занятия студентам и таким образом направить данную часть молодежи по какому-то пути, но выбор остается за студентом: включиться в предложенную деятельность или нет. Система детерминации выбора досуговой деятельности очень сложна. В нее входят особенности психики каждого отдельного человека, сложившиеся установки и ценности, мода, структура предложения бесплатных и платных занятий и т. д. Ее изучение очень важно, так как именно в сфере досуга студенты открыты для воздействия различных субъектов, транслирующих ценности и установки, что далеко не всегда благотворно влияет на мировоззрение и поведение молодых людей. Досуг служит как для отдыха, так и для развлечения, общения, удовлетворения иных потребностей [15, с. 588]. А. Н. Сингач отмечает, что наряду с другими критериями ориентация молодежи

на творческое саморазвитие, спортивно-оздоровительную, добровольческую деятельность и другие социально-одобряемые виды досуга свидетельствует о формировании социально-ответственного поведения [14].

Наша цель — зафиксировать изменения, произошедшие в структуре досуговых занятий студенчества с 2016 г. При выделении видов досуга мы руководствовались следующими принципами: досуг должен быть доступен и иметь массовый характер, он должен быть реализуем самостоятельно, он должен учитывать индивидуальные запросы, как вид деятельности он должен носить систематический характер, часть досуговых практик имеет преемственный характер [15, с. 589].

Социокультурное предназначение досуга студенческой молодежи — это «творческое поведение (взаимодействие с окружающей средой) людей в свободном выборе рода занятий и степени активности в пространственно-временной среде, детерминированной внутренними потребностями, мотивами, установками, выбором форм и способов поведения и внешними факторами, порождающими поведение» [15, с. 590].

Досуг напрямую связан с видом занятости и стилем потребления [9]. Для студентов очного отделения основной вид занятости — получение образования. Но 2020 г. связан с широким применением дистанционных форм обучения из-за распространения коронавирусной инфекции, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2 (далее — пандемия). Таким образом, у целевой группы высвободилось дополнительное время, которое они обычно тратили на дорогу до вуза и обратно. Помимо этого, можно говорить о вероятности недобросовестного отношения к учебе вследствие снижения контроля и о перераспределении досугового времени в целом.

Кроме того, А. Н. Хозяшева и А. Ю. Внутских пишут о тенденции к размыванию границы между рабочим и свободным временем молодежи вследствие развития информационно-коммуникативных технологий [17], в результате которого человек становится всё более независим от какого бы то ни было режима. В то же время эта независимость несет целый ряд как позитивных моментов (свободный график, возможности совмещения различных форм занятости, экономия времени на дороге и т. п.), так и угроз (несоблюдение режима труда и отдыха, эмоциональная перегрузка, нерациональное использование времени и др.).

Широкое распространение досуга, связанного с индивидуальными средствами связи (гаджетами), в период с 2016 по 2020 г. сформировало новый тип досуга. Это асинхронная и синхронная коммуникация в мессенджерах и социальных сетях, скроллинг (пролистывание), фаббинг (привычка брать в руки гаджет без определенной цели или необходимости). Распространение досуга, связанного с цифровыми технологиями, сопряжено с определенными рисками: формированием «цифровой личности» (феномен гибридной идентичности), редукцией аутентичного межличностного общения, контролем над перемещениями и практиками целых социальных групп [7]. Такая погруженность в цифровое пространство ставит перед исследователями вопрос, не является ли виртуальное

пространство новым «третьим местом» [1]. Традиционный подход к «третьему месту» обозначает его как локацию, где люди предпочитают проводить время, если проводят его не дома и не на работе. В нашем случае физическая локация может быть любой, а «место присутствия» личности, связанное с эмоциональным состоянием, переживаниями, взаимодействием, становится виртуальным, обретая сходство с эскапизмом. Помимо этого студенты испытывают на себе как влияние «экономики впечатлений» [8, 11], так и государственных и негосударственных целевых программ, таких, например, как международное движение содействия научно-техническому досугу молодежи MILSET [10].

Отметим, что под досугом, в узком смысле, мы будем понимать проведение студентами своего свободного времени. В более широком понимании досуг — это совокупность видов деятельности для удовлетворения физических, духовных, социальных потребностей в свободное от работы, учебы и домашней занятости время. Изучением досуга занимается такое отраслевое направление социологии, как социология досуга. Как следствие теоретических изысканий возникли различные подходы к досугу, так, Г. Е. Зборовский [4] выделяет четыре подхода к досугу: согласно первому подходу — деятельностному, досуг предстает как вид деятельности, реализуемый людьми в свободное время; в институциональном подходе деятельность рассматривается как продукт или следствие деятельности определенных социальных институтов, отвечающих за создание возможностей для населения по реализации своего свободного времени; согласно третьему подходу — аксиологическому, досуг является одной из важнейших ценностей человека и изучается наряду с другими ценностями; согласно системному подходу, досуг и культура проникают друг в друга, образуя феномен «культуры свободного времени».

Отметим, что в работе мы будем придерживаться системного подхода. Возможности системного подхода к феномену «культура свободного времени» позволяют операционализировать данное понятие, то есть разложить его на составляющие, которые могут быть измерены с помощью определенных показателей и индикаторов, характеризующих уровень этой культуры у многочисленных типов личности, среди различных групп населения, в дифференцирующихся по многим признакам территориальных образованиях.

В свою очередь существует огромное множество видов досуга. В литературе имеется ряд подходов к его типологии, рассмотрим наиболее распространенные. Так, Е. Ю. Исаева, И. В. Павлова, А. К. Бондаренкова сгруппировали все виды досуга по принципу операционализации, выявив активную форму (любые занятия, связанные с социальным взаимодействием или физической культурой) и пассивную форму (потребление информации в любой форме из любого источника и пассивный отдых дома) [6]. М. А. Рябов и М. Д. Макрушина делят досуг на институциональную и внеинституциональную форму в зависимости от того, связан ли он с организациями и учреждениями или организован самостоятельно [13].

И. А. Белозерова и Е. В. Крикун выделяют четыре типа досуга в зависимости от его направленности. Пассивно-потребительский тип содержит деятель-

ность созерцательного характера: интернет-серфинг, просмотр телепрограмм, посещение мероприятий в качестве зрителя, досуг в кафе и ТРЦ. Активно-инициативный отдых авторы связывают с избирательностью деятельности и ее творческим характером, этот тип связан с самосовершенствованием. Третий тип — ограниченно-вытесненный, он является по сути продолжением основного вида деятельности (работы или учебы), подменяя собой рекреационную деятельность и общение. Хаотично-стихийный тип не имеет четкого определения, так как его носители не имеют явных склонностей и не умеют рационально организовывать свободное время [2]. Мы считаем, что в этой классификации необходимо слегка сдвинуть акцент: посещение зрелищных мероприятий часто связано с духовным, культурным и эмоциональным развитием, а также с тратами, которые могут быть значимыми для бюджета молодого человека. Поэтому при анализе эмпирического материала группы пассивно-потребительского и активно-инициативного отдыха были скорректированы.

Педагогический энциклопедический словарь дифференцирует виды досуговой деятельности на пять групп: отдых, развлечения, праздники, самообразование, творчество [3]. Это деление основано на том, какие функции для конкретной личности несет тот или иной вид досуговой деятельности. О. В. Понукалина несколько укрупнила выделенные в предыдущей классификации виды досуга. При анализе различных подходов к досугу она остановилась на следующей классификации его видов:

1. Во-первых, интеллектуальная или умственная деятельность, которая связана с присвоением новых знаний, обновлением устаревших. Включает в себя обучение, переобучение, повышение уровня квалификации, саморазвитие, в том числе изобретательство, подготовку публикаций, чтение и т. п.
2. Во-вторых, это физическая активность. Физическая активность включает в себя занятия спортом, зарядку, фитнес, прогулки, любительские игры, участие в соревнованиях, активный и спортивный туризм, рыбную ловлю, охоту и т. п.
3. В-третьих, отдых и развлечения. Последний вид самый объемный, разнообразный и сложноструктурируемый. Его основной признак — рекреационно-развлекательный характер, а также преобладание потребительских практик над производственными [12].

Таким образом, существует достаточно много оснований для деления досуга на определенные виды/группы. Мы раскрыли в данной работе лишь некоторые, наиболее распространенные в научной литературе. Мы остановились на выделении различных видов досуга, поскольку одной из основных задач нашего исследования была группировка досуговых практик по рассмотренным выше группам и видам, анализ динамики внутри данных видов.

Методы и материалы

Данные, представленные в статье, собраны в рамках лонгитюдного мониторингового исследования студенчества Свердловской области. Мониторинг мнений,

оценок и ценностных установок студенчества Свердловской области проводится Уральским федеральным университетом раз в четыре года на протяжении 25 лет. Вопросы о различных аспектах социокультурного развития молодежи лежат в основе исследования с 1995 г. Но поскольку вопросы о досуговых практиках корректировались на протяжении ряда лет, то для анализа динамики в видах досуга были взяты результаты мониторингового исследования за 2016 и 2020 гг., как полностью сопоставимые.

Очередной VIII этап исследования проводился в сентябре-декабре 2020 г., тип выборки — квотная, N = 2 000. В перечень квотных параметров традиционно вошли пол и профиль обучения респондентов (гуманитарное, инженерное, социально-экономическое и естественнонаучное направления подготовки). Опрашивались студенты третьего курса очного отделения вузов. Для обработки данных использовалась программа SPSS. Сохранение объема и структуры выборки разных этапов позволяет сравнивать установки и практики студентов за разные годы и динамику показателей.

В качестве основного показателя для написания статьи была взята структура досуговой деятельности студентов. Рассчитаны ряды динамики, произведена группировка по разным основаниям. Сделаны выводы об основных трендах в досуговой деятельности студенчества.

Результаты

Первоначально в ходе мониторинга студенческий досуг изучался преимущественно с точки зрения его темпоральности и оценки мотивов распределения свободного времени. В 2016 г. исследовательский акцент сдвинулся к содержательной части досуга, исследованию видов досуговых практик, а также изучению использования Интернета как важного элемента досуговой деятельности современных студентов.

Так, в ходе исследования респондентам был предложен поливариантный вопрос «Чем вы предпочитаете заниматься в свободное время?», допускающий выбор неограниченного количества вариантов ответа из восемнадцати альтернатив. Результаты анализа данных показали, что структура досуга в 2020 г. претерпела значимые изменения. Динамические изменения в структуре досуга по годам можно отследить в таблице 1.

Среди основных результатов анализа отметим, что имеется тенденция к увеличению числа досуговых занятий. В 2020 г. студенты в среднем выбирали 5,5 различных видов досуга, против 4,3 в 2016 г. В 2020 г. среднее число ответов у мужчин и женщин сопоставимо (5,2 и 5,6).

Самым популярным ответом на протяжении ряда лет остается «посвящать время своим увлечениям, хобби», рост доли ответов составил почти 20%. Это собирательная категория. Ее могут выбрать как обобщающую те, кто указал любую другую категорию, если он действительно считает свой досуг формой хобби (например, компьютерные игры или чтение), так и тот респондент, который не нашел более конкретной категории для себя, но увлекается каким-то видом творчества, танцами и т. д.

Наиболее серьезный рост наблюдается в категории «самообразование», число ответов по отношению к 2016 г. выросло почти вдвое. Мы связываем это с формированием моды на саморазвитие, появление специальных курсов, тре-

Таблица 1

**Структура досуга студентов
в динамике (% от числа
ответивших)¹**

Table 1

**The structure of students' leisure
time in dynamics (% of the number
of respondents)**

Досуговая деятельность	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Посвящать время своим увлечениям, хобби	25	15	21	21	34	36	43	62
Слушать музыку	53	58	52	55	52	42	39	58
Заниматься самообразованием	—	—	—	—	—	21	27	51
Просто отдыхать, ничего не делать	—	—	22	28	24	25	22	44
Читать книги или слушать аудиокниги (кроме учебной литературы)	—	—	22	28	24	25	22	44
Развлекаться и общаться в социальных сетях	—	—	—	—	—	—	20	37
Заниматься физкультурой и спортом	49	32	34	35	33	31	39	35
Посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи	48	29	28	36	40	30	33	33
Заниматься интернет-серфингом, просматривать сайты	—	—	—	—	—	—	15	33
Выезжать на природу, заниматься туризмом	57	35	36	37	35	36	42	31
Играть в компьютерные игры	—	—	—	—	—	—	18	26
Заниматься любовью, сексом	47	46	38	37	34	30	23	25
Ходить на вечеринки или устраивать их	52	31	23	23	21	21	16	18
Ходить в клубы, бары, на дискотеки	—	34	28	23	21	15	12	14
Смотреть телевизор	40	43	29	24	24	13	9	12
Заниматься общественной работой	—	—	3	4	6	8	6	8
Заниматься научной деятельностью	—	—	—	—	—	—	6	8
Посещать творческую студию	—	—	3	3	7	8	5	7

¹ Более подробно структура досуга в динамике и по полу будет представлена в готовящейся к выпуску монографии: Студент 2020 г.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2021.

нингов, литературы. Развивается индустрия «правильного» питания в различных интерпретациях этого явления: от сыроедения до протеиновых диет, и каждый подход связан с определенными аспектами развития тела и духа.

Всё больше внимания студенты начинают уделять прослушиванию музыки, чтению, интернет-серфингу. Эти виды деятельности за последние годы стали доступнее за счет развития технологий: развитие цифровых технологий позволило получить неограниченный доступ к хранилищам музыки и фильмов, читать книги в любой ситуации, в том числе в темноте с телефона, планшета или электронной книги. Интернет стал быстрым и дешевым, появились безлимитные тарифы у всех операторов связи, некоторые ввели отдельный «безлимит» на социальные сети. Всё это формирует доступность досуговой деятельности, связанной с потреблением информации и коммуникацией. Появляется такой вид досуга, как развлечение и общение в социальных сетях.

Как отрицательную тенденцию нужно отметить уменьшение интереса к спорту, туризму, посещению кинотеатров, музеев, выставок. С одной стороны, на данные виды деятельности влияние могла оказать пандемия и ограничительные меры, связанные с ней. Но, с другой стороны, практика проведения подобных исследований говорит о том, что, выбирая ответы в поливариантных вопросах, респонденты указывают не только те практики, которые они совершают в данный момент или на протяжении небольшого промежутка времени в прошлом, но и те, которые они считают обычными для себя, даже если давно не практиковали. Таким образом, скорее всего мы имеем дело со снижением интереса к традиционным досуговым мероприятиям¹.

Повышаются требования к поездкам: неорганизованный туризм, путешествия «дикарем» заменяются путевками в комфортный отель. Кинофильмы, театральные постановки (в том числе зарубежные, на языке оригинала) доступны в онлайн-кинотеатрах за достаточно небольшие деньги². Данные по популярности физкультуры и спорта могут вызывать дополнительные вопросы, так как мы не можем утверждать, относят ли студенты популярные виды поддержания здоровья, такие как фитнес, йога, кроссфит и другие, к физкультуре и спорту.

Далее была проанализирована динамика в структуре досуга юношей и девушек за 2016 и 2020 гг. (см. таблицу 2). Структура досуга у юношей и девушек имеет ряд весьма существенных различий.

¹ В пользу данного вывода говорят и результаты уже упоминавшегося исследования ВШЭ и ТГУ о влиянии пандемии на учебу и образ жизни студенчества. По данным исследователей, четверть (26%) респондентов отметили увеличение времени на хобби, еще 32% ответили, что оно не увеличилось и не уменьшилось, 42%, наоборот, обратили внимание на его сокращение. Сопоставимы показатели тех, кто во время пандемии стал чаще заниматься спортом (37%), и тех, кто занимался им реже (36%). Больше половины учащихся (63%) не изменили своего отношения к алкоголю, 23% опрошенных стали употреблять его реже, еще 14% — чаще [16].

² На 07.04.2021 базовая подписка в онлайн-кинотеатре «Окко» стоила 199 руб., это чуть больше стоимости чашки кофе, а первые 14 дней — тест-драйв за 1 руб.

Основные результаты сравнительного анализа по гендерному признаку показывают, что в 2020 г. девушки стали более склонны к спокойным видам досуговой деятельности: хобби, музыка, самообразование, «просто отдых», не связанный с занятием конкретным делом (по этому занятию разрыв в 1,5 раза), чтение, общение и развлечение в социальных сетях. Чаще они посещают учреждения культуры (в 1,6 раза) и смотрят телепередачи (в 1,7 раза), хотя в целом эти занятия (особенно ТВ) утратили привлекательность для современной молодежи. У юношей прослеживается более выраженный интерес к спорту, компьютерным играм (вырос почти в 3 раза), интернет-серфингу. Молодые люди стали более свободны в сексуальном выражении, так они чаще (в 1,6 раза) го-

Таблица 2

Структура досуга студентов по полу (2020 г.), в % по группам

Table 2

Structure of students' leisure time divided by sex (2020), (in % by groups)

Занятия	Муж. 2016	Муж. 2020	Жен. 2016	Жен. 2020
Посвящать время своим увлечениям, хобби	38	54	47	68
Слушать музыку	40	55	38	60
Заниматься самообразованием	23	48	29	53
Просто отдыхать, ничего не делать	16	34	27	50
Читать книги или слушать аудиокниги (кроме учебной литературы)	22	36	35	48
Развлекаться и общаться в социальных сетях	18	29	22	42
Заниматься физкультурой и спортом	45	39	34	33
Посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи	21	24	41	39
Заниматься интернет-серфингом, просматривать сайты	21	38	11	29
Выезжать на природу, заниматься туризмом	34	31	47	32
Играть в компьютерные игры	35	43	6	15
Заниматься любовью, сексом	34	32	16	20
Ходить на вечеринки или устраивать их	17	16	16	19
Ходить в клубы, бары, на дискотеки	13	12	10	16
Смотреть телевизор	8	9	11	15
Заниматься общественной работой	6	9	7	7
Заниматься научной деятельностью	8	11	4	5
Посещать творческую студию	5	6	5	8

ворот о своем выборе секса как досуговой практики. Обращает внимание их возросший (в 2 раза) интерес к занятиям наукой. Также в сравнении с предыдущим этапом особенно заметно повышение интереса к досуговым занятиям, связанным с цифровыми технологиями. Это связано и с их развитием, и со снижением затрат на них. Этим объясняется и повышение интереса девушек к компьютерным играм, которые теперь связаны с гаджетами. В то время как туризм, особенно комфортный туризм, требует достаточно больших вложений.

Также нами была произведена группировка видов досуговой деятельности по различным основаниям. Для анализа были взяты данные за 2016 и 2020 гг., так как на этих этапах респондентам были предложены одинаковые панели вариантов ответа на ключевой вопрос. Ответы респондентов представлены в таблице 3. Ответы по каждой группе суммировались, и рассчитывался процент к общему числу ответов, вошедших в группировку. Первое основание — по степени активности, предложенное Е. Ю. Исаевой, И. В. Павловой и А. К. Бондаренковой [6]. Для анализа были взяты очевидные занятия, из панели были исключены такие виды, как самообразование, хобби и компьютерные игры, так как мы не знаем, насколько активны эти виды деятельности у респондентов.

У студентов на протяжении последних этапов мониторинга преобладает активный тип досуговой деятельности, но с 2016 г. наметилась тенденция в сторону снижения значимости активного и роста пассивных видов досуга. Так всё чаще студенты стремятся провести время за интернет-серфингом или прослушиванием аудиокниг.

Второе основание — по степени институционализации досуга М. А. Рябова и М. Д. Макрушиной [13]. Данные этого анализа представлены в таблице 4. Для

Таблица 3

Классификация досуга по степени активности (% от числа ответов по годам)

Table 3

Classification of leisure activities according to the degree of activity (% of the number of responses by years)

Тип досуга	Виды деятельности	2016 год	2020 год
Активный	Развлекаться и общаться в социальных сетях, заниматься физкультурой и спортом, посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи, туризм, заниматься любовью, сексом, ходить на вечеринки, в клубы, бары, на дискотеки, заниматься общественной работой, научной деятельностью, посещать творческую студию	63,5	53,2
Пассивный	Слушать музыку, просто отдыхать, читать книги, слушать аудиокниги, интернет-серфинг, просмотр телевизора	36,5	46,8
Итого		100,0	100,0

этой группировки мы исключили самообразование, занятия физкультурой и спортом и вечеринки, так как эти виды деятельности можно реализовывать в любой форме. Все виды деятельности, связанные с потреблением информации, мы отнесли ко второй группе, так как студент только выбирает наиболее интересный контент, но не готовит его самостоятельно. При выборе книг или музыки молодежь более свободна, чем в случае использования цифровых технологий.

Анализ по данной классификации не показывает каких-либо тенденций в типах досуга, изменения находятся в рамках статистической погрешности. На протяжении последних двух этапов мониторинга у студентов преобладают внеинституциональные виды досуговой деятельности.

Третья группировка — по направленности досуга (И. А. Белозерова и Е. В. Крикун [2]). Здесь была использована вся панель вариантов ответа. В этом случае наибольшие затруднения вызвала категория хаотично-стихийного досуга. В эту категорию потенциально может попасть любой вид досуга в том случае, если студент спонтанно включается и выходит из него, например, разовое участие в общественной работе или единичный поход в театр. Но так как мы замеряем обычные практики, то в эту категорию был включен неопределенный досуг «просто отдохнуть, ничего не делать» как не вызывающий двойного толкования (см. таблицу 5).

Представленные данные свидетельствуют о том, что на протяжении последних этапов мониторинга активно-инициативный тип досуга является преобладающим, но наметилась тенденция к его снижению в пользу других трех типов досуга.

Таблица 4

Классификация досуга по степени институционализации (% от числа ответов по годам)

Table 4

Classification of leisure activities according to the degree of institutionalization (% of the number of responses by years)

Тип досуга	Виды деятельности	2016 год	2020 год
Внеинституциональный	Слушать музыку, просто отдыхать, читать книги, слушать аудиокниги, выезжать на природу, заниматься любовью, сексом	61,6	59,7
Институциональный	Развлекаться и общаться в социальных сетях, посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи, заниматься интернет-серфингом, играть в компьютерные игры, ходить в клубы, бары, на дискотеки, заниматься общественной работой, научной деятельностью, посещать творческую студию	38,4	40,3
Итого		100,0	100,0

Четвертая группировка была сделана на основании данных педагогического энциклопедического словаря [3]. Эта группировка ведется по пяти основаниям — видам досуговой деятельности, а именно отдых, развлечения, праздники, самообразование и творчество (см. таблицу 6). В соответствие с данной классификацией, отдых направлен на снятие усталости и восстановление сил человека (как духовных, так и физических). Включает в себя как релаксацию, так и туризм и иные виды физической активности. К развлечениям можно отнести просмотр кинофильмов, посещение театров, концертов, музеев, экскурсии и т. п. Праздники сочетают в себе развлечения и отдых. Самообразование связано с чтением учебной литературы, посещением дополнительных лекций и прочее. Творчество может быть связано с посещением библиотек, музеев, домов творчества и т. п. Все виды деятельности нами были сгруппированы по этим пяти типам досуга.

В соответствии с делением видов досуговой деятельности на пять типов, преобладающим является отдых. Учитывая, что первоочередная задача досуга — это восстановление физических и духовных сил человека, данный тип досуговой деятельности полностью оправдывает свое первостепенное значение в жизни студенческой молодежи. В то же время, в 2020 г. наметилась тенденция на снижение значения типа досуговой деятельности — досуга и возрастание значения таких типов досуга, как самообразование (на 2,9%), развлечения (на 2%) и творчество (на 0,8%).

Таблица 5

Классификация досуга по направленности (% от числа ответов по годам)

Table 5

Classification of leisure activities by purposefulness (% of the number of responses by years)

Тип досуга	Виды деятельности	2016 год	2020 год
Ограниченно-вытесненный	Заниматься научной деятельностью, самообразованием	8,0	10,8
Хаотично-стихийный	Просто отдыхать, ничего не делать	5,5	8,0
Пассивно-потребительский	Развлекаться и общаться в социальных сетях, заниматься интернет-серфингом, играть в компьютерные игры, смотреть телевизор	15,6	19,8
Активно-инициативный	Слушать музыку, просто отдыхать, читать книги, слушать аудиокниги, выезжать на природу, заниматься любовью, сексом, посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи, играть в компьютерные игры, ходить в клубы, бары, на дискотеки, заниматься общественной работой, научной деятельностью, посещать творческую студию	70,9	61,4
Итого		100,0	100,0

Пятая типология, по укрупненным направлениям деятельности, основывается на работах О. В. Понукалиной [12]. В соответствии с данной классификацией, досуг делится на три группы: интеллектуальная или умственная деятельность, физическая активность, а также третья группа — это отдых и развлечения. Из данной классификации мы исключили такой вид деятельности, как занятие общественной работой, поскольку этот вид может быть связан как с физической, так и умственной активностью. Остальные виды деятельности представлены в таблице 7.

В соответствии с представленной классификацией, «Отдых и развлечения» является самым обширным типом досуга, как по количеству представленных в нем видов деятельности, так и по популярности на протяжении мониторинга. Важность данного отдыха и развлечений в 2020 г. выросла весьма существенно (на 65,3%) и достигла 72,1%. Также немного увеличилось значение интеллектуальной/умственной деятельности в жизни студентов (с 8,1 до 11%). А вот физическая активность, напротив, теряет свои позиции. При этом потери значимости физической активности весьма ощутимы: с 26,1% (в 2016 г.) до 17% (в 2020 г.).

Выводы и обсуждение

Проведенное исследование позволило установить общий рост числа досуговых занятий в 2020 г. В среднем у каждого участника 5-6 видов деятельности, которую они отмечают как обычную для проведения свободного времени. Повы-

Таблица 6

Классификация досуга по видам деятельности (% от числа ответов по годам)

Table 6

Classification of leisure activities by types (% of the number of responses by years)

Тип досуга	Виды деятельности	2016 год	2020 год
Отдых	Просто отдых, прослушивание музыки, прослушивание аудиокниг или чтение литературы для души, занятия физической культурой и спортом, туризм, секс, общественная работа	53,6	47,6
Развлечения	Развлечение и общение в социальных сетях, занятие интернет-серфингом, компьютерные игры, просмотр телепередач, посещение театров и кинотеатров, выставок и т. п.	25,5	27,5
Праздники	Ходить на вечеринки и устраивать их, посещение клубов, баров, дискотек и т. п.	7,4	6,2
Самообразование	Самообразование и научная деятельность	8,6	11,5
Творчество	Время на увлечения, хобби, посещение творческих студий	12,7	13,5
Итого		100,0	100,0

шение интереса к саморазвитию в различных формах (самообразование, посещение театров, выставок, прослушивание музыки и т. д.), общественной, добровольческой работе и другим социально-одобряемым видам досуга говорит о формировании социально-ответственного поведения молодежи.

Вместе с тем заметен рост внимания к досуговым занятиям, связанным с цифровой средой. И на данный момент невозможно дать однозначную оценку этой ситуации. Цифровая среда — сложный феномен, имеющий в том числе и социальную природу. Рассматривая ее как «третье место», то есть место присутствия и проживания эмоций, необходимо дифференцировать виртуальные площадки присутствия, мотивы и цели молодежи. Это отдельное направление для исследования; отметим только тот факт, что «экономика впечатлений» активно использует Интернет для привлечения внимания к своим мероприятиям, поэтому институциональным структурам необходимо осознанно включаться в виртуальное взаимодействие с целевыми аудиториями.

Выявлена отрицательная тенденция — снижение интереса к спорту, туризму, посещению выставок и кинотеатров. Но насколько она устойчива, сможет определить только следующий этап мониторинга, который покажет степень укоренения установки на индивидуальный досуг, связанный с цифровой средой, и влияние пандемии на досуговые практики. Снижение интереса к туризму, физической культуре и спорту особенно заметно при разделении видов досуга на интеллектуальную деятельность, физическую активность и отдых, развлечения (О. В. Понукалина).

Таблица 7

Классификация досуга по укрупненным направлениям деятельности (% от числа ответов по годам)

Table 7

Classification of leisure activities by enlarged areas (% of the number of responses by years)

Тип досуга	Виды деятельности	2016 год	2020 год
Интеллектуальная/умственная деятельность	Самообразование, научная деятельность	8,1	11,0
Физическая активность	Физическая культура и спорт, секс, туризм, выезд на природу	26,1	17,0
Отдых и развлечения	Отдых, развлечения и общение в социальных сетях, интернет-серфинг, компьютерные игры, просмотр телепередач, прослушивание музыки и аудиокниг, чтение, посещение театров, музеев, выставок, творческих студий, клубов, баров, вечеринок и т. п., а также время, проведенное за хобби	65,8	72,1
Итого		100,0	100,0

В целом группировка видов досуга по разным основаниям позволила зафиксировать тренды и тенденции в досуговой деятельности студенческой молодежи Свердловской области. Отметим также, что несмотря на сложность исторического момента, по сравнению с 2016 г. сохраняется преобладание активного отдыха над пассивным. Это отражено как в группировке по степени активности, так и по направленности досуга. Здесь значимой является активная включенность в процессы социального взаимодействия как в непосредственной, так и опосредованной форме, что в целом характерно для изучаемой общности. При этом необходимость соблюдать дистанцию и эпизоды введения социальной изоляции не оказали значимого влияния на соотношение институционального и внеинституционального досуга. Группировка по пяти основаниям (отдых, развлечения, праздники, самообразование, творчество) показала преобладание рекреационной функции досуга. Здесь важно, что мы не относим практики, связанные с Интернетом, к категории отдыха, так как они активизируют психические процессы, а влияние экранов на органы зрения и мозг не до конца изучены.

Выявленные тренды и зафиксированные тенденции могут стать основанием для разработки программ, проектов и конкретных мероприятий, направленных на развитие различных видов досуговой деятельности студенческой молодежи Свердловской области. Все этапы мониторингового исследования показали, что досуговая деятельность студенческой молодежи постепенно изменяется, и эти изменения зависят от целого ряда факторов, на которые можно влиять. Так, в 2020 г. пандемия привела к общему росту видов досуговой деятельности у студентов и общему росту досуга, связанного с цифровой средой. Сохранятся ли эти тренды в будущем, покажет следующий этап мониторингового исследования.

Необходимо подчеркнуть, что культурно-досуговая сфера представляет большой интерес для исследователей. Она одновременно формирует личность и является зеркалом, отражающим особенности целых социальных общностей. Органы власти, учебные и культурно-досуговые заведения предлагают широкое разнообразие видов деятельности, но выбор остается за молодыми людьми. Этот выбор осуществляется под воздействием большого количества факторов: моды, особенностей характера и темперамента, воспитания, наличия единомышленников и др. В задачи нашей статьи не входило исследование этих факторов, но мы признаем, что выбор досугового занятия — это нелинейный процесс, хотя и имеющий некие закономерности. Мы зафиксировали только структуру досуговых занятий в определенный момент времени и проследили ее изменение во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулич М. М. Роль «третьих мест» в коммуникациях современных студентов / М. М. Акулич, Э. А. Мокк // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 59-78. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-59-78

2. Белозерова И. А. Мониторинг культурно-досуговой деятельности студенческой молодежи / И. А. Белозерова, Е. В. Крикун // АНИ: педагогика и психология. 2020. № 3 (32). С. 30-34. DOI: 10.26140/anip-2020-0903-0004
3. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь / Б. М. Бим-Бад, Э. Б. Абдуллин, О. А. Абдуллина. М.: ЭКБСОН, 2002. 517 с.
4. Зборовский Г. Е. Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи / Г. Е. Зборовский // СОЦИС. 2006. № 12. С. 56-63.
5. Зубок Ю. А. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Вестник Института социологии. 2018. № 4. С. 170-191. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.546.
6. Исаева Е. Ю. Диагностика досуговых потребностей как реализация возможностей студенческой молодежи в городской среде / Е. Ю. Исаева, И. В. Павлова, А. К. Бондаренкова // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 126-135.
7. Каргаполова Е. В. Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества / Е. В. Каргаполова, С. В. Каргаполов, Ю. А. Давыдова, Н. В. Дулина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Том 13. № 3. С. 193-210. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.13
8. Комарова К. О. Феномен экономики впечатлений / К. О. Комарова // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 4-2. С. 249-251.
URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=13481> (дата обращения: 02.11.2021).
9. Кузьмина Е. В. Досуговые практики молодых рабочих промышленных предприятий / Е. В. Кузьмина, Н. В. Гончарова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Том 19. Вып. 2. С. 156-161. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-156-161
10. Леонтович А. В. Международное движение содействия научно-техническому досугу молодежи — MILSET / А. В. Леонтович, К. С. Сальникова // Исследователь/Researcher. 2019. № 1-2 (25-26). С. 105-111.
11. Пайн Б. Дж. Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие / Б. Дж. Пайн, Дж. Х. Гилмор. М.: Альпина Паблишер, 2021. 384 с.
12. Понукалина О. В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию / О. В. Понукалина // Вестник Поволжского института управления. 2017. Том 17. № 6. С. 83-89. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-6-83-89
13. Рябов М. А. Внеинституциональные формы молодежного досуга / М. А. Рябов, М. Д. Макрушина // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. № 2. С. 148-153.
14. Сингач А. Н. К вопросу о формировании социально-ответственного поведения студенческой молодежи средствами социально-культурной деятельности / А. Н. Сингач // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 48. С. 201-206.
15. Студент 1995-2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
16. Студенты назвали основные проблемы онлайн-обучения // РБК: оф. сайт.
URL: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41>
(дата обращения: 01.11.2021).
17. Хозяшева А. Н. Культурный досуг молодых пермяков и приоритеты ГМП / А. Н. Хозяшева, А. Ю. Внутских // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. № 1 (4). С. 184-191.

Alina V. KULMINSKAYA¹
Lyubov D. ZABOKRITSKAYA²

UDC 316.4

LEISURE OF STUDENT YOUTH: RESULTS OF MONITORING RESEARCH

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration,
School of Public Administration and Entrepreneurship,
Graduate School of Economics and Management,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
a.v.kulminskaya@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-8538-938X

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration,
School of Public Administration and Entrepreneurship,
Graduate School of Economics and Management,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
zabokritskaya@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-4653-4409

Abstract

The article presents the results of the eighth stage of monitoring the socio-cultural development of youth. It has been carried out for over 25 years under the guidance of Yu. R. Vishnevsky. The sample size of the last stage consisted of 2,000 third-year students of intramural studies at the universities of the Middle Urals. Quota parameters are gender and study programs of respondents (humanitarian, engineering, socio-economic and natural sciences). The purpose of the article is to record the changes that have occurred in the structure of students leisure activities since 2016. The sample of 2016 is compiled by the same principles, n = 1,827.

The theoretical part of the article reviews approaches to defining the concept of leisure, its types and main factors that affect the structure of preferences when choosing leisure

Citation: Kulminskaya A. V., Zabokritskaya L. D. 2021. "Leisure of student youth: Results of monitoring research". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 102-120.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-102-120

activities. The results of the article include the dynamics of student interest in leisure activities for the period from 1995 to 2020.

An increase in the number of leisure activities per respondent was revealed, as well as an increase in interest in activities related to digital technologies. A decrease in interest was noted in active forms of leisure such as tourism, outings, sports. Interest in leisure activities related to social interaction, both in direct and indirect form, remains.

The close attention is paid to the comparison of data from 2016 and 2020, since it was during these years that the most complete range of students' activities was formed. The influence of the respondent's gender on the choice of leisure activities has been also analyzed. The respondents have been grouped according to several classifications of leisure. Based on the classifications, an interest in recreational activities and the preservation of the recreational function of leisure are noted.

Keywords

Sociology of youth, sociology of leisure, monitoring research, youth policy, socio-cultural development of youth, pandemic, studentship.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-102-120

REFERENCES

1. Akulich M. M., Mokk E. A. 2020. "The role of 'third places' in the communications of modern students". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 3 (23), pp. 59-78. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-59-78 [In Russian]
2. Belozerova I. A., Krikun E. V. 2020. "Monitoring of cultural and leisure activities of student youth". Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology, vol. 9, no. 3 (32), pp. 30-34. DOI: 10.26140/anip-2020-0903-0004 [In Russian]
3. Bim-Bad B. M., Abdullin E. B., Abdullina O. A. 2002. Pedagogical encyclopedic dictionary. Moscow: EKBSO. 517 pp. [In Russian]
4. Zborovskiy G. E. 2006. "Sociology of leisure and sociology of culture: search for interconnection". Sociological research, no. 12, pp. 56-63. [In Russian]
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. 2018. "Culture in the lives of young people: necessity, interest, value". Bulletin of the Institute of Sociology, no. 4, pp. 170-191. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.546 [In Russian]
6. Isaeva E. Yu., Pavlova I. V., Bondarenkova A. K. 2020. "Diagnostics of leisure needs as implementation of possibilities of student youth in the urban environment". Humanities of the South of Russia, vol. 9, no. 2, pp. 126-135. [In Russian]
7. Kargapolova E. V., Kargapolov S. V., Davydova Yu. A., Dulina N. V. 2020. "Information competences of young people within digitalization of society". Economic and social changes: facts, trends, forecast, vol. 13, no 3, pp. 193-210. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.13 [In Russian]
8. Komarova K. O. 2015. "Phenomenon of the economics of impressions". International Student Research Bulletin, no. 4-2, pp. 249-251. Accessed on 2 November 2021. <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=13481> [In Russian]

9. Kuzmina E. V., Goncharova N. V. 2019. "Young industrial workers' leisure practices". *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 19, no. 2, pp. 156–161. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-156-161 [In Russian]
10. Leontovich A. V., Salnikova K. S. 2019. "International movement for promoting scientific and technic leisure of youth — MILSET". *Researcher*, no. 1-2 (25-26), pp. 105-111. [In Russian]
11. Pine B. J., Gilmore J. H. 2021. *The economics of impressions: How to turn a purchase into an exciting action*. Moscow: Alpina Publisher. 384 pp. [In Russian]
12. Ponukalina O. V. 2017. "Leisure in the theoretical discourse of sociology: Approaches to research". *Bulletin of the Povolzhsky Institute of Management*, vol. 17, no. 6, pp. 83-89. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-6-83-89 [In Russian]
13. Ryabov M. A., Makrushina M. D. 2019. "Non-institutional forms of youth leisure". *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, no. 2, pp. 148-153. [In Russian]
14. Singach A. N. 2019. "On formation of socially responsible behavior of student youth by means of social and cultural activity". *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 48, pp. 201-206. [In Russian]
15. Vishnevsky Yu. R. (ed.). 2017. *Student of 1995-2016: Dynamics of socio-cultural development of students of the Middle Urals: Monograph*. Ekaterinburg: UrFU. 904 pp. [In Russian]
16. RBC. 2020. "Students enumerated basic issues of online studies". Accessed on 1 November 2021. <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41> [In Russian]
17. Khozyasheva A. N., Vnitskikh A. Yu. 2020. "Cultural leisure of young Perm citizens and Federal Youth Policy priorities". *Social and human sciences: Theory and practice*, no. 1 (4), pp. 184-191. [In Russian]

Мария Владимировна БАТЫРЕВА¹
Егине Араратовна КАРАГУЛЯН²

УДК 316.4

ОЦЕНКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ДЛЯ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЖИТЕЛЯМИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

¹ кандидат социологических наук, доцент
кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
m.v.batyreva@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6588-5469

² кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
e.a.karagulyan@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6418-5786

Аннотация

В последние десятилетия происходит расширение форм социально-политического участия и взаимодействия властей и граждан благодаря развитию современных информационно-коммуникационных технологий. По мнению большинства ученых, современные технологии позволят гражданам быть услышанными властями, а также активно участвовать в социальных и политических процессах. При этом уровень востребованности и реальное использование гражданами умных технологий для проявления социально-политической активности, на наш взгляд, во многом зависят от уровня их информационной компетентности и гражданской позиции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 21-011-31407 «„Умные“ технологии как средство вовлечения граждан в социально-политические процессы: ожидания и реальность»).

Цитирование: Батырева М. В. Оценка использования цифровых сервисов для проявления социально-политической активности жителями Тюменской области / М. В. Батырева, Е. А. Карагулян // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 121-138.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-121-138

Цель представленного в статье исследования состоит в оценке востребованности, а также анализе характера и целей использования современных цифровых сервисов для проявления социально-политической активности жителями Тюменской области. Статья основана на социологическом исследовании, проведенном летом 2021 г. с помощью анкетного опроса жителей городов и сельских муниципальных районов юга Тюменской области.

В статье представлены результаты исследования уровня цифровой компетентности жителей области, их осведомленности о существующих в стране и области «умных» технологиях для проявления социально-политической активности, а также востребованности этих технологий. В статье также представлен анализ целей обращения к электронным сервисам и характера данных форм взаимодействия властей и населения (политический, неполитический).

Установлено, что электронными ресурсами для выражения своей гражданской позиции пользуется 40% населения, причем чаще ими пользуются респонденты с более высоким уровнем информационной компетентности. Большинство жителей области находятся на нижних ступенях политического участия, их взаимодействие с властями сводится главным образом к информированию властей. Доля населения с более высоким уровнем участия невелика, в основном это члены политических партий и общественных организаций.

Ключевые слова

Социально-политическая активность, умные технологии, электронные сервисы, информационная компетентность, востребованность цифровых сервисов, доступность цифровых сервисов взаимодействия с властью, вовлеченность в социально-политические процессы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-121-138

Введение

Вопросы активного вовлечения населения в решение важнейших социальных и политических проблем являются актуальными на протяжении достаточно длительного времени. В научной литературе сложился достаточно большой пласт исследований, касающихся социально-политического участия граждан на разных уровнях в рамках «теории участия» [16], «теории партисипаторной демократии» [8-10, 12, 13], «теории социально-политической активности» [11], а также смежных и более поздних теорий, связанных с созданием электронного правительства, «умных городов и сообществ». Во всех перечисленных теориях центральное место занимает гражданин, который, используя традиционные и нетрадиционные формы, проявляет свою гражданскую, политическую позицию, пытается участвовать в решении социальных, политических и экономических проблем общества.

В данном исследовании за основу взята широкая трактовка политического участия, подразумевающая под политическим участием любую деятельность граждан, влияющих на политику, в том числе цифровые формы участия граждан в политических процессах [14, 15]. В качестве теоретической базы для исследования характера взаимодействия властей и граждан была взята работа Ш. Арнстайн [6] «Лестница участия граждан», позволяющая оценить значение данного участия для граждан и общества.

В научной литературе можно также проследить несколько направлений исследований, касающихся барьеров повышения вовлеченности граждан в социально-политические процессы. Среди подобного рода барьеров ученые отмечают экономические, социальные, культурные и технические барьеры, препятствующие участию общественности в социально-политических процессах. Ряд исследований подтверждает, что сложившаяся социально-политическая система большинства стран не позволяет группам с низким доходом быть полностью вовлеченными в социально-политические процессы. Это отставание отчасти связано с недостатком образования, с неуверенностью, что их поступки приведут к изменениям существующей политики, отсутствием интереса к участию, с низким социальным капиталом общества [5, с. 335-336]. Продолжением подобного рода исследований можно считать работы, касающиеся цифровизации экономических и политических процессов, которые способствуют усилению цифрового неравенства населения.

В своем исследовании Л. Альбрехт делает акцент на том, что для беднейших слоев населения наилучшим вариантом будет вовлечение их посредством проведения различного рода встреч и собраний в рамках их сообществ. Однако цифровое участие, в отличие от традиционного, имеет преимущество в виде анонимности, а также позволяет снизить давление заинтересованных сторон при принятии решений.

В целом на активность и вовлеченность граждан в социально-политические процессы влияет их уровень осведомленности о способах выражения своей позиции, который в свою очередь зависит от уровня цифровой компетентности граждан, от затрат времени на процессы и акты участия, от осведомленности о происходящих политических процессах в селе/городе/стране, от прозрачности проводимой властями политики и др. [2, 4]. В итоге высокие затраты времени на участие, отсутствие открытых каналов и обратной связи от властей при взаимодействии, низкий уровень удовлетворенности от процесса участия и его результатов приводят к снижению уровня социально-политической активности населения.

В данном исследовании мы преследуем цель дать оценку востребованности, а также характеру и целям использования современных цифровых сервисов для проявления социально-политической активности жителями Тюменской области.

В ходе исследования на основе проведенного опроса мы ответим на ряд вопросов. Какими сервисами чаще всего пользуются жители юга Тюменской области? Каковы цели использования данных сервисов и носит ли это использо-

вание политический характер? Как влияет цифровая компетентность граждан на востребованность сервисов? Отличается ли востребованность сервисов у лиц, являющихся активными членами партий или общественных организаций, и не являющихся таковыми?

Методы

В данном исследовании мы оценивали, какими электронными сервисами и с какой целью пользуются жители юга Тюменской области для проявления своей социально-политической активности, какие именно сервисы используются для взаимодействия с властями, с помощью анкетного опроса. Опрос был реализован в формате онлайн с использованием сервиса «SurveyMonkey» в июне-августе 2021 г.

В качестве объекта исследования выступили жители всех городов и муниципальных районов юга Тюменской области в возрасте от 18 лет. Всего было опрошено 1 200 человек. Выборка репрезентирует население юга области по полу, возрасту и месту жительства (г. Тюмень, другие городские поселения юга области, сельские муниципальные районы). Ошибка выборки не превышает 3% по одному признаку.

Проведенное исследование направлено на выявление наиболее востребованных и доступных для населения сервисов, а также на определение влияния уровня информационной компетентности и факта участия в политических партиях и/или организациях на востребованность используемых сервисов. Также была дана оценка целей и характера использования современных сервисов и технологий взаимодействия с властями и проявления социально-политической активности среди различных категорий населения.

В ходе исследования были изучены формы взаимодействия граждан и власти в различных предметных областях: получение государственных услуг, решение социально-экономических проблем на разных уровнях посредством электронных сервисов, участие в управлении селом, городом, страной.

Результаты

В ходе проведенного опроса респондентам было предложено оценить собственный уровень информационной компетентности с целью в последующем рассмотреть различия в ответах на вопросы о восприятии, доступности и частоте использования цифровых сервисов для взаимодействия с властями, а также проявления своей гражданской позиции респондентами с разной информационной компетентностью. При этом было определено, что информационно компетентными себя считают 73% опрошенных (в среднем по выборке). При этом жители Тюмени оценивают свою информационную компетентность несколько выше — среди них доля тех, кто считает себя информационно компетентным, составила 85%, тогда как среди жителей других городов и сельских районов — 79%.

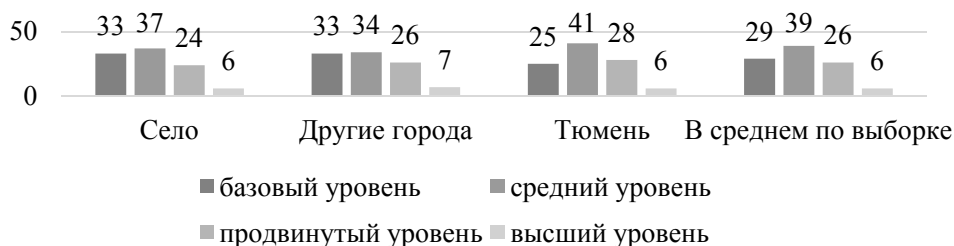

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените уровень своей информационной компетентности», %

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question: «Assess your information competence level», %

Самооценки уровня информационной компетентности респондентами из города и села также различны (рис. 1)¹.

Рисунок показывает, что доля оценивших свой уровень информационной компетентности как высший примерно одинакова во всех выделенных типах поселений (6-7%; очевидно, это люди, чья профессиональная деятельность напрямую связана с компьютером). В то же время доля респондентов, оценивших свой уровень как продвинутый, несколько выше в городах, чем в селе, а самая высокая — в Тюмени. Также в Тюмени оказалась выше и доля тех, кто оценил свой уровень информационной компетентности как средний (41% против 37% у сельских жителей и 34% у жителей других городов). В то же время среди жителей села и других городов, напротив, выше доля тех, кто оценил свой уровень как базовый (33% против 25% в Тюмени). Тем самым подтверждается гипотеза о более высоком уровне информационной компетентности жителей крупных городов, по сравнению с малыми городами и сельскими районами.

В ходе исследования было выявлено, как именно жители юга Тюменской области проявляют свою политическую активность, выражают свою гражданскую позицию. Было установлено, что доли жителей, которые используют для этого электронные ресурсы или вообще не выражают свою позицию, отличаются незначительно — 40 и 38% соответственно в среднем по выборке. В то же время ответы респондентов с разным уровнем информационной компетентности существенно отличаются (таблица 1).

¹ К каждому из уровней в анкете были добавлены пояснения, чтобы респондентам было легче сориентироваться, которые для удобства представления на рисунке не приведены: высший уровень — «я способен решать любые проблемы с помощью современных информационных технологий на профессиональном уровне»; продвинутый уровень — «я способен решать широкий спектр различных задач и проблем с помощью современных информационных технологий, а также помогать и обучать других людей»; средний уровень — «я способен найти информацию в Интернете самостоятельно, решать повседневные проблемы и задачи с помощью современных цифровых технологий»; базовый уровень — «я способен найти информацию в Интернете самостоятельно, решать повседневные проблемы и задачи с помощью современных цифровых технологий».

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какими сервисами Вы чаще всего пользуетесь для выражения своей гражданской позиции?», %

Варианты ответа	Считаете ли Вы себя информационно компетентным человеком?		В среднем по выборке
	Да	Нет	
Ничем не пользуюсь	33	61	38
Личный прием/встреча	20	24	21
Электронные ресурсы	46	13	40
Другое	1	2	1

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question: «What services do you use most often to express your civic-mindedness?», %

Согласно представленным в таблице данным, в среднем по выборке каждый пятый респондент предпочитает выражать свою гражданскую позицию посредством личного обращения в органы власти, однако «информационно некомпетентные» делают это несколько чаще (24% против 20% среди «информационно компетентных»). Среди «информационно некомпетентных» также заметно выше оказалась доля тех, кто ничем не пользуется для выражения своей гражданской позиции (61% против 33% у «информационно компетентных»), тогда как среди «информационно компетентных», напротив, заметно выше доля пользующихся электронными ресурсами для проявления своей социальной и политической активности (46% против 13% у «информационно некомпетентных»). Тем самым, информационная компетентность повышает не только цифровую социально-политическую активность граждан, но и социально-политическую активность в целом. В качестве иных способов выражения своей гражданской позиции респондентами были указаны личные звонки, участие в митингах и примерно равное использование электронных сервисов и личных встреч с представителями власти.

При ответе на вопрос: «К кому или куда Вы обращаетесь для того, чтобы проявить свою гражданскую активность/решить возникшие проблемы?» около 40% опрошенных ответили, что не обращаются никуда и ни к кому. Чаще же всего для проявления гражданской активности респонденты обращаются в органы местного самоуправления (45%) и региональные органы власти (18%). Только каждый десятый респондент указал, что обращался к депутатам разного уровня, доли же респондентов, имеющих обращения в остальные инстанции (федеральные органы власти, общественные и политические деятели, общественная палата, политические партии, блогеры и медийные лица), оказались менее 10%.

В анкете был представлен перечень электронных сервисов, которые могут быть использованы для проявления социально-политической активности, и респондентам было предложено оценить, насколько они с ними знакомы (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько хорошо Вы знакомы с представленными технологиями/сервисами для вовлечения граждан в социально-политические процессы?», %

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question: «How familiar are you with the presented technologies/services for citizens engagement in socio-political processes?», %

Сервисы	Ничего не слышал об этом сервисе	Слышал об этом сервисе, но не пользовался им	Пользовался сервисом, но мне не понравилось (это неудобно для меня)	Пользовался сервисом и доволен (удобно/полезно)
Портал «Госуслуги» для подачи жалоб, заявлений, предложений	3	13	14	70
Сайты, порталы органов государственной (федеральной, региональной) власти / Сайт Президента РФ	16	57	10	17
Официальные сайты муниципальных образований	14	43	14	29
Блоги представителей власти	31	50	10	9
Официальные странички органов власти в соцсетях	25	54	9	12
Местные сообщества в социальных сетях	21	40	11	28
Страницы партий, депутатов, общественных деятелей в соцсетях	28	56	8	8
Сайты для подачи петиций change.org/ Российская общественная инициатива	34	43	9	14
Мобильные приложения для подачи обращений граждан («Я решаю», «Активный гражданин», «Тюмень — мой город» и др.)	40	43	6	11

Таблица показывает, что лучше всего респонденты знакомы с порталом «Госуслуги» — в среднем по выборке лишь 3% опрошенных никогда не слышали о нем. Также довольно хорошо знакомы жители области и с сайтами органов государственной власти и официальными сайтами муниципальных образований — в среднем по выборке лишь 16 и 14% соответственно не слышали об их существовании. Хуже всего осведомлены граждане о мобильных приложениях для подачи обращений, сайтах для подачи петиций и блогах представителей власти — в среднем по выборке 40, 34 и 31% соответственно не слышали о них.

Самыми полезными, согласно ответам респондентов, являются портал «Госуслуги» (им пользовались 84% опрошенных и удобным/полезным сочли 70%), официальные сайты муниципальных образований и местные сообщества в социальных сетях (использовали около 40% опрошенных, более четверти опрошенных сочли использование удобным/полезным).

Полученные данные согласуются с результатами исследования, реализованного при участии авторов статьи в 2020 г., согласно которым пользовались и считают полезными электронные государственные услуги 61% опрошенных в Тюмени и 73% опрошенных в Тобольске [7, с. 420].

На вопрос: «Пользуетесь ли Вы еще какими-либо сервисами, технологиями, помогающими Вам выражать свою гражданскую позицию, участвовать в политической жизни страны, региона, муниципалитета?» положительно ответили лишь 2% опрошенных. При этом в качестве таких технологий были указаны Единая справочная политическая служба, письма Президенту РФ В. В. Путину, в Следственный комитет РФ и Greenpeace, а также указано на использование всех ранее перечисленных способов.

Для того чтобы определить, имеют ли обращения граждан к рассматриваемым электронным сервисам социально-политический характер, им задавался вопрос: «Для чего Вы чаще всего используете вышеперечисленные сервисы?». Полученные данные показывают, что большинство граждан использует электронные сервисы для получения социальных государственных услуг (65%), а также получения информации о происходящем в городе/селе (43%). 19% респондентов отметили, что используют вышеперечисленные сервисы для того, чтобы информировать власти о происходящем в городе/селе или указать властям на существующие проблемы из желания улучшить жизнь города/села. 17% опрошенных жителей отметили, что используют современные сервисы для подачи петиций властям из-за того, что их права нарушаются, 9% респондентов отметили, что сервисы позволяют им принять участие в формировании и корректировке проводимой властями политики. Для решения проблем, связанных с предпринимательской деятельностью, сервисами пользуется 9% респондентов.

Если соотнести полученные результаты с теорией политического участия, в частности с лестницей участия Ш. Арнстайн, то можно сделать вывод о том, что большинство жителей находятся на нижних ступенях участия. Их взаимодействие с властями сводится к информированию властей, то есть «граждане могут быть услышаны властями, но им еще не хватает реальной власти для продвижения

своих интересов». Доля населения с более высоким уровнем участия очень невелика, в основном это члены политических партий и общественных организаций. В целом среди опрошенных лишь 5% являются активными членами политических партий, а еще 8% состоят в них, но активно в работе не участвуют. Доля респондентов, являющихся членами каких-либо общественных организаций, составила 14%, причем половина из них активно участвует в работе данных организаций. Для оценки уровня участия данной категории граждан требуется более глубокий анализ целей и результатов их политической активности, который позволит определить, на какой конкретно ступени участия они находятся. Опрос показал, что 87% респондентов не состоят ни в каких политических партиях, а 86% ни в каких общественных организациях. При этом явные различия по этим вопросам в разрезе типов поселений не прослеживаются.

Было выявлено и то, с чем именно связаны обращения граждан к рассматриваемым сервисам. Большая часть их обращений имеет скорее социальный, чем чисто политический характер — более трети обращений (34%) связаны с социальным обеспечением, около трети (29%) — с работой учреждений здравоохранения, спорта и туризма, каждый пятый респондент обращался к сервисам по проблемам, связанным с работой системы ЖКХ или образования и культуры. Тем самым, большинство обращений граждан связано с необходимостью решить социальные проблемы. В целом, учитывая широкую трактовку политического участия, мы бы могли расценивать полученные данные как желание граждан формировать и улучшать социальную политику государства, однако структура ответов свидетельствует о том, что в большинстве случаев наиболее часто используемым сервисом остается сервис «Государственных услуг», который по своей сути создан был для получения государственных услуг, подачи жалоб и обращений.

Полученные результаты опроса свидетельствуют о том, что большинство обращений граждан (75%) в перечисленные инстанции имеют неполитический характер, то есть являются проявлениями социальной активности, желанием решить собственные жизненные проблемы. Тем не менее можно отметить, что респонденты, которые являются членами каких-либо политических партий или общественных организаций, проявляют именно политическую активность чаще других (таблица 3).

Таблица показывает, что члены политических партий и общественных организаций заметно чаще других используют электронные сервисы для обращений политического характера. Так, в большей мере политический характер имеет использование сервисов для 23% респондентов — активных членов политических партий и 13% респондентов — активных членов общественных организаций (против 5% в среднем по выборке и 3% среди тех, кто не является членом партий или общественных организаций). Выше средней по выборке доля политических обращений к сервисам и среди тех респондентов, которые являются членами партий и общественных организаций, но активно в их работе не участвуют. Соответственно, заметно ниже средней по выборке среди

членов партий и общественных организаций доли тех, чьи обращения к электронным сервисам имеют в большей мере неполитический характер. Таким образом, благодаря участию в политических партиях и общественных организациях, деятельность граждан становится более политически осмысленной и повышается уровень их цифровой социально-политической активности.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Мое использование электронных сервисов носит...», %

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question: «My use of online services is...», %

Варианты ответа	Являетесь ли Вы членом какой-либо политической партии?			Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?			В среднем по выборке
	Да, я активный член одной из партий	Я состою в партии, но не участвую в ее работе	Нет	Да, я активный член одной из организаций	Я состою в организации, но не участвую в ее работе	Нет	
В большей мере политический характер	23	7	3	13	10	3	5
В 50% случаев политический и в 50% случаев неполитический характер	34	29	19	28	39	18	20
В большей мере неполитический характер	43	64	78	59	51	78	75

Были также получены оценки респондентов, пользующихся различными сервисами для проявления социально-политической активности, их удовлетворенности этими сервисами в разрезе групп респондентов с разными оценками своей информационной компетентности (таблица 4). Оценка производилась по пятибалльной шкале, где 1 — «абсолютно не удовлетворен использованием сервиса», 5 — «полностью удовлетворен его использованием» (оценки рассчитаны на основе ответов только тех респондентов, которые имели опыт использования сервисов).

Таблица показывает, что оценки респондентами своей удовлетворенности от использования сервисов находятся в основном на среднем и выше среднего уровне (3,2-3,6 балла). Только в отношении портала «Госуслуги» оценки респондентов оказались выше 4 баллов. Нельзя не отметить и тот факт, что по

всем сервисам оценки «информационно компетентных» респондентов оказались заметно выше оценок «информационно некомпетентных» респондентов. Очевидно, респонденты, которым легче понять, как именно технически пользоваться этими сервисами, способны получить больше пользы от обращения к ним.

Таблица 4

Средние оценки жителями юга Тюменской области удовлетворенности от использования сервисов для проявления социально-политической активности, балл

Table 4

Average score from the residents of the Tyumen region south on satisfaction of the use of services for socio-political activity, point

Сервисы	Считаете ли Вы себя информационно компетентным человеком?		В среднем по выборке
	Да	Нет	
Портал «Госуслуги» для подачи жалоб, заявлений, предложений	4,30	3,50	4,16
Сайты, порталы органов государственной (федеральной, региональной) власти / Сайт Президента РФ	3,61	2,54	3,58
Официальные сайты муниципальных образований	3,67	2,53	3,62
Блоги представителей власти	3,38	2,31	3,24
Сайт Общественной палаты	3,36	2,32	3,23
Официальные странички органов власти в соцсетях	3,41	2,37	3,26
Местные сообщества в социальных сетях	3,62	2,50	3,61
Страницы партий, депутатов, общественных деятелей в соцсетях	3,36	2,30	3,16
Сайты для подачи петиций change.org/ Российская общественная инициатива	3,54	2,40	3,41
Мобильные приложения для подачи обращений граждан («Я решаю», «Активный гражданин», «Тюмень — мой город» и др.)	3,50	2,34	3,41

Подтверждают этот факт и оценки населением доступности рассматриваемых сервисов, также полученные в ходе исследования (таблица 5). Оценка производилась респондентами по пятибалльной шкале, в которой были интерпретированы крайние пункты: 1 — «сервис вообще не доступен», 5 — «сервис максимально доступен».

Таблица 5

Средние оценки жителями юга Тюменской области доступности сервисов для вовлечения граждан в социально-политические процессы, балл

Table 5

Average score from the residents of the Tyumen region south on the availability of services for the involvement of citizens in socio-political processes, point

Сервисы	Считаете ли Вы себя информационно компетентным человеком?		В среднем по выборке
	Да	Нет	
Портал «Госуслуги» для подачи жалоб, заявлений, предложений	4,21	3,87	4,16
Сайты, порталы органов государственной (федеральной, региональной) власти / Сайт Президента РФ	3,65	3,06	3,42
Официальные сайты муниципальных образований	3,70	3,01	3,47
Блоги представителей власти	3,27	2,96	3,20
Сайт общественной палаты	3,29	2,71	3,18
Официальные странички органов власти в соцсетях	3,30	2,95	3,23
Местные сообщества в социальных сетях	3,66	3,22	3,42
Страницы партий, депутатов, общественных деятелей в соцсетях	3,20	2,77	3,18
Сайты для подачи петиций change.org/ Российская общественная инициатива	3,47	2,92	3,34
Мобильные приложения для подачи обращений граждан («Я решаю», «Активный гражданин», «Тюмень — мой город» и др.)	3,48	2,70	3,30

Как и в случае с удовлетворенностью, оценки доступности большинства сервисов оказались на среднем уровне (3,2-3,5 балла), только в отношении портала «Госуслуги» средняя оценка оказалась выше 4 баллов. Однако оценки «информационно компетентных» респондентов по всем сервисам оказались заметно выше, чем оценки «информационно некомпетентных», что свидетельствует о большей доступности и осведомленности об электронных сервисах «информационно компетентных» граждан.

Несмотря на то, что далеко не все опрошенные пользуются электронными сервисами для вовлечения их в социально-политические процессы, 82% из них

на вопрос о том, все ли их потребности, связанные с участием в социально-политических процессах, удовлетворены в настоящее время с помощью существующих электронных сервисов, ответили положительно. Таким образом, существующие сервисы в целом удовлетворяют социально-политические потребности граждан.

К сожалению, лишь 5% опрошенных считают, что их мнение важно для властей, они услышаны, и ощущают, что участвуют в процессах управления на муниципальном/региональном уровне. Еще 30% респондентов считают, что их мнение для властей важно, хотя в процессе принятия решений и управления на местном уровне они участия не принимают, а 21% респондентов уверены, что их мнение важно для властей и их обращения будут рассмотрены. Тем самым, в целом более половины респондентов оценивают работу электронных сервисов для проявления социально-политической активности положительно. Тогда как доля отрицательных оценок оказалась ниже — 44% опрошенных отметили, что их мнение для властей маловажно и обращения будут рассмотрены только формально.

Обсуждение

В целом полученные в ходе опроса результаты свидетельствуют о том, что большинство жителей Тюменской области находятся на достаточно низкой ступени политического участия, лишь незначительная часть населения (до 14%) являются активными членами партий и общественных организаций, находятся на более высоком уровне. Будучи активными членами партий и общественных организаций, они участвуют в социально-политических процессах на городском, муниципальном или национальном уровнях. Участие большинства граждан в социально-политических процессах посредством использования современных сервисов и платформ связано с уровнем их информационной компетентности, которая, как и уровень технологической оснащенности, будет влиять на доступность данных сервисов. Кроме того, на использование сервисов влияет и уровень осведомленности, который, на наш взгляд, зависит от уровня информирования властями населения о существующих сервисах, а также функциональных возможностях их использования. Несомненно, что и другие факторы влияют на уровень востребованности данных сервисов. Основываясь на теории политического участия и широкой трактовке данного понятия, важное значение имеют мотивы данного участия, а также причины неучастия граждан, что будет отражено в следующих результатах и публикациях нашей работы.

В целом, сравнивая полученные результаты с ранее проведенными исследованиями социального и политического участия ВЦИОМ [3], для жителей Тюменской области характерен высокий уровень удовлетворенности существующими сервисами, но низкий уровень участия в социально-политических процессах. Уровень участия посредством современных цифровых технологий и платформ жителей Тюменской области оказался ниже среднероссийского на 10% [1]. При этом 44% респондентов отметили, что, несмотря на участие (что в три раза выше, чем в среднем по стране), их мнение для властей маловажно

и их обращения будут рассмотрены только формально, что отчасти объясняет низкий уровень вовлеченности в социально-политические процессы. Подлинное участие в социально-политических процессах на муниципальном или региональном уровне и его важность ощущают лишь 5% опрошенных.

Согласно первичному анализу, основные причины низкого участия граждан в социальных и политических процессах в целом сходны с теми, что были отражены в ряде других исследований, а именно — отсутствие времени и желания участвовать, а также представление, что политикой должны заниматься профессионалы и что мнение и участие граждан ничего не изменит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ВЦИОМ увидел снижение политической активности до минимума за 17 лет // РБК. 2021. 2 августа. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2021/61052d699a7947d73c58f35b> (дата обращения: 11.11.2021).
2. Санникова Т. Д. Цифровое неравенство как негативный фактор для благополучия сельского населения / Т. Д. Санникова // Вестник науки. 2018. Том 1. № 6 (6). С. 21-27.
3. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. 2 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 11.11.2021).
4. Шиняева О. В. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения / О. В. Шиняева, О. В. Полетаева, О. М. Слепова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68-85.
5. Albrechts L. The planning community reflects on enhancing public involvement. Views from academics and reflective practitioners / L. Albrechts // Planning Theory and Practice. 2002. No. 3 (3). Pp. 331-347.
6. Arnstein S. R. A Ladder of Citizen Participation / S. R. Arnstein // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35 (4). Pp. 216-224.
7. Batyreva M. Perception of Smart City technologies by citizens of Tyumen Region / M. Batyreva, E. Karagulyan // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. EpSBS. 2021. Pp. 416-425.
8. Dacombe R. Participatory democracy in an age of inequality / R. Dacombe, P. Parvin // Representation. 2021. Vol. 57 (2). Pp. 145-157.
9. Dacombe R. Doing democracy differently: how can participatory democracy take hold in deprived areas? / R. Dacombe // Representation. 2021. Vol. 57 (2). Pp. 175-191.
10. Goatcher J. Carole Pateman and the nature of a participatory society / J. Goatcher // Contemporary Politics. 2005. Vol. 11. Iss. 4. Pp. 217-234.
11. Heywood A. Politics / A. Heywood. London: Palgrave Macmillan, 2013. 560 pp.
12. Pateman C. Participatory democracy revisited / C. Pateman // Perspectives on Politics. 2012. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 7-19.
13. Pateman C. Self-ownership and property in the person: democratization and a tale of two concepts / C. Pateman // Journal of Political Philosophy. 2002. Vol. 10 (1). Pp. 20-53.

14. Theocharis Y. The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy / Y. Theocharis, J. Van Deth // *European Political Science Review*. 2018. Vol. 10 (1). Pp. 139-163.
15. Van Deth J. W. A conceptual map of political participation / J. W. Van Deth // *Acta Politica*. 2014. Vol. 49 (3). Pp. 349-367.
16. Verba S. *Participation in America: political democracy and social equality* / S. Verba, N. Nie. New York: Harper and Row, 1972. 428 pp.

Maria V. BATYREVA¹

Egine A. KARAGULYAN²

UDC 316.4

**ASSESSMENT OF THE USE OF DIGITAL SERVICES
FOR SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY
BY THE RESIDENTS OF THE TYUMEN REGION***

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
m.v.batyreva@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6588-5469

² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
e.a.karagulyan@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6418-5786

Abstract

In recent decades, the forms of social and political participation and interaction between authorities and citizens have expanded due to the development of modern information and communication technologies. According to most scientists, modern technologies will allow citizens to be heard by the authorities, as well as to actively participate in social and political processes. At the same time, the level of demand and the real use of smart technologies by citizens for socio-political activity, in our opinion, largely depend on the level of their information competence and civic-mindedness.

The purpose of this study is to assess the demand, analyze the nature and purpose of the use of modern digital services for social and political activity of the residents of the Tyumen region. The article is based on the sociological study conducted in the summer of 2021

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 21-011-31407).

Citation: Batyreva M. V., Karagulyan E. A. 2021. "Assessment of the use of digital services for social and political activity by the residents of the Tyumen region". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 121-138.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-121-138

through a questionnaire survey of the residents of cities and rural municipal districts in the south of the Tyumen region.

The article presents the results of a study on the level of digital competence of the region's residents, their awareness of the existing "smart" technologies in the country and the region to manifest socio-political activity, as well as the demand for these technologies. The article also presents an analysis of the purpose of the use of electronic services and the specific nature of these forms of interaction between the authority and the population (political, non-political).

It was found out that electronic resources are used by 40% of the population to express their civic-mindedness, and they are more often used by respondents with a higher level of information competence. Most residents of the region are at lower levels of political participation, their interaction with the authorities is mainly limited to information sharing. The share of the population with a higher level of participation is small and is represented by members of political parties and public organizations.

Key words

Social and political activity, smart technologies, online services, information competence, demand for digital services, accessibility of digital services of interaction with the government, involvement in socio-political processes.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-121-138

REFERENCES

1. RBK. 2021. Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM) noticed a decline in political activity to its lowest point in 17 years. Accessed on 11 November 2021. <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2021/61052d699a7947d73c58f35b> [In Russian].
2. Sannikova T. D. 2018. "Digital inequality as a negative factor for the well-being of the rural population". *Science Herald*, vol. 1, no. 6 (6), pp. 21-27. [In Russian].
3. Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). 2021. Social and political activity of Russians: Monitoring. Accessed on 11 November 2021. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>. [In Russian].
4. Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V., Slepova O. M. 2019. "Information and digital inequality: The search for effective practices of population adaptation". *Public opinion monitoring: Changes in economy and society*, no. 4, pp. 68-85. [In Russian].
5. Albrechts L. 2002. "The planning community reflects on enhancing public involvement. Views from academics and reflective practitioners". *Planning Theory and Practice*, vol. 3, no. 3, pp. 331-347.
6. Arnstein S. R. 1969. "A ladder of citizen participation". *Journal of the American Institute of Planners*, vol. 35 (4), pp. 216-224.
7. Batyreva M., Karagulian E. 2021. "Perception of smart city technologies by citizens of Tyumen Region". *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*, pp. 416-425.

8. Dacombe R., Parvin P. 2021. "Participatory democracy in an age of inequality". *Representation*, vol. 57 (2), pp. 145-157.
9. Dacombe R. 2021. "Doing democracy differently: How can participatory democracy take hold in deprived areas?" *Representation*, vol. 57 (2), pp. 175-191.
10. Goatcher J. 2005. "Carole Pateman and the nature of a participatory society". *Contemporary Politics*, vol. 11, iss. 4, pp. 217-234.
11. Heywood A. 2013. *Politics*. London: Palgrave Macmillan. 560 pp.
12. Pateman C. 2012. "Participatory democracy revisited". *Perspectives on Politics*, vol. 10, iss. 1, pp. 7-19.
13. Pateman C. 2002. "Self-ownership and property in the person: Democratization and a tale of two concepts". *Journal of Political Philosophy*, vol. 10 (1), pp. 20-53.
14. Theocharis Y., Van Deth J. 2018. "The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy". *European Political Science Review*, no. 10 (1), pp. 139-163.
15. Van Deth J. W. 2014. "A conceptual map of political participation". *Acta Politica*, vol. 49 (3), pp. 349-367.
16. Verba S, Nie N. 1975. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper and Row. 428 pp.

ПРАВО

Михаил Иванович КЛЕАНДРОВ¹

УДК 342.5

РОССИИ НУЖНА НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ

¹ член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института государства и права РАН (г. Москва)
mklean@ksrf.ru

Аннотация

Рассматривается проблематика содержания действующей Конституции Российской Федерации 1993 г. в динамике ее изменений и дополнений, с учетом нововведений 2020 г. Выделяются ее недостатки — как изначальные, так и образовавшиеся в ходе ее развития, при этом обращается внимание на ее серьезные недостатки, созданные в ходе конституционных реформ 2014 и 2020 гг. Прежде всего, по мнению автора, это относится к деформированию конституционных основ механизма отечественного правосудия, которые и в первоначальной редакции Конституции Российской Федерации были далеко не идеальными. Обращается внимание на то, что содержательной и конструктивной критике Конституция Российской Федерации начала подвергаться еще давно, к 10-летию со дня ее принятия.

К настоящему времени сложилась ситуация, при которой наличие серьезных недостатков в содержании положений Конституции Российской Федерации не позволяет надеяться на их исправление посредством корректировки отдельных ее статей. И главное, эти недостатки четко в настоящее время проявляются в главах 1-й и 2-й, являющихся неизменяемыми. Анализ динамики изменений и дополнений действующей Конституции Российской Федерации позволяет считать, что необходимость ее радикальной реформы создается примерно к 2025-2026 гг., и к этому времени юри-

Цитирование: Клеандров М. И. России нужна новая Конституция / М. И. Клеандров // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 139-151.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-139-151

дическая наука должна быть готова, а предварительную работу в этом направлении нужно начинать уже сейчас.

Ключевые слова

Конституция Российской Федерации, неисправимые недостатки, обоснование необходимости принятия новой Конституции Российской Федерации.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-139-151

Введение

Целью настоящего исследования является обоснование необходимости радикального усовершенствования Конституции РФ, выходящего за возможности преобразования ее в действующей после 2020 г. редакции. Методологической основой исследования послужило материалистическое понимание основных законов развития общества. Были использованы частнонаучные методы и исследовательские подходы теории конституционализма: формально-логический, исторический, абстрагирования и моделирования и др.

Результаты и обсуждение

Уже вскоре после принятия 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации, давно — по историческим меркам, разумеется, — в научной среде стали вноситься предложения о необходимости принятия новой Конституции, с обоснованиями этих предложений недостатками действующей. А их, этих недостатков, несовершенств и прочих дефектов, называлось немало.

Например, в своем докладе на Всероссийской научно-практической конференции «Конституции России 10 лет: опыт реализации», организованной и проведенной Тюменским государственным университетом на площадке Тюменской областной Думы осенью 2003 г., Д. А. Керимов (член-корреспондент РАН) в жесткой форме высказался: «Я солидарен с теми, кто настаивает на принятии новой Конституции, поскольку действующая принята на переходный период. Принята наспех, небрежно, под известное лицо и при его непрофессиональном, но, увы, непосредственном и решающем участии. Если мы с удовольствием избавились от тоталитаризма, то почему бы нам также не поступить с ельцинским наследием?» [3, с. 12].

И одновременно он предложил в новой Конституции предусмотреть 12 новых положений:

- создать действенный механизм реализации прав, свобод и обязанностей граждан;
- обеспечить правовые гарантии беспрепятственной реализации конституционных полномочий Президента, Федерального Собрания и Правительства на основе разделения властей и учета исторических особенностей национальных традиций и обычаев в России;
- укрепить и обеспечить реальное равноправие субъектов Федерации путем конституционного закрепления их общего и единого правового статуса;

- отказаться от договорных отношений между государственными органами Федерации и органами субъектов Федерации, допустить заключение специальных договоров и соглашений лишь в исключительных случаях, предусмотренных самой же Конституцией;
- пересмотреть действующую избирательную систему, законодательными мерами пресечь так называемые избирательные технологии;
- расширить и усилить эффективность контрольных функций Федерального Собрания, создать специальный федеральный надзорный контрольный орган государства помимо Счетной палаты;
- реорганизовать структуру судебной системы, создать, наконец, административную юстицию хотя бы по примеру Франции; включить в Конституцию специальную главу о прокуратуре и предоставить ей право законодательной инициативы в узком смысле;
- создать независимый государственный орган, осуществляющий следствие по особо важным уголовным делам;
- четко определить права и обязанности губернаторов и госорганов субъектов Федерации, их взаимоотношения с федеральными органами;
- предусмотреть регулярную систематизацию, инкорпорацию, кодификацию действующего законодательства, создать для этой цели специальный госорган при Совете Федерации;
- предусмотреть в Конституции строгую обязанность госорганов и общественных организаций, должностных лиц и граждан соблюдения требований законности, ответственности за нарушение режима правопорядка [1, 3, 11].

Подвергались на этой Всероссийской конференции критике и иные положения Конституции Российской Федерации 1993 г. со стороны других участников. Например, доктор юридических наук, профессор Г. Н. Чеботарёв критиковал положения, относящиеся к общественному (народному) самоуправлению, которое может и должно развиваться в двух его неразрывно связанных между собой формах — государственного местного управления и той, которую ныне принято называть общественным территориальным самоуправлением [3, с. 206].

Автор данных строк, соглашаясь в своем выступлении на этой Конференции с критикой отдельных положений Конституции Российской Федерации 1993 г., вместе с тем, транслируя консолидированную позицию судей Конституционного Суда РФ, резко возразил не только против принятия новой Конституции Российской Федерации, но и против серьезной корректировки отдельных ее положений.

Обоснованиями таких возражений тогда, в 2003 г., служили следующие доводы: государственные устои Российской Федерации, базирующиеся на сравнительно недавно принятой Конституции, еще не достаточно окрепли; имели место в ряде местностей сепаратистские устремления; экономика была еще слабой, сказывались последствия грабительской приватизации государственной собственности, к тому же многочисленными законодательными и иными акта-

ми было «прописано» столько социальных и иных льгот, что явно требовало того, что чуть позднее поименовали «монетизацией льгот»; было несовершенным федеральное законодательство, и т. д. и т. п. А Конституционный Суд РФ своими постановлениями блокировал некоторые негативные моменты в действующем правовом регулировании и правоприменительной практике, хотя и удавалось это не всегда и не во всём, однако ведь он руководствовался действующей Конституцией Российской Федерации именно 1993 г. А ее замена на новую превратила бы наше общество, государство, экономику, социальную и иные сферы, пусть и ненадолго (в лучшем случае), в минное поле беззакония.

Следует отметить, что радикальные предложения об отмене Конституции Российской Федерации 1993 г. и замене ее на новую ни тогда, ни позднее положительного отклика как в научно-юридической среде, так и в целом в российском обществе не нашли. Но время шло, государственные устои Российской Федерации крепились, федеральное законодательство и правоприменительная практика совершенствовались, имели место и успехи в экономике и социальной сфере. Поэтому в общественном мнении принятие корректировки отдельных положений Конституции Российской Федерации перестало быть категоричным. К тому же негласный мораторий на «распечатывание» изменений Конституции Российской Федерации 1993 г. был нарушен в 1996 г., в связи с изменениями наименований таких субъектов Российской Федерации, как Республика Ингушетия [7], Республика Калмыкия [6], Республика Северная Осетия-Алания [7], что потребовало внесения изменений в ст. 65 Конституции РФ, где провозглашено, какие субъекты РФ находятся в составе Российской Федерации. Позднее этот процесс был продолжен, и последнее — по времени — из этих изменений было вызвано вхождением в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя [10]. Но эти все изменения Конституции Российской Федерации можно отнести к категории технических: государственных устоев они не колебали, корректировки действующего федерального законодательства и правоприменительной практики почти не требовали.

Более серьезное изменение Конституции РФ имело место с принятием Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» [12]. Но и это изменение Конституции РФ фундаментальным посчитать невозможно, хотя и к чисто редакционным его отнести уже нельзя.

Но уже более серьезным изменением Конституции Российской Федерации стало дополнение ее статьи 103 пунктом в, в соответствии с которым к ведению Государственной Думы было отнесено заслушивание ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой [8]. Правда, и это был частный случай, государственные устои Российской Федерации не поколебавший.

Примерно такое же по уровню значимости изменение Конституции РФ имело место в форме дополнения к статье 83, расширившего полномочия Президента Российской Федерации, — тогда он получил право назначать и освобождать представителей Российской Федерации в Совете Федерации [13].

Все вышеперечисленные корректировки Конституции РФ носили больше технико-организационный характер, ни в какой мере их назвать фундаментальными нельзя, и практически никакой и ниоткуда критике они не подвергались (во всяком случае, в научно-юридической среде).

Далее же — в 2014 г. — имела место уже конституционная реформа, но — в усеченном виде, затронувшая лишь седьмую главу Конституции Российской Федерации 1993 г. о судебной власти. Речь идет о Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившем в силу со дня его официального опубликования 6 февраля 2014 г. [5]. Этой поправкой из Российской Конституции была исключена статья 126, чем был упразднен Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (ВАС РФ). Внешне, казалось бы, это не имеет большого значения, сама трехзвенная арбитражно-судебная система с ее более чем сотней судов и четырехтысячным судебским корпусом ведь сохранилась, и полномочия этих судов и судей по осуществлению экономического правосудия у них не были урезаны.

Но это не так. Когда ВАС РФ существовал, высшей судебной инстанцией в сфере экономического правосудия были его Президиум — как надзорная инстанция, и его Пленум — как судебный орган, обобщающий судебную практику и определяющий арбитражно-судебную политику. А после упразднения ВАС РФ эти функции — решающие в сфере экономического правосудия — отошли, соответственно, к Президиуму и к Пленуму Верховного Суда РФ, в составе которых специалистов в сфере экономического правосудия (по сути — предпринимательского законодательства и арбитражного процесса) — незначительная доля, а ведь решения там принимаются большинством голосов членов, соответственно, Президиума и Пленума. То есть не специалистами в экономическом правосудии.

Это уже была серьезная, по сути — фундаментальная корректировка базовых основ государственного устройства нашей страны, серьезно затронувшая одну из трех ветвей государственной власти — судебную. И, по мнению автора данных строк, оснований к этому не было.

А далее имело место то, что можно с полным основанием назвать полноценной конституционной реформой. Такой же, кстати, неожиданной, как и частичная реформа 2014 г. 15 января 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному Собранию России высказался о необходимости изменений и дополнений действующей Конституции страны по семи позициям [9, с. 43-44]. И быстро — по любым меркам, — разработанные неизвестно кем, представленные специальной комиссией, общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. эти изменения и дополнения в Конституцию Российской Федерации, общим числом порядка сотни, были приняты [4].

Таким образом, приведенная выше последовательность корректировки Конституции Российской Федерации позволяет сделать анализ динамики, хронологии, интенсивности и содержательности изменений и дополнений Конституции Рос-

сийской Федерации и прийти к выводу: следующая, еще более значительная конституционная реформа будет (должна состояться) ориентировочно в 2025-2026 гг.

А поскольку считать, что все предыдущие корректировки Конституции Российской Федерации, включая нововведения 2020 г., правомерно охватывали лишь ее главы с третьей по восьмую, а главы первая, вторая и девятая не требовали содержательной корректировки, вносить изменения в эти главы, в силу положений главы девятой, в режиме, аналогичном корректировке положений глав с третьей по восьмую, невозможно, нужна будет новая Конституция Российской Федерации. И не редакционная правка отдельных положений статей, содержащихся в главах первой, второй и девятой, а создание сущностно, фундаментально новой Конституции.

Предложений на сей счет уже внесено немало. Например, А. В. Тонконогов предлагает внести сорок (!) поправок в действующую (после нововведений 2020 г.) Конституцию Российской Федерации [14]. Правда, некоторые из них, по мнению автора данных строк, мелкотемны и не заслуживают конституционного уровня — достаточно закрепления их на уровне федеральных законов; некоторые, внесенные явно из благих побуждений (например, № 13: «Судьи обязаны выносить решения строго в соответствии с положениями конкретных законов. Вынесение судебных решений на основе субъективных мнений судей не допускается»), отстают от суровых жизненных реалий — всё чаще судьи вынуждены рассматривать дела, где нет ни законодательной основы, ни судебной практики (например, в сфере интернет-технологий, геномной инженерии). Однако ни откладывать разрешение таких дел до появления соответствующих законов, ни отказывать в принятии их к рассмотрению невозможно. Некоторые же из предлагаемых поправок попросту не надо выполнять, например, № 11: «Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации избираются гражданами России на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном и/или открытом голосовании на срок не более пяти лет с правом переизбрания не более двух раз подряд». Ведь если на такое голосование будет вынесена одна кандидатура, это будут не выборы (что имело место в период Советской Власти), а назначение; а если несколько кандидатур — то как, кем и за чей счет будут организованы избирательные кампании каждого из кандидатов? И что они будут обещать избирателям — обеспечивать вершение справедливого правосудия вне зависимости от просьб того, кто организовывал и финансировал их избирательную кампанию?

И вообще, новая Конституция Российской Федерации должна быть новой качественно. По мнению автора данных строк, главное, что должно присутствовать в новой Конституции Российской Федерации, ее фундамент и базовый стержень — это национальная идея. Какова она будет, как будет выработана и сформулирована — дело второе, но уж явно не как «сохранение национальной идентичности», что можно усмотреть в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Россий-

ской Федерации» [11], поскольку «сохранение» по существу означает стагнацию, а нам необходимо развитие, в том числе и в деле национальной идентичности. Главное — чтобы она была, а будучи провозглашенной конституционно, могла стать целью развития нашего общества. Без ясной цели любой ветер для корабля не будет попутным, и отсутствие национальных идей в ряде государств Евросоюза, а также в США с их попранием изначальных человеческих ценностей убедительно показывает, куда это может привести.

Наличие же конституционно закреплённой национальной идеи российского общества означает, что закреплённый в ч. 2 ст. 13 Конституции 1993 г. запрет на установление идеологии в качестве государственной или обязательной должен быть скорректирован: в Российской Федерации, как это сейчас провозглашено в ч. 1 ст. 13 Конституции 1993 г., должно признаваться идеологическое многообразие, но доминирующей в этом многообразии (точные формулировки ещё предстоит оттачивать) должна быть идеология, обеспечивающая реализацию национальной идеи. Что, в свою очередь, создаёт верные ориентиры в воспитании подрастающего и будущих поколений в нашей стране. И вся новая Конституция РФ, все развивающие её положение федеральное законодательство и правоприменительная практика будут ориентироваться на национальную идею. В несколько грубоватой форме, но, по существу, верно высказался в этом плане известный учёный, политик и публицист Михаил Делягин: «Государство — это машина, которая всегда достигает своей цели, если она поставлена. На троечку, с опозданием, с издержками — но, если задача поставлена, она будет достигнута. Если задача — развивать страну, страна будет развиваться. Мы будем ругаться, критиковать методы, жаловаться на нерасторопность, но страна будет развиваться. Если задача — грабить, страна будет разграблена» [1].

Таким образом, национальная идея России должна стать основой, стержнем, фундаментом, ориентиром и т. д. новой Конституции Российской Федерации. И все её положения должны будут соответствовать национальной идее. Это, само собой разумеется, позволит избежать имеющих место сейчас (и появления в будущем) таких «недоразумений», как положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. о примате международного права над российским.

Но можно будет не повторять и иные, не менее важные «недоразумения». Так, есть сегодня определённая нестыковка положений, также содержащихся в первой главе Конституции Российской Федерации 1993 г., больше того — в рядом расположенных частях одной статьи; во всяком случае так можно, по мнению автора, их интерпретировать. Речь идёт о ст. 9. В части первой её сказано, что природные ресурсы используются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, что можно понять как предназначение этих природных ресурсов не в качестве основы жизни и деятельности иных (всех вообще) народов Российской Федерации, не проживающих на территории, где располагаются данные природные ресурсы. Почему?

Но главное — в другом. В части второй этой статьи провозглашено: природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных

формах собственности. Вопрос: почему не исключительно в государственной (по существу — общенародной), как это провозглашалось в прежней Конституции РСФСР и РФ до 12 декабря 1993 г., как это провозглашено в конституциях многих государств, прежде всего — в прошлом составляющих СССР? Получается, 11 декабря 1993 г. углеводородное сырье (главное наше ископаемое богатство) принадлежало исключительно Российскому государству (всему народу России), а 13 декабря 1993 г. — уже не только государству. Но ведь его основное предназначение — обеспечивать благосостояние всего российского народа.

А нестыковка положений частей первой и второй ст. 9 Конституции Российской Федерации 1993 г. заключается в том, что полезные ископаемые, прежде всего углеводородное сырье, оказавшись в частной собственности, не будут являться основой жизни и деятельности не только всех народов России, но и народов, проживающих на «соответствующей территории». Не будут, потому что частная собственность — это собственность коммерческих структур, основная цель деятельности которых — это извлечение максимальной прибыли от использования их собственных полезных ископаемых. А отнюдь не обеспечение в качестве основы «жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», тем более — всех народов Российской Федерации.

Что, с юридико-экономической точки зрения, происходит с углеводородным сырьем, находящимся в недрах Земли и принадлежащим на праве частной собственности коммерческой структуре? Упрощенно: она, эта коммерческая структура, добыв свое сырье, реализует его, а прибыль от этой реализации становится ее собственностью, за исключением лишь того, что приходится на долю государства (нашего общества): налога на добычу полезных ископаемых, тарифов, налога на доходы физических лиц — работников этой организации, и некоторых иных обязательных платежей.

А что должно происходить (а в реальности и происходит в Норвегии, Саудовской Аравии, Вьетнаме и т. д.), с юридико-экономической позиции, с углеводородным сырьем, находящимся в недрах Земли и принадлежащим государству — на государственной форме собственности? Государство в лице соответствующего государственного органа объявляет тендер на работы по геологоразведке на углеводородное сырье и с победителем заключает контракт: за каждый разведанный баррель нефти, кубический метр газа и т. п. этот победитель получает определенную плату (вариативно, в зависимости от множества заранее установленных факторов). А на добычу уже разведанных углеводородов государство объявляет новый тендер, и в контракте с победителем предусматривается плата также в зависимости от объема добытого сырья. Таким образом, добытые углеводороды остаются в собственности государства, которое само, в лице своих структур, реализует его, и вся прибыль от чего поступает в общегосударственный бюджет, а коммерческая структура — победитель в тендере довольствуется положенной по контракту оплатой.

И в основе обозначенной разницы в праве собственности на углеводородное сырье лежат не совершенные формулировки частей первой и второй статьи 9 Конституции Российской Федерации 1993 г., находящиеся в ее главе первой, а

принципиальный отказ от монополии государства относительно этого вида природных ресурсов, совершенный в 1993 г.

Принятие новой Конституции Российской Федерации позволит серьезно усовершенствовать структуру и полномочия федеральных (и не только) органов государственной власти.

Так, необходимо будет в новой Конституции РФ четко определить и закрепить роль и место Президента Российской Федерации в системе ветвей государственной власти, поскольку, хотя в ч. 1 ст. 11 Конституции РФ 1993 г. провозглашено, что государственную власть в стране осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ и суды РФ, в ст. 10 Конституции провозглашено, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, органы которых самостоятельны, и президентская власть здесь не названа.

Не менее значимой является проблема укрепления независимости судебной ветви государственной власти на конституционном уровне. А эта проблема есть — ведь если в системе государственной власти в Российской Федерации законодательную власть осуществляет двухпалатное Федеральное Собрание, исполнительную власть — Правительство Российской Федерации, то судебную — суды, а их пока более двух с половиной тысяч, и их роль не должна ограничиваться исключительно осуществлением непосредственного правосудия (один подбор арбитражных и присяжных заседателей здесь чего стоит).

Но главное, чтобы все суды (и все судьи в них) независимо, эффективно и справедливо осуществляли правосудие (а оно сейчас — пока — представлено в пяти видах), необходимо эффективное организационное, финансовое, информационное, материально-ресурсное, социальное, кадровое и иное его обеспечение, максимально — по возможности — независимое от органов исполнительной ветви государственной власти. То есть нужен федеральный государственно-властный орган для судебной власти, по аналогии с органами государственной власти двух других ветвей. Но который при этом не только не будет судебным органом, но и не будет влиять на осуществление правосудия судами и судьями и формировать судебную политику. Такой орган есть в половине государств мира, более чем в половине государств-участников СНГ, и, больше того, чуть-чуть не был создан дважды в Российской Федерации — в 1993 и в 2001 гг. Предложения по его формированию автором этих строк вносились [2].

Главная задача такого органа — в силу наделенных новой Конституцией РФ собственных полномочий — обеспечивать независимость всего совокупного в каждом его звене механизма отечественного правосудия.

Заключение

Из вышеизложенного с очевидностью следует, что задержка с принятием качественно новой Конституции РФ в 2025-2026 гг. неизбежно приведет к стагнации общества и государственных институтов в нашей стране. Разработка же ее базового ядра, основных положений и развивающих их конституционных норм

потребуется, естественно, больших организационных временных усилий и тщательной научной проработки силами не только юридической науки, но и философии, социологии, политологии, экономики и других наук. И эту работу явно следует начать незамедлительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интервью М. Делягина // Аргументы недели. 2021. 18 авг. № 32 (776). С. 3.
2. Клеандров М. И. О Совете судебной власти Российской Федерации: монография / М. И. Клеандров. М.: Норма, 2016. 160 с.
3. Конституции России 10 лет: опыт реализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2003. 324 с.
4. Конституция РФ с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 г. + сравнительная таблица изменений. М.: Эксмо, 2020. 96 с.
5. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2014. 6 февраля. № 0001201402060001. URL: www.pravo.gov.ru
6. О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 февраля 1996 г. № 173 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 7. Ст. 676.
7. О включении новых наименований субъектов Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 9 января 1996 г. № 20 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 152.
8. О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации: Федеральный закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ // Российская газета. 2008. 31 декабря.
9. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политике государства: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. М.: Изд-во «Известия» УД Президента РФ, 2020.
10. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.
11. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
12. Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы: Федеральный закон о поправке к Конституции от 20 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ // Российская газета. 2008. 31 декабря.
13. Официальный интернет-портал правовой информации. 2014. 22 июля. № 0001201407220002. URL: www.pravo.gov.ru
14. Тонконогов А. В. Конституция России: эпоха реформирования / А. В. Тонконогов // Закон и право. 2021. № 4. С. 15-18.

Mikhail I. KLEANDROV¹

UDC 342.5

ON THE NEED FOR A NEW CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

¹ Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Jur.), Professor, Chief Researcher,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
mklean@ksrf.ru

Abstract

The article considers the problems of the content of the current Constitution of the Russian Federation of 1993 in the dynamics of its amendments and additions, taking into account the innovations of 2020. The author highlights shortcomings, both initial and formed during its development, while drawing attention to its serious shortcomings appeared during the constitutional reforms of 2014 and 2020. The author particularly refers to the deformation of the constitutional foundations of the domestic justice mechanism, which were far from ideal even in the original version of the Constitution of the Russian Federation. The article mentions the fact that the Constitution of the Russian Federation began to be subjected to meaningful and constructive criticism a long time ago, especially on the 10th anniversary of its adoption.

To date, there is a situation in which the presence of serious shortcomings in the content of the provisions of the Constitution of the Russian Federation does not allow us to hope for their correction by adjusting its individual articles. And the main thing is that these shortcomings are clearly manifested at the present time in chapters 1 and 2, which are immutable. The analysis of the dynamics of changes and additions to the current Constitution of the Russian Federation suggests that the need for its radical reform will be created approximately by 2025-2026, by this time the legal science should be ready, and preliminary work in this direction should begin even now.

Citation: Kleandrov M. I. 2021. "On the need for a new constitution of the Russian Federation". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 139-151.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-139-151

Keywords

The Constitution of the Russian Federation, incorrigible shortcomings, justification of the need to adopt a new Constitution of the Russian Federation.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-139-151

REFERENCES

1. Arguments of the Week. 2021. Interview with M. Delyagin. No. 32 (776), p. 3. [In Russian]
2. Kleandrov M. I. 2016. About the Council of Judicial power of the Russian Federation: Monograph. M.: Norm. 160 pp. [In Russian]
3. The Constitution of Russia for 10 years: Experience of implementation: Materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2003. Tyumen: Publishing house of the Tyumen State University. 324 pp. [In Russian]
4. Vildanov S. K. (ed.). 2020. The Constitution of the Russian Federation with Amendments Submitted to the All-Russian Vote on July 1, 2020 + a Comparative Table of Changes. Moscow: Eksmo. 96 pp. [In Russian]
5. Official Internet website of legal information (www.pravo.gov.ru). 2014. No. 0001201402060001. On the Supreme Court of the Russian Federation and the Office of Public Prosecutor of the Russian Federation: The Law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation of 5 February 2014 No. 2-FKZ. Accessed on 7 December 2021. www.pravo.gov.ru [In Russian]
6. Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 7. Art. 696. On the inclusion of new name of the subject of the Russian Federation to Article 65 of the Constitution of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10 February 1996 No. 173. [In Russian]
7. Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 152. On the inclusion of new names of the subjects of the Russian Federation to Article 65 of the Constitution of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 9 January 1996 No. 20. [In Russian]
8. Russian Newspaper. 2008. On supervisory powers of the State Duma in relation to the Government of the Russian Federation: The Federal Law on an amendment to the Constitution of the Russian Federation of 30 December 2008 No. 7-FKZ. [In Russian]
9. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation “On the situation in the country and the main directions of the internal and foreign policy of the state”. 2020. Moscow: Izvestia Publishing House of the UD of the President of the Russian Federation. [In Russian]
10. Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 12. Art. 1201. On the inclusion to the Russian Federation of the Republic of Crimea and formation of new subjects within the Russian Federation — the Republic of Crimea and the city with federal status Sevastopol: The Federal Constitutional Law of 21 March 2014 No. 6-FKZ. [In Russian]

11. Kremlin Official Website. 2021. On strategies of national security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400. Accessed on 7 December 2021. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> [In Russian]
12. Russian Newspaper. 2008. On the change of term of service of the President of the Russian Federation and the State Duma: Federal Law on an Amendment to the Constitution of 20 December 2008 No. 6-FKZ. [In Russian]
13. Official Internet Website of Legal Information. 2014. No. 0001201407220002. Accessed on 7 December 2021. www.pravo.gov.ru [In Russian]
14. Tonkonogov A. V. 2021. "The Constitution of Russia: The era of reformation". Law and legislation, no. 4, pp. 15-18. [In Russian]

Елена Генриховна КОМИССАРОВА¹
Татьяна Владимировна КРАСНОВА²

УДК 342.7

ЛИЧНЫЕ ПРАВА ДЕТЕЙ В ПРЕДМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

¹ доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет;
профессор кафедры гражданского права,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
e.g.komissarova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4257-5673

² кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
t.v.krasnova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3375-7443

Аннотация

Российский научный потенциал в продвижении прав детей пока в большей мере ограничен интерпретацией такой нормативной и теоретической конструкции, как «защита прав детей». Привычность такого положения, однако, не означает, что теоретическое толкование конституционных норм и специального законодательства о правах ребенка исключает позитивно-регулятивный аспект познания таких прав. Но пока в этом направлении сделано немного. Основная цель статьи состоит в том, чтобы дать новое представление о позитивных конституционных правах детей с опорой на теорию конституционной культуры. Для исследования выбрано позитивное личное право ребенка знать свое происхождение как отдельное и автономное право ребенка, имеющее косвенное конституционное признание, но пока не вовлеченное в текущие научные дискуссии и не относящееся к проблематичным. Методология

Цитирование: Комиссарова Е. Г. Личные права детей в предмете конституционно-правового регулирования / Е. Г. Комиссарова, Т. В. Краснова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 152-166.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

исследования основана на использовании таких частнонаучных методов научного познания, как метод межотраслевого анализа, метод сравнительно-правового исследования, формально-юридический и логический методы, метод научного обобщения. По итогам исследования авторы пришли к следующим результатам: теория детских прав в ракурсе ее конституционного развития требует доктринальной поддержки в виде неформальных междисциплинарных исследований, находящихся на стыке конституционного и семейного права; на смену механическим отсылкам к конституционным нормам должно прийти научное понимание того, что конституционные положения, относящиеся к правам человека в целом и правам ребенка в частности, не могут восприниматься доктриной как «само собой разумеющиеся», как минимум им нужна доктринальная поддержка в виде создания гармоничной теории детских прав.

Ключевые слова

Личные права ребенка, конституционный статус детских прав, право ребенка на личную самоидентификацию, уважение частной жизни, этика государственного участия в реализации детских прав, недискриминация прав ребенка.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

Введение

Исследования конституционной линии, ориентированной на права человека, в структуре которой дети составляют важную группу правообладателей, пока не набрали той критической научной массы, которая бы позволила их количеству перерасти в качество. Научное описание детских прав как в целом, так и в аспекте их отдельных разновидностей продолжает тяготеть исключительно в сторону их защиты и в гораздо меньшей степени — в сторону предоставления новых прав с необходимым государственным участием в их реализации. Представляется, что в этом одна из причин того положения, что о проблеме конституционного статуса детских прав, особенно тех, которые эволюционировали и стали актуальными в последнее десятилетие, известно немного. При том, что попыток научного описания прав ребенка в аспекте их конституционности в последнее десятилетие предпринимается достаточно [2, 4, 7, 9, 10, 16, 22, 24].

Для изменения существующего положения назрела необходимость сформулировать такую теоретическую концепцию, которая позволит при упоминании ставшего общеизвестным понятия «права ребенка» охватывать не только защитные меры, лежащие в системе особо охраняемых правоотношений — материнства, семьи, воспитания и образования, но и все другие детские права, именуемые позитивными. В первую очередь это относится к таким личным неимущественным правам ребенка, как право на уход и поддержку, право на уважение частной жизни ребенка, право ребенка знать свое происхождение, право быть услышанным, право на общение с обоими родителями и контакт с лицами семейного круга и др. Как показывает современная реальность, эта категория прав ребенка не менее значима для характеристики детского статуса и его научного познания, в том числе и в рамках конституционного правопонимания.

Для убедительной аргументации того состояния позитивных детских прав, которое еще только предстоит достигнуть, необходим гораздо более широкий спектр новой нормативной и теоретической информации, включая межотраслевой, междисциплинарный и сравнительно-правовой ресурсы, которая бы позволила привнести в теорию детских прав новые интерпретационные подходы стратегического значения. Кроме того, что такие подходы видятся обращенными в будущее, они несут в себе методологическую ценность, не позволяя игнорировать ту положительную нормативную динамику в части регулирования личных прав ребенка, которая явно прослеживается в общеевропейском праве, ориентированном сегодня уже не только на этику защиты прав детей, но и на этику государственного участия в их реализации и недискриминации [33, с. 22].

Пока же бремя обоснования того, что позитивные права ребенка, как и права взрослого человека, имеют конституционную ценность и в той же мере охраняются конституционным правопорядком, взял на себя Конституционный Суд РФ [14], используя приемы правоприменительной интерпретации для целей признания того или иного личного права ребенка как права, имеющего конституционное происхождение [19, 20].

Авторитетность суждений органа конституционной юрисдикции сколь бесспорна, столь и убедительна. Однако пропаганда высокого статуса детских прав во всей их регулятивно-охранительной палитре, воспитание уважения к ним — это забота не только Конституционного Суда РФ и научной дисциплины конституционного права, но и предметных дисциплин частнопроводного цикла. Доподлинно известно, что не имея продолжения в отраслевом знании, любое конституционное правило ослабевает в своем значении, обретая признаки декларативности и в итоге зауженный внутриотраслевой формат.

Принимая во внимание теоретический взгляд о том, что время, «когда понятия „права детей“ были просто лозунгом, нуждающимся в определении» [35], стремительно уходит в прошлое, авторы настоящей статьи стремятся сформулировать и обосновать конструктивные суждения, согласно которым личные права ребенка, имеющие сопряжение с правом, вне зависимости от того, сформулированы они дословно в конституционном и специальном нормативном тексте или нет, являются правами конституционного уровня. Исходным теоретическим посылом для такого суждения является не единожды выраженная Конституционным Судом РФ позиция об «ответственности перед нынешним и будущими поколениями, стремлением обеспечить их благополучие и процветание через создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Объектом исследования является позитивное личное право ребенка знать свое происхождение. Методология настоящего исследования включает следующие частнонаучные методы научного познания: метод межотраслевого анализа, сравнительно-правового исследования, формально-юридический и логический, метод научного обобщения.

Результаты и обсуждение

О конституционном формате детских прав

Как отмечается в доктрине, «соблюдение прав человека невозможно обеспечить без соблюдения прав ребенка» [31]. Данное суждение имеет двойные теоретические последствия. Одно в случае простого следования ему дает основания ограничиться простым предположением о том, что каждое из детских прав, вне зависимости от того, поименовано ли оно в конституционном или специальном законе, безусловно является частью конституционно-правовой материи. Такое понимание освобождает от последующего теоретизирования по проблеме, вынесенной в заголовок настоящей статьи, давая право на констатирующее суждение о том, что все личные права ребенка имеют тот же конституционный объем, формат, гарантии, что и права взрослого человека. Однако в таком знании оказывается слишком мало новизны, а главное прогресса, ориентированного на гармоничный подход к правам ребенка. Поэтому более предпочтительным выглядит второе следствие, ориентированное на конкретный методологический подход, как тот подход, который предполагает класть в основу исследования детских прав права человека в целом. Такой подход находится в согласии с европейскими тенденциями развития «детского права», в котором есть не только защита детских прав, но и участие государства в их реализации и контроль за недискриминацией в части признания государством личных прав, принадлежащих взрослому и ребенку.

Этот методологический ориентир значим еще и потому, что, как было замечено выше, в теории детских конституционных прав не всё является столь очевидным. Абсолютное большинство детских прав личного характера, если их круг не ограничивать теми, что зафиксированы в нормах СК РФ, имеет сложную структурированную и иерархическую систему правового регулирования. Этот факт не свидетельствует об их второстепенности, однако требует необходимой доктринальной поддержки с опорой на положение, согласно которому конституционные нормы стали непосредственным регулятором межличностных отношений в сфере частного права, что в отечественной литературе получило наименование «горизонтального эффекта» [3, с. 14; 11, с. 7]. Не последнюю роль в его достижении сыграло сотрудничество России с Советом Европы.

Современная концепция прав человека, имея развернутое конституционное закрепление, известна каждому цивилизованному государству [25]. Она представляет собой совокупность письменно зафиксированных прав, которые определяют личный правовой режим лица, сообщая о тесной юридической связи между человеком и правовой системой государства, ориентированной на признание этих прав, гарантии их реализации, а в случае нарушения — защиты.

В научном дискурсе последнего десятилетия мысль о том, что «статус несовершеннолетнего является подразумеваемой частью, составляющим элементом общеправового статуса любого гражданина России» [8], как всякой личности, «достойной уважения просто по факту своего существования» [5],

культивируется все чаще. Даже те авторы, которые считают обезличенность прав ребенка как самостоятельной личности «упущением конституционного законодателя», больше склонны искать этому оправдание с помощью суждения о «естественно равной защите прав любого человека независимо от каких бы то ни было признаков, в том числе и возрастных» [21]. Поэтому то положение, согласно которому «дети являются обладателями прав, а не просто объектами защиты... Они бенефициары всех прав человека» [33, с. 17], сегодня считается общепризнанным. Но всех проблем, касающихся конституционного происхождения детских прав и механизмов, обеспечивающих их осуществимость, констатация такого положения не решает.

Абсолютное большинство учебных пособий, изданных Организацией Объединенных Наций, подвергает весь спектр детских прав делению на два типа: права детей как самостоятельных лиц в соответствии с законом и права, требующие от общества защиты от вреда, причиняемого детям из-за их зависимости. Отсюда конвенционная формула прав ребенка является трехсоставной, включая компоненты предоставления права, участие государства в их реализации, защиту. Российский конституционный формат детских прав пока не до конца следует полноте этой схемы, отдавая приоритет защите детских прав. Попытка же вычленивать и обосновать какое-либо регулятивное право ребенка (например, личное право ребенка знать свое происхождение) в режиме аналогии с правом взрослого человека оказывается основанной на слишком большом числе предположений, поставляя доктрине убедительные основания для вывода о том, что в научной картине детских прав «присутствует огромный разрыв между провозглашением прав детей и наделением их конкретными правами» [18].

О конституционной сущности права ребенка знать свое происхождение

Право ребенка знать свои биологические корни как в смысле существования, так и базового уровня его регулирования, несмотря на лингвистическое присутствие в некоторых научных дискурсах, на самом деле малоизвестно отечественному семейно-правовому дискурсу. Проблема является более ординарной для европейской науки, давно и последовательно озабоченной выявлением юридических проблем в «детском праве», которые еще только ждут своего решения. Но и здесь отмечается, что «в этом вопросе наука остается загроможденной и непоследовательной» [36]. Не последнюю роль для такой оценки играет разноплановое определение этого права, именуемого как право знать своих предков, право на личную идентичность, право на биологические секреты и т. д., что дает достаточно оснований для смещения акцентов в его исследовании.

Ключевым моментом в исследовании этого права и обосновании его функционала является общепризнанность того факта, что оно включено в сферу частной жизни ребенка [33, с. 65]. Вопрос о том, носит ли это право абсолютный характер или может быть ограничено в интересах семьи и фактических или социальных родителей, стоит особенно остро. Дискуссии на эту тему продолжаются, в том числе и в тех странах, которые возвели это право на конституционную

высоту (а это далеко не все страны). При этом практически все государства признают, что право ребенка знать свое происхождение, имея тесную связь с его личностным развитием, является важным социальным и юридическим правом, и его удовлетворение не может зависеть ни от непредвиденных обстоятельств детского, а впоследствии и взрослого существования, ни от доброй воли других людей. Одни страны сдерживают уровень развития внутренних ресурсов репродуктивной медицины и ведется внутригосударственная политика по отношению к ее отдельным отраслям, другие, по аналогии с усыновлением, ограничиваются функциональным восприятием идеи, лежащей в основе этого права (известность генетики, облегчающей лечение наследственных заболеваний) [27], третьи рассматривают это право в узком контексте информационного интереса, позволяющего ребенку познать «багаж культурно-генетической базы» (Португалия) [29].

В отечественной науке как о загроможденности, так и какой-либо определенности, не говоря уже о проблеме конкуренции этого права ребенка с правами других лиц, пока говорить не приходится, труды, обращенные к этому праву ребенка, исчисляются единицами [6, 12, 15]. В этом также состоит одна из причин того, что простое утверждение о том, что право ребенка знать свое происхождение носит конституционный характер, без должного научного описания будет выглядеть ни больше ни меньше как теоретическое преувеличение.

Упоминание о праве ребенка знать свое происхождение обычно сводится к ст. 52 СК РФ, где в п. 2 это право существует в его урезанном виде, имея отношение к праву ребенка знать своих родителей применительно к условиям семейного воспитания, насколько это возможно. В ходе исторической эволюции в российском законодательстве это право пока не претерпело каких-либо интерпретационных изменений в смысле его расширения и соответствия ст. 8 Конвенции о правах ребенка, согласно которой «каждый человек имеет право на уважение его частной и семейной жизни» [13].

В Германии это право на знание своего происхождения впервые было введено для усыновленных детей еще до вступления в силу Конвенции о правах ребенка (2 сентября 1990 г.), в 1988 г., когда Федеральный конституционный суд закрепил это право как неотъемлемую часть права ребенка на человеческое достоинство, провозглашенное в системе личных прав человека в Основном законе страны [30]. После ратификации Конвенции это право не сразу, но было распространено на всех детей, в чьих родословных могли быть расхождения между фактом и формализованным статусом, но с существенными оговорками в части возможной конкуренции между личным правом ребенка и правами третьих лиц. Несмотря на часть жестких запретов в области репродуктивных технологий [23], Германия продолжает стремиться еще больше повысить уважение к праву на знание собственного происхождения, принимая со ссылкой на Основной закон специальные законы, регулирующие порядок его реализации [38]. В Швейцарии права детей, рожденных вследствие репродуктивного лечения, на знание своего происхождения было признано в 1992 г. как неписаное право на личную свободу с последующим распространением (2002 г.) этого

признания на усыновленных и всех других детей [28]. В Нидерландах Верховный суд страны в 1994 г. определил, что «общее право личности», не будучи поименованным ни в Конституции Нидерландов, ни в каком-либо международном договоре, охраняется государством и включает в себя в том числе право знать своих родителей [26].

Точками теоретической опоры в суждениях о праве ребенка быть правообладателем в части познания своих биологических корней обычно указываются три вида документов: прецедентное право, создаваемое с 1989 г. Европейским судом по правам человека [32], Конвенция ООН о правах ребенка, фактически сконструировавшая новую модель отношения к ребенку как личности и носителю субъективных прав, где впервые было зафиксировано право ребенка на собственную идентичность (п. 1 ст. 7), облеченное в законную юридическую форму благодаря тому, что Конвенция ратифицирована почти всеми странами планеты и благодаря механизмам контроля, созданным внутри системы ООН; Гагская конвенция о международном усыновлении/удочерении, предусматривающая возможность для усыновленного ребенка получить доступ к информации о личности его или ее родителей «под соответствующим руководством».

Указанные документы вполне можно считать опорными для объяснения конституционно-правового смысла права ребенка на личную идентичность, на что указывает опыт других стран, восприимчивых к теории конституционной культуры, позволяющей придать конституционно-правовой смысл тем правам, которыми реально обладает человек и которые не нашли поименованного отражения ни в конституционных нормах, ни в нормах специального законодательства.

В отличие от европейских стран, в «России формирование теории конституционной культуры находится в начале пути» [1, с. 11]. Наиболее доступные определения этого явления отыскиваются в зарубежной доктрине, относящейся к конституционной культуре как «набору практик, норм, привычек мышления и других различных особенностей, которые определяют, как мы переходим от слов Конституции к конкретным последствиям» [37, с. 1112]. Как утверждают сторонники этой теории, она позволяет рассматривать Конституцию не только как юридический текст или собрание основных правил, но и «как отпечаток состояния развития культуры, средство культурной самоидентификации народа, зеркало его культурного наследия и фундамент его надежд» [34].

В российской правовой действительности проявления конституционной культуры наиболее очевидны в сфере толкования конституционных норм [23], в практике конституционного правоприменения и практике текущего правоприменения. В последнем случае мы имеем дело с элегантным стремлением судебной власти придать конституционно-правовой смысл основополагающим правам личности, явно не поименованным в законодательстве. Одним из примеров такого стремления можно назвать Определение Верховного Суда РФ № 48-КГ18-16, весьма корректно преодолевшего языковые сдвиги между непоименованным в законе требованием лица обеспечить ему реализацию права знать своих биологических предков и нормами Конституции РФ об охране частной жизни. Как указал суд, «право знать своих предков в любом случае является важнейшим

аспектом идентичности личности и подпадает под сферу действия понятия „частная жизнь“. В связи с этим, согласно ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации, органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом» [17].

Аналогичная практика придания данному праву конституционно-правового смысла есть и в Германии. В своем решении от 31 января 1989 г. Федеральный конституционный суд этой страны недвусмысленно подтвердил, что право ребенка знать свое происхождение также может вытекать из Конституции Федеративной Республики Германии [30]. При этом Суд указал, что данная норма, однако, не определяет, кто имеет право и в какой момент может запросить информацию о фактическом происхождении человека, как и то, у кого может быть запрошена информация или на кого может быть подан иск за такую информацию. Тем самым суд подтвердил, что конституционное положение о праве лица на знание своего физического происхождения тесно связано с другими конституционными и специальными нормами, необходимость принятия которых вытекает из смысла Конституции.

Заключение

Конституционная норма о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» имеет вполне понятное сопряжение с правом ребенка знать о своем происхождении, как тем правом, которое гарантируется, охраняется и защищается по конституционным канонам. Такой статус этого вида личного детского права не позволяет считать его чем-то второстепенным и поверхностным, поддерживая его актуальность в русле гуманистических концепций, имеющих непосредственное отношение к личным правам человека, вне зависимости от того, взрослый он или ребенок. Однако признание конституционной природы права ребенка на знание своего происхождения — это не конец, а начало его последующей нормативной эволюции. Конституционные формулировки сами по себе не могут быть решающими в определении того, в каком порядке предоставляются поименованные в Конституции права и как государство участвует в их реализации. Как минимум предстоит создать теорию позитивных детских прав, имеющую тесное сопряжение с конституционными положениями, в основе которых лежит не только идея о защите детских прав, но и идеи о том, как надо обращаться с детьми, относиться к ним, и какие личные права в качестве детских благ им могут принадлежать. Продолжающийся процесс консолидации национального конституционного права с нормами конвенционных документов усилит эффект присутствия позитивных прав ребенка на конституционном уровне, давая возможность России приблизиться к числу стран, которые признаны «благоприятными для детей». Как максимум конституционный уровень признания права ребенка знать свое происхождение должен будет найти свое необходимое отражение в текущем правовом регулировании, в теории и практике профессионального правосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. Н. Значение теории конституционной культуры для России: приглашение к обсуждению / Г. Н. Андреева // Конституционная культура: Универсальные ценности и национальные особенности: сб. науч. трудов / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правоведения; отв. ред. Е. В. Алферова, Г. Н. Андреева. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2011. С. 11-23.
2. Аристов Е. В. Вопросы конституционно-правового обеспечения и защиты прав детей в России / Е. В. Аристов, Г. Г. Михалева // Закон и право. 2020. № 9. С. 15-23.
3. Богданов Е. В. Развитие гражданского права России: тенденции, перспективы, проблемы / Е. В. Богданов, Д. Е. Богданов, Е. Е. Богданов. М.: Юнити-Дана, 2014. 335 с.
4. Бондаренко О. А. Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. н. / О. А. Бондаренко. Челябинск, 2012. 28 с.
5. Ваништендаль С. Права детей и резильентность / С. Ваништендаль. Брюссель: Международное Католическое Бюро Ребенка, 2012. 57 с.
6. Воронина З. И. Реализация права ребенка на идентифицирующую информацию при применении вспомогательных репродуктивных технологий / З. И. Воронина // Российский юридический журнал. 2008. № 1 (58). С. 63-68.
7. Воронцова М. А. Конституционно-правовые основы личной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. н. / М. А. Воронцова. Санкт-Петербург, 2018. 211 с.
8. Дегтярёва Л. Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография / Л. Н. Дегтярёва. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2017. 78 с.
9. Евстифеев Д. М. Правосубъектность малолетних и несовершеннолетних как элемент конституционного статуса личности / Д. М. Евстифеев // Вопросы управления. 2014. № 3 (28). С. 219-225.
10. Зинченко Е. Ю. Конституционно-правовой статус несовершеннолетнего и проблемы его обеспечения и защиты / Е. Ю. Зинченко, И. Г. Евсеева, Е. Н. Хазов // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 101-104.
11. Зорькин В. Д. Конституционный суд и развитие гражданского права / В. Д. Зорькин // Российский судья. 2012. № 3. С. 5-13.
12. Кириченко К. А. Право ребенка на информацию о его происхождении: эволюция международно-правовых стандартов и перспективы развития российского права / К. А. Кириченко // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 10-13.
13. Конвенция о правах ребенка Одобрена ГА ООН 20.11.1989. Вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М.: Международные отношения, 1993. 496 с.
14. Кряжков В. А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда РФ / В. А. Кряжков // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3. С. 3-8.
15. Малеина М. Н. Правовое регулирование отношений, возникающих при искусственном зарождении детей / М. Н. Малеина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 5. С. 73-76.

16. Никулина О. М. Конституционно-правовой статус ребёнка в Российской Федерации / О. М. Никулина // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. Том 11. № 2. С. 101-104.
17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 2018 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311221/ (дата обращения: 17.12.2021).
18. Образцова О. Ю. Из истории идеи прав ребенка в XX веке / О. Ю. Образцова // Образование в контексте социальных инноваций: интеркультурный диалог северных стран: сб. материалов междунар. науч. конф. (17-19 ноября 1998 г., Россия, Архангельск) / отв. редактор И. Р. Луговская. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. С. 106-109.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию“, подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“ и пункта 2 статьи 11 Федерального закона „О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)“ в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2015. № 65.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона „Об актах гражданского состояния“ в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» // Российская газета. 2015. № 140.
21. Смагин Г. Г. Особенности конституционно-правового статуса ребенка / Г. Г. Смагин // Современное право. 2010. № 2 (1). С. 31-35.
22. Стандецкая В. В. Конституционно-правовой статус ребенка в современной России / В. В. Стандецкая // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 61-63.
23. Топорнин Б. Н. Вступительная статья / Б. Н. Топорнин // Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М.: Юрид. лит., 1994. С. 10-11.
24. Ходусов А. А. Конституционно-правовое регулирование защиты материнства и детства в Российской Федерации / А. А. Ходусов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 61-68.
25. Юрковский А. В. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира / А. В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 132-138.
26. Antokolskaia M. Dutch family law in the 21st century: trend-setting and straggling behind at the same time / M. Antokolskaia, K. Boele-Woelki // European Journal of Comparative Law. 2002. Vol. 6. No. 4. N. pag.
27. Assisted Reproduction in the Nordic Countries: A Comparative Study of Policies and Regulation. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2006. 97 pp.

28. Besson S. Enforcing the child's right to know her origins: contrasting approaches under the Convention on Rights Child and European Human Rights / S. Besson // *International Journal of Law, Policy and the Family*. 2007. No. 21. Pp. 137-159.
29. Blauwhoff R. J. Tracing down the historical development of the legal concept of the right to know one's origins: has "to know or not to know" ever been the legal question? / R. J. Blauwhoff // *Utrecht Law Review*. 2008. Vol. 4. No. 2. Pp. 99-116.
30. Bundesverfassungsgericht, Urteil v. 31.1.1989, 1 BvL 17/87 "Kenntnis der eigenen Abstammung" // Juristisches Informationsportal "Dejure.org".
URL: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=31.01.1989&Aktenzeichen=1%20BvL%2017%2F87> (дата обращения: 17.12.2021).
31. Bylinskaya N. To the question of constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of the child in the Russian Federation / N. Bylinskaya // *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2019. Vol. 90. No. 6. Pp. 135-139.
32. Gaskin v. United Kingdom, 10454/83 [1989] ECHR 13 (7 July 1989) // Vienna: European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2015. 250 pp.
33. Handbook on European Law Relating to the Rights of the Child // Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. 257 pp.
34. Häberle P. Europäische Rechtskultur / P. Häberle. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1994. 407 pp.
35. Rodham H. Children are under the law / H. Rodham // *Harvard Educational Review*. 1973. No. 43 (4). Pp. 487-514.
36. Rotax H. H. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft / H. H. Rotax // *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. 2007. Vol. 56. No. 2. Pp. 148-171. DOI: 10.25656/01:3046
37. Siegel A. M. Constitutional Theory, Constitutional Culture / A. M. Siegel // *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 2016. Vol. 18. No. 4. Pp. 1067-1128.
38. Wagenitz T. Bekanntmachungen: (Muster-) Richtlinie zur Durchführung der assistierten Reproduktion — Novelle 2006 — / T. Wagenitz // *Deutsches Ärzteblatt*. 2006. Jg. 103. Heft 20. Pp. 1392-1403.

Elena G. KOMISSAROVA¹

Tatiana V. KRASNOVA²

UDC 342.7

PERSONAL RIGHTS OF CHILDREN IN THE SUBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

¹ Dr. Sci. (Jur.), Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
University of Tyumen;
Professor, Department of Civil Law,
Perm State National Research University
e.g.komissarova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4257-5673

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
University of Tyumen
t.v.krasnova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3375-7443

Abstract

The Russian scientific potential in promoting children's rights is still largely limited by the interpretation of such a normative and theoretical construction as "protection of children's rights". The habitualness of such provision, however, does not imply that the theoretical interpretation of constitutional norms and of special legislation on the rights of the child excludes the positive regulatory aspect of the awareness of such rights. So far, little has been done in this field. In an effort to make their contribution to the creation of a harmonious theoretical concept covering the entire normative palette of children's rights, including the personal non-property rights of the child, based on the theory of constitutional culture, the authors turn to the right of the child to know his/her origin, which is not named in the Constitution of the Russian Federation. Regarding the research methodology, such specific methods of scientific knowledge as intersectoral analysis, method of comparative law analysis, formal legal and logical methods, method of scientific generalization were used.

Citation: Komissarova E. G., Krasnova T. V. 2021. "Personal rights of children in the subject of constitutional and legal regulation". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 152-166.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

The following theoretical conclusions are formulated in the article: the theory of children's rights in the perspective of its constitutional development requires doctrinal support in the form of informal interdisciplinary research at the intersection of constitutional and family law; The mechanical references to constitutional norms should be replaced by a scientific understanding that constitutional provisions relating to human rights in general and the rights of the child in particular cannot be taken for granted by the doctrine, at least they need doctrinal support in the form of creating a harmonious theory of children's rights.

Keywords

Personal rights of the child, the constitutional status of children's rights, the right of the child to personal self-identification, respect for private life, ethics of state participation in the realization of children's rights, non-discrimination of the rights of the child.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

REFERENCES

1. Andreeva G. N. 2011. "The significance of the theory of constitutional culture for Russia: an invitation to discussion". In: Alferova E.V., Andreeva G.N. (eds.). 2011. Constitutional culture: Universal values and national features: Collection of scientific works. Pp. 11-23. Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvenny'm naukam RAS. [In Russian]
2. Aristov E. V., Mikhaleva G. G. 2020. "Issues of constitutional and legal support and protection of children's rights in Russia". Law and Legislation, no. 9, pp. 15-23. [In Russian]
3. Bogdanov E. V., Bogdanov D. E., Bogdanova E. E. 2014. Development of civil law in Russia: Trends, prospects, problems. Moscow: Yuniti-Dana. 335 pp. [In Russian]
4. Bondarenko O. A. 2012. "Implementation of the constitutional rights and freedoms of the child in the Russian Federation". Cand. Sci. (Jur.) dissertation abstract. Chelyabinsk. 28 pp. [In Russian]
5. Vanishtendal S. Children's rights and resilience. Brussels: International Catholic Child Bureau. 57 pp. [In Russian]
6. Voronina Z. I. 2008. "Realization of the child's right to identifying information when using assisted reproductive technologies". Russian Law Journal, no. 1 (58), pp. 63-68. [In Russian]
7. Vorontsova M. A. 2018. "Constitutional and legal bases of personal safety of minors in the Russian Federation". Cand. Sci. (Jur.) dissertation. Saint Petersburg. 211 pp. [In Russian]
8. Degtyareva L. N. 2017. Theoretical and legal foundations of the protection of the constitutional rights and freedoms of minors in Russia: Monograph. Tambov: Konsaltingovaya kompaniya Yukom. 78 pp. [In Russian]
9. Evstifeev D. M. 2014. "Legal personality of minors as an element of the constitutional status of individuals". Management Issues, no. 3 (28), pp. 219-225. [In Russian]
10. Zinchenko E. Yu., Evseeva I. G., Khazov E. N. 2020. "The constitutional and legal status of minors and their problems provision and protection". International Journal of Constitutional and State Law, no. 2, pp. 101-104. [In Russian]

11. Zorkin V. D. 2012. "The Constitutional Court and the development of civil law". Russian judge, no. 3, pp. 5-13. [In Russian]
12. Kirichenko K. A. 2015. "The right of a child to information on the origin thereof: the evolution of international-law standards and perspectives of development of Russian law". Family and Housing Law, no. 4, pp. 10-13. [In Russian]
13. Collection of International Agreements of the USSR. 1993. "Convention on the Rights of the Child. Approved by the UN General Assembly on 20 November 1989. Entered into force for the USSR on 15 September 1990". Issue XLVI. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 496 pp. [In Russian]
14. Kryazhkov V. A. 2008. "Constitutional culture in the mirror of justice of the Constitutional Court of the Russian Federation". Journal of constitutional justice, no. 3, pp. 3-8. [In Russian]
15. Maleina M. N. 1983. "Legal regulation of relations arising from the artificial birth of children". Izvestiya of higher education institutions. Legal science, no. 5, pp. 73-76. [In Russian]
16. Nikulina O. M. 2011. "Constitutionally-legal status of child in the Russian Federation". Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, vol. 11, no. 2, pp. 101-104. [In Russian]
17. ConsultantPlus legal reference system. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 2018. Accessed on 17 December 2021. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311221/ [In Russian]
18. Obratsova O. Yu. 1999. "From the history of the idea of the child's rights in the 20th century". Education in the context of social innovations: Intercultural dialogue of Northern countries: Proceedings of the International Scientific Conference (17-19 November 1998, Russia, Arkhangelsk). Edited by I. R. Lugovskaya. Pp. 106-109. Arkhangelsk: Izdatelstvo Pomorskogo universiteta. [In Russian]
19. Russian Newspaper. 2015. No. 65. In the case of verifying constitutionality of the provisions of part 4, Article 25.10 of the Federal Law "On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation", of subparagraph 13, paragraph 1, Article 7 of the Federal Law "On the legal status of of foreign citizens in the Russian Federation" and of paragraph 2, Article 11 of the Federal Law "On the prevention of the spread in the Russian Federation of the disease caused by the human immunodeficiency virus (HIV infection)" in connection with the requests of various citizens: The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12 March 2015 No. 4-P. [In Russian]
20. Russian Newspaper. 2015. No. 140. In the case of verifying constitutionality of the provisions of Article 139 of the Family Code of the Russian Federation and of Article 47 of the Federal Law "On acts of civil status" in connection with the request of G. F. Grubich and T. G. Gushina: The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16 June 2015 No. 15-P.
21. Smagin G. G. 2010. "Features of the constitutionally-legal status of the child". Contemporary law, no. 2 (1), pp. 31-35. [In Russian]
22. Standetskaya, V. V. 2018. "Constitutional and legal status of the child in modern Russia". International Journal of Constitutional and State Law, no. 4, pp. 61-63. [In Russian]
23. Topornin B. N. 1994. "Introductory article". In: Topornin B. N., Baturin Yu. M., Orekhov R. G. (eds.). 1994. The Constitution of the Russian Federation. Commentaries. Pp. 10-11. Moscow: Yuridicheskaya. literatura. [In Russian]

24. Khodusov A. A. 2020. "Constitutional and legal regulation of the protection of motherhood and childhood in the Russian Federation". Herald of Moscow State Regional University. Jurisprudence series, no. 2, pp. 61-68. [In Russian]
25. Yurkovski A. V. 2015. "Comparative characteristics of the constitutional and legal status of the individual in the states of the modern world". Siberian legal herald, no. 4 (71), pp. 132-138. [In Russian]
26. Antokolskaia M., Boele-Woelki K. 2002. "Dutch family law in the 21st century: Trend-Setting and straggling behind at the same time". European Journal of Comparative Law, vol. 6, no. 4, n. pag.
27. Assisted Reproduction in the Nordic Countries: A Comparative Study of Policies and Regulation. 2006. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. 97 pp.
28. Besson S. 2007. "Enforcing the child's right to know her origins: Contrasting approaches under the Convention on Rights Child and European Human Rights". International Journal of Law, Policy and the Family, no. 21, pp. 137-159.
29. Blauwhoff R. J. 2008. "Tracing down the historical development of the legal concept of the right to know one's origins: Has 'to know or not to know' ever been the legal question?". Utrecht Law Review, vol. 4, no. 2, pp. 99-116.
30. Juristisches Informationsportal "Dejure.org". Bundesverfassungsgericht, Urteil v. 31.1.1989, 1 BvL 17/87 "Kenntnis der eigenen Abstammung". Accessed on 17 December 2021. <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=31.01.1989&Aktenzeichen=1%20BvL%2017%2F87> [In German]
31. Bylinskaya N. 2019. "To the question of constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of the child in the Russian Federation". Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences, vol. 90, no. 6, pp. 135-139.
32. Gaskin v United Kingdom, 10454/83 [1989] ECHR 13 (7 July 1989). 2015. Vienna: European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe. 250 pp.
33. Handbook on European Law Relating to the Rights of the Child. 2015. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 257 pp.
34. Häberle P. 1994. Europäische Rechtskultur. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft. 407 pp. [In German]
35. Rodham H. 1973. "Children are under the law". Harvard Educational Review, no. 43 (4), pp. 487-514.
36. Rotax, H. H. 2007. "Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft". Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie, vol. 56, no. 2, pp. 148-171. DOI: 10.25656/01:3046 [In German]
37. Siegel A. M. 2016. "Constitutional Theory, Constitutional Culture". University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law, vol. 18, no. 4, pp. 1067-1128.
38. Wagenitz T. 2006. "Bekanntmachungen: (Muster-) Richtlinie zur Durchführung der assistierten Reproduktion — Novelle 2006 —". Deutsches Ärzteblatt, Jg. 103, Heft 20, pp. 1392-1403. [In German]

Константин Викторович КАРПЕНКО¹

УДК 342.565.2

ОСОБОЕ МНЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОСУДИИ И РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

¹ кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права,
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)
МИД России
kvk_1973@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8852-181X

Аннотация

В статье рассматривается влияние особого мнения конституционных судей на развитие юридической науки. Данная проблема традиционно является весьма важной для конституционно-правовой науки, поскольку от ее понимания и практического решения во многом зависит авторитет конституционной юстиции в обществе и государстве. Особое мнение любого судьи есть его право на выражение своего мотивированного несогласия с решением большинства, оформляемое в письменном виде и прилагаемое к решению суда. Особое мнение в конституционном судопроизводстве обладает повышенной значимостью, т. к. решения конституционных судов направлены на защиту правопорядка в целом и адресуются всем субъектам права. Особые мнения конституционных судей способствуют развитию юридической науки в двух аспектах. С одной стороны, в них могут содержаться новые идеи, теории, подходы к праву, при помощи которых в научный оборот вводятся новые категории и понятия. С другой стороны, в особых мнениях нередко указываются ссылки на зарубежный опыт разрешения юридических коллизий. В этом случае особые мнения вписываются в рамки сравнительно-правовых исследований и позволяют учитывать судебную практику и судебную аргументацию других стран и правовых семей. Оба

Цитирование: Карпенко К. В. Особое мнение в конституционном правосудии и развитие юридической науки / К. В. Карпенко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 167-182.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-167-182

аспекта способствуют расширению доктринальной базы юридической науки, ставят и позволяют решить новые проблемы, усиливают потребность в научной дискуссии. Данное исследование опирается на формально-догматический научный метод, направленный на раскрытие юридического смысла правовых позиций судей, изложенных в особых мнениях. Использован также систематический метод, позволяющий выделять и классифицировать отдельные области научного знания. Автор применяет и сравнительно-правовой метод, заключающийся в сопоставлении различных правовых позиций в особых мнениях судей.

Новизна проведенного исследования состоит в определении вклада особых мнений конституционных судей в развитие юридической науки.

Ключевые слова

Конституционный суд, особое мнение, сравнительное правоведение, конституция, правовые позиции, суд, коллизии, парламент, судебный процесс.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-167-182

Введение

Новая редакция ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» от 9.11.2020, помимо всего прочего, существенно ограничивает возможности судей свободно высказываться по рассматриваемым юридическим вопросам. Отныне судья, несогласный с решением большинства и имеющий особое мнение, не может ни предать его гласности, ни сослаться на него в какой-либо форме (ст. 76). Формально особые мнения могут существовать, но они более не публикуются. Едва ли судья станет писать особое мнение, если его нельзя никому показывать и ни с кем обсуждать. Кроме того, новая редакция ст. 11 ФКЗ запрещает судьям Конституционного Суда РФ (далее — КС) критиковать его решения. Данная норма фактически уничтожает правовой институт особых мнений, т. к. изложенное судьей несогласие в любой момент и по любому поводу может быть воспринято как критика суда. Ведь такое мнение предлагает альтернативное видение для правового спора или иное понимание правовой нормы, а если оно является даже совпадающим (в терминологии ФКЗ — просто «мнением»), то оно, очевидно, излагает другую мотивировку принятого решения. В широком смысле это тоже можно расценить как критику суда. А поскольку одним из оснований прекращения полномочий судьи КС является совершение им действий, несовместимых с должностью (ст. 18), то даже изложенное, но неопубликованное мнение чревато серьезными последствиями для его автора. Данная ситуация, в которой оказались отечественные судьи КС, заметно актуализирует, как нам кажется, проблему особых мнений и требует соответствующей научной оценки со стороны представителей конституционно-правовой доктрины. Отметим также, что в настоящем исследовании мы используем термин «особое мнение» в его широком значении, включающем в себя как несогласие судьи с решением целиком, так и неприятие им лишь мотивов принятого постановления (совпадающее особое мнение).

Особые мнения судей в истории и теории права

Проблема особого мнения судьи конституционного суда давно и надежно занимает почетное место в научных и практических дискуссиях. Это, пожалуй, неудивительно, коль скоро от ее решения в известной степени зависит место конституционной юстиции в обществе и государстве. Ведь открыто выраженное мнение раскрывает подробности обсуждения принятого судебного решения, в частности, высказанные судьями соображения, аргументы, ссылки на писанные и неписанные правовые нормы. Юристы-профессионалы, равно как и гражданское общество, имеют возможность изучить все прозвучавшие точки зрения, оценить их адекватность, убедительность и целесообразность. Конституционный суд в этом случае предстанет как учреждение, в котором вырабатывается рациональное решение, рожденное в творческой дискуссии, а возможно, и в жарком споре. По нашему мнению, авторитет суда только выиграет от этого, поскольку интерес общества к его деятельности увеличится. А наличие нескольких точек зрения (высказанных в решении суда и в особых мнениях) наглядно продемонстрирует сложность и неоднозначность обсуждаемой проблемы. Заметим, однако, что подобное развитие событий справедливо лишь для общества, в котором гражданская свобода является признанной ценностью. Разумеется, это не всегда так, но объективный ход мировой истории не замедлит привести любое общество именно к такому состоянию, когда гражданская свобода почитается неизблемой основой правопорядка [7, с. 21-23].

Практика особых мнений восходит, как известно, к англо-саксонской традиции права [16, с. 120]. Английские судьи, вынося решение, высказывались поочередно (*seriatim*), начиная с самого младшего (по моменту назначения) члена суда. Такой порядок сохранялся и в США до начала XIX в., когда в Верховном суде усилиями Дж. Маршалла постепенно внедряется единая позиция суда. Особые мнения не были совсем чужды и континентальной Европе. Так, в Испании их возникновение относят к XV в., к знаменитому Мединскому ординансу [12]. В начале XIX в. в Высшем суде герцогства Баден сторонам процесса сообщались результаты голосования судей. В 1920 г. в Конституционном суде Бюртемберга при рассмотрении дела об отстранении от должности министра допускалось опубликование итогов голосования судей. Судья же, оставшийся в меньшинстве по этому вопросу, был вправе написать особое мнение и обосновать свою позицию. Наконец, в 1948 г. анонимные особые мнения были разрешены в Конституционном суде Баварии [22, с. 62].

Вместе с тем, например, во Франции и Италии особые мнения конституционных судей отсутствуют. В немалой степени это объясняется желанием сохранить тайну обсуждения судьями рассмотренных вопросов. Весомым аргументом служит также и противоречие сложившейся правовой традиции, восходящей, по всей видимости, еще к Ш.-Л. Монтескье, когда судья являет собой лишь «уста закона». Он не вправе оказывать на закон какого-либо творческого воздействия. К тому же, справедливости ради напомним, что во Франции особые мнения судей существовали и оглашались в период якобинской диктатуры 1793-94 гг. Такое

воспоминание не может не бросить тень на сам правовой институт. Что же касается Италии, то особые мнения судей допускались некогда в Неаполитанском королевстве и в Тоскане [15, с. 1346-1347]. Как бы то ни было, сегодня из 27 государств-членов Европейского Союза 20 допускают особые мнения либо во всех судебных учреждениях, либо только в конституционных судах.

Существование особых мнений само по себе вызывает немного возражений. Вполне очевидно, что судья не может быть лишен права иметь свое мнение, коль скоро он решает конкретное дело, опираясь в известной степени на собственное понимание нормы закона. Наличие особых мнений свидетельствует об открытости суда, гласности производства, они предоставляют возможность выявить истинное содержание правовых норм [5, с. 74]. Как отмечал в свое время Р. Дворкин, субъективный элемент в правосудии присутствует всегда [11, с. 183-186]. Неприятие особых мнений касается их публикации, когда факт несогласия судьи с большинством своих коллег становится достоянием общественности. В вышеупомянутых 20 странах ЕС особые мнения судей публикуются в обязательном порядке, разве что в различных формах.

Особые мнения имеют достаточно длительную историю, что позволяет выделять отдельные тенденции в их развитии. Наиболее важным здесь, как нам представляется, выступает последовательное и неуклонное расширение возможностей для их публикации. Так, в Германии особые мнения судей Федерального конституционного суда стали публиковать в 1971 г., почти через 20 лет после его учреждения. В Румынии это стало разрешено в 2004 г., хотя сам суд появился в 1992 г. Аналогичная ситуация наблюдается в Литве. В то же время, например, в Испании, в Португалии, в Эстонии публикация особых мнений была разрешена с момента создания там конституционных судов (в Эстонии — Конституционной палаты Верховного суда). Даже в тех странах, где особых мнений нет (Франция, Италия), конституционно-правовая доктрина всё более настойчиво высказывается в пользу их публикации [23]. Приведенные отдельные примеры подтверждают, на наш взгляд, тезис, что в исторической перспективе особые мнения судей станут неперенным спутником судебных решений, а их публикация — обязательной. Это вполне отвечает логике рационального познания. В этой связи новая редакция ФКЗ о Конституционном Суде РФ 2020 г., фактически запрещающая судьям не только публиковать свои особые мнения, но и высказывать их, противоречит вышеотмеченной широкой тенденции. Подобный анахронизм едва ли жизнеспособен, а значит, рано или поздно он будет отменен.

В общественно-политическом дискурсе и в правовой доктрине высказываются многочисленные аргументы в пользу публикации особых мнений судей конституционных судов [15, с. 1354-1359]. Мы не станем их повторять, учитывая относительную краткость нашего исследования. Мы бы хотели сосредоточиться на том влиянии, которое оказывает их публикация на юридическую науку. Как нам кажется, такое влияние проявляется, с одной стороны, в постановке новых научных проблем, новых подходов, а возможно, и новых теорий в праве, а с другой — в расширении опыта сравнительного правоведения. И то и

другое, без сомнения, обогащает конституционно-правовую проблематику, обеспечивая поступательное движение научного знания.

Особое мнение как генератор новых идей

Конституционное правосудие занимает ведущее место в любой правовой системе, т. к. в процессе его осуществления разрешаются наиболее важные вопросы в жизни общества и государства [3, с. 32]. Правовые позиции конституционного суда формируют политико-правовой ландшафт, корректируя взаимоотношения органов власти, уточняя правовое положение личности в государстве, а в известных пределах оказывают воздействие и на международные связи, т. к. конституционный суд проверяет подписанные договоры на соответствие конституции. При этом суд всегда производит в той или иной мере толкование конституции, коль скоро высказанные им правовые позиции опираются на его собственное прочтение текста Основного закона. Последний впредь будет применяться всеми субъектами права в соответствии с разъяснениями суда. Именно поэтому решения конституционного суда обладают значением *erga omnes*, и поэтому же на нем лежит огромная ответственность за действенность конституции.

Особое мнение конституционного судьи стоит перед теми же вызовами, что и само судебное постановление. Оно (мнение) тоже направлено на решение важной политико-правовой задачи. А тот факт, что оно отражает позицию меньшинства, требует значительных усилий в аргументации излагаемых тезисов. В связи с этим автор особого мнения, по всей видимости, будет стремиться подкрепить свои выводы глубоким анализом теоретических основ конституционно-правовой науки. В результате такого творческого процесса могут появиться новые научные гипотезы или же оригинальный взгляд на уже имеющуюся юридическую проблему [4, с. 107]. И то и другое способно стать предметом доктринальной дискуссии, равно как и основой будущего исследования, что, несомненно, расширяет пространство научного поиска [16, с. 132]. Любопытным примером здесь, как нам кажется, может служить концепция «невидимой конституции», изложенная в особом совпадающем мнении председателя венгерского Конституционного суда профессора Л. Солиома, в 1990 г. [10]. Речь шла о том, что в условиях переходного периода и при отсутствии новой конституции конституционный суд создает своими решениями известную систему правовых принципов, которые обладают большей юридической силой, чем сама конституция. Профессор Л. Солиом полагал, что эти принципы призваны уберечь Основной закон от политически мотивированных поправок, поскольку они будут выступать стабильным мерилем конституционности. На наш взгляд, идея «невидимой конституции» соотносится с понятием неписаной конституции, а в более широком значении и с так называемым «духом конституции», т. е. с определенной совокупностью начал, делающих конституционный текст внутренне согласованным. В любом случае для венгерского конституционного права начала 1990-х гг. такой подход являлся новым.

В конституционном праве современной Индии получила распространение теория опорных положений конституции (theory of basic structure of the

constitution) [13, с. 244]. Речь идет о наиболее важных принципах конституционного текста, образующих его внутреннее ядро. Такие принципы обладают повышенной юридической силой, они соединяют между собой прочие положения конституции, придают ей согласованный характер. Одновременно эти принципы служат для защиты конституции от необоснованных изменений, продиктованных политической конъюнктурой или авторитарными намерениями отдельных политических лидеров. При этом, однако, в самой Конституции Индии 1950 г. этих принципов нет, и ни одна ее норма не является неизменной. А парламент со своей стороны не был изначально ограничен в праве вносить в нее любые поправки. Теория опорных положений конституции была выработана в практике Верховного суда Индии, начиная с 1967 г. Важно иметь в виду, что формулировка этих принципов содержалась преимущественно в особых мнениях судей, а не только в решениях Суда. Почти все такие мнения были совпадающими, но судьи старались привнести собственное понимание фундаментальных основ правопорядка, делающих Конституцию Индии стабильной и неподвластной изменчивой политике парламента [18, с. 48-50]. Так, согласно правовым позициям индийских судей, опорными началами национальной конституции служат ее верховенство, республиканская форма правления, светское государство, федерализм, ограниченность вторичной учредительной власти парламента, конституционный контроль. Примечательно также, что данный список предполагается открытым, другие принципы могут со временем присоединиться к уже сформулированным. Со своей стороны факультативный характер особых мнений судей не препятствует признанию данных принципов общеобязательными как в судебной практике, так и в конституционно-правовой доктрине современной Индии.

Особое мнение конституционного судьи, конечно, необязательно должно заключать новые гипотезы и подходы в праве, но их наличие способно сделать текст судебного постановления более понятным и доступным. Юрист-профессионал, а также любой человек, интересующийся судебной практикой, получает возможность сопоставить аргументы судебного решения с доводами особого мнения. Это необходимо не столько для критики судебного постановления, сколько для уяснения его смысла. Альтернативная правовая позиция, содержащаяся в особом мнении, восполняет своеобразный «пробел», т. к. в любом случае расширяет пространство правовой аргументации. В особом мнении ведь представлено другое решение дела, разумеется, факультативное, но которое тем не менее может послужить ключом к пониманию *ratio decidendi* суда. А конкретное дело, по поводу которого было принято судебное решение и высказано особое мнение, оказывается тогда как бы в центре обсуждения, между двух полюсов. Полнота научного анализа судебной практики от этого только выиграет. Как писал в свое время Р. Декарт, аналитический метод дает возможность объяснить происхождение того или иного явления, значит, изучение особого мнения способно открыть истинные причины вынесенного судебного решения.

Поскольку решение конституционного суда и особое мнение содержат разные правовые позиции, для их научного осмысления имеет смысл сравнить их между собой уже с целью выявления известных тенденций правового развития. Очевидно, что таковые складываются не одномоментно, они постепенно нарождаются, зреют, чтобы в итоге проявиться в полную силу в судебной практике. Особые мнения, следовательно, могут продемонстрировать известную динамику в судебной практике. Наиболее продуктивным, по всей видимости, будет изучение нескольких особых мнений к одному решению (если таковые есть) либо разных особых мнений к разным решениям на протяжении некоторого периода времени. Предметом сопоставления могут стать и сами особые мнения, например, по аналогичным или близким по фабуле делам. Понятно, что чем больше особых мнений (и решений суда) выбрано для анализа, тем надежней и шире будут эмпирическая и историческая базы исследования, а следовательно, и вернее выводы. Выявленные таким образом тенденции в развитии права, хоть и будут научными гипотезами, дадут всё-таки возможность предугадать или предположить дальнейшее движение не только судебной практики, но и законодательства. Правовая действительность в этом случае обретает бóльшую предсказуемость, что усиливает безопасность субъектов права.

Хрестоматийным в этом смысле будет, пожалуй, особое мнение судьи Верховного суда США Дж. М. Харлана, высказанное им по поводу резонансного в свое время дела *Plessy v. Ferguson* в 1896 г., в котором Суд сформулировал доктрину «*separate but equal*». Она, как известно, узаконивала расовую сегрегацию в США, несмотря на отмену рабства в 1863 г. По мнению судьи Дж. М. Харлана, Основной закон США является не только «дальтони́ком» («*color-blind*»), но и не знает деления граждан на классы [19]. Лишь в 1954 г. в деле *Brown v. Board of education of Topeka* Верховный суд согласился с аргументами Дж. М. Харлана и изменил свою практику [20]. Справедливости ради отметим всё же, что в тексте решения Суд никак не упомянул ни Дж. М. Харлана, ни его особое мнение пятидесятилетней давности. Наверное, можно тут предположить, что на изменение позиции Суда повлияло не столько высказанное когда-то особое мнение одного из его членов, сколько закономерная эволюция социальных и нравственных представлений американского общества. Однако же и не учитывать влияние позиции, содержащейся в данном особом мнении, нет никаких оснований [17]. Высокая компетентность американских судей и глубокое знание ими прецедентов склоняет нас скорее к допущению, что они не могли не знать и об аргументах Дж. М. Харлана. Разве что в самом решении они предпочли опустить прямые ссылки на них. В этом вполне проявляется элемент судебного усмотрения.

А вот еще в одном не менее известном деле Верховный суд прямо указал, что он принимает тезисы, высказанные в одном особом мнении к его же решению полуторадесятилетней давности. Мы имеем в виду дело *Lawrence v. Texas* 2003 г., в котором Суд признал закон штата об уголовной ответственности за содомию противоречащим XIV Поправке к Конституции США. Тогда как ранее,

в деле *Bowers v. Hardwick* 1986 г., Верховный суд занял противоположную позицию, подтвердив конституционность аналогичного закона штата Виргиния. К этому решению в 1986 г. судья Дж. П. Стивенс написал особое мнение, в котором, в частности, заметил, что представления большинства людей о безнравственности известного поведения не могут служить достаточным основанием для признания такого поведения незаконным. А способы физической близости между женатыми и неженатыми лицами являются формой выражения их свободы, защищаемой XIV Поправкой. Сославшись на эти два аргумента, Верховный суд в 2003 г. изменил свою позицию. Такие особые мнения можно назвать «предсказывающими», несмотря на то, что изложенные в них правовые позиции были приняты большинством спустя известное количество времени. Отсутствие же особых мнений или их недоступность, без сомнения, снижают прогнозируемость правового развития.

Для придания веса собственным аргументам судья, пишущий особое мнение, нередко ссылается на выводы правовой доктрины. Даже если таковая не признается в качестве источника права в данной правовой системе, использование ее положений будет бесполезным для юридической науки в целом. Весьма вероятно, что автор особого мнения сможет отыскать малоизвестные или забытые доктринальные положения, которые, однако, окажутся подходящими для возражений по рассмотренному судом делу. В этом случае судья окажет значительную услугу юридической науке, т. к. введет в научный оборот неизвестные или не использованные ранее доктринальные тезисы и выводы. Так, в особом мнении судьи КС РФ А. Л. Кононова к постановлению КС РФ от 21.12.2005 № 13-П (отмена выборов глав регионов) приводится мнение немецкого правоведа О. Люхтерхандта [2, с. 101]. В другом случае судья А. Л. Кононов ссылается на позицию известного отечественного ученого С. С. Алексеева [2, с. 152].

Еще одним любопытным примером будет, на наш взгляд, особое мнение судьи Верховного Суда США А. Скалии к решению о неприменении смертной казни к душевнобольным [21]. Судья пытается определить тяжесть душевной болезни, позволяющей обвиняемому избежать высшей меры наказания, и для этого обращается к доктрине. А. Скалия цитирует многих авторов, но на первом месте в его списке авторитетов неизменно оказывается В. Блэкстон — автор самой читаемой в конце XVIII в. в США книги «Комментарии к законам Англии» 1765-1769 гг. Это неслучайно, т. к., согласно фабуле дела, заявитель (он же обвиняемый) утверждал, что применение к нему смертной казни противоречит VIII Поправке к Конституции США, запрещавшей жестокие и необычные наказания. А чтобы выяснить, какие наказания являются таковыми, следует знать, какие из них считались таковыми на момент принятия VIII Поправки, т. е. в конце XVIII в. Поэтому А. Скалия и ищет определение душевнобольного лица прежде всего у виднейшего юриста эпохи становления парламентаризма.

Подобные особые мнения представляют, думается нам, существенную ценность для правовой науки, т. к. открывают новые возможности научного обсуждения, привлекают внимание ученых к отдельным концепциям и взглядам.

Более того, доктринальные отсылки, содержащиеся в особых мнениях, связывают науку с разрешением конкретного правового вопроса, т. е. способствуют апробации на практике научного знания. Ученые-правоведы получают в этом случае возможность оценить применимость теоретических построений к конкретной правовой коллизии, а теория без практики, как известно, мертва.

Особое мнение и методология сравнительного правоведения

Значимость особых мнений в конституционном судопроизводстве не исчерпывается введением в научный оборот новых подходов, позиций и точек зрения на правовую материю. Судья — автор особого мнения должен убедить возможного читателя в своей правоте, показать, что его доводы более обоснованы и глубоки, чем позиция большинства судей. Одним из способов добиться этого является применение сравнительного метода в исследовании поставленной юридической проблемы.

Сравнительное правоведение позволяет более широко взглянуть на изучаемый вопрос, привлечь иные, сопоставимые с этим вопросом примеры. При некотором количестве найденных схожих проблем, исследуемый вопрос помещается в их ряд как один из многих уже решенных тем или иным образом. Тогда изучаемый судьей в данном случае вопрос, скорее всего, утратит уникальность. Окажется, что нечто подобное уже происходило и привело к каким-то результатам. Отсутствие уникальности у судебной юридической проблемы на самом деле весьма полезно. Тривиальность возникшего спора, очевидно, облегчает задачу правосудия по нахождению правильного в данном случае решения. Ведь право, в конце концов, направлено на безопасность его субъектов, на ожидаемость их поведения, на прогнозируемость последствий их поступков. Уместно тут вспомнить А. Августина, для которого право означало справедливость, когда каждый обладает тем, что ему принадлежит. Отсюда ясно, что схожие условия должны приводить к схожим результатам, т. е. аналогичные спорные ситуации следует разрешать аналогичным образом. В связи с этим сравнительное правоведение оказывает неоценимую услугу юридической науке, поскольку позволяет выйти за пределы не только отраслевого опыта, но и национального, и даже за пределы отдельных правовых семей. Подобная широта аргументации делает особое мнение обильным источником для юридической науки, привнося в нее дополнительные сведения междисциплинарного свойства.

Интересный пример использования сравнительной методологии содержится в особом мнении австралийского судьи Ф. Г. Даффи, которое тот высказал в связи с важным для австралийского федерализма делом 1920 г. [6]. Напомним, что речь шла о возможном праве федерального парламента вмешиваться в область законодательства, сохраняемую за штатами Союза. До 1920 г. Высший суд Австралии держался в своей практике тех же позиций, что и Верховный суд США, применяя к взаимоотношениям Федерации и штатов учение о подразумеваемых полномочиях регионов. По мнению суда, Федерация и штаты были суверенны, а их права и обязанности носили договорный характер. Такой подход,

по всей видимости, был обусловлен историческим наследием не столько США, сколько Британской империи [1, с. 38]. В упоминаемом решении Высший суд изменил свою позицию и заявил, что по точному смыслу Конституции штаты и находящиеся на их территории лица подчинены федеральному законодательству, т. е. Суд признал за последним верховенство. Судья же Ф. Г. Даффи в своем особом мнении отметил, что в любой самоуправляющейся колонии Британской империи законодательные полномочия местной легислатуры ограничены территорией колонии и распространяются лишь на те вопросы, которые явным образом ей поручены. Конституция же Австралии, как он полагал, таких положений не содержит, и, следовательно, федеральный парламент не вправе законодательствовать в определенных областях, не отнесенных к его компетенции имперским (т. е. британским) парламентом. Для нашего исследования важно, что в особом мнении сделана попытка увязать возникшую проблему соотношения разных законодательств с обычным порядком разрешения таких коллизий, сложившимся в имперском (т. е. британском) правовом пространстве. Получается, что, согласно позиции судьи Ф. Г. Даффи, есть общая норма, применяемая везде и всегда, по отношению к которой австралийский случай будет лишь частным проявлением. Соответственно, нет оснований менять привычный уклад и превращать рассматриваемый вопрос в исключение. Его разрешение по аналогии будет лишь способствовать стабильности правового регулирования.

Сравнительно-правовой подход в особых мнениях нетрудно отыскать и в современной судебной практике, что ясно показывает, кстати, непреходящее значение этой методологии. Так, в особом мнении чешского судьи Я. Феника к решению Конституционного суда Чехии 2021 г. отмечается, что Суд в рассматриваемом деле отошел от принципа самоограничения, который, в свою очередь, опирается на принцип обособления (разделения) властей [8]. Согласно доводам Я. Феника, КС Чехии в течение многих лет ориентировался в своей деятельности на Федеральный конституционный суд Германии. Позиция же, занятая Судом в данном деле, прерывает сложившуюся традицию и превращает КС Чехии в «политизированный» орган, что является недопустимым. В своем особом мнении Я. Феник приводит определение принципа самоограничения в том виде, в котором этот принцип был сформулирован в решениях ФКС Германии. Таким образом, из текста особого мнения мы можем понять, что практики КС Чехии и ФКС Германии весьма схожи, по крайней мере, в представлении отдельного судьи. Опираясь на этот тезис, можно продолжать сравнительно-правовое изучение этих двух учреждений. Даже если вдруг этот тезис в дальнейшем не подтвердится, юридическая наука, точнее наука конституционного права, от этого лишь выиграет, поскольку ее содержание обогатится новыми сведениями, фактами и выводами. Особое мнение, следовательно, задает отправную точку и направление научным изысканиям.

Сравнительное правоведение в судебной практике способствует взаимному использованию аргументации, когда правовые позиции, изложенные в особом мнении судьи одной страны, принимаются во внимание в судебном

решении в другой стране. Выше мы уже упоминали известное постановление Верховного суда США по делу *Bowers v. Hardwick* 1986 г. В особом мнении к нему судья Г. Блэкмен, цитируя научную статью другого судьи О. У. Холмса, говорит, что для нормы права нет более возмутительного основания, чем утверждать, что она была установлена во времена Генриха IV и сохраняется сегодня исключительно по причине «слепой имитации прошлого» [14, с. 469]. Иными словами, Г. Блэкмен отказывается от исторического обоснования правовых норм и призывает признать постепенное развитие общества, изменение его нравов, идеологии, верований и проч. Именно эту позицию Г. Блэкмена мы обнаруживаем в решении КС Чехии 2017 г., вынесенном по поводу конституционности закона о полном запрете табакокурения в местах общественного питания [9]. Дело в том, что заявители ссылались помимо прочего на давнюю традицию Чехии потреблять алкогольные напитки, в том числе и в праздничные дни, а значит, оспариваемый закон нарушает привычный уклад жизни. КС, однако же, не нашел их аргумент достаточным. Таким образом, КС Чехии использовал в своем решении научный тезис, сперва высказанный в 1897 г. (статья О. У. Холмса), потом примененный в правовых позициях отдельного судьи (особое мнение Г. Блэкмена 1986 г.) и, наконец, получивший апробацию в судебной практике в 2017 г., усилиями самого КС. Данный пример, на наш взгляд, ясно показывает тесное взаимодействие науки, творческого (судейского) подхода к праву и реализации права на практике. Небезынтересно также и то, что один и тот же довод используется на протяжении более 100 лет и в совершенно разных правовых системах и семьях. На наш взгляд, этот факт лишний раз подтверждает универсальность права как инструмента регулирования общественных отношений. Право, разумеется, может называться американским, французским, русским или еще каким-то, но его природа внациональна и опосредована общечеловеческими задачами. При этом в области применения правовых норм вполне может проявляться национальная, даже историческая специфика.

Заключение

Особое мнение в конституционных судах выполняет важную функцию легитимации конституционного контроля и обеспечения независимости судей. Однако помимо этой вполне очевидной задачи у особых мнений есть и другая роль, не менее почетная и значимая. Изложенные в них правовые позиции отдельных судей способствуют развитию науки права в целом и конституционно-правовой проблематики в частности. Для придания большего веса своим аргументам авторы особых мнений активно используют правовую доктрину, отыскивают малоизвестные концепции или же формулируют собственные. При этом судья, пишущий особое мнение, сам занимается научной работой, выстраивая свою аргументацию. Таковая должна быть подкреплена не только логическими положениями, но и эмпирическими данными, т. е. содержать ссылки на исторические факты, документы, объективные тенденции. Запрет для судьи готовить особые мнения или

предавать их гласности равносильно запрету на научную деятельность. Тогда как занятие научной деятельностью (равно как и преподавательской) является для судей той областью, для которой само законодательство допускает исключения, разрешая ее совмещать. И это не случайно, поскольку наука всегда опирается на практику в широком смысле слова. А для права жизненно необходима практическая реализация его предписаний. В противном случае право умирает, становится фиктивным и, как следствие, излишним. Особые мнения судей, будучи опубликованными и обсуждаемыми юридическим сообществом, способны уберечь право от столь трагической судьбы. Особые мнения поддерживают необходимую связь между юридической теорией и практикой реализации нормативных предписаний.

Помимо теоретических новелл, в особых мнениях конституционных судей могут содержаться ссылки на практику иностранных судов или иных властных учреждений. Такие правовые позиции также служат расширению знаний, т. к. позволяют узнать и использовать чужой опыт урегулирования спорных ситуаций. Такой опыт может стать объектом научного исследования, предметом сопоставления и конструктивной критики. Чем больше таких сведений оказываются доступными профессиональному сообществу юристов, тем больше обогащается правовая действительность, и тем легче правовые нормы будут реализовываться. Ведь информированность людей (а юристов тем более), знание ими не только существующих норм законов, но и их обоснования и применения делает их (людей) свободными и самодостаточными. Без этого гражданское общество обречено. Особые мнения в конституционном судопроизводстве способствуют тесному взаимному проникновению судебной практики не только разных государств, но и разных правовых семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтович Е. А. Конституционно-правовые основы порядка формирования сената Австралийского Союза / Е. А. Войтович // Право и управление. XXI век. 2020. № 1 (54). С. 36-41.
2. Кононов А. Л. Особое мнение судьи Кононова / А. Л. Кононов. М.: Кучково поле, 2017. 480 с.
3. Нарутто С. В. Верховенство конституции как основа конституционного правопорядка в России / С. В. Нарутто // Российское право. 2018. № 3. С. 30-35.
4. Новопавловская Е. Е. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы правовой регламентации и практика применения / Е. Е. Новопавловская, Е. А. Переверзев // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 104-108.
5. Сергеев А. Б. Особое мнение судьи в системе отправления правосудия в уголовном судопроизводстве / А. Б. Сергеев // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 71-75.
6. *Amalgamated Society of Engineers v Adelaide Steamship Co Ltd (Engineers case)* HCA 54; (1920) 28 CLR 129 // High Court of Australia.
URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/1920/54.html>
(дата обращения: 23.10.2021).

7. Constant B. *Principes de Politique* / B. Constant. Paris, 1815. 324 pp.
8. Constitutional court of the Czech Republic, decision Pl. ÚS 106/20 of 9.02.2021 (123/2021 Coll.) // Ústavní soud. URL: <https://www.usoud.cz> (дата обращения: 25.10.2021).
9. Constitutional court of the Czech Republic, decision Pl. ÚS 7/17 of 27.03.2018 (81/2018 Sb.) // Ústavní soud. URL: <https://www.usoud.cz> (дата обращения: 26.10.2021).
10. Decision 23/1990 (X. 31.) // Constitutional Court of Hungary. URL: <https://hunconcourt.hu/dontes/decision-23-1990-on-capital-punishment> (дата обращения: 20.10.2021).
11. Dworkin R. *L'Empire du Droit* / R. Dworkin. Paris: PUF, 1994. 468 pp.
12. Freixes T. *La Pratique des Opinions Dissidentes en Espagne* / T. Freixes // *Cahiers du Conseil constitutionnel*. 2000. No. 8. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr> (дата обращения: 28.10.2021).
13. Garg R. D. *Phantom of basic structure of the Constitution* / R. D. Garg // *Journal of the Indian Law Institute*. 1974. Vol. 16. No. 2. Pp. 243-269.
14. Holmes O. W. *The path of the law* / O. W. Holmes // *Harvard Law Review*. 1897. Vol. 10. No. 8. Pp. 457-478.
15. Kelemen K. *Dissenting opinions in Constitutional Courts* / K. Kelemen // *German Law Journal*. 2013. Vol. 14. No. 8. Pp. 1345-1371.
16. Kelemen K. *The road from Common Law to East-Central Europe: the case of the dissenting opinion* / K. Kelemen // *Legal and Political Theory in the Post-National Age* / P. Cserne, M. Könczöl (eds). Frankfurt: Peter Lang Publ., 2011. Pp. 118-134.
17. Lynch A. *Dissent: the rewards and risks of judicial disagreement in the High Court of Australia* / A. Lynch // *Melbourne University Law Review*. 2003. No. 27 (3). URL: <http://www5.austlii.edu.au> (дата обращения: 3.11.2021).
18. Polzin M. *The Basic Structure Doctrine and its German and French Origins: a tale of migration* / M. Polzin // *Indian Law Review*. 2021. Vol. 5. No. 1. Pp. 45-61.
19. US Supreme court, 163 U.S. 537 (1896) // Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/163/537> (дата обращения: 21.10.2021).
20. US Supreme court, 347 U.S. 483 (1954) // Legal Information Institute. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/347/483/> (дата обращения: 21.10.2021).
21. US Supreme court, 536 U.S. 304 (2002) // Legal Information Institute. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/536/304/> (дата обращения: 21.10.2021).
22. Witting C. E. *The Occurrence of Separate Opinions at the Federal Constitutional Court. An analysis with a Novel Database* / C. E. Witting. Mannheim: Logos Verlag Berlin, 2016. 178 pp.
23. Zagrebelsky G. *La pratique des opinions dissidentes en Italie* / G. Zagrebelsky // *Cahiers du Conseil constitutionnel*. 2000. No. 8. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr> (дата обращения: 3.11.2021).

Konstantin V. KARPENKO¹

UDC 342.565.2

DISSENTING OPINION IN THE CONSTITUTIONAL JUSTICE AND THE EVOLUTION OF LEGAL SCIENCE

¹ Cand. Sci (Jur.), Associate Professor,
Department of Constitutional Law,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
at the MFA of the Russian Federation
kvk_1973@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8852-181X

Abstract

The article deals with the influence of the dissenting opinions of constitutional judges on the development of legal science. This issue is usually very important for constitutional and legal science as its understanding and practical resolution influence the authority of constitutional justice in a state. The dissenting opinion of any judge is their right to express their reasoned disapproval of the rendered decision, formulated in writing and attached to the court decision. Dissenting opinions in constitutional proceedings are of increased importance, because decisions of constitutional courts are aimed to protect law and order in general and are addressed to entire population.

The dissenting opinions of constitutional judges contribute to the development of legal science in two aspects. On the one hand, they can contain new ideas, theories and approaches to law, with the help of which new categories and concepts are introduced into scientific discussion. On the other hand, dissenting opinions make often wide references to foreign experience in resolving legal conflicts. In this case, dissenting opinions fit into the framework of comparative legal research and allow taking into account the judicial practice and judicial argumentation of other countries and legal systems. Both aspects contribute to the expansion of the doctrinal base of legal science, pose and solve new problems, increase the need for scientific discussion.

Citation: Karpenko K. V. 2021. "Dissenting opinion in the constitutional justice and the evolution of legal science". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 167-182.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-167-182

This study is based on a formal-dogmatic scientific method, which is aimed at disclosing the true meaning of legal positions of judges presented in dissenting opinions. A systematic method is also used, which allows to identify and classify single areas of scientific knowledge. The author also applies the comparative legal method, which consists in comparing different legal positions in the dissenting opinions of judges.

The novelty of the research is in determination of contribution of dissenting opinions of constitutional judges to the development of legal science.

Keywords

Constitutional court, dissenting opinion, comparative jurisprudence, constitution, legal positions, court, conflicts, parliament, litigation.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-167-182

REFERENCES

1. Voytovich E. A. 2020. "Constitutional and legal bases for the formation of the Senate of the Australian Commonwealth". *Journal of Law and Administration*, no. 1 (54), pp. 36-41. [In Russian]
2. Kononov A. L. 2017. *Dissenting opinion of judge Kononov*. Moscow: Kuchkovo pole. 480 pp. [In Russian]
3. Narutto S. V. 2018. "The supremacy of constitution as a basis of the constitutional legal order in Russia". *Russian Law*, no. 3, pp. 30-35. [In Russian]
4. Novopavlovskaya E. E., Pereverzev E. A. 2017. "Dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: Problems of legal regulation and practical application". *Economics, law and sociology herald*, no. 1, pp. 104-108. [In Russian]
5. Sergeev A. B. 2013. "Dissenting opinion in criminal procedure". *Society and power*, no. 1 (39), pp. 71-75. [In Russian]
6. High Court of Australia. 1920. *Amalgamated Society of Engineers v Adelaide Steamship Co Ltd (Engineers case)* HCA 54; (1920) 28 CLR 129. Accessed on 23 October 2021. <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/1920/54.html>
7. Constant B. 1815. *Principe de Politique*. Paris: Hocquet. 324 pp. [In French]
8. Ústavní soud. 2021. *Constitutional court of the Czech Republic, decision Pl. ÚS 106/20 of 9.02.2021 (123/2021 Coll.)*. Accessed on 25 October 2021. <https://www.usoud.cz>
9. Ústavní soud. 2018. *Constitutional court of the Czech Republic, decision Pl. ÚS 7/17 of 27.03.2018 (81/2018 Sb.)*. Accessed on 26 October 2021. <https://www.usoud.cz>
10. *Constitutional Court of Hungary*. 1990. *Decision 23/1990 (X. 31.)*. Accessed on 20 October 2021. <https://hunconcourt.hu/dontes/decision-23-1990-on-capital-punishment>
11. Dworkin R. 1994. *L'Empire du Droit*. Paris: Presses Universitaires de France. 468 pp. [In French]
12. Freixes T. 2000. "La Pratique des Opinions Dissidentes en Espagne". *Cahiers du Conseil Constitutionnel*, no. 8. Accessed on 28 October 2021. <https://www.conseil-constitutionnel.fr> [In French]

13. Garg R. D. 1974. "Phantom of basic structure of the constitution". *Journal of the Indian Law Institute*, vol. 16, no. 2, pp. 243-269.
14. Holmes O. W. 1897. "The path of the law". *Harvard Law Review*, vol. 10, no. 8, pp. 457-478.
15. Kelemen K. 2013. "Dissenting opinions in constitutional courts". *German Law Journal*, vol. 14, no. 8, pp. 1345-1371.
16. Kelemen K. 2011. "The road from common law to east-central europe: the case of the dissenting opinion". In: Cserne P., Könczöl M. (eds). 2011. *Legal and Political Theory in the Post-National Age*, pp. 118-134. Frankfurt: Peter Lang Publishing.
17. Lynch A. 2003. "Dissent: The rewards and risks of judicial disagreement in the High Court of Australia". *Melbourne University Law Review*, no. 27 (3). Accessed on 3 November 2021. <http://www5.austlii.edu.au>
18. Polzin M. 2021. "The basic structure doctrine and its German and French origins: A tale of migration". *Indian Law Review*, vol. 5, no. 1, pp. 45-61.
19. Legal Information Institute. US Supreme Court, 163 U.S. 537 (1896). Accessed on 21 October 2021. <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/163/537>
20. Legal Information Institute. US Supreme Court, 347 U.S. 483 (1954). Accessed on 21 October 2021. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/347/483/>
21. Legal Information Institute. US Supreme Court, 536 U.S. 304 (2002). Accessed on 21 October 2021. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/536/304/>
22. Witting C. E. 2016. *The Occurrence of Separate Opinions at the Federal Constitutional Court. An Analysis with a Novel Database*. Mannheim: Logos Verlag Berlin. 178 pp.
23. Zagrebelsky G. 2000. "The Practice of Dissenting Opinions in Italy". *Cahiers du Conseil Constitutionnel*, no. 8. Accessed on 3 November 2021. <https://www.conseil-constitutionnel.fr> [In French]

Сергей Владимирович БОЛОТИН¹
Наталья Вячеславовна СИДОРОВА²

УДК 343.143

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

¹ кандидат юридических наук, доцент кафедры
организации расследования преступлений и судебных экспертиз,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
s.bolotin@inbox.ru

² кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
n.v.sidorova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-4991-4036

Аннотация

Статья посвящена одному из неопределенных терминов, используемых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации — «священнослужитель». Актуальность и новизна настоящего исследования в том, что практически данная проблематика представляет собой terra incognita не только в науке уголовного процесса, но и в смежных научных дисциплинах. Цель предлагаемого труда состояла в том, чтобы попытаться обозначить подходы к содержанию и существенным признакам этого понятия. В работе представлены исторические и фактические моменты, раскрывающие сущность основных носителей религиозных функций на примере четырех действующих на территории России конфессий.

На основе сравнительного, этимологического, логического методов анализа полномочий и назначения различных представителей основных религиозных направлений в России показана невозможность единого употребления термина «священнослужи-

Цитирование: Болотин С. В. Уголовно-процессуальные проблемы статуса священнослужителя как участника уголовного судопроизводства / С. В. Болотин, Н. В. Сидорова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 183-195.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-183-195

тель» в равном значении для всех исследуемых конфессий. Предложена дефиниция в УПК РФ исследуемого термина, а также определен, по мнению авторов, соответствующий орган Правительства России, на который могла быть возложена обязанность официального толкования терминологии по данной проблематике.

Ключевые слова

Уголовный процесс, свидетель, священнослужитель, показания, религиозное объединение.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-183-195

Введение

Реализация в нормах права любой отраслевой принадлежности воли законодателя сегодня до сих пор немыслима без надлежащего качественного языкового оформления. Научно-технический прогресс; резко возрастающая интенсивность жизни социума; лавинообразно нарастающая с каждым годом палитра новых общественных отношений, остро нуждающихся в правовом «оформлении»; и другие факторы в современных реалиях требуют адекватных и в то же время точных, лаконичных языковых конструкций.

Ассимиляция в праве научной, технической, культурной и прочей терминологии — единственно возможный выход, позволяющий правовой регламентации оперативно реагировать на бурное разрастание соответствующих общественных отношений. Однако не следует забывать, что четкость, ясность правового акта напрямую связана с эффективностью действия его правовых предписаний. Неясный закон порождает неопределенность в самой юридической деятельности, влечет ненужную трату времени и сил на его толкование и неизбежно приводит к недоразумениям и ошибкам [1, с. 19].

Таким образом, сама жизнь ставит нас перед сложным выбором. С одной стороны, законодатель не может обойтись без заимствования различной специфической терминологии из многообразия сфер общественной жизни. С другой — использование в праве «чужеродных» словесных формулировок не должно негативно сказываться на эффективности и понятности самих правовых конструкций, ведь с нормативными актами сталкиваются не только, и даже не столько специалисты, сколько все граждане и на протяжении всей своей жизни [1, с. 15].

Именно поэтому во многих нормативных актах подавляющего большинства отраслей права в последние десятилетия характерным явлением стало появление так называемых дефинитивных норм. «Точные определения юридических терминов, составляющие содержание так называемых дефинитивных норм, — неперемное условие повышения юридической культуры правотворчества, укрепления законности. Тот факт, что правовая норма представляет собой формализованное предписание, свидетельствует о том, что четкие юридические определения должны даваться всем терминам, имеющим решающее значение для правового регулирования» [1, с. 126]. Бесспорно, что если тот или иной

термин без каких-либо пояснений представляется недостаточно четким и допускает различные толкования, то отсутствие определения может породить неясности, недоразумения и, как результат, нарушения законности [1, с. 127].

В этом контексте сфера уголовно-процессуального регулирования не представляет собой исключения. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) достаточно широко использует заимствования терминологии из других сторон общественной жизни (в том числе и не связанных с правом). Однако правомерность и эффективность таких заимствований далеко не всегда очевидна, что приводит, в частности, к тому, что не всем положениям УПК РФ свойственны однозначность и понятность. Именно это обстоятельство послужило поводом для исследования такого, казалось бы, достаточно общеупотребительного понятия, как «священнослужитель».

Результаты и обсуждение

В УПК РФ рассматриваемое понятие употреблено единожды и в единственном числе. «Священнослужитель» встречается в п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и используется в качестве основания признания свидетельских показаний недопустимыми. Точнее, законодатель определяет этим словом заведомую недоброкачественность носителя информации об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела, правда, при определенных условиях (сведения должны быть получены на исповеди; вопрос исповеди в настоящей работе не рассматривается и, вероятно, станет предметом исследования авторов в дальнейшем). Заметим, что аналогичная норма содержится в УПК Республики Казахстан (УПК РК): к числу принципов уголовного процесса, согласно ч. 2 ст. 28 УПК РК, относится положение о том, что «Священнослужители не обязаны свидетельствовать против доверившихся им на исповеди». Упоминание священнослужителя имеется и в УПК Республики Беларусь (УПК РБ) — в числе лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей (п. 6 ч. 2 ст. 60 УПК РБ). Не рассматривая в данной работе различия между свидетельским иммунитетом священнослужителей по УПК РФ, УПК РК и УПК РБ (см. выше — об исповеди), подчеркнем наличие термина «священнослужитель» в приведенных источниках и отсутствие дефиниции в специально предназначенных для этого статьях как в УПК РФ (ст. 5 Кодекса), так и в УПК РК (ст. 7), и в УПК РБ (ст. 6).

Ситуация приобретает достаточно принципиальное значение, ибо речь идет, во-первых, о незаменимости и уникальности свидетеля, а во-вторых, об угрозе правосудию в связи с невосполнимым дефицитом информации по уголовному делу или материалу (что касается материала, то в данном контексте имеется в виду уголовно-процессуальная аналогия при осуществлении процессуальных действий в порядке ст. 144 УПК РФ, поскольку в рамках проверки заявлений, сообщений о преступлениях также возможно получение объяснений от священнослужителей). Кроме того, следует согласиться с тем, что в законе как минимум «должно содержаться терминологическое определение лица, вовлекаемого в уголовный процесс» [4]. В этой связи проблема, каких именно представителей

культы следует отнести к разряду священнослужителей в контексте уголовно-процессуального закона, приобретает не только научный, но и практический характер.

Сегодня мы вынуждены констатировать, что сам термин «священнослужитель» приобрел достаточно широкую «популярность» в праве и встречается во многих нормативных правовых актах, даже на очень высоком уровне — в федеральных законах. Так, Кодекс административного судопроизводства РФ также запрещает использовать в качестве свидетельских показаний показания священнослужителей прошедших государственную регистрацию религиозных организаций (п. 3 ч. 3 ст. 51); тождественная регламентация присутствует в Гражданском процессуальном кодексе РФ (п. 3 ч. 3 ст. 69); широко используется этот термин и в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 14, 118, 158, 185); применяется данный термин также в законах «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (ст. 19), «О федеральной службе безопасности» (ст. 19), «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (ст. 7), «О внешней разведке» (ст. 19) и др.; обусловлено содержанием рассматриваемого термина его присутствие в Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 3, 24). Однако ни один нормативный правовой акт, независимо от уровня, не раскрывает самого понятия «священнослужитель».

Данный термин появился далеко не сегодня. Использовался он и в царской России. Так, в словаре В. И. Даля можно найти: «**Священник**, иерей, пресвитер, поп, рукоположенный служитель алтаря, совершающий святыя тайны... *священнослужители*» [3, с. 162]. К сожалению, ограничиваясь перечислением, точной дефиниции, кто же такой священнослужитель, словарь не дает.

Проблематика обостряется еще и тем, что, согласно статье 14 Конституции России, Российская Федерация — светское государство, и любые религиозные объединения отделены от него. Абсолютное большинство общественных отношений сначала проходит «апробацию» в качестве моральных, этических правил общения людей, и постепенно часть их «перерастает» в правовые нормы. И в этом смысле они (общественные отношения), явившись в новом качестве (правовые нормы), как правило, не представляют каких-либо затруднений в их понимании и толковании. Культурные отношения существуют иначе. Они скрыты для большинства социума и понятны только для «своей» группы субъектов, «живущих» в них и их проповедующих. И потому их правовое оформление требует более щепетильного отношения, диктует необходимость разъяснения для остальной части общества их смыслового содержания, корректности их словесной парадигмы, и даже уместности их существования в правовой сфере. Поэтому обостряет проблему понимание под священнослужителями людей с достаточно разнообразными и далеко не тождественными функциональными характеристиками в самих различных религиозных сферах. Рассмотрим это на примере некоторых наиболее распространенных (и доминирующих среди религиозных культов в современной России [6]) мировых религий.

Ислам. В исламе, в отличие от других мировых религий, нет особого духовного сословия (по крайней мере, у 90% суннитов). Только у шиитов существует довольно строгая иерархия представителей культа, своя упорядоченная структура духовенства, которому отводится особая роль — посредничество между людьми и Аллахом (Богом) [9, с. 518-519]. Нет у мусульман и института церкви. Поэтому теоретически любой мусульманин, достигший совершеннолетия (13 лет), может стать (быть избранным религиозным сообществом) имамом и руководить общей молитвой. Для этого необходимо только хорошо владеть текстом Корана и соответствовать определенным нравственным качествам. Несколько иначе у шиитов: имам — посредник между верующим и Богом, поэтому таковыми могут считаться только законные имамы. Законными признаются исключительно потомки Пророка (Мухаммад) [9, с. 529-530].

Интересно отметить, что у шиитов-двунадесятников (имамиты) есть понятие «скрытого имама». Согласно их представлениям, двенадцатый имам Мухаммад аль-Каим исчез, «скрылся» в IX в. и ведет скрытое существование, «тайное» для человечества. А появится он в момент наступления конца света и установит на земле царство мира и справедливости [9, с. 530].

Обычно в качестве объединительного термина исламских служителей культа используют понятие «улама» — знатоки богословия. Сюда относят как теоретиков (улемы, муджтахиды), так и практиков (мулла, муэzzин, имам), а также судей (кади). Под термином «улама» обычно понимают знатока коранического текста и устной традиции, восходящей к Пророку. В широком смысле улемами называют людей, сведущих в религиозных науках. Именно из числа улемов избираются имамы самых значимых мечетей, муфтии, кадии (судьи), преподавательский корпус религиозных учебных заведений (медресе) [9, с. 629].

Так, в шиитском исламе мулла — низшая ступень в духовной иерархии (на вершине — аятолла), и он сам (в отличие от аятоллы) не вправе издавать законы религиозного содержания. Основное назначение муллы у шиитов — религиозное образование, молитвы, брачные и похоронные церемонии. У суннитов мулла — синоним имама... [9, с. 524].

Муфтий — духовное лицо суннитского толка, выносящий решения по правовым и религиозным вопросам. Верующий, прежде чем совершить серьезный жизненный шаг, обязан обратиться за советом к муфтию, который «скорректирует» поведение обратившегося в соответствии с духом и буквой Корана. Однако муфтию запрещено выносить «судебные» решения по публичным проступкам верующих. Его решение (фетва) основывается на религиозно-юридических канонах распространенного в данной стране направления ислама [9, с. 577-578].

Муэzzин — служитель мечети, призывающий верующих на ежедневную пятикратную или пятничную молитву [9, с. 578].

Иудаизм. Исторически основным отправлением иудейского религиозного культа было жертвоприношение. Этим и занимались священнослужители. Первоначально евреи не располагали храмом (сооружением для отправления культа в честь Бога и совершения жертвоприношений), а лишь святилищем, что

было в немалой степени обусловлено кочевой жизнью. Первый Храм был построен в эпоху царей Соломоном. Согласно Учению, Бог сначала назначил себе служителей (священников) из первенцев мужского рода. Они должны были служить в Храме. Но после греха золотого тельца, в котором они участвовали, Бог лишил их священнического звания и функций, и передал эту избранность колену Леви, которые не участвовали в грехе золотого тельца. После Исхода из Египта «полномочия» священнослужителей перешли к потомкам Аарона (братья Моисей и Аарон принадлежали общине Леви), которые и стали служить у жертвенника и получать за это долю жертвоприношений, а также налог с приносящих земель плодов от прихожан. Левиты же стали выполнять другие храмовые службы. Должность же первосвященника — цадока — передавалась по наследству. Во времена второго Храма священнослужители выполняли не только религиозные, но и светские обязанности. Институт раввинов возник в средние века. Первоначально функции раввинов ограничивались обучением закону и вынесением судебных решений. В эпоху Мишны (около 200 г. н. э.) и Талмуда (около 500 г. н. э.) не было раввинов в современном смысле этого слова; все жившие на земле Израиля и получившие посвящение в сан носили звание *рабби*. Позднее в круг обязанностей раввина стали входить: вынесение решений в соответствии с раввинистическим правом по вопросам как религиозного, так и гражданского законодательства; контроль за соблюдением ритуального забоя животных; проведение проповедей и др. В Израиле раввины получают от государства заработную плату и ведут регистрацию актов гражданского состояния; следят за законностью браков, разводов и т. п. Верховный раввинат в Иерусалиме считается государственным учреждением и обеспечивается государственным содержанием [9, с. 114-115, 149-150, 160-161, 177-178, 190-192]. Сегодня раввин больше воспринимается как ученый человек, который квалифицирован в знании Торы (Писание) и Талмуда. Он может возглавлять общину, быть членом религиозного суда, быть учителем. Ортодоксы считают, что священнослужители в иудаизме возродятся только после прихода Мессии и восстановления третьего Храма.

Христианство. Исторически в России сложилось, что для большинства ее верующего населения христианство, особенно его восточная часть — православие, занимает особое и доминирующее место. В каноническом праве всех представителей культа делят на мирян и духовных лиц. Миряне — это рядовые верующие, как правило, не имеющие религиозного образования и не участвующие в отправлении церковных обрядов. Вернее, активно не участвующие. Они молятся, проповедуют веру вне храма, участвуют в церковном управлении. Духовные лица, иначе духовенство (клир) — совокупность священнослужителей в определенном вероисповедании. В свою очередь, духовенство в христианстве делят на белое и черное. Белое духовенство — священнослужители и священники, живущие в миру и удовлетворяющие религиозные потребности рядовых верующих. Представители черного духовенства принимают на себя обет и, как правило, удаляются в монастырь (правда, в Русской Церкви суще-

ствуует институт целибата — обет безбрачия, и диаконы- и священники-целибаты все же относятся к белому духовенству) [9, с. 275].

Особое положение получение культовых полномочий существует в протестантизме и здесь не рассматривается.

Представляет интерес один исторический факт. С XVI в. духовенство во Франции являлось самостоятельной организацией со своими правами, привилегиями, функциями и обязанностями, т. е. обладало достаточно серьезной автономией. В связи с известными историческими событиями в 1790 г. часть священнослужителей присягнули на верность гражданской Конституции, и их стали именовать конституционными, или присягнувшими. В 1802 г. законодательство закрепило юридический статус признанных на территории Франции вероисповеданий и превратило духовенство в состоящее на службе у государства и оплачиваемое чиновничество. И только лишь в 1905 г. Республика перестала выплачивать жалования и дотации религиозным организациям [9, с. 275-276].

Этимологически слово «священнослужитель» греческого происхождения (*κλέρου*) и означает «полученное в наследство», «предназначенное жребием». В каноническом праве это лица, которые в результате специального обряда ординации (рукоположения) получают полномочия совершать религиозные церемонии и таинства (по своей сути и форме рукоположения являют собой духовный экзамен, если утрированно перевести на «светский язык», в рамках которого и решается вопрос о допуске соответствующего испытываемого духовного лица к службе от имени церкви), входят в состав духовного сословия (диаконы, священники, епископы) и состоят на службе у Церкви [9, с. 417-418].

Церковь в христианстве используется в двух значениях. С одной стороны, и это главное, церковь — совокупность людей, разделяющих общую веру и исповедующих смерть и Воскресение Христа. Католицизм и православие полагают, что видимая церковь должна иметь свою структуру и иерархию, т. е. нет церкви без священников. С другой стороны, церковь понимается и как специальное сооружение, предназначенное для совершения культовых действий, и находится на службе у церкви как общины верующих [9, с. 461-463].

В православии клириков обычно делят на младших (церковнослужители) и старших (священнослужители). В Русской православной церкви к младшим относят иподиаконов, чтецов (а также певцов, регента), парамонаря (пономаря), свещеносцев и др. В церковнослужители они посвящаются через хиротесию (обряд, проводимый вне алтаря в храме).

К старшим относятся диакон (иеродиакон, протодиакон, архидиакон), пресвитер (иерей, священник) (иеромонах, протоиерей, протопресвитер, игумен, архимандрит), епископ (архиерей). Они получают благодать через хиротонию (таинство священства, рукоположение в алтаре) [7, с. 384].

Буддизм. В отличие от авраамических (монотеистических) религий (христианство, ислам, иудаизм и др.), буддизм не имеет единого священного текста, по сути, не имеет единого Бога [5, с. 25-27, 32, 83-87, 174; 2, с. 147], он кардинально отличается от трех предыдущих религий. В связи с этим, чтобы понять роль

и значение священнослужителей буддизма, необходимо коснуться некоторых основ этой религии (что не столь принципиально было в отношении ислама, христианства и иудаизма).

В современном буддизме намного больше различных ответвлений (направлений), нежели в христианстве, он возник раньше всех трех рассмотренных выше религий: согласно современным научным представлениям, буддизм зародился в середине 1 тысячелетия до н. э. на северо-востоке Индии [5, с. 24; 9, с. 54; 2, с. 143-145].

В полном соответствии с Преданием, Будда после многочисленных перерождений явился миру в образе принца Сиддхартхи рода Готама племени шакьев (его родовое имя — Гаутама). Пришедшее к Гаутаме озарение и сделало его Буддой («буддха» — просветленный) [5, с. 10-12; 2, с. 145].

К сожалению, сегодня трудно сформулировать единые для буддизма исходные положения, ибо некоторые школы, направления буддизма прямо противоречат друг другу [5, с. 30; 10, с. 60-61]. Вместе с тем, в раннем буддизме и большинстве современных буддийских школ, пожалуй, можно предположить некоторые общие черты. Канонический буддизм рассматривал и считает жизнь как совокупность различных комбинаций дхарм (неделимые частицы сознания, жизненные силы). Сочетание дхарм определяет бытие человека, животного, растения, камня и т. д. Смерть есть причина и способ перекодировки, перегруппировки дхарм. Бесконечная цепь перерождений (сансара, или колесо жизни) может быть прервана путем достижения нирваны — состояния покоя, блаженства, слияния с Буддой. Нирвана возможна только в образе человека и при соблюдении «четырех великих истин», открытых Гаутамой. Эти истины сводятся к следующему: 1) жизнь есть страдание; 2) причина всех страданий — желания; 3) страдания прекращаются избавлением от страданий; 4) достичь нирваны возможно лишь по законам «правильного поведения» и при наличии «правильного знания» [5, с. 27-42, 84-87, 95-96, 100-103; 2, с. 145-147; 10, с. 61; 11, с. 54-55].

Ранний буддизм, эволюционируя, привел к формированию одного из главных направлений — хинаяма («малая колесница»), «узкий» путь к спасению. В хинаяме спасение возможно исключительно через монашеское состояние. Это означало только одно: стать Буддой мог только монах, ибо только монахи знают верный путь к спасению и обладают «правильными знаниями» [10, с. 61]. Мирянам это было недоступно. Из хинаямы постепенно произошло второе направление — махаяна, «широкий» путь к спасению. В махаяме спастись мог и мирянин, и вообще любое живое существо, но при этом ему необходима помощь со стороны бодхисаттвы (бодисаттвы): «...бодисаттва — богоподобное существо, достигшее высшей святости и получившее право и возможность погружения в нирвану. Оно... добровольно отказавшись от нирваны, использует свое могущество для спасения других живых существ» [5, с. 106; 2, с. 147]. В махаяме существенно изменяется роль монахов, священнослужителей, они уже не только проповедуют учение, но и выступают специалистами по общению с бодисаттвами. Монахи становятся посредниками между людьми (мирянами) и бо-

дисаттвами, они (монахи) сами становятся магами и заклинателями богов, а в ламаизме даже считаются живыми богами [5, с. 107].

В нашей стране наибольшее распространение буддизма получило такое направление, как ламаизм (в литературе его иногда именуют «северным буддизмом» [5, с. 119; 10, с. 276]). Название направления обусловлено словом «лама» — монах или жрец, основная фигура в тибетском варианте буддизма ваджраяны [2, с. 151; 10, с. 276]. Традиционно подлинным основателем ламаизма считается Цзонкаба (1359-1419 гг.). Он внес существенную поправку в классический буддизм и обосновал исключительную роль духовенства в спасении. Согласно учению Цзонкабы, основная роль духовенства (лам) — «не уходить от жизни в отшельничество лишь для личного спасения (это не исключало существование лам отшельников-созерцателей), а активно внедряться в жизнь верующего в качестве его постоянного наставника, сопровождающего его каждый жизненный шаг с целью оказывать „помощь“ в данном перерождении, обеспечить лучшее новое перерождение и в конечном счете — полное спасение в небытии» [5, с. 119-123; 2, с. 153]. Он подчеркивал, «что религиозное учение не может быть постигнуто рядовым верующим непосредственно, необходима помощь профессионального знатока, наделенного особыми свойствами...» [5, с. 122; 10, с. 276]. Цзонкаба создал целую иерархическую организованность ламства, разработав устав церковной иерархии. В соответствии с уставом, ламы делились не только по степени учености, но и по их функциям в совершении культа. Так появились среди них астрологи, гадатели, врачи, заклинатели, специалисты по похоронам и др. [5, с. 122-123]. Ламы были не только монахами, но и жрецами в общинных храмах, учителями, лекарями, музыкантами, танцорами. Именно обряд был целью ламаизма, способом вырваться из череды перерождений [2, с. 153]. Возглавляли эту структуру далай-ламы и панчен-ламы. Далай-ламы считаются земными воплощением бодхисаттвы Авалокитешвари. В момент смерти далай-ламы Авалокитешвари вселяется в заново избранного им новорожденного [5, с. 124-125; 10, с. 276; 11, с. 233].

В России, согласно «Положению о ламском духовенстве в Восточной Сибири», введенному в 1853 г., ламы как особое духовное сословие через хамбаламу непосредственно подчинялось генерал-губернатору [5, с. 127].

Таким образом, можно заметить, что в различных конфессиях палитра представителей культа настолько «пестра», что практически представляется весьма затруднительным вывести единообразное для всех понятие «священнослужитель». Критерий священнослужителя как представителя церкви также неприемлем ко всем одновременно конфессиям [7].

Подчеркивая отсутствие дефиниции священнослужителя на уровне федеральных законов, отметим предпринятую законодателем попытку разделения представителей культа на «священнослужителей» и «служителей церкви» (при том, что не во всех конфессиях институт церкви является применимым) в подзаконном нормативном правовом акте. Министерством труда и социальной защиты РФ в лице Федерального агентства по техническому регулированию и

метрологии был введен в действие 01.07.2015 Общероссийский классификатор занятий (Russian Classification of Occupations ОК 010-2014 (МСКЗ-08)) (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст). Согласно этому правовому акту, все представители культа разделены на две группы. Представители первой группы № 3413 «Служители церкви, не имеющие духовного сана» (например, Монах, Монахиня, Проповедник) призваны оказывать помощь и поддержку священнослужителям или религиозной общине, выполнять церковные работы и пр [8]. Во второй группе № 2636 «Религиозные деятели» значатся хранители духовных традиций, практики и догматов веры (например, Бонза, Имам, Пуджари, Раввин, Священник). Они проводят религиозные службы, отправляют или проводят обряды в соответствии с нормами религиозного культа или вероисповедания, обеспечивают духовное и моральное руководство, а также осуществляют другие функции, соответствующие исповедуемой религии [8]. Вместе с тем, использовать подобное деление в правоприменительной деятельности (в частности, при понимании термина «священнослужитель» в процессе расследования и рассмотрения в суде уголовного дела) вряд ли возможно.

Заключение

Итак, следует констатировать, что даже относительно четырех основных конфессий (христианство, ислам, иудаизм, буддизм) мы не можем дать развернутого определения «священнослужителя», удовлетворяющего этим конфессиям. В этой связи можно предложить перечень основных признаков, приемлемых для любых официальных (зарегистрированных) религиозных организаций (объединений) и их представителей.

Во-первых, священнослужитель должен представлять всю религиозную организацию, всё религиозное объединение, а не какую-либо его часть.

Во-вторых, священнослужитель должен обладать полномочиями для осуществления основных религиозных функций объединения, организации на постоянной основе. Как представляется, функции призваны реализовать сущность соответствующего вероисповедания или иной культовой деятельности религиозной (культовой) организации, объединения.

В-третьих, религиозная (культовая) организация, объединение должна быть зарегистрирована на территории Российской Федерации (в соответствии с Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (от 26.09.1997 № 125-ФЗ)). Данный фактор, как представляется, необходим для четкого разграничения законопослушных (в рамках российского законодательства) культовых объединений и всевозможных сект, террористических объединений на основе веры и пр.

Таким образом, в качестве дефиниции «священнослужителя» предлагаем в ст. 5 УПК РФ включить следующее: «Священнослужитель — физическое лицо официально зарегистрированного на территории Российской Федерации религиозного или культового объединения, осуществляющее на постоянной основе представительство этого объединения и реализующее его основные религиозные (культовые) функции».

С учетом предложенного определения, в связи с тем, что, в соответствии с законодательством России, регистрацию культовых, религиозных организаций осуществляет Министерство юстиции РФ, видится целесообразным формулирование этим регистрирующим органом официальных разъяснений по поводу самих религиозных (культовых) объединений, их должностных лиц, видов деятельности, основ вероисповедания (культга) и других связанных с деятельностью объединения или его структурных подразделений вопросов (возможно, и по понятию «священнослужитель»). Для решения такой задачи Министерство юстиции РФ вправе требовать, согласно ст. 10 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», от самих объединений раскрытия «... сведений, относящихся к особенностям деятельности данной религиозной организации...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбов С. А. Язык закона / С. А. Боголюбов, И. Ф. Казьмин, М. Д. Локшина и др.; под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юридическая литература, 1990. 192 с.
2. Борунков Ю. Ф. Основы религиоведения: учеб. / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, К. И. Никонов и др.; под ред. И. Н. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2001. 480 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. М.: Русский язык, 1982. Том 4. 683 с.
4. Зеленина О. А. Сущность категории «участник уголовного судопроизводства» в науке уголовно-процессуального права / О. А. Зеленина // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 238-244.
5. Кочетов А. Н. Буддизм / А. Н. Кочетов; отв. ред. А. Д. Литман. М.: Наука, 1983. 177 с.
6. Кузнецов Д. В. Особенности свидетельского иммунитета священнослужителей различных религий и культов в уголовном праве России / Д. В. Кузнецов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Том 9. № 3 (33). С. 377-381.
7. Маламагамедова А. Р. Гуманистическое содержание нравственно-конфессиональных элементов уголовно-процессуальной формы / А. Р. Маламагамедова // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 40-47.
8. Общероссийский классификатор занятий (Russian Classification of Occupations ОК 010-2014 (МСКЗ-08)) (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (дата обращения: 15.12.2021).
9. Словарь религий: иудаизм, христианство, ислам / под ред. В. Зюбера, Ж. Потена; пер. с франц. Е.А. Терюковой под ред. М. М. Шахнович, Т. В. Чумаковой. СПб.: Питер, 2008. 656 с.
10. Словарь философских терминов / науч. ред. профессора В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2009. 731 с.
11. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2002. 576 с.

Sergey V. BOLOTIN¹
Natalia V. SIDOROVA²

UDC 343.143

CRIMINAL PROCEDURE ISSUES OF THE STATUS OF A PRIEST AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Organization of Crime Investigation and Forensic Examinations,
Tyumen Institute of Advanced Training for Employees
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
s.bolotin@inbox.ru

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Crime and Law Disciplines,
University of Tyumen
n.v.sidorova@utmn.ru, ORCID: 0000-0002-4991-4036

Abstract

The article is devoted to one of the undefined terms used in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation — “priest”. The relevance and novelty of this study is due to the fact that, in practice, this issue is terra incognita not only in the science of criminal procedure, but also in related scientific disciplines. The purpose of the current work is to try to identify approaches to defining the content and essential features of this concept. The article presents historical and factual moments that reveal the essence of the main carriers of religious functions on the example of four confessions operating in Russia.

On the basis of comparative, etymological, logical methods of analysis of the powers and appointment of various representatives of the main religions in Russia, the authors make such conclusion that it is impossible to use the term “priest” in an equal sense for all the studied confessions. The authors of this article also propose a definition of the investigated term in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as determine

Citation: Bolotin S. V., Sidorova N. V. 2021. “Criminal procedure issues of the status of a priest as a participant in criminal proceedings”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 183-195.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-183-195

the corresponding body of the Government of Russia, which could be entrusted with the responsibility of officially interpreting the terminology on this issue.

Keywords

Criminal procedure, witness, priest, testimony, religious association.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-183-195

REFERENCES

1. Bogolyubov S. A., Kazmin I. F., Lokschina M. D. et al. 1990. Language of law. Edited by A. S. Pigolkin. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 192 pp.
2. Borunkov O. F., Yablokov I. N., Nikonov K. I. 2001. Basics of religion studies. Textbook. 3rd edition, revised. Moscow: Vysshaya shkola. 480 pp.
3. Dal V. I. 1982. Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Russkii yazyk. 683 pp.
4. Zelenina O. A. 2010. "The essence of the concept 'participant in criminal proceeding' in the science of crime procedure law". *Society and law*, no. 4 (31), pp. 238-244.
5. Kochetov A. N. 1983. Buddhism. Edited by A. D. Litman. Moscow: Nauka. 177 pp.
6. Kuznetsov D. V. 2018. "Features of witness immunity of priests belonging to different religions and cults in Russian criminal law". *Herald of Kazan Law Institute of MIA of Russia*, vol. 9, no. 3 (33), pp. 377-381.
7. Malamagamedova A. R. 2015. "The humanistic content of the moral and religious elements of criminal procedure forms". *Tomsk State University Herald. Law*, no. 3 (17), pp. 40-47.
8. ConsultantPlus legal reference system. 2014. Russian Classification of Occupations OK 010-2014 (MSKZ-08) (accepted and brought into force by the Order of Rosstandart No. 2020-st of 12 December 2014). Accessed on 15 December 2021. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/
9. Zuber V., Potin J. (eds.). 2008. Dictionary of religions: Judaism, Christianity, Islam. Translated from French by E. A. Teryukova, edited by M. M. Shakhnovich, T. V. Chumakova. Saint Petersburg: Piter. 656 pp.
10. Kuznetsov V. G. (ed.). 2009. Dictionary of philosophy terms. Moscow: INFRA-M. 731 pp.
11. Gubskiy E. F. (ed.). 2002. Encyclopedia of philosophy. Moscow: INFRA-M. 576 pp.

Андрей Юрьевич КЛЮЧНИКОВ¹

УДК 341.645

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

¹ судья Правобережного районного суда города Липецка,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Липецкий филиал)
andrew19871961@mail.ru

Аннотация

В фокусе внимания этой статьи находится принцип верховенства права, реализуемый через положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Конвенция) Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ). Актуальность его изучения обусловлена новым формируемым судом подходом о том, что верховенство права присуще всем статьям Конвенции. Он находит применение в актуальной прецедентной практике Суда как один из основополагающих элементов независимости национальных судов.

Исходя из этого, в качестве цели исследования автор ставит выявление теоретических и практических аспектов подхода ЕСПЧ к проблеме независимости судебных органов и легального применения принципа верховенства права, изучение соответствующей практики Суда. Верховенство права и независимость судебной власти как базовые элементы конвенционной системы являются составной частью вырабатываемого ЕСПЧ института «европейского публичного правопорядка», поэтому необходимо проследить их взаимосвязь.

Материалом для исследования послужила прецедентная практика ЕСПЧ, которая позволяет выявить все этапы становления принципа верховенства права, его акту-

Цитирование: Ключников А. Ю. Верховенство права и независимость судебной власти в практике Европейского суда по правам человека / А. Ю. Ключников // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 196-219.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

альное «наполнение». Анализ судебной практики, наряду с доктринальными подходами, позволяет выявить пределы допустимого применения национальных законов, полномочий органов и должностных лиц различных ветвей государственной власти, органов судейского сообщества по анализируемой проблеме, новые грани статуса судей как одной из демократических ценностей общества. Для этого автор применяет специальные и общенаучные (традиционные) методы исследования, с акцентом на сравнительный и общеправовой методы, а при анализе судебной практики — также метод индукции.

В работе изучены нормативные источники и судебная практика ЕСПЧ, позволяющие раскрыть принцип верховенства права, его корреляцию с принципом независимости судебной власти, специфику его влияния на отечественную национальную судебную систему и функционирование государственного аппарата, определить роль принципа в конвенционном механизме защиты прав человека.

Ключевые слова

Верховенство права, независимость, судебная власть, ЕСПЧ, ценности, гарантии, публичный порядок, Совет Европы, правоприменение, прецедент.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

Введение

Верховенство права является правообразующим принципом в системе защиты прав человека в правовом поле Совета Европы. С момента вступления в силу в 1950 г. Конвенции он определяет развитие прецедентного права ЕСПЧ. В последние годы нормативное воздействие принципа верховенства права на текущую правоприменительную практику ЕСПЧ усиливается. Особенно это заметно по делам, где затрагиваются проблемы независимости и беспристрастности судов.

Прежде всего, отметим взаимообусловленность верховенства права другими основополагающими принципами — демократии и защиты прав человека. Их взаимодействие основано на положениях Преамбулы Конвенции, но дальнейшее развитие они получают за счет прецедентной практики ЕСПЧ. Например, по делу Демирташ 2020 г. [21, п. 382]. Суд отметил, что демократия представляет собой основополагающий элемент «европейского публичного порядка». Права, гарантированные статьей 3 Протокола № 1 Конвенции, имеют решающее значение для создания и поддержания основ эффективной и полноценной демократии, регулируемой верховенством права (дело Мюжеманганго 2020 г. [27, п. 67]). Применение индуктивного подхода к толкованию отдельных статей Конвенции позволило Суду сделать общий вывод об особом месте верховенства права в системе принципов, а именно что оно «присуще всем статьям Конвенции». В частности, новый сформированный Судом подход определяет верховенство права как основополагающий элемент независимости судебных органов. С учетом особого внимания ЕСПЧ к такой категории дел реализация принципа верховенства права в соответствии с Конвенцией по делам, затрагивающим

организацию судебной власти, будет оставаться одним из важнейших направлений развития практики Суда.

Методы исследования

Анализ решений ЕСПЧ, преимущественно посредством научной индукции, в контексте становления стандарта независимой судебной власти требует изучения предпосылок формирования соответствующей практики и перспективных направлений ее развития. В этом контексте сравнительный и правовой методы позволяют дать оценку нормативному статусу и фундаментальным основам принципа верховенства права, его роли в механизме разделения властей.

Основная часть

1. Концептуальное ядро верховенства права как фундаментального компонента европейского публичного правопорядка

Принцип верховенства права на первый взгляд кажется простым для понимания. Буквальное (грамматическое) толкование составляющих его терминов в целом не должно вызывать сомнений у практиков. Но если пытаться выделить нормативный объем и содержание принципа как универсального международно-правового института, сделать выводы становится сложнее.

В знаковом решении по делу «Голдер против Соединенного Королевства» 1975 г. ЕСПЧ сформировал только общий подход к пониманию верховенства права, а именно что он является «одной из особенностей общего духовного наследия государств-членов Совета Европы» [13, п. 34]. В его развитии выявлены принципиальные положения, что «именно из принципа верховенства права черпает вдохновение вся Конвенция» [40, п. 76]. Этот принцип «лежит в основе Конвенции наряду с принципом недопустимости произвольного вмешательства» [32, п. 60].

Материальные нормы Конвенции, закрепляющие права и свободы, Протоколы к ней не содержат ссылок на идеи верховенства права. Зато о них прямо говорится в тексте Преамбулы: «Будучи преисполнены решимости, правительства европейских стран — единомышленники, имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, предпринимают первые шаги для коллективного осуществления некоторых прав, изложенных во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года (Всеобщая декларация)» [45].

Ссылка на один из базовых документов в сфере защиты прав человека здесь не случайна. С уверенностью заявляем, что составители Конвенции были вдохновлены тем, как в Декларации говорится о верховенстве права: «...принимая во внимание потребность охраны прав человека властью закона, в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать как к последнему средству, к восстанию против тирании и угнетения...» [46]. Отметим прямую корреляцию между содержащимся во Всеобщей декларации заявлением, что права человека должны защищаться верховенством права, и целью принципа — не допустить, чтобы человек восстал против тиранического или деспотического правления.

Отсюда следует вывод, что изложенная во Всеобщей декларации прав человека концепция верховенства права аналогична той, что заложена в конвенционную систему, следовательно, принцип имеет корни в обычном международном праве.

Для ЕСПЧ применение принципа верховенства права сродни руководству к действию. Это базовое условие для выполнения любой авторитетной структурой государства-члена Совета Европы своих обязательств по Конвенции. Правительство, которое пренебрегает верховенством права, не может оправданно ожидать постоянной лояльности и доверия со стороны общества. Как это прямо отражено во Всеобщей декларации, тирания вступает в противоречие с верховенством права; угнетение народов происходит там, где власть имущие отказались от верховенства права.

Ясно, что основополагающей моральной идеей, лежащей в основе верховенства права как инструмента конвенционной защиты, является уважение личной автономии и исключение произвольного использования государственной власти. Для того чтобы человек мог реально сохранять и развивать независимость мышления, мог управлять своей жизнью так, как он хочет, мог стремиться к счастью, успеху и внутреннему миру, т. е. ко всем фундаментальным элементам человеческого существования, концептуально должно иметь первостепенное значение, чтобы общество, в котором живет этот человек, в действительности, а не аморфно, управлялось законом.

Закон должен быть прозрачным, стабильным, предсказуемым и предусматривать независимые и беспристрастные механизмы разрешения споров. Он должен быть обращен не только к народу, но и, что еще более важно, применяться в отношении тех, кто в данный момент держит бразды правления в своих руках. Ни один человек — ни президент, император, король или премьер-министр, никто не стоит выше закона.

Как разъяснил ЕСПЧ, верховенство права в соответствии с Конвенцией требует, чтобы государственная власть регулировалась законом, а не прихотями и капризами людей [38, п. 68]. Законы должны быть ясными, а не чрезмерно расплывчатыми и открытыми для злоупотреблений [29, п. 57-58]. Закон не может применяться ретроспективно, «задним числом», особенно когда это уголовный закон, ухудшающий положение обвиняемого. Иной подход сводит на нет автономный выбор, сделанный членами общества по применению действующих правил [20, п. 78, 80]. Закон должен быть относительно стабильным и обеспечивать правовую определенность, а законы, направленные против конкретных лиц, групп лиц, прямо противоречат принципу верховенства права [37, п. 62].

Принцип верховенства права не позволяет наделять органы власти неограниченными полномочиями [25, п. 230]. Законы должны толковаться и применяться независимыми и беспристрастными судами [39, п. 88, п. 115]. После того, как судья выносит окончательное и обязательное к исполнению решение, оно не должно пересматриваться, что является компонентами верховенства права и принципа правовой определенности [34, п. 122]. Это относится и к решениям,

принятым самим ЕСПЧ. Государства-члены, приняв Конвенцию, по сознательному суверенному выбору обязались выполнять решения Суда в соответствии с п. 1 ст. 46 Конвенции, причем исполнение окончательных решений также является одним из основных проявлений верховенства права.

Таким образом, Суд подчеркнул «обязательную силу собственной прецедентной практики и важность добросовестного следования ей в соответствии с «правовыми выводами и духом решений» [24, п. 149]. Эти элементы верховенства права объясняют, почему этот основополагающий принцип является анафемой для авторитарных государств или «царств диктаторов». Это происходит потому, что такие государства на самом деле управляются не действующими общеприменимыми законами, а просто волей сильных мира сего. Грубая и безграничная власть, не ограниченная обязательными к соблюдению правилами, по определению произвольна и подвержена злоупотреблениям, что несовместимо с соразмерностью и разумностью.

Неконтролируемая воля тех, кто находится у власти, когда она оторвана от принципа верховенства права, на самом деле является не чем иным, как проявлением личных интересов во властных структурах, злоупотреблением властью. Верховенство права выступает основным идеалом, который выходит за рамки границ, традиций и культур, составляет основную черту любой подлинно демократической системы общечеловеческой жизни, регулируемой юридически обязательными нормами.

Верховенство права «[объединяет] культуры, которые в остальном могут отличаться друг от друга, обеспечивая тем самым важнейшую основу для взаимной, индивидуальной и социальной терпимости, позволяет осуществлять культурный и экономический обмен во всем мире» [2, с. 29-30]. Эти условия индивидуального и социального процветания универсальны: разные общества имеют разные кухни, различные социальные отношения и манеры, разные экономические структуры и религии. Но все они требуют стабильности и предсказуемости, должны быть понятны тем, кто им подчиняется, чтобы люди чувствовали себя в рамках закона как дома, имели уверенность в себе, строили планы на жизнь.

Из этого можно сделать вывод об универсальности принципа верховенства права.

Он подтверждается также учредительными документами Совета Европы. ЕСПЧ акцентирует внимание, что «ряд положений Устава организации непосредственно обусловлен верховенством права»: во-первых, в Преамбуле, где подписавшие его правительства подтверждают свою приверженность этому принципу, и, во-вторых, в ст. 3 Устава, согласно которой «каждый член Совета Европы должен принять принцип верховенства права» [35 п. 225]. В этом заключается основная идея обращения Суда к верховенству права как одному из «фундаментальных компонентов» европейского публичного правопорядка [19, п. 145].

В этом смысле Суд определил ядро системы ценностей, которая составляет основу Конвенции и которой Суд обязан, в соответствии со статьями 19 и 32

Конвенции, давать жизнь при толковании и применении содержащихся в ней прав и свобод; «... [даже] в условиях чрезвычайного положения базовый принцип верховенства права должен превалировать» [30, п. 153]. Поэтому, избрав путь стать неотъемлемой частью европейского публичного правопорядка, встроенного в конвенционную систему, государства-члены Совета Европы не могут на уровне собственного законодательства попытаться пересмотреть концепцию верховенства права или основные компоненты системы прав и ценностей, закрепленных в Конвенции.

2. Нормативный статус верховенства права как принципа, лежащего в основе Конвенции

В своей актуальной практике ЕСПЧ реализует подход к верховенству права как к принципу, «присущему всем статьям Конвенции» [15, п. 94]. Суд проводит идею, что эффективность всей конвенционной системы базируются на взаимобусловленных элементах уважения личности и верховенства права. «Толкование прав и свобод должно соответствовать общему духу Конвенции и учитывать, что она представляет собой согласованную систему их защиты» [3, с. 170-172].

Верховенство права заложено в структуру этой системы. Оно включает в себя набор правовых норм и конвенционных стандартов, предполагающих уважение должным образом рациональной автономии людей, что исключает произвольное использование государственной власти и ограничено законом.

Идея о верховенстве права как о принципе, заложенном во все нормы Конвенции, реализуется через методологическое его использование как «отправной точки» при рассмотрении любой жалобы в ЕСПЧ. Одновременно она создает систему отсчета при обращении Суда к конвенционным правам и свободам через применение соответствующей практики.

Исходной точкой отсчета следует считать дело «Голдер против Соединенного Королевства» 1975 г., где ЕСПЧ использовал верховенство права как инструмент толкования и динамического развития материально-правовых гарантий, заложенных в Конвенцию. В своей последующей практике при анализе возможных вариантов толкования ЕСПЧ неизменно стремится выявить наилучший подход к пониманию верховенства права в соответствии с рассматриваемым положением Конвенции. При необходимости Суд может руководствоваться сбалансированным подходом между соответствующими индивидуальными правами и публичным интересом. Даже в таких случаях явно прослеживается цель наилучшим образом реализовать идею верховенства права как фундаментального компонента европейского публичного правопорядка.

В большинстве случаев верховенство права действует как правовой принцип для поддержания гармоничных взаимозависимых отношений между отдельными элементами конвенционной системы в целом. Верховенство права может находить выражение через определенную норму, в которой проявляется конкретный функциональный элемент принципа. Наконец, верховенство права может быть выражено в его гибридном измерении, одновременно проявлять свою нормативную

силу как правовой принцип и как норма с фиксированным содержанием. Соответственно, верховенство права имеет трехкомпонентную структуру.

В качестве правового принципа в его органическом аспекте верховенство права обеспечивает независимость судебных органов в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции (требование оптимизации), не позволяет государствам-членам ограничивать права и свободы человека произвольно или таким образом, который отрицает саму суть рассматриваемого права. Верховенство права обеспечивает рациональное и разумное использование государственной власти, выступает ценностным инструментом, уравнивающим противоречия между индивидуальными правами и интересами общества.

Баланс обеспечивается в материальном и в процедурном аспекте.

Верховенство права налагает строгие материальные требования в отношении содержания, качества национального правоприменения, на которое опираются конвенционные права. С процедурной точки зрения основу верховенства права составляет требование, чтобы содержание закона в ходе правоприменения выявляли независимые и беспристрастные судьи, а не должностные лица органов исполнительной власти. Таким образом, верховенство права как правовой принцип представляет собой органическую основу ценностей, которые в совокупности составляют фундаментальный компонент конвенционного европейского публичного правопорядка.

Нормативная природа верховенства права проявляется в ходе текущего правоприменения, когда ЕСПЧ использует его как инструмент толкования конвенционных норм. Например, при анализе статьи 3 Протокола № 1 о свободных выборах Суд постановил, что верховенство права является одной из «основ эффективной и значимой демократии» [33, п. 87]. В соответствии со статьей 9 Конвенции о праве исповедовать свою религию, ЕСПЧ сослался на «принцип светского государства» как находящийся в «гармонии с верховенством права, уважением прав человека и демократии» [21]. Кроме того, он выявил прямую связь между верховенством права, демократией и свободой выражения мнений в соответствии со статьей 10: «в демократическом обществе, основанном на верховенстве права, где политические идеи бросают вызов существующему правопорядку, должна быть предоставлена возможность выражения мнения и их реализация мирными средствами» [42, п. 107]. «Ответные преследования и злоупотребление уголовным правом» являются действиями, которые представляют собой «нарушение верховенства права» [18]. Следовательно, ЕСПЧ формирует подход, согласно которому верховенство права как неотъемлемый элемент конвенционной системы не может пониматься как чисто формальная концепция, а выступает действенным средством толкования прав и свобод человека, отраженным в конкретных нормах Конвенции.

3. Верховенство права и независимость судебной власти

3.1. Концепция независимости судебной власти и принцип разделения властей. Некоторые статьи Конвенции включают в себя права, которые сами по себе

являются проявлением верховенства права как нормы с фиксированным содержанием. К таковым следует относить п. 1 ст. 5 Конвенции в части требования о юридическом основании лишения человека свободы, статью 7 Конвенции, реализующую принцип «нет преступления без указания на то в законе» [17, с. 98]¹.

В ряде случаев верховенство права действует в своем гибридном измерении, как правовой принцип и норма с фиксированным содержанием. Наиболее ярко выраженным в практике Суда примером проявления этого аспекта является структурный компонент верховенства права — независимость судебной власти. Концепция находит свое выражение в двух различных, связанных между собой, но самостоятельных элементах: независимости судей де-юре, с одной стороны, и их фактической независимости, с другой стороны.

Верно подмечено, что «формальная независимость должности судьи сама по себе не дает никаких гарантий, если она не связана с независимостью ума» [6, с. 57-58]. Судьи должны быть не только институционально, но и интеллектуально независимы и беспристрастны [11, п. 49-52]². В п. 220 решения Большой палаты по делу «Астрадсон против Исландии» 2020 г. обоснованно разъяснено, что само понятие «суд» предполагает, что он должен состоять из судей, отбираемых с учетом их заслуг, то есть людей, которые не только функционально компетентны рассмотреть дело, но и отвечают требованиям моральной добросовестности выполнять судебные функции, требуемые в государстве, управляемом верховенством права.

В прецедентном праве Суда давно прослеживается идея важности обеспечения независимости судебной власти. Принципиальной отправной точкой актуальной практики, формируемой Большой Палатой ЕСПЧ, стал тезис о важности действительной реализации на практике разделения исполнительной и судебной ветвей власти [22, п. 165].

¹ Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Кононов против Латвии». 2010. № 36376/04 [17]. Полномочия Суда по пересмотру должны быть более широкими, когда конвенционное право (статья 7) требует наличия правовых оснований для осуждения и вынесения приговора. Пункт 1 статьи 7 предполагает, чтобы Суд дал оценку правовым основаниям осуждения заявителя. Национальный суд должен убедиться, что итоговое судебное решение (по делу — осуждение заявителя за военные преступления в соответствии со статьей 68-3 ранее действовавшего Уголовного кодекса) совместимо со статьей 7 Конвенции.

² Решение Суда Европейского Союза по делу C-506-04 Вилсон (п. 49-52). 2006. EU : C : 2006 : 587 [11]. Аналогичный стандарт действует в правовом пространстве ЕС, где независимость судей и судебных органов рассматривается через внешний и внутренний аспекты. Внешний аспект подразумевает, что судьи должны быть защищены от вмешательства со стороны или давления, которые могут поставить под угрозу их независимое суждение при судебном разбирательстве. Внутренний аспект связан с беспристрастностью и направлен на обеспечение справедливого судебного разбирательства, создание равных условий для сторон и соблюдение их интересов в отношении предмета судопроизводства.

Таким образом, Суд выявил «красную нить, проходящую через институциональные требования пункта 1 статьи 6 Конвенции в том, что следует руководствоваться целью поддержания основополагающих принципов верховенства права и разделения властей» [9, с. 87-89]. В их основе лежит «необходимость поддержания доверия общества к судебной системе и обеспечения ее независимости по отношению к другим органам власти» [14, п. 233]. Исходя из этого, «принцип верховенства права будет пустым сосудом без независимых судов, встроенных в демократическую структуру, которая защищает права человека» [10, с. 263-264]. Без независимых судей система Конвенции функционировать не может. В практике ЕСПЧ реализуется идея необходимости обеспечения независимости сообщества судей европейского континента, которое является оплотом системы защиты прав человека.

Независимость судебной власти имеет как юридические, так и фактические компоненты. Что касается независимости де-юре, то Суд в ряде важных решений Большой Палаты постановил, что сам закон должен предусматривать четкие и предсказуемые гарантии судебной деятельности, статуса судей, в частности, в отношении назначения, гарантий пребывания в должности и увольнения, продвижения по службе, несменяемости, иммунитета судей и дисциплины [26]. В решениях Большой палаты ЕСПЧ по делам «Волков против Украины» [44], «Денисов против Украины» [23, п. 44-57], «Бака против Венгрии» выражена позиция о необходимости обеспечения особого подхода к решению вопросов увольнения судей с должности. Основной идеей является применение высокого стандарта доказывания, где бремя обоснования законности освобождения от должности лежит на государстве. Такой стандарт действует независимо от того, рассматривается ли вопрос с точки зрения ст. 6, 8 или 10 Конвенции. Фактический состав всегда подвергается строгому контролю со стороны Суда сквозь призму принципа несменяемости судей.

Формируя стандарт в течение последних нескольких десятилетий, Суд изучил влияние квалификационных советов судей (аналогичных им органов) на увольнение судей и дисциплинарное производство.

По таким делам судья имеет право на доступ к правосудию в соответствии со статьей 6 Конвенции.¹ Увольнение судьи может представлять собой вмешательство в его право на частную жизнь, в соответствии со статьей 8 Конвенции. Также в случае увольнения судьи по причинам, обусловленным его профессио-

¹ В деле Бака судья Линос-Александр Сисилианос высказал особое мнение о необходимости толкования п. 1 ст. 6 Конвенции как признания факта существования, наряду с правом участников судебного разбирательства на рассмотрение дел независимым и беспристрастным судом, субъективного права судей на защиту и уважение их индивидуальной независимости государством. ЕСПЧ данный подход окончательно не воспринял, хотя интеграция подобного стандарта могла бы способствовать эффективному обеспечению верховенства права. Судьи национальных судов получили бы защиту в институциональном плане, поскольку через конвенционные механизмы «подключены» к общеевропейской системе защиты прав человека Совета Европы.

нальными обязанностями, применима ст. 10 Конвенции, и государство обязано представить веские причины, свидетельствующие о настоятельной социальной необходимости увольнения, как того требуют принципы разделения властей и независимости судебной власти.

Таким образом, прецедентная практика Страсбургского суда в отношении увольнения судей, применения дисциплинарных мер реализует принцип верховенства права, охватывающий требование независимости судебных органов де-юре. Это формальная независимость в деятельности судей, которая сама по себе не гарантирует и не обеспечивает требуемую независимость судебной власти.

Как установил ЕСПЧ в деле «Агрокомплекс против Украины» [41, п. 136], объем обязательств государств обеспечить судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом, в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции, подразумевает обязательства исполнительной и законодательной ветвей государственной власти, независимо от уровня, уважать и соблюдать окончательные решения судов, даже если они с ними не согласны. Уважение государством авторитета судов — неперемнное условие доверия общества к правосудию, а в более широком смысле — к верховенству права. Для этого недостаточно конституционных гарантий независимости и беспристрастности судебной власти. Они должны быть эффективно включены в повседневные административные установки и практику [1, с. 99-101].

Данное новое требование независимости судебных органов де-факто получило дальнейшее развитие в важных судебных решениях по делам «Кински против Чешской Республики» [43, п. 98] и «Ринау против Литвы» [28, п. 211]. В рамках данных дел Суд изучал публичные заявления политиков и предпринятые исполнительной властью меры для контроля за ходом судебных разбирательств, которые, как было установлено ЕСПЧ, оказали влияние на справедливость текущего судопроизводства в национальных судах. В деле Ринау Суд постановил, что национальные власти, включая политиков, должностных лиц в сфере опеки детства и прокуроры создали негативную атмосферу вокруг судебных действий заявителя. Такие действия представляют собой прямые попытки вмешательства в это разбирательство, которые неприемлемы в системе, основанной на верховенстве права.

Этими решениями Суд ясно дал понять, что Конвенция «не закрывает глаза» на тот факт, что формальные границы независимости судебных органов, прописанные в законе, потенциально являются не более чем фасадом, позволяющим вмешиваться в процесс отправления правосудия. Независимость де-юре, хотя и имеет решающее значение, но сама по себе не отвечает требованиям верховенства права, как это находит свое выражение в подлинной независимости судебной системы. Представленные ЕСПЧ доказательства давления и неправомерного влияния, оказываемого на судей при выполнении ими своих функций, сами по себе могут привести к выводу о том, что принцип независимости судебных органов де-факто не был обеспечен в конкретном деле, и могут вызвать опасения системного характера.

3.2. *Независимость судебной власти в делах, инициированных судьями, задержанными по уголовному обвинению в соответствии со статьей 5 Конвенции.* Еще более сильное нормативное воздействие принципа верховенства права проявилось в актуальной практике Суда, касающейся независимости судей, лишенных свободы по подозрению в совершении преступлений. Особенно ярко этот аспект проявился в практике ЕСПЧ по делам судей, задержанных в Турции в июле 2016 г. после попытки государственного переворота.

Из обстоятельств дела Алтан 2019 г. [31, п. 111] следует, что заявитель, судья Конституционного Суда Турции, был осужден за участие в вооруженной организации. В обоснование довода о незаконности осуждения заявитель ссылаясь на неправомерность заключения под стражу, поскольку на момент задержания в его деле отсутствовали доказательства обоснованности обвинения. В отношении заявителя не могла быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

ЕСПЧ указал на необходимость установления национальными судами реальных оснований к задержанию лиц по подозрению в совершении преступлений.

В рамках дел «турецких судей» по событиям 2016 г. ЕСПЧ выявил только одно реальное основание, по которому задерживались заявитель и другие судьи. Это был специальный закон, принятый в ситуации «очевидного преступления» (как его оценили национальные власти). Из фактических обстоятельств следовало, что на момент ареста доказательства причастности лица к совершенному преступлению представлены не были. Соответственно, вообще не исследовался вопрос обоснованности подозрения, заявитель не был предварительно лишен иммунитета судьи. Возможность привлечения лица к уголовной ответственности была мотивирована исключительно принятием чрезвычайного закона.

Ссылка турецких властей на предоставление возможности дачи показаний заявителю (в формуляре протокола задержания имелись соответствующие графы) признана несостоятельной, поскольку позиция выражена не была.

Отсутствие первичной информации о наличии обоснованного подозрения в совершении преступления породило недостаточную индивидуальную оценку материалов дела и ситуации заявителя.

Установленный национальным судом факт — совершение заявителем преступления в условиях очевидности является, по оценке ЕСПЧ, не чем иным, как одним из оснований задержания: очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление.

Сам по себе факт участия заявителя в организации, без анализа фактического состояния, реальных его действий, без доказательств обоснованности подозрения его в совершении продолжаемого преступления не является достаточным для обоснования ситуации очевидности преступления.

Наднациональный суд не допускает здесь исключений и требует от судов оценивать реальное наличие соответствующих предпосылок, обосновывать их в судебных актах по мере пресечения, при заявлении доводов давать оценку в итоговых судебных решениях по существу уголовного дела.

В подобных ситуациях ставится под угрозу принцип правовой определенности. Судейский иммунитет, затронутый анализируемой практикой, не может

подвергаться сомнению даже в условиях чрезвычайных обстоятельств [8, с. 113-115]. Иммуниет не означает безнаказанность, так как в его основе лежат конституционные гарантии законности. В данном случае заключение заявителя под стражу не осуществлялось в порядке, установленном законом, и не было обусловлено чрезвычайностью обстоятельств.

Такая форма защиты предоставлена исключительно судьям, чтобы позволить им исполнять свои обязанности в условиях полной независимости, без незаконных ограничений со стороны других органов власти и вышестоящих судей, выполняющих надзорные функции.

ЕСПЧ постановил, что на практике должно уделяться особое внимание защите членов судейского сообщества при рассмотрении вопроса о том, каким образом выполнялось распоряжение о задержании судьи с точки зрения Конвенции.

Решения по делам турецких судей являются квинтэссенцией заявлений Суда о верховенстве права, в которых различные компоненты принципа, взятые в совокупности, образуют основу для достаточно эффективного применения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В этих решениях ЕСПЧ, устанавливая нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, подчеркнул особую роль судебной власти в обществе. Судьи, будучи гарантом справедливости, а как общественный институт — фундаментальной ценностью в правовом государстве, должны пользоваться доверием общества во благо государственности, если хотя бы успешно выполняют свои обязанности [5, с. 135].

В тех случаях, когда национальное право предоставляет судебную защиту судьям в целях обеспечения независимого осуществления ими своих функций, крайне важно, чтобы такие механизмы защиты реально соблюдались. В демократическом обществе принцип разделения властей приобретает всё возрастающее значение, и судебная власть занимает видное место среди органов государственной власти.

Принцип независимости судебной власти, являющийся основой верховенства права, методологически слит с другим основополагающим компонентом верховенства права — принципом законности, действующем в качестве мощного инструмента толкования для воплощения в жизнь требований пункта 1 статьи 5 Конвенции в этом контексте. Это позволяет ЕСПЧ строго следить за применением внутригосударственной правовой базы, на которую опираются при задержании сотрудников судебных органов. Эти решения являются наглядным примером того, как Суд осознает риск использования государственной власти таким образом, который чрезмерно влияет на независимость судебной власти. Они еще раз демонстрируют, что в своем толковании и применении Конвенция не терпит крайностей.

3.3. Право на независимый и беспристрастный суд, учрежденный в соответствии с законом, по смыслу п. 1 статьи 6 Конвенции. Право на независимый и беспристрастный суд, учрежденный в соответствии с законом, по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции [45], является одним из краеугольных камней принципа верховенства права в соответствии с Конвенцией. В п. 144-150 дела «Карвальо против

Португалии» 2018 г. [26] ЕСПЧ провел промежуточную черту формированию собственной практики, отметив, что Суд располагает хорошо разработанным сводом прецедентного права, связанного с концепциями независимости и беспристрастности судей.

Однако на вопрос о том, применимо ли это положение к процедуре назначения судей другими ветвями власти государств-членов Совета Европы, впервые был дан ответ в знаковом решении Большой палаты по делу «Гудмундур Андри Астрадссон против Исландии» от 1 декабря 2020 г. [14]. В этом решении Суд единогласно постановил, что государство-ответчик нарушило пункт 1 статьи 6 Конвенции ввиду серьезных нарушений национального права при назначении судей в недавно созданный Апелляционный суд Исландии.

По обстоятельствам дела, жалоба заявителя на приговор была оставлена без удовлетворения Апелляционным судом, новым судебным органом, действовавшим с 2018 г. Одним из доводов жалобы заявителя в Верховный суд Исландии была ссылка на нарушение процедуры назначения судьи как основание для отмены приговора.

Национальное право Исландии закрепляет специальные правила оценки компетенции кандидатов в судьи Оценочным комитетом из представителей Совета Судей, Ассоциации адвокатов и Альтинга Исландии, законодательного органа, чем ограничиваются полномочия исполнительной власти. Министр юстиции Исландии исключил из списка 4 наиболее квалифицированных кандидатов, заменив на других, с меньшей квалификацией, хотя мог только предложить иных кандидатов для обсуждения.

Верховный Суд Исландии установил нарушение процедуры назначения судьи на должность, однако указал на отсутствие связи принятого итогового решения со справедливостью разбирательства в целом.

По жалобе заявителя в ЕСПЧ Суд должен был определить существенность нарушений национального законодательства, законность участия судьи в деле заявителя; указать сферу применения права на доступ к правосудию, способы выявления нарушений этого права и обеспечения баланса между данным правом и принципами несменяемости судей, правовой определенности.

Краеугольным камнем нового подхода стала идея учреждения суда (назначения судьи) строго в соответствии с законом как отражающая принцип верховенства права. Суд, созданный в противовес намерениям законодателя, неизбежно лишен легитимности, необходимой в демократическом обществе для разрешения правовых споров. Цель такой регламентации состоит в обеспечении независимости суда от усмотрения исполнительной власти, и регулирование его деятельности законом, исходящим от парламента. Большая Палата ЕСПЧ для целей надлежащего функционирования и легитимности судебной власти в демократическом государстве «подключила» процесс назначения судей к концепции «учреждение суда по закону».

ЕСПЧ применил традиционное целевое (телеологическое) толкование с опорой на принцип верховенства права, за счет чего определил, что процесс

назначения судей в целом и участие в процедуре иных ветвей власти подпадает под право, предусмотренное п. 1 ст. 6 Конвенции. Следовательно, право на суд, учрежденный согласно закону, является самостоятельным правом, обусловленным гарантиями независимости и беспристрастности. Отметим особый доктринальный подход ЕСПЧ к способу толкования: ему не пришлось высказываться относительно достаточной беспристрастности судьи Апелляционного суда, назначение которого рассматривалось как нарушение Конвенции, и было ли судебное разбирательство по делу заявителя в целом справедливым. В этом проявляется двойственная природа верховенства права: оно действует и как правовой принцип, поддерживающий фундаментальную структурную предпосылку для реализации права на справедливое судебное разбирательство, и как норма с фиксированным содержанием, императивно требующая назначения судей в соответствии с национальным правом [4, с. 120-121].

Поэтому если судья, назначенный в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, рассматривает дело единолично или в составе коллегии, отдельного анализа фактической справедливости судебного разбирательства не требуется. Нарушение права на суд здесь по умолчанию создает неопровержимую презумпцию несправедливости судебного разбирательства, в котором принимал участие незаконно назначенный судья, что и было установлено в деле Астрадссона.

Для национальных властей ЕСПЧ ввел трехступенчатый пороговый тест для определения нарушения права на суд, учрежденный в соответствии с законом. Для этого необходимо устанавливать: были ли явными нарушения внутреннего законодательства; если да, какие нарушения затрагивают основополагающие положения процедуры назначения судей; были ли доводы жалобы о нарушениях в назначении судьи эффективно рассмотрены и исправлены национальными судами. Большая Палата сформулировала высокий порог требований с целью примирить напряженность между принципами субсидиарности и эффективной защиты конвенционных прав.

ЕСПЧ требует действенного участия национальных судов в определении нарушения национального права при назначении судей, эффективного устранения последствий нарушений. ЕСПЧ опирается на оценку национальных судов, но ввиду автономности рассматриваемого права вправе самостоятельно решить, достигнут ли высокий уровень допущенного нарушения [7, с. 62-63]. Иной подход лишил бы смысла конвенционное право на справедливое разбирательство.

Большая палата ввела дополнительное требование установления «значительной серьезности» нарушения национального права, достигающего уровня, потенциально приводящего к нарушению Конвенции. Это необходимо для анализа соблюдения баланса между правом на суд, учрежденным в соответствии с законом, и потенциальными нарушениями принципов несменяемости судей и правовой определенности.

В подтверждение сделана ссылка на решение Суда ЕС по делу «Комиссия против Польши» 2019 г. в части нормативного наполнения принципа несменяемости судей: «хотя принцип несменяемости судей не является абсолютным, из

него не может быть никаких исключений, если они не оправданы законными и убедительными основаниями, при условии соблюдения принципа соразмерности» [12, с. 76].

Из решения Суда по делу Астрадссона можно сделать ряд выводов.

Во-первых, когда речь идет о праве на суд, учрежденный в соответствии с законом, на него распространяется принцип верховенства права.

Во-вторых, грубое нарушение принципа верховенства права констатируется всегда, когда создание суда или назначение судьи основаны на актах, явно нарушающих основополагающие принципы и правила назначения судей по национальной процедуре, особенно в сочетании с отсутствием строгого судебного контроля национальных властей.

В-третьих, когда в государстве утверждена законодательная основа для назначения судей, верховенство права как норма-принцип, включенная в статью 6 Конвенции, явно предписывает обязанность по соблюдению этих правил. Если отбор судей производит исполнительная и/или законодательная власть, национальные суды должны быть компетентны определять соблюдение национального права в этой части, и только затем оценку вправе дать ЕСПЧ в соответствии с автономными принципами, заложенными в ст. 6 Конвенции. При определении существенности нарушения национального права при назначении судьи ЕСПЧ в целом полагается на выводы национальных судов, если они обоснованы и не произвольны. ЕСПЧ не лишен возможности выявить характер нарушений самостоятельно, поскольку «строгий европейский надзор» с его стороны не исключен в силу принципа subsidiarity, закрепленного в Преамбуле Конвенции.

В-четвертых, государства в принципе свободны в выборе законодательной базы для назначения судей на основе своих правовых традиций и конституционных структур. Однако такие правила и применяемые процедуры всегда должны соответствовать требованиям принципа верховенства права как находящие свое выражение в требованиях независимости и беспристрастности судебных органов, регулируемых ст. 6 Конвенции.

Заключение

Верховенство права является правообразующим принципом европейской системы защиты прав человека, определяющим развитие прецедентного права ЕСПЧ. Он заложен в основу документов в области защиты прав человека, выступает действенным средством толкования прав и свобод человека, отраженным в конкретных нормах Конвенции. Верховенство права лежит в основе государственности, поскольку при его игнорировании национальные власти не могут рассчитывать на доверие собственного общества. Он определяет границы действия закона, регулирует иные сферы жизни обществ — культуру, экономическую и социальную сферу. В основе верховенства права лежат идеи уважения личности и исключение произвольного использования власти. Решения органов государственной власти должны регулироваться законом, не могут быть произвольными, зависеть от усмотрения высших должностных лиц. Для этого законы

должны быть ясными и четкими. Нормативное воздействие принципа усиливается на всем правовом пространстве Совета Европы, в частности, по делам, касающимся независимости и беспристрастности судебных органов. Верховенство права органично вписано в международную систему права, однозначно отвергающую произвольное использование государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Е. Б. Судебная власть: современное конституционное отражение / Е. Б. Абросимова // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5 (78). С. 96-117.
2. Бондарь Н. С. Конституционный суд в системе юрисдикционных органов (о «богоугодных грехах» конституционного правосудия) / Н. С. Бондарь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62). С. 26-32.
3. Варламова Н. В. Верховенство права — базовый принцип европейской системы защиты прав человека / Н. В. Варламова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 3 (40). С. 151-178.
4. Гаджиев Х. И. Судебное правотворчество в международном правосудии / Х. И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 119-129.
5. Дедов Д. И. Дело «Молла Сали против Греции»: комментарий к постановлению Большой Палаты Европейского Суда по правам человека / Д. И. Дедов, Х. И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Том 17. № 1. С. 126-136.
6. Зыбина О. С. О принципе независимости судей / О. С. Зыбина, М. М. Колесникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 3 (28). С. 54-58.
7. Ключников А. Ю. Роль общих принципов международного права в определении свободы правоприменения международных судов / А. Ю. Ключников // Российский судья. 2019. № 6. С. 61-64.
8. Ключников А. Ю. Право на истину в международном правосудии / А. Ю. Ключников // Lex russica (Русский закон). 2020. № 12 (169). С. 106-117.
9. Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия / С. Ю. Марочкин // Государство и право. 2013. № 10. С. 85-94.
10. Руденко В. Н. Перспективы демократии в современном конституционализме / В. Н. Руденко // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90. № 3. С. 259-266.
11. Court of Justice of European Union Decision of 19 September 2006 in case no. C-506-04 “Graham J. Wilson v. Ordre des avocats du barreau de Luxembourg” // Official website of Court of Justice of European Union. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=64426&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1213861> (дата обращения: 06.12.2021).
12. Court of Justice of European Union Judgement of 24 June 2019 in case no. C-619/18 “Commission v Poland (Independence of the Supreme Court)” // Official website of Court

- of Justice of European Union. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=215341&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=129393> (дата обращения: 06.12.2021).
13. ECHR Decision of 12 February 1975 in case no. 4451/70 “Golder v. United Kingdom” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57496> (дата обращения: 06.12.2021).
 14. ECHR Grand Chamber Judgement of 1 December 2020 in case no. 26374/18 “Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206582> (дата обращения: 06.12.2021).
 15. ECHR Grand Chamber Judgement of 11 December 2018 in case no. 36480/07 “Lekić v. Slovenia” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-188268> (дата обращения: 06.12.2021).
 16. ECHR Grand Chamber Judgement of 13 February 2003 in case no. 41340/98 “Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936> (дата обращения: 06.12.2021).
 17. ECHR Grand Chamber Judgement of 17 May 2010 in case no. 36376/04 “Kononov v. Latvia” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98669> (дата обращения: 06.12.2021).
 18. ECHR Grand Chamber Judgement of 20 January 2020 in case no. 201/17 “Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200657> (дата обращения: 06.12.2021).
 19. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 June 2016 in case no. 5809/08 “Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164515> (дата обращения: 06.12.2021).
 20. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 October 2013 in case no. 42750/09 “Del Río Prada v. Spain” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-127697> (дата обращения: 06.12.2021).
 21. ECHR Grand Chamber Judgement of 22 December 2020 in case no. 14305/17 “Selahattin Demirtaş v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-207173> (дата обращения: 06.12.2021).
 22. ECHR Grand Chamber Judgement of 23 June 2016 in case no. 20261/12 “Baka v. Hungary” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163113> (дата обращения: 06.12.2021).
 23. ECHR Grand Chamber Judgement of 25 September 2018 in case no. 76639/11 “Denisov v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186216> (дата обращения: 06.12.2021).
 24. ECHR Grand Chamber Judgement of 29 May 2019 in case no. 15172/13 “Proceedings under Article 46 § 4 of the Convention in the case of Ilgar Mammadov v. Azerbaijan” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-193543> (дата обращения: 06.12.2021).
 25. ECHR Grand Chamber Judgement of 4 December 2015 in case no. 47143/06 “Roman Zakharov v. Russia” // Official website of HUDOC database of European Court

- of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324> (дата обращения: 06.12.2021).
26. ECHR Grand Chamber Judgement of 6 November 2018 in case no. 55391/13 “Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187507> (дата обращения: 06.12.2021).
 27. ECHR Judgement of 10 July 2020 in case no. 310/15 “Mugemangango v. Belgium” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203885> (дата обращения: 06.12.2021).
 28. ECHR Judgement of 14 January 2020 in case no. 10926/09 “Rinau v. Lithuania” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200336> (дата обращения: 06.12.2021).
 29. ECHR Judgement of 14 November 2017 in case no. 41226/09 “Işıkırık v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178506> (дата обращения: 06.12.2021).
 30. ECHR Judgement of 15 December 2020 in case no. 33399/18 “Pişkin v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206901> (дата обращения: 06.12.2021).
 31. ECHR Judgement of 16 April 2019 in case no. 12778/17 “Alparslan Altan v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192804> (дата обращения: 06.12.2021).
 32. ECHR Judgement of 19 December 2017 in case no. 78477/11 “Ramda v. France” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179793> (дата обращения: 06.12.2021).
 33. ECHR Judgement of 20 December 2016 in case no. 14737/08 “Uspaskich v. Lithuania” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169844> (дата обращения: 06.12.2021).
 34. ECHR Judgement of 20 March 2018 in case no. 5310/71 “Ireland v. the United Kingdom” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181585> (дата обращения: 06.12.2021).
 35. ECHR Judgement of 20 September 2018 in case no. 68762/14 and no. 71200/14 “Aliyev v. Azerbaijan” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186126> (дата обращения: 06.12.2021).
 36. ECHR Judgement of 24 April 2018 in case no. 55385/14 “Baydar v. the Netherlands” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182454> (дата обращения: 06.12.2021).
 37. ECHR Judgement of 25 July 2017 in case no. 69997/10 and no. 74793/11 “Panorama Ltd and Miličić v. Bosnia and Herzegovina” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175670> (дата обращения: 06.12.2021).
 38. ECHR Judgement of 27 February 2018 in case no. 39496/11 “Sinkova v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181210> (дата обращения: 06.12.2021).
 39. ECHR Judgement of 28 February 2019 in case no. 4755/16 “Beghal v. the United Kingdom” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191276> (дата обращения: 06.12.2021).

40. ECHR Judgement of 31 January 2017 in case no. 38898/04 “Rozhkov v. Russia” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170590> (дата обращения: 06.12.2021).
41. ECHR Judgement of 6 October 2011 in case no. 23465/03 “Agrokompleks v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106636> (дата обращения: 06.12.2021).
42. ECHR Judgement of 7 March 2017 in case no. 29994/02 “Döner and Others v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171773> (дата обращения: 06.12.2021).
43. ECHR Judgement of 9 February 2012 in case no. 42856/06 “Kinský v. the Czech Republic” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109044> (дата обращения: 06.12.2021).
44. ECHR Judgement of 9 January 2013 in case no. 21722/11 “Oleksandr Volkov v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-115871> (дата обращения: 06.12.2021).
45. The European Convention on Human Rights // Strasbourg: European Court of Human Rights, Council of Europe, 1950. 63 pp.
46. The Universal Declaration of Human Rights // New York: United Nations, 1949. 13 pp.

Andrew Yu. KLYUCHNIKOV¹

UDC 341.645

**THE RULE OF LAW AND THE INDEPENDENCE
OF THE JUDICIARY IN THE PRACTICE
OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS**

¹ Judge of Pravoberezhny District Court of Lipetsk,
Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk affiliated branch
andrew19871961@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the principle of the rule of law, implemented through the provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950. (Convention) by the European Court of Human Rights (ECHR). The relevance of studying this principle is due to the new approach formed by the Court that the rule of law is “inherent in all articles of the Convention.” We can see its application in the current case-law of the Court as one of the fundamental elements of the independence of national courts.

Thus, the author aims to identify the theoretical and practical aspects of the ECHR’s approach to the problem of judicial independence and legal application of the rule of law principle, to study the relevant Court practice. The rule of law and the independence of the judiciary as the basic elements of the convention system are an integral part of the institution of the “European public order” developed by the ECHR, therefore it is necessary to trace their interconnection.

The case-law of the ECHR served as the material for the study, which allowed us to identify all stages of the formation of the rule of law principle and its actual “content”. Analyzing judicial practice, along with using doctrinal approaches, we managed to identify the limits of permissible application of national laws, the powers of bodies and officials of various

Citation: Klyuchnikov A. Yu. 2021. “The rule of law and the independence of the judiciary in the practice of the European Court of Human Rights”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 196-219.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

branches of government, bodies of the judicial community to the given problem, new aspects of the status of judges seen as one of the democratic values of society. To achieve this, the author used methods specific to studies of law and general scientific (traditional) research methods, with an emphasis on comparative and general legal methods, and the method of induction during the analysis of judicial practice.

The paper examines the normative sources of law and judicial practice of the ECHR, allowing to reveal the principle of the rule of law, its correlation with the principle of judicial independence, the specifics of its impact on the domestic national judicial system and the functioning of the state apparatus, to determine the role of the principle in the convention mechanism of the protection of human rights.

Keywords

Rule of law, independence, judiciary, ECHR, values, guarantees, public order, Council of Europe, law enforcement, precedent.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

REFERENCES

1. Abrosimova E. B. 2010. "Judicial power: Contemporary constitutional representation". Comparative constitutional review, no. 5 (78), pp. 96-117. [In Russian]
2. Bondar N. S. 2017. "The constitutional court in the system of jurisdictional bodies (of godly sins of constitutional justice)". Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, no. 1 (62), pp. 26-32. [In Russian]
3. Varlamova N. V. 2002. "Rule of law — basic principle of European human rights system". Constitutional law: East-European review, no. 3 (40), pp. 151-178. [In Russian]
4. Hajiyev Kh. I. 2018. "Judicial legislation in international justice". Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, no. 3 (70), pp. 119-129. [In Russian]
5. Dedov D. I., Hajiyev Kh. I. 2021. "The Case 'Molla Sali v. Greece': The commentary on the judgment of the ECHR Grand Chamber". Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, vol. 17, no. 1, pp. 126-136. [In Russian]
6. Zybina O. S., Kolesnikova M. M. 2015. "On principle of independence of judges". Saint Petersburg Law Academy Herald, no. 3 (28), pp. 54-58. [In Russian]
7. Klyuchnikov A. Yu. 2019. "The role of general international law principles in the determination of law enforcement freedom of international courts". Russian Judge, no. 6, pp. 61-64. [In Russian]
8. Klyuchnikov A. Yu. 2020. "Right to truth in international justice". Lex Russica, no. 12 (169), pp. 106-117. [In Russian]
9. Marochkin S. Yu. 2013. "The rule of law on the domestic and international levels: the dynamics of development and interaction". State and Law, no. 10, pp. 85-94. [In Russian]
10. Rudenko V. N. 2020. "Prospects of democracy in modern constitutionalism". The Russian Academy of Sciences Herald, vol. 90, no. 3, pp. 259-266. [In Russian]

11. Court of Justice of European Union. 2006. Court of Justice of European Union Decision of 19 September 2006 in case no. C-506-04 “Graham J. Wilson v. Ordre des avocats du barreau de Luxembourg”. Accessed on 6 December 2021. <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=64426&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1213861>
12. Court of Justice of European Union. 2019. Court of Justice of European Union Judgement of 24 June 2019 in case no. C-619/18 “Commission v Poland (Independence of the Supreme Court)”. Accessed on 6 December 2021. <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=215341&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=129393>
13. European Court of Human Rights. 1975. ECHR Decision of 12 February 1975 in case no. 4451/70 “Golder v. United Kingdom”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57496>
14. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Grand Chamber Judgement of 1 December 2020 in case no. 26374/18 “Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206582>
15. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Grand Chamber Judgement of 11 December 2018 in case no. 36480/07 “Lekić v. Slovenia”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-188268>
16. European Court of Human Rights. 2003. ECHR Grand Chamber Judgement of 13 February 2003 in case no. 41340/98 “Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936>
17. European Court of Human Rights. 2010. ECHR Grand Chamber Judgement of 17 May 2010 in case no. 36376/04 “Kononov v. Latvia”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98669>
18. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Grand Chamber Judgement of 20 January 2020 in case no. 201/17 “Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200657>
19. European Court of Human Rights. 2016. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 June 2016 in case no. 5809/08 “Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164515>
20. European Court of Human Rights. 2013. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 October 2013 in case no. 42750/09 “Del Río Prada v. Spain”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-127697>
21. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Grand Chamber Judgement of 22 December 2020 in case no. 14305/17 “Selahattin Demirtaş v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-207173>
22. European Court of Human Rights. 2016. ECHR Grand Chamber Judgement of 23 June 2016 in case no. 20261/12 “Baka v. Hungary”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163113>
23. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Grand Chamber Judgement of 25 September 2018 in case no. 76639/11 “Denisov v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186216>
24. European Court of Human Rights. 2019. ECHR Grand Chamber Judgement of 29 May 2019 in case no. 15172/13 “Proceedings under Article 46 § 4 of the Convention

- in the case of Ilgar Mammadov v. Azerbaijan”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-193543>
25. European Court of Human Rights. 2015. ECHR Grand Chamber Judgement of 4 December 2015 in case no. 47143/06 “Roman Zakharov v. Russia”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324>
 26. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Grand Chamber Judgement of 6 November 2018 in case no. 55391/13 “Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187507>
 27. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Judgement of 10 July 2020 in case no. 310/15 “Mugemangango v. Belgium”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203885>
 28. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Judgement of 14 January 2020 in case no. 10926/09 “Rinau v. Lithuania”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200336>
 29. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 14 November 2017 in case no. 41226/09 “Işıkırık v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178506>
 30. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Judgement of 15 December 2020 in case no. 33399/18 “Pişkin v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206901>
 31. European Court of Human Rights. 2019. ECHR Judgement of 16 April 2019 in case no. 12778/17 “Alparslan Altan v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192804>
 32. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 19 December 2017 in case no. 78477/11 “Ramda v. France”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179793>
 33. European Court of Human Rights. 2016. ECHR Judgement of 20 December 2016 in case no. 14737/08 “Uspaskich v. Lithuania”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169844>
 34. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 20 March 2018 in case no. 5310/71 “Ireland v. the United Kingdom”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181585>
 35. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 20 September 2018 in case no. 68762/14 and no. 71200/14 “Aliyev v. Azerbaijan”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186126>
 36. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 24 April 2018 in case no. 55385/14 “Baydar v. the Netherlands”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182454>
 37. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 25 July 2017 in case no. 69997/10 and no. 74793/11 “Panorama Ltd and Miličić v. Bosnia and Herzegovina”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175670>
 38. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 27 February 2018 in case no. 39496/11 “Sinkova v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181210>
 39. European Court of Human Rights. 2019. ECHR Judgement of 28 February 2019 in case no. 4755/16 “Beghal v. the United Kingdom”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191276>

40. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 31 January 2017 in case no. 38898/04 “Rozhkov v. Russia”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170590>
41. European Court of Human Rights. 2011. ECHR Judgement of 6 October 2011 in case no. 23465/03 “Agrokompleks v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106636>
42. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 7 March 2017 in case no. 29994/02 “Döner and Others v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171773>
43. European Court of Human Rights. 2012. ECHR Judgement of 9 February 2012 in case no. 42856/06 “Kinský v. the Czech Republic”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109044>
44. European Court of Human Rights. 2013. ECHR Judgement of 9 January 2013 in case no. 21722/11 “Oleksandr Volkov v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-115871>
45. European Court of Human Rights, Council of Europe. 1950. The European Convention on Human Rights. Strasbourg: European Court of Human Rights, Council of Europe. 63 pp.
46. United Nations. 1949. The Universal Declaration of Human Rights. New York: United Nations. 13 pp.

Максим Сергеевич ДЕМЧЕНКО¹

УДК 342.7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

¹ аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
max-de.demchenko@ya.ru; ORCID: 0000-0001-7720-515X

Аннотация

30 января 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения распространение новой коронавирусной инфекции было объявлено чрезвычайной ситуацией международного уровня. Органами государственной власти Российской Федерации были разработаны мероприятия, направленные на минимизацию и ликвидацию последствий, вызванных коронавирусной инфекцией, что в свою очередь вызвало необходимость оперативного изменения и дополнения нормативно-правовой базы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Вопрос о том, что же собой представляют особенности режимов чрезвычайной ситуации и повышенной готовности, равно как и правомерность вводимых в режиме повышенной готовности ограничений прав и свобод личности, вызвали обширную научную дискуссию. В данной статье автор рассматривает изменения законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, предлагает авторскую трактовку оснований и особенностей правового регулирования введенного режима повышенной готовности и ограничений прав и свобод личности, связанных с распространением коронавирусной инфекции COVID-19.

По мнению автора, с учетом сложившейся эпидемиологической ситуации, Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрез-

Цитирование: Демченко М. С. Актуальные проблемы правового регулирования в области защиты населения и территорий в чрезвычайных ситуациях / М. С. Демченко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 220-234.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-220-234

вычайных ситуаций природного и техногенного характера» нуждается в оперативных и последовательных изменениях, с целью полного и всестороннего обеспечения прав и свобод личности. Так, например, необходимо внести понятие биолого-социальной чрезвычайной ситуации как одного из видов чрезвычайных ситуаций, попадающих под законодательное регулирование. Анализируя действующее законодательство на предмет правомерности введенного режима повышенной готовности и ограничений прав и свобод личности, делается вывод о том, что существующий механизм ограничения прав и свобод личности не в полной мере соответствует Конституции Российской Федерации, а сложившуюся эпидемиологическую обстановку следует рассматривать как чрезвычайную ситуацию с необходимостью введения соответствующего режима. В основе методологии исследования лежат как общенаучные, так и частнонаучные методы познания: формально-логический, системный, формально-юридический, компаративистский, диалектический, прогностический, метод моделирования и др.

Ключевые слова

Режим чрезвычайной ситуации, режим повышенной готовности, особые правовые режимы, защита населения и территорий, ограничение прав и свобод, COVID-19.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-220-234

Введение

События, связанные с охватившей весь мир пандемией COVID-19, показали, что несмотря на существенный научный, материальный прогресс, мировое сообщество в целом и Российская Федерация в частности не обладают достаточной готовностью для оперативного решения возникших трудностей в различных сферах жизни. Так, например, система здравоохранения в период пандемии столкнулась с нехваткой квалифицированного персонала, больничных мест и медикаментов, для экономики страны пандемия имеет далеко идущие последствия, связанные с беспрецедентным спадом деловой активности, падением валового внутреннего продукта, сокращением реальных доходов населения и другими неблагоприятными последствиями.

Помимо образовавшейся чрезвычайной ситуации в связи с распространением COVID-19, 2020 г. запомнился принятием поправок к Конституции Российской Федерации. Несмотря на множество изменений конституционного текста, в том числе тех, которые, по словам Д. А. Авдеева, «скорректировали взаимодействие и определили вектор дальнейшего функционирования федеральных и региональных органов государственной власти» [1, с. 96] в части осуществления их взаимодействия в целях обеспечения интересов населения, и прежде всего прав и свобод граждан. Так, одной из задач государства в период возникновения чрезвычайных ситуаций является обеспечение стабильности и безопасности жизнедеятельности гражданского общества. В таких условиях особую роль занимают именно органы публичной власти, обеспечивающие предупреждение, минимизацию и ликвидацию негативных последствий. Их основными функци-

ями являются: «обеспечение внутренней и внешней безопасности, обеспечение социальных стандартов жизни определенного уровня, обеспечение сохранения и воспроизводства публичной власти» [20, с. 46].

Следует отметить, что вопросы, связанные с мерами, направленными на устранение последствий экстраординарных ситуаций, таких как катастрофы, стихийные бедствия, эпидемии, находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72). Российский Основной закон предусматривает ограничение прав личности в различных ситуациях. Согласно ст. 55 Основного закона, права ограничиваются только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. В силу ст. 56 Конституции, любые ограничения правовой свободы человека должны иметь временные сроки.

Ограничение прав и свобод личности в период действия особых правовых режимов регулируется федеральными конституционными законами о чрезвычайном [23] и военном положениях [24], а также Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Закон о чрезвычайных ситуациях) [22]. Помимо того, следует подчеркнуть, что к компетенции российского Парламента относится обеспечение единообразия законодательного регулирования в вопросе обеспечения прав и свобод личности в вышеуказанных случаях, что способствует реализации принципа равноправия.

Исследования чрезвычайного законодательства на предмет его актуальности и соответствия духу времени показывают, что среди ученых и профессионального сообщества юристов нет единого мнения в части соответствия действующего чрезвычайного законодательства потребностям общественного развития и повестке, связанной с распространением коронавирусной инфекции. Некоторые ученые отмечают наличие пробелов, коллизий, которые не позволяют делать утверждения о законности и единообразии правового регулирования. Так, по мнению Ю. Л. Воробьева, была проведена трудоемкая работа, направленная на формирование нормативной базы в области чрезвычайного законодательства [3, с. 45]. Как указывает Н. И. Уткин, за последние десятилетия законодателю удалось создать достойную базу по защите от чрезвычайных ситуаций и продолжить активную правотворческую деятельность в данной области [21, с. 116]. Однако К. Назаренко и В. Н. Галочкин обращают внимание на то, что региональное законодательство в этой части повторяет основные положения федерального, не отражая при этом особенностей определенного региона [12, с. 112].

Таким образом, полагаем, что распространение новой коронавирусной инфекции выявило недостатки правового регулирования российского законодательства в сфере обеспечения прав граждан в условиях чрезвычайных ситуаций, актуализировало необходимость его системного анализа и совершенствования.

Результаты и обсуждение

Биолого-социальная чрезвычайная ситуация и угроза чрезвычайной ситуации

К моменту введения в российских регионах режима повышенной готовности, обусловленного новой коронавирусной инфекцией, сфера правового влияния закона о чрезвычайных ситуациях распространялась на регуляцию общественных отношений, связанных с чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, т. е. ситуации, относящиеся к массовому распространению заболеваний, остались за областью его правового регулирования. Законодателем были оперативно внесены изменения в ст. 1 Закона о чрезвычайных ситуациях, которые дополнили определение чрезвычайной ситуации понятием «распространения заболевания», что, с одной стороны, расширило область правового регулирования данного закона, но в то же время преамбула вышеуказанного закона говорила лишь о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, исключая тем самым инфекционные заболевания.

К природной чрезвычайной ситуации относится обстановка на определенной территории или акватории, сложившаяся в результате возникновения источника природной чрезвычайной ситуации (стихийное бедствие, природно-техногенная катастрофа), которая может повлечь или повлекла человеческие жертвы, ущерб здоровью и (или) окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условия жизнедеятельности людей (ГОСТ Р 22.0.03-95) [4]. Техногенная чрезвычайная ситуация — это состояние, при котором в результате возникновения источника техногенной чрезвычайной ситуации (промышленная, радиационная, химическая авария и т. д.) на объекте, территории или акватории нарушаются нормальные условия жизнедеятельности людей, возникает угроза их жизни и здоровью, наносится имущественный ущерб населению, народному хозяйству и окружающей природной среде (ГОСТ 22.0.05-97) [5]. Биолого-социальная чрезвычайная ситуация (далее — биолого-социальная ЧС) — обстановка, при которой в результате возникновения источника биологической чрезвычайной ситуации (опасная инфекция, эпидемии) на определенной территории нарушаются нормальные условия жизнедеятельности людей, существования сельскохозяйственных животных и произрастаний растений, возникает угроза их жизни и здоровью людей, широкого распространения инфекционных болезней, потерь сельскохозяйственных животных и растений (ГОСТ 22.0.04-97) [6].

Исходя из анализа приведенных легальных определений, автор приходит к выводу об их различном содержании и, как следствие, о том, что распространение заболеваний не может относиться ни к природным, ни к техногенным чрезвычайным ситуациям. Таким образом, отсутствие в преамбуле отдельного вида чрезвычайных ситуаций, объединяющих различного рода инфекционные заболевания, несет в себе определенный законодательный пробел и правовую неопределенность, которые могут быть решены дополнением преамбулы понятием «биолого-социальной чрезвычайной ситуации».

Еще одной из существующих проблем, на которую стоит обратить внимание, является проведение разграничений, или юридическое размежевание понятий

режима чрезвычайной ситуации с одной стороны и режима повышенной готовности с другой. По сути, введение режима повышенной готовности обусловлено угрозой наступления чрезвычайной ситуации, а целью установления режима чрезвычайной ситуации является борьба с последствиями, которые чрезвычайная ситуация принесла. Впрочем, если понятие чрезвычайной ситуации содержится в ст. 1 Закона, то правовая дефиниция понятия «угроза чрезвычайной ситуации» отсутствует, что порождает правовую неопределенность и не позволяет установить четкие границы между двумя режимами.

Как нам кажется, одним из способов устранения законодательного пробела может послужить дополнение закона понятием «угроза чрезвычайной ситуации», которую следует рассматривать как обстановку, создающую реальную опасность для жизнедеятельности (граждан) населения, их имущества и окружающей природной среды, повлекшую за собой человеческие потери, ущерб здоровью людей или окружающей среде, материальный вред. Таким образом, благодаря отличительным признакам «угроза чрезвычайной ситуации» позволит установить границы между режимами чрезвычайной ситуации и повышенной готовности.

*Правомерность режима повышенной готовности
и ограничения прав и свобод личности*

Введение режима повышенной готовности сопровождалось вводом ограничительных мер, связанных с ущемлением прав и свобод личности. Неготовность действующего законодательства к сложившейся чрезвычайной ситуации вызвала немало вопросов о правомерности введенного режима повышенной готовности и связанных с ним ограничений [16]. Так, оценивая законность принятых мер [15], а именно введение самого режима и запрета населению покидать пределы своего места жительства, за исключением необходимости получения медицинской помощи, появления в продовольственных магазинах и некоторых других случаев, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил наличие правовой неопределенности в данном вопросе, но указал на то, что ситуация с коронавирусом является экстраординарной, продиктована объективной необходимостью оперативного реагирования, носит временный характер и является одной из форм социальной солидарности, а возможность установления ограничений получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве.

На наш взгляд, выводы, изложенные в постановлении Суда, продиктованы крайней необходимостью, и тем не менее законность принятого судом решения стала предметом обсуждений и полемики как среди профессионального сообщества, так и со стороны средств массовой информации. Обращаясь к данной проблеме, Т. Л. Кукса указывает, что для введения режима чрезвычайного положения за счет средств федерального бюджета потребовалось бы покрыть значительные траты на помощь пострадавшим отраслям экономики и населению. Журналистское сообщество высказало мнение о том, что власть не решилась применять механизмы, которые носили в себе достаточно жесткие меры, чтобы не вызывать беспокойство у общества. Кроме того, предполагалось, что введение особых

правовых режимов станет преградой к проведению выборов и референдумов [11, с. 195]. Юридическим сообществом в подавляющем большинстве также высказывается скепсис относительно правомерности введенного режима и ограничительных мер [7, 10]. Рассуждая вне юридического контекста о непопулярном режиме повышенной готовности, предположим, что распоряжение о децентрализации принятия решений по введению особого правового режима имеет под собой политические и экономические основания, а действия властей направлены на сохранение стабильности политических и экономических процессов в жизни страны. На наш взгляд, органы государственной власти, по сути, приняли на себя ручной режим управления пандемией, реагируя в реальном времени на те или иные изменения, связанные с коронавирусом, в защиту принимаемых мер можно говорить о том, что со стороны государства в большинстве случаев своевременно используется общемировая практика как вводимых обязанностей для граждан и организаций, так и оказываемых им мер поддержки.

Учитывая позицию, выраженную Конституционным Судом, по мнению автора, особый интерес представляет альтернативная позиция, указанная в Определении Верховного Суда РФ от 16 мая 2012 г. № 72-АПГ12-1 [13], согласно которой в Законе о чрезвычайных ситуациях, как и в других нормативных актах Российской Федерации, в рамках аналогичного предмета правового регулирования отсутствуют полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации по введению для населения режима чрезвычайной ситуации, как отсутствует и самое понятие «режим чрезвычайной ситуации» на территории определенных муниципальных районов. Следовательно, по мнению суда, установление для граждан и бизнеса такого режима, который бы ограничивал их права и свободы, недопустимо. Так как федеральное законодательство не содержит порядка введения и отмены такого режима, не устанавливает предельные сроки его действия и не содержит минимального перечня прав граждан и юридических лиц.

Нельзя не обратить внимание на то, что к моменту введения режима чрезвычайной ситуации, рассмотренного в приведенном Определении Верховного Суда, и на момент введения режима повышенной готовности в субъектах Федерации в связи с распространением коронавирусной инфекции компетенция органов государственной власти субъектов Российской Федерации в этой части не изменялась.

Если говорить о возможности ограничения прав и свобод как таковых, то следует отметить, что конституционные права и свободы принято разделять на абсолютные и относительные. Как указывал Н. М. Коркунов, абсолютными правами человека следует считать прирожденные права, независимые от государства, являющиеся безусловными и неприкосновенным для властных структур [10, с. 289]. В ч. 3 ст. 56 российской Конституции 1993 г. содержится запрет на ограничения абсолютных прав. Следовательно, все остальные права именуются относительными, к таким правам в том числе относится и право на свободу передвижения, которое может быть ограничено в целях предотвращения

угрозы жизни и здоровью населения. Как верно отмечает Е. В. Астафьева, подобного рода ограничения прав являются неотъемлемой частью особых правовых статусов и режимов [2, с. 191]. То есть само по себе ограничение относительного права, если присутствует легальный механизм его введения, продления и прекращения, не несет в себе ничего противозаконного.

Рассуждая о правомерности введения в Российской Федерации режима повышенной готовности от 20 марта 2020 г., следует указать, что, учитывая реальный уровень опасности, количество заболевших и погибших, кризис в системе здравоохранения, действующий режим повышенной готовности вызывает множество вопросов. На сегодняшний день единственным нормативным правовым актом в области классификации чрезвычайных ситуаций является Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 (далее — Постановление № 304) [18], классифицирующее чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера по критериям человеческих потерь и (или) материального ущерба. С оговоркой о том, что на чрезвычайные ситуации в лесах, то есть на лесные пожары и последствия борьбы с ними, указанное постановление не распространяется. В соответствии с данным постановлением, говорить о чрезвычайной ситуации федерального уровня (характера) можно в случае, если количество погибших превышает пятьсот человек или такому же числу граждан причинен вред здоровью, или же размер материального ущерба превышает в совокупности 1,2 млрд рублей (пп. «е» п. 1).

В этой связи закономерен вопрос: является ли введенный режим повышенной готовности легальным, учитывая, что Правительством Российской Федерации установлен уровень локального характера, определяемые территориальные границы — не далее организации (объекта), человеческие потери (ущерб здоровью) не более 10, а материальные не более 240 тыс. рублей? К примеру, на момент введения мэром Москвы режима повышенной готовности ущерб здоровью в Москве превышал 10 человек: согласно официальной статистике, по состоянию на 31 марта 2020 г. количество смертей составляло 17 человек, а 22 апреля 2020 г. — уже 500 человек [14, 20], что, по сути, соответствует чрезвычайной ситуации федерального характера на основании подпункта «е» п. 1 Постановления Правительства.

Следовательно, на момент принятия указанного Постановления область правового регулирования Закона о чрезвычайных ситуациях ограничивалась лишь обстоятельствами природного и техногенного характера и не включала в себя биолого-социальные чрезвычайные ситуации, поэтому критериев, указанных в Постановлении, недостаточно, чтобы в полной мере отражать чрезвычайную ситуацию, с которой столкнулось общество в лице COVID-19, однако, в связи с отсутствием иных нормативно-правовых актов, классифицирующих уровни чрезвычайных ситуаций по аналогичным критериям, проведенное сравнение представляется автору обоснованным.

Как нам кажется, несмотря на полномочия органов государственной власти в лице соответствующих должностных лиц, введение особых правовых режимов

в рамках Закона о чрезвычайных ситуациях, а также ограничений относительных правовых свобод граждан, действие таких режимов и ограничений будет нарушать конституционные принципы до тех пор, пока федеральным законодательством не будет предусмотрен четкий механизм введения, продления и прекращения особых режимов чрезвычайных ситуаций. Помимо этого, требуется установить сроки действия особых режимов, содержание ограничения прав и свобод личности. Следуя правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой одним из конституционных принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом является призыв, обращенный к законодателю, об определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования [17], автор приходит к заключению, что Закон о чрезвычайных ситуациях, как и Постановление № 304, нуждаются в корреляции с целью приведения действующего законодательства в соответствие с системой действующего правового регулирования.

На наш взгляд, во-первых, требуется установить классификацию биолого-социальных чрезвычайных ситуаций по видам особых правовых режимов (например, повышенной готовности), с учетом вида (разновидности) территории по аналогии с чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, а также в зависимости от масштабов социального ущерба (количества заболевших или погибших, уровня медицинского обеспечения, уровня опасности заболевания, уровня вакцинации) и экономического ущерба (вреда, нанесенного окружающей природной среде, иного материально-финансового ущерба). Во-вторых, необходимо закрепить, что введение особого правового режима является обязанностью, а не правом уполномоченного органа. В-третьих, необходимо установить, что введение, продление и отмена уполномоченным органом особого правового режима возможно только с одобрения соответствующего законодательным органом. Например, для вступления в силу президентского Указа о введении особого правового режима (чрезвычайной ситуации) необходимо утверждение его Советом Федерации. В-четвертых, временной промежуток действия особого правового режима, введенного в рамках Закона о чрезвычайных ситуациях, должен быть ограничен по аналогии со сроком действия чрезвычайного положения, с возможностью его пролонгации.

Выводы

Таким образом, по мнению автора, пандемия COVID-19 не только обозначила кризис здравоохранения и социальной сферы, но и затронула проблемы обеспечения единой нормативно-правовой регламентации в области чрезвычайного законодательства. По нашему глубокому убеждению, дополнение преамбулы Закона о чрезвычайных ситуациях видом биолого-социальной чрезвычайной ситуации и ст. 1 понятием «угроза чрезвычайной ситуации», совместно с разработкой классификации биолого-социальных чрезвычайных ситуаций, механизма введения, продления и прекращения чрезвычайных ситуаций, срока их

действия, способствуют устранению некоторых законодательных пробелов и укреплению стабильности правовой системы. Вместе с тем проблемы правового регулирования чрезвычайного законодательства подлежат дальнейшему систематическому исследованию, которое впоследствии может поставить вопрос о необходимости наличия двух действующих законов — о чрезвычайном положении и о чрезвычайных ситуациях и, как следствие, привести к необходимости разработки единого законопроекта, позволяющего охватить различные виды чрезвычайных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев Д. А. Проблемы легитимации публичной власти в современной России / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 1. С. 95-111.
2. Астафьева Е. В. Виды ограничений конституционных прав и свобод / Е. В. Астафьева // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. № 4 (12). С. 191-192.
3. Воробьев Ю. Л. Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций: монография / Ю. Л. Воробьев. М.: Финансовый издательский дом «Деловой экспресс», 2000. 248 с.
4. ГОСТ 22.0.03-97 Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Природные чрезвычайные ситуации. Термины и определения. Введ. 16.04.98. М.: Издательство стандартов, 2000.
5. ГОСТ 22.0.05-97 Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения. Введ. 16.04.98. М.: Издательство стандартов, 2000.
6. ГОСТ Р 22.0.04-2020 Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения. Введ. 01.04.21. М.: Стандартинформ, 2020.
7. Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции / Е. Н. Дорошенко // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 48-56.
8. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» / В. М. Абдрашитов, Я. Р. Джамбалаев, А. Е. Епифанов [и др.]. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2012. 640 с.
9. Коновалов А. М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? / А. М. Коновалов // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 32-34.
10. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. Том 1. Введение и общая часть. Изд. 3-е, перераб. 573 с.
11. Кукса Т. Л. Чрезвычайное государственное регулирование распространения COVID-19 в России: бюрократическая логика принятия решений и медиализация

- повседневности в начале пандемии / Т. Л. Кукса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 4. С. 183-203.
12. Назаренко Е. К. К вопросу о законодательном обеспечении защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / Е. К. Назаренко, В. Н. Галочкин // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2013. № 2 (17). С. 106-112.
 13. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2012 № 72-АПГ12-1 «Об отмене решения Забайкальского краевого суда от 30.01.2012 и удовлетворении заявления о признании недействующим постановления губернатора Забайкальского края от 29.12.2009 № 54 (в ред. постановлений губернатора Забайкальского края от 12.04.2010 № 10, от 29.04.2011 № 15, от 28.11.2011 № 31)» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
 14. Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). 2021. URL: <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 08.05.2021).
 15. Постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» // Оф. сайт Правительства Московской области. URL: <https://mosreg.ru/> (дата обращения: 12.03.2020).
 16. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области „О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области“ в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть II). Ст. 289.
 17. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона „О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан“ в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 2089.
 18. Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2640.
 19. Советов И. К. Публичная власть в России по Конституции 2020 года / И. К. Советов // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 43-52.
 20. Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 14. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43503220/>
 21. Уткин Н. И. Обзор законодательства в сфере пожарной безопасности, гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций / Н. И. Уткин,

- С. Б. Немченко // Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2014. № 4. С. 105-117.
22. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
23. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2001. № 23. Ст. 2277.
24. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

Maxim S. DEMCHENKO¹

UDC 342.7

**URGENT ISSUES OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD
OF PROTECTION OF POPULATION AND TERRITORIES
IN EMERGENCY SITUATIONS**

¹ Postgraduate student
of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines
of University of Tyumen
max-de.demchenko@ya.ru; ORCID: 0000-0001-7720-515X

Abstract

On January 30, 2020, the spread of a new coronavirus infection was declared an international emergency by the World Health Organization. The state authorities of the Russian Federation have developed measures aimed at minimizing and eliminating the consequences caused by coronavirus infection, which in turn caused the need for rapid changes and additions to the regulatory framework in the field of protecting the population and territories from emergency situations.

The question on the features of the emergency and high-alert mode, as well as the legality of restrictions on individual rights and freedoms introduced in the high-alert mode, has caused a scientific discussion in the field of protecting the population and territories from emergency situations. In this article, the author examines changes in legislation in this field, offers his interpretation of the basis and features of the legal regulation of the high-alert mode and restrictions on the rights and freedoms of an individual associated with the spread of the COVID-19 coronavirus infection.

According to the author, taking into account the current epidemiological situation, Federal Law No. 68-FZ of December 21, 1994, “On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies” needs prompt and consistent changes in order to fully and comprehensively ensure the rights and freedoms of an individual. For example, it is necessary to introduce the concept of a biological and social emergency as one of the

Citation: Demchenko M. S. 2021. “Urgent issues of legal regulation in the field of protection of population and territories in emergency situations”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 220-234.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-220-234

types of emergency situations that fall under legislative regulation. Analyzing the current legislation for legality of the introduced high-alert mode and restrictions on individual rights and freedoms, it is concluded that the existing mechanism for restricting individual rights and freedoms does not fully comply with the Constitution of the Russian Federation. Regarding the current epidemiological situation, it should be considered as an emergency situation with the need for introducing an appropriate mode.

The research methodology is based on both general scientific and specific scientific methods of cognition: formal-logical, systematic, formal-legal, comparative, dialectical, predictive, modeling method, etc.

Keywords

Emergency mode, high-alert mode, special legal regimes, protection of population and territories, restriction of rights and freedoms, COVID-19.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-220-234

REFERENCES

1. Avdeev D. A. 2021. "Legitimation problems of public government in modern Russia". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 1 (25), pp. 95-111. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-1-95-111 [In Russian]
2. Astafyeva E. V. 2006. "Types of restrictions of constitutional rights and freedoms". Izvestiya of the Orenburg State Agrarian University, no. 4 (12), pp. 191-192. [In Russian]
3. Vorobyev Yu. L. 2000. Fundamentals of the formation and implementation of state policy in the field of reducing the risks of emergency situations: Monograph. Moscow: Delovoy Express. 248 pp. [In Russian]
4. GOST 22.0.03-97. 2000. Safety in emergency situations. Natural emergencies. Terms and definitions. Moscow: Izdatelstvo standartov. [In Russian]
5. GOST 22.0.05-97. 2000. Safety in emergency situations. Man-made emergencies. Terms and definitions. Moscow: Izdatelstvo standartov. [In Russian]
6. GOST R 22.0.04-2020. 2020. The national standard of the Russian Federation. Safety in emergency situations. Biological and social emergencies. Terms and Definitions. Moscow: Standartinform. [In Russian]
7. Doroshenko E. N. 2020. "Constitutional law foundations for the restriction of human rights in connection with the new COVID-19 pandemic". Actual problems of Russian Law, no. 12, pp. 48-56. [In Russian]
8. Abdrashitov V. M., Dzhambalaev Ya. R., Epifanov A. E., et al. 2012. Commentary to Federal Constitutional Law no. 3-FKZ of May 30, 2001 "On the State of Emergency". Saratov: Ay Pi Er Media. 640 pp. [In Russian]
9. Konovalov A. M. 2020. "Is it legal to introduce a high-alert mode and the restrictions of rights and freedoms that followed it on the territories of the subjects of the Russian Federation?". State power and local self-government, no. 7. pp. 32-34. [In Russian]
10. Korkunov N. M. 1899. Russian State Law. Volume 1. Introductory and Main Part. 3rd edition: revised. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 573 pp. [In Russian]

11. Kuksa T. L. 2020. "Emergency state regulation of the spread of COVID-19 in Russia: The bureaucratic logic of decision-making and the medicalization of everyday life at the beginning of a pandemic". *Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 4, pp. 183-203. [In Russian]
12. Nazarenko, E. K., Galochkin V. N. 2013. "On the issue of legislative provision of protection of the population and territories from emergency situations". *Scientific and education issues of civil defense*, no. 2 (17), pp. 106-112. [In Russian]
13. ConsultantPlus legal reference system. On the reversal of the decision of Zabaikalsky Krai Court of 30 January 2012 and on the approval of submission on repealing of resolution of the Governor of Zabaikalsky Krai of 29 December 2009 no. 54 (in editing of resolutions of the Governor of Zabaikalsky Krai of 12 April 2010 no. 10, 29 April 2011 no. 15, 28 November 2011 no. 31): The RF Supreme Court Determination of 16 May 2012 no. 72-APG12-1. [In Russian]
14. Official Website of Informing Citizens about Issues Concerning COVID-19. 2021. Accessed on 8 May 2021. <https://стопкоронавирус.рф> [In Russian]
15. Official Website of Moscow Oblast Government. On the implementation of a high-alert mode in the Moscow region for the management bodies and forces of the Moscow regional emergency prevention and response system and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) on the territory of the Moscow region: Resolution of the Governor of the Moscow region of March 12 2020 no. 108-PG. Accessed on 12 March 2020. <https://mosreg.ru/> [In Russian]
16. Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1 (part 2). Art. 289. In case of examination of constitutionality of sub-paragraph 3 of paragraph 5 of the resolution of the Governor of the Moscow region "On the implementation of a high-alert mode in the Moscow region for the management bodies and forces of the Moscow regional emergency prevention and response system and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) on the territory of the Moscow region" in accordance with an inquiry of Protvinsk town court of the Moscow region: Judgement of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 December 2020 in case no. 49-P. [In Russian]
17. Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 18. Art. 2089. In case of examination of constitutionality of paragraph 2 of article 1 of Federal Law "On horticultural and suburban non-profit associations of citizens" in accordance with appeal letters of various citizens: Judgement of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 April 2008 in case no. 7-P. [In Russian]
18. Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 22. Art. 2640. On the classification of natural and man-made emergencies: Decree of the Government of the Russian Federation of 21 May 2007 no. 304. [In Russian]
19. Sovetov I. K. 2020. "Public power in Russia under the 2020 Constitution". *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, no. 3 (87), pp. 43-52. [In Russian]
20. Bulletin of the Mayor and Government of Moscow. 2020. On the implementation of high-alert mode: Decree of the Mayor of Moscow of 5 March 2020 no. 12-UM. No. 14. Accessed on 10 December 2021. <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43503220/>
21. Utkin, N. I. Nemchenko S. B. 2014. "Reviewed legislation in field of fire safety, civil defense and disaster management". *Bulletin of Saint Petersburg State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*, no. 4, pp. 105-117. [In Russian]

22. Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. Art. 3648. On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies: Federal Law of 21 December 1994 no. 68-FZ. [In Russian]
23. Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2277. On the state of emergency: Federal Constitutional Law of 30 May 2001 no. 3-FKZ. [In Russian]
24. Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 5. Art. 375. On the martial law: Federal Constitutional Law of 30 January 2002 no. 1-FKZ. [In Russian]

Александр Владимирович ЛЕЙС¹

УДК 342.25

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В НОВЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ

¹ аспирант Юридического института,
Российский университет дружбы народов (г. Москва)
1042200128@pfur.ru; ORCID: 0000-0002-8844-8189

Аннотация

В 2020 г. в России была проведена конституционная реформа, положения которой существенным образом затронули регулирование местного самоуправления, а также всей системы государственного устройства страны. На первый взгляд, изменения не носят фундаментально нового характера, поскольку многие из них являются закреплением положений действующего законодательства или сформировавшейся политики государства. Тем не менее конституционные нормы значительно расширяют дискреционные полномочия органов государственной власти, что может привести к недостатку конституционной гарантированности отдельных институтов.

Появление в тексте конституции единой системы публичной власти — одно из важнейших изменений, способных повлиять на будущее местного самоуправления в России. Органы публичной власти входят в систему на основе принципов согласованного взаимодействия и координации деятельности в интересах населения.

Новизна статьи определяется комплексным подходом к исследованию сущности единой системы публичной власти, отведению гражданам центрального места в системе, а также введению в понятийный аппарат категории «единая система органов публичной власти». Основные изменения рассматриваются сквозь призму повышения уровня вовлеченности граждан в участие в местном самоуправлении, что положительным образом скажется на правовой культуре общества. Затрагиваются проблемы осуществления местного самоуправления на федеральных территориях, предлагаются возможные пути совершенствования законодательства. Анализируется американский

Цитирование: Лейс А. В. Местное самоуправление в новых конституционных условиях / А. В. Лейс // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 235-252.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-235-252

опыт регулирования местного самоуправления и подходы к месту муниципальных органов власти в федеративной системе.

Формально-юридический метод, являясь базовым для юридической науки, будет применяться для исследования сущности местного самоуправления и места граждан в системе публичной власти на основе изучения и толкования норм отечественного законодательства. При применении элементов сравнительно-правового метода будет рассмотрена взаимосвязь между подходами в понимании отдельных вопросов публичной власти в России и США.

Ключевые слова

Федерализм, местное самоуправление, народовластие, публичная власть, конституционная реформа, единая система публичной власти, единая система органов публичной власти.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-235-252

Введение

Местное самоуправление — неотъемлемый институт любого современного демократического общества. Являясь одной из форм народовластия, оно составляет право граждан участвовать в управлении государством [3].

Особая важность данного института связана с его непосредственной близостью к каждому отдельному гражданину и народу как политической общности в целом. Именно на местном уровне, в конкретных населенных пунктах, человек получает базовые услуги, как то дошкольное и школьное образование, медицинская помощь, услуги ЖКХ, передвижение на общественном транспорте и многое другое.

Невозможно обеспечить надлежащее решение вопросов местного значения без функционирования особой подсистемы публичной власти, обособленной от государственной власти, в силу природы тех вопросов, которые реализуются на местном уровне. Тем не менее местное самоуправление существует постольку, поскольку существует государство; осуществляется в рамках той правовой системы, которая определяется действующим законодательством. Реализация государственных задач и вопросов местного значения не противопоставляются друг другу, а реализуются органами публичной власти в их взаимодействии, поскольку все они в конечном счете преследуют одну цель — благосостояние граждан.

В настоящее время граждане различных государств всё больше выражают недовольство состоянием демократических институтов и демократии в целом. Демократическая модель всё чаще строится на институтах представительства, при которых граждане делегируют свои полномочия демократически избранным представителям. Подобные условия всё больше отдаляют граждан от прямого участия в управлении государством. Кроме того, возникает проблема подконтрольности избранных представителей своим избирателям.

Потребность человека в непосредственном участии в политической жизни общества, в управлении государством заложена в его сущности, о чем еще в IV в. до н. э. говорил Аристотель [15]. Власть (в том числе политическая) является одной из психологических движущих сил людей, что признано многими видными философами и учеными-психологами, среди которых Фридрих Ницше, Альфред Адлер, Виктор Франкл [21]. Именно поэтому политические права признаются за каждым человеком как естественные (неотъемлемые) [2].

Вовлеченность граждан в процесс принятия решений, непосредственно влияющих на их благосостояние и жизнедеятельность, является необходимым условием устойчивого развития общества [17]. Однако на сегодняшний день очевидно, что в рамках такого государства, как Российская Федерация, невозможно обеспечить достаточное прямое участие граждан в процессах принятия властных решений федерального или регионального уровней. При этом такого участия возможно достичь на местном уровне, наиболее приближенном к гражданам.

Местное самоуправление в России гарантируется Конституцией 1993 г. и Европейской хартией 1985 г., нормы которой составляют часть отечественной правовой системы. Упразднение местного самоуправления в России возможно только с принятием новой конституции, но изменение основных принципов функционирования данного института достижимо путем внесения изменений в главу 8 Конституции РФ и федеральное законодательство, что и происходило на протяжении последних 5 лет и было закреплено в ходе конституционной реформы 2020 г.

На первый взгляд, положения проведенной в России конституционной реформы лишь зафиксировали те тенденции, которые наблюдались в организации местного самоуправления: вектор на укрупнение муниципальных образований, большее участие государственных органов в формировании органов местного самоуправления, осуществление более интегрированного взаимодействия между органами власти всех уровней [13]. С другой стороны, нововведения во многом носят бланкетный характер, еще больше расширяя дискреционные полномочия федерального законодателя по изменению принципов организации и осуществления местного самоуправления в РФ. Допустимо предположение, что толкования Конституционного Суда РФ (КС РФ) по основным вопросам функционирования местного самоуправления могут быть пересмотрены в условиях существенного изменения конституционного текста.

В связи с этим, с учетом важности местного самоуправления в демократическом государстве, а также продолжающейся реформы местного самоуправления, необходимо исследовать условия и перспективы развития данного института в Российской Федерации.

Методология исследования

В рамках данного исследования используются как общенаучные, так и специально-юридические методы, в совокупности позволяющие определить современное состояние местного самоуправления и перспективы его развития в новых конституционных условиях.

Исследование проводится в рамках социокультурного подхода, что поможет определить место граждан в единой системе публичной власти в РФ, существование которой невозможно без их активного участия.

Формально-юридический метод, являясь базовым для юридической науки, применяется для исследования сущности местного самоуправления и участия граждан в нем на основе изучения и толкования отечественного законодательства.

В целях определения соответствия принимаемых в РФ изменений сущности местного самоуправления используется сравнительно-правовой подход, а именно анализируется правовой опыт США по организации отдельных вопросов публичной власти в стране. Интерес к американской системе публичной власти обусловлен тем, что при отличии американского и российского федерализма институт местного самоуправления существует в обоих государствах, а его правовое регулирование во многом пересекается. Помимо этого интерес к опыту США вызван особой стабильностью (отсутствием существенных реформ) организации публичной власти в стране, чего Российской Федерации еще только предстоит достичь.

Результаты и обсуждение

Местное самоуправление в единой системе публичной власти

Появление в конституционном тексте данной категории является одним из самых обсуждаемых нововведений конституционной реформы 2020 г.

В первую очередь она призвана подчеркнуть взаимозависимость между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Эта зависимость обусловлена федеративным устройством РФ, в силу которого требуется учет интересов как федерального (общероссийского) значения, так и регионального и местного уровней.

В соответствии со ст. 3 Конституции РФ, органы публичной власти производны от власти многонационального народа РФ, являются формой народовластия [6]. Однако они наделены собственными компетенцией и полномочиями, выступают самостоятельными субъектами правоотношений. Граждане сохраняют возможность участвовать в формировании таких органов, а также контролировать их деятельность.

В рамках своих полномочий органы власти руководствуются главной целью — обеспечением интересов населения. Как уже было отмечено, в условиях федеративного государства существует необходимость координации действий органов власти и осуществления согласованного взаимодействия между ними.

Федеральными органами государственной власти разрабатываются и реализуются федеральные программы развития различных сфер жизни общества, территорий. Региональные органы государственной власти обеспечивают достижение целей указанных программ и, в свою очередь, разрабатывают аналогичные программы, исходя из особенностей конкретных регионов.

Органы местного самоуправления расположены ближе всего к гражданам среди всех органов публичной власти, что опосредует характер вопросов, на-

ходящихся в их ведении. Вопросы местного значения характеризуются тем, что их реализация осуществляется, как правило, в границах относительно небольших территорий населенных пунктов и межселенных территорий, обеспечивая комфортное проживание граждан в соответствии с требованиями законодательства и программ развития, а также с учетом местных социальных и экономических особенностей, традиций.

Конституционный Суд РФ в Заключении по поправкам в Конституцию РФ 2020 г. особенно подчеркивает, что местное самоуправление является составной частью публичной власти в силу конституционных положений, а взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти осуществляется в целях комплексного развития территорий государства [4].

Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления не умаляет конституционно гарантированной самостоятельности последних, а является необходимым условием функционирования любого федеративного государства.

Особый статус власти местного самоуправления обусловлен прежде всего общественными отношениями, составляющими ее предмет. Вопросы местного значения по своей сущности предполагают большую вовлеченность граждан в процесс формирования местных органов власти и принятия ими решений. Об этом свидетельствует необходимость учета мнения населения по многим вопросам. Тем не менее решение муниципальных задач осуществляется в рамках единой государственной политики с учетом региональных и местных особенностей.

Помимо прочего, органы местного самоуправления осуществляют отдельные государственные полномочия, что определяет их подконтрольность и подотчетность органам государственной власти, передавшим такие полномочия. Над органами местного самоуправления сохраняется государственный контроль и надзор за соблюдением ими законов. Однако в любом случае должен соблюдаться принцип невмешательства иных субъектов в самостоятельное осуществление органами местного самоуправления своих полномочий.

Взаимодействие также наблюдается в рамках региональных законодательных процессов. Во-первых, представительные органы местного самоуправления наделены правом предлагать свои законодательные инициативы. Во-вторых, органы местного самоуправления участвуют в обсуждении региональных законов, затрагивающих их компетенцию, стратегии социально-экономического развития регионов. Такое взаимодействие может быть реализовано, например, в рамках советов муниципальных образований, образование которых обязательно в каждом регионе [5].

Органам государственной власти субъектов РФ делегированы широкие полномочия по организации муниципальной власти на своих территориях. Система местного самоуправления интегрирована в систему публичной власти таким образом, что органы государственной власти участвуют в формировании органов местного самоуправления.

Участие органов государственной власти не является решающим, однако закон субъекта при его формальном соответствии действующему законодательству может

существенно влиять на демократичность муниципальных институтов. Региональный законодатель может ограничивать прямое участие граждан в местном самоуправлении, избрав отличные от выборов способы формирования муниципальных органов власти или отказавшись от двухуровневых муниципалитетов.

Применение конкурсных процедур в процессе избрания главы муниципального образования, а также формирование представительных органов муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением на основе косвенных выборов фактически ограничивают принцип народовластия там, где он должен проявляться в наибольшей степени.

С введением ч. 1.1 ст. 131 Основного закона фактически были расширены и без того дискреционные полномочия органов государственной власти в области организации муниципального уровня публичной власти. Основная проблема такого правового регулирования заключается в появлении неопределенностей в допустимой степени вовлеченности государственной власти в процесс формирования органов местного самоуправления.

В настоящее время Государственной Думой рассматривается проект федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — законопроект), положения которого обновляют организацию публичной власти в РФ с учетом конституционных изменений 2020 г. [10].

В контексте местного самоуправления наиболее существенным изменением является расширение ответственности органов местного самоуправления перед органами государственной власти субъектов РФ в сфере осуществления делегированных на муниципальный уровень отдельных государственных полномочий: высшее должностное лицо субъекта РФ наделяется полномочиями по вынесению предупреждения и объявлению выговора главам муниципальных образований и местных администраций (п. 12 ст. 25 законопроекта), вводится дополнительное основание для отрешения их от своих должностей (п. 13 ст. 25 законопроекта). Кроме того, повышается юридическое значение оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Систематическое невыполнение показателей эффективности признано в качестве основания для обращения высшего должностного лица субъекта РФ в представительный орган муниципального образования с инициативой об удалении главы муниципального образования в отставку (п. 14 ст. 25 законопроекта) [10].

Предлагаемые нововведения согласуются с сущностью единой системы публичной власти, в которой центральное место занимает взаимодействие всех ее элементов.

Примечательно, что аналогичное правовое регулирование существует в США, отличающейся стабильностью собственной модели организации публичной власти.

Поскольку Конституция США не регулирует вопросы местного самоуправления, данная сфера является исключительной компетенцией штатов. Если в отдельных штатах местному самоуправлению отводится особое место в систе-

ме государственного устройства, а за гражданами признается естественное право на местное самоуправление [20], то в большинстве местные органы власти признаются территориальными органами государственной власти штата, наделенными полномочиями на основании решений законодательных собраний штатов [14]. При первой модели муниципалитеты наделяются собственными полномочиями в силу особого характера вопросов местного значения [20]. Местные органы власти обладают максимальной самостоятельностью при решении таких вопросов, что, однако, не относится к решению вопросов государственного характера. Вторая модель характеризуется большим вовлечением органов государственной власти штатов в процесс формирования местных органов власти. При этом в отношении вопросов местного значения местные органы, как и в первой модели, обладают определенной самостоятельностью, а органы государственной власти штатов не вправе вмешиваться в их деятельность (например, отменять решения по вопросам местного значения) [14, с. 129].

При реализации муниципалитетами полномочий государственного характера штат в лице своих органов вправе осуществлять полный контроль за местными органами власти, поскольку именно штат наделяет их подобными полномочиями. Данное правило относится к обеим доктринам. Причем степень контроля не ограничена законодательно, что является особенностью американской модели местного самоуправления, поскольку оно прямо не гарантируется Конституцией США, не регулируется федеральным законодательством, а находится в ведении штатов, осуществляется на основании их конституций или законов [14, с. 129].

Таким образом, выполнение органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий требует особого государственного контроля, а введение дополнительных мер ответственности не нарушает принцип самостоятельности муниципальной власти в рамках своих полномочий, поскольку речь идет о государственных полномочиях.

Федеральный законодатель следует правовой позиции КС РФ о недопустимости решающего воздействия органов государственной власти по формированию органов местного самоуправления, что, несомненно, является положительным моментом [9].

Граждане — основной субъект публичной власти

Поскольку единственным источником власти в стране выступает многонациональный народ, то именно он, в том числе в лице отдельных граждан, выступает связующим звеном в единой системе публичной власти. Именно народ является основным субъектом публичной власти, осуществляя ее в формах прямой и представительной демократии. В обоих случаях народ выступает активным субъектом, а не становится объектом по отношению к органам власти, поскольку граждане способны участвовать в принятии властных решений [8].

Необходимо отметить, что публичная власть может осуществляться как коллективно, так и единолично гражданами. Как указал КС РФ в Заключении

по поправкам в Конституцию РФ 2020 г., местное самоуправление является коллективной формой выражения власти местного сообщества как части многонационального народа РФ, но в то же время в рамках такой коллективной формы публичной власти каждый гражданин наделен индивидуальными правами [4]. Так, например, в рамках местного референдума решение принимается от имени населения муниципального образования, тем не менее коллективное решение невозможно без индивидуального участия каждого гражданина. Граждане в рамках конкретных муниципалитетов в своей совокупности образуют такой коллективный субъект, как население муниципальных образований, а в рамках всего государства — многонациональный народ РФ.

В ст. 2 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 № 394-ФЗ (далее — закон о Госсовете) единая система публичной власти раскрывается через перечисление основных ее субъектов и указания на их взаимодействие в интересах граждан [11]. Так, субъектами публичной власти в государстве признаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы и органы местного самоуправления.

Неясно, почему в указанном определении не указаны граждане в качестве самостоятельного субъекта. КС РФ неоднократно подчеркивал, что единая система публичной власти является производной от власти многонационального народа РФ, являющегося ее источником, и одновременно с этим осуществляющий свою власть самостоятельно. Неслучайно КС РФ ранее использовал более понятную категорию «единая система народовластия», которая точно отражает суть публичной власти [8].

Активное участие граждан в принятии властных решений, особенно на уровне местного самоуправления, является ключевым элементом гражданской идентичности, когда население выступает не просто объектом муниципальных правоотношений, а их неотъемлемым субъектом. Системная реализация гражданами своих прав по участию в муниципальной демократии будет способствовать формированию культуры в обществе, а близость местных органов власти к населению дает им реальную возможность заниматься правовым просвещением, создавать инфраструктуру гражданского общества в местах проживания граждан. Примечательно, что на сегодняшний день институционализация гражданского общества переживает кризис в странах с развитой демократической культурой (например, США) [18]. Популярность набирают так называемые «городские практики», то есть неправовые формы самоорганизации граждан в целях улучшения условий городской среды, а значит и решения вопросов местного значения [7].

Разумеется, городские практики важны, и гражданам следует использовать весь спектр предоставленных им прав для участия в местном самоуправлении. Однако подобная активность в большинстве случаев не является систематической, а число граждан, не просто заинтересованных, но и участвующих в городских практиках, невелико.

В современных российских реалиях граждане не проявляют достаточной инициативности на муниципальном уровне, что может быть обусловлено, в

частности, недостаточным просвещением по вопросу их прав в осуществлении местного самоуправления, в связи с чем развитие институтов прямой демократии нуждается в содействии органов публичной власти [16].

Участвуя в местном самоуправлении, граждане взаимодействуют с органами местного самоуправления при принятии последними властных решений, что обеспечивает учет интересов населения. Любая социальная активность граждан, пусть даже «низовая», если ее целью является улучшение качества жизни граждан, есть проявление местного самоуправления, что должно поддерживаться со стороны муниципалитетов, а не рассматриваться в качестве выражения несогласия, протеста [7, с. 72]. Именно такой концептуальный подход со стороны органов власти позволит достичь благосостояния населения, целей устойчивого развития, развить правовую культуру общества, которая характеризуется активным использованием гражданами своими правами, а не только пассивным соблюдением законов. Граждане являются не только формальным источником публичной власти в РФ. Они, как равноправный субъект публичной власти, осуществляют свою власть в формах прямой и представительной демократии, но в любом случае во взаимодействии с органами публичной власти.

Кроме того, отдельные публичные функции в стране осуществляют и иные субъекты, не являющимися органами власти, такие как нотариальные и адвокатские учреждения, государственные внебюджетные фонды и др. [1].

Таким образом, в рамках единой системы публичной власти можно выделить следующих основных субъектов:

- 1) граждане (в том числе как многонациональный народ РФ и население отдельных муниципальных образований);
- 2) органы государственной власти;
- 3) органы местного самоуправления;
- 4) иные лица, осуществляющие публичные функции.

В условиях правового государства, в котором народ не просто признается источником власти в стране, но и принимает активное участие в осуществлении этой власти, невозможно выведение его за скобки единой системы публичной власти. Каждый субъект занимает конституционно определенное место в функционировании государства и его институтов.

В связи с этим, дефиниция единой системы публичной власти, установленная в законе о Госсовете, видится неполноценной с точки зрения сущности рассматриваемой категории, что можно исправить путем введения категории «единая система органов публичной власти», которая полностью соответствовала бы логике законодателя. В ст. 2 Закона о Госсовете следует также указать на центральную роль граждан в единой системе публичной власти.

Территориальная организация местного самоуправления

Институт территориальных основ местного самоуправления был подвергнут существенным изменениям в ходе конституционной реформы 2020 г. До принятия и вступления в силу поправок в ч. 1 ст. 131 Конституции РФ был закреплен по-

селенческо-территориальный принцип, согласно которому базовой единицей местного самоуправления выступали сельские и городские поселения. Их особенностью является наибольшая близость муниципальных органов публичной власти к гражданам, что согласуется с сущностью местного самоуправления как института народовластия. Полный отказ от поселений не допускался. Данная норма выступала гарантией доступности местного самоуправления для населения.

Существенным изменением конституционных положений является исключение из ч. 1 ст. 131 Конституции РФ гарантии сохранения поселений в качестве первичной и основной единицы местного самоуправления в России. Взамен были существенным образом расширены дискреционные полномочия федерального законодателя по определению видов муниципальных образований. И, хотя в законодательство еще не вносились изменения о видах муниципальных образований, организация местного самоуправления в рамках поселений в перспективе может быть существенно ограничена.

Приведенное изменение в целом согласуется с политикой укрупнения муниципалитетов, перехода от двухуровневой модели местного самоуправления к одноуровневой, увеличению элементов централизации, что объясняется экономической и административной целесообразностью. Вместе с тем органы местного самоуправления значительно отдаляются от граждан, что усложняет вовлечение последних в местное самоуправление.

Полный отказ от поселений невозможен и недопустим и после конституционных изменений, что, прежде всего, обусловлено обозначенной особенностью местного самоуправления как наиболее близкого к населению уровня публичной власти. Организация местного самоуправления в рамках крупных одноуровневых муниципальных образований может негативно сказаться на жизни граждан, развитии отдельных населенных пунктов и отдаленных территорий, а также на развитии демократических институтов гражданского общества в стране. Искажение исторически сложившейся модели территориального устройства публичной власти и самоорганизации граждан в России перечеркнет опыт местного самоуправления [8].

Другим значимым изменением текста Конституции РФ можно считать появление в ч. 1 ст. 67 такого публично-правового образования, как федеральные территории, создание которых возможно на основании федерального закона. Федеральные территории входят в состав субъектов федерации, но наделяются особым правовым статусом. В настоящее время на основании ФЗ «О федеральной территории „Сириус“» от 22.12.2020 № 437-ФЗ на территории РФ создана первая федеральная территория [12]. Тем не менее существует ряд вопросов к правовому регулированию данного публично-правового образования.

Во-первых, органы публичной власти федеральной территории «Сириус» обладают смешанным правовым статусом, поскольку наделены компетенцией как органов государственной власти, так и местного самоуправления. Если данный тезис верен, то подобная ситуация противоречит ст. 12 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления самостоятельны в рамках своих полномочий и не входят в систему органов государственной власти.

В соответствии со ст. 2 закона о Госсовете, в единую систему публичной власти (ее органов) входят «иные государственные органы», к которым, судя по всему, следует отнести органы публичной власти федеральной территории «Сириус» [11]. Иное означало бы, что они не входят в данную систему, поскольку не относятся ни к одной категории органов публичной власти, что недопустимо. Вероятно, законодатель целенаправленно не стал использовать формулировку «государственные органы» в отношении органов власти федеральной территории «Сириус», чтобы придать таким органам статус, отличный от государственного, в связи с отказом от формирования органов местного самоуправления в рамках данного публично-правового образования.

Во-вторых, федеральная территория не наделяется статусом субъекта РФ, но ее органы публичной власти на основании федерального закона осуществляют широкий спектр полномочий, органов государственной власти как федерального, так и регионального уровней; полномочий РФ, Краснодарского края, переданных отдельными нормативными актами, полномочий местного самоуправления.

В соответствии с ч. 3 ст. 5 Конституции РФ, федеративное устройство строится на разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ. Недопустимо создание публично-правовых образований, которые противопоставляются федерации или ее субъектам. Другими словами, федеральная территория в рамках действующего федеративного устройства РФ может существовать только в качестве составляющей того или иного субъекта федерации. Государственная власть в рамках федеральной территории может осуществляться только органами государственной власти федерального или регионального уровня. Законом может быть определено их взаимное участие в формировании органов власти федеральной территории. Для решения вопросов местного значения, даже если их перечень будет сокращен по сравнению с другими муниципалитетами, должны быть сформированы органы местного самоуправления.

Действующим законодательством на органы публичной власти федеральной территории «Сириус» возложены полномочия по осуществлению как государственной власти, так и власти муниципальной.

Данный факт не согласуется с положениями главы 1 Конституции РФ. Органы публичной власти федеральной территории должны входить в систему органов государственной власти субъекта РФ на основании ч. 3 ст. 5, ч. 2 ст. 11 Конституции РФ. Недопустима ситуация, при которой законодательство субъекта РФ не распространяется на часть его территории, поскольку федеральная территория в любом случае входит в состав субъекта РФ, обладает вторичным правовым статусом, поскольку не является равноправным субъектом федерации и составляющей российского государства на основании ч. 1 ст. 5 Конституции РФ.

Поскольку федеральная территория представляет особый экономический и социальный интерес, то ее развитие должно происходить в допустимых формах. В Конституции РФ целесообразно предусмотреть основные принципы организации федеральных территорий в РФ. Большая роль здесь должна отводиться

соглашению между РФ и субъектом РФ о перераспределении полномочий в рамках федеральной территории.

В такой ситуации предпочтительнее организовать публичную власть в рамках федеральной территории «Сириус» по аналогии с городами федерального значения (но с отличным правовым статусом), что предусматривало бы как создание специальных органов государственной власти Краснодарского края на данной территории, формируемых при значительном участии федеральных органов государственной власти, так и создание органов местного самоуправления, но с ограниченными полномочиями, например с отсутствием необходимости формировать местную администрацию. Такой порядок формирования не нарушал бы самостоятельности органов публичной власти ни одного из уровней, но предполагал особый характер их взаимодействия. Кроме того, можно воспользоваться опытом создания в РФ наукоградов и ЗАТО.

Выводы

Публичная власть в Российской Федерации осуществляется в рамках единой системы, основными субъектами которой выступают граждане и органы публичной власти, которые, в свою очередь, составляют единую систему органов публичной власти. Единая система публичной власти основана на принципе взаимодействия всех перечисленных субъектов в целях обеспечения благосостояния населения, безопасности государства, развития территорий и т. д.

Конституционная реформа 2020 г. внесла немало изменений, которые могут по-разному отразиться на будущем местного самоуправления, составляющих данного института, а также всей государственной системы. Ее положения еще только предстоит раскрыть в законодательстве, что требует предельной точности в формулировках, дабы не вступить в противоречие с уже действующими правовыми нормами, а законодательство было максимально доступным для понимания.

Местное самоуправление, являясь важным институтом демократического государства, а также основой конституционного строя, должно развиваться вместе со всей системой государственного устройства. Вновь принятые нормы не должны вступать в противоречие с сущностью местного самоуправления как наиболее близкого и доступного для населения уровня публичной власти, которому должна быть свойственна высокая инициативность граждан, отражающая высокий уровень культуры общества. Именно местное самоуправление должно стать основой взаимодействия общества и государства в рамках единой системы публичной власти. На органы местного самоуправления ложится ответственность по вовлечению граждан в управление делами государства, созданию условий для такого вовлечения: правовое просвещение, создание соответствующей инфраструктуры, улучшение качества правового регулирования на муниципальном уровне.

На законодательном уровне требуется прояснить место граждан в системе публичной власти, особо подчеркнув дуализм их правового статуса, вытекающего из основ конституционного строя РФ. С одной стороны, граждане являются источником власти в стране, делегируют свою власть органам государственной

власти и органам местного самоуправления. Но также выступают активным субъектом права, наделены полномочиями по непосредственному осуществлению государственной власти, и в особенности местного самоуправления.

Необходимо помнить, что публичная власть осуществляется в интересах общества, властные решения должны приниматься с учетом мнения населения. Такой учет должен производиться не формальным проведением различных процедур, как то публичные слушания или опросы, но внесением конкретных изменений, исходя из выявленного мнения граждан.

Появление новых публично-правовых образований на территории РФ должно согласовываться с ее федеративным устройством, сформированной и стабильно функционирующей системой публичной власти. Должен соблюдаться конституционный принцип осуществления местного самоуправления на всей территории РФ органами местного самоуправления, не входящими в систему органов государственной власти и обладающими собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Именно поэтому правовой статус федеральных территорий должен быть существенно доработан. Единственно верным путем будет закрепление в Конституции РФ основ правового статуса федеральных территорий, принципов организации в них публичной власти.

Так, федеральные территории должны не противопоставляться субъектам федерации, а функционировать в качестве особых административно-правовых единиц в их составе. Органы публичной власти федеральной территории должны формироваться с участием федеральных органов государственной власти, но не противопоставляться органам государственной власти субъектов РФ. Подобная практика будет соответствовать функционированию существующих в РФ особых административно-территориальных образований. Выведение органов публичной власти федеральной территории за рамки единой системы публичной власти в субъектах федерации невозможно в силу положений ч. 1 Конституции РФ.

Формирование федеральной территории в субъекте РФ должно осуществляться не только на основе федерального закона, но и соглашения между РФ и субъектом РФ (по аналогии с федеративным договором). В таком случае можно предусмотреть модель, при которой органы власти федеральной территории формируются исключительно федеральными органами государственной власти.

Кроме того, нормы новых федеральных законов должны согласовываться между собой. Так, требуют согласования положения законов о Госсовете и федеральной территории «Сириус» относительно субъектов единой системы публичной власти. Представляется важным закрепление в законе о Госсовете категории «единая система органов публичной власти» вместо единой системы публичной власти, что обусловлено целями функционирования Государственного совета РФ как совещательного института, координирующего деятельность всех уровней публичной власти.

Конституция РФ гарантирует право на местное самоуправление, что является принципиальным отличием от американской модели и позволяет избежать необо-

снованного ограничения (лишения) прав граждан со стороны субъектов РФ. Однако действующее правовое регулирование позволяет региональным властям ограничивать возможности граждан выбирать формы самоорганизации в рамках местного самоуправления. В настоящее время закон позволяет субъектам РФ ограничивать способы избрания глав муниципальных образований, определять модели организации муниципальной власти, в том числе выбирать территории, в рамках которых она осуществляется. Последние изменения в Конституцию РФ могут как усилить подобное влияние государственной власти на местное самоуправление, так и предоставить муниципальной власти больше полномочий. Исходя из сущности местного самоуправления, необходимо следовать второму пути — предоставить муниципалитетам больше самостоятельности, что позволило бы данному институту стать основой и российской демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винницкий А. В. О необходимости законодательного закрепления института юридических лиц публичного права / А. В. Винницкий // Журнал российского права. 2011. № 5 (173). С. 81-90.
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1995. № 67.
3. Европейская хартия местного самоуправления. Совершено в Страсбурге 15.10.1985 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.
4. Заключение Конституционного Суда РФ «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» от 16.03.2020 № 1-3 // Российская газета. 2020. № 56.
5. Закон Тюменской области «О местном самоуправлении в Тюменской области» от 22.12.2005 № 444 // Тюменские известия. Парламентская газета. 2005. № 295.
6. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
7. Костко Н. А. Теоретические основания исследования социального пространства города / Н. А. Костко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 65-88. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-65-88
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2011 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

9. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» от 01.12.2015 № 30-П // Российская газета. 2015. № 282.
10. Проект федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 27.09.2021 № 1256381-7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: оф. сайт.
URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256381-7>
11. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 280.
12. Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории „Сириус“» // Российская газета. 2020. № 292.
13. Чихладзе Л. Т. Местное самоуправление в России на распутье: динамика конституционной доктрины и правового регулирования / Л. Т. Чихладзе, А. А. Ларичев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 11 (2). С. 273-292. DOI: 10.21638/spbu14.2020.202
14. Alexander J. R. Dillon's Rule under the Burger Court: the municipal liability cases / J. R. Alexander // Publius. 1988. No. 18 (1). Pp. 127-140. DOI: 10.2307/3330385
15. Aristotle. Aristotle's Politics / Aristotle; B. Jowett (translation). Kitchener: Batoche Books, 1999. URL: <https://historyofeconomicthought.mcmaster.ca/aristotle/Politics.pdf>
16. Berner M. M. What constitutes effective citizen participation in local government? Views from city stakeholders / M. M. Berner, J. M. Amos, R. S. Morse // Public Administration Quarterly. 2011. No. 35 (1). Pp. 128-163. URL: <http://www.jstor.org/stable/41804544>
17. Geczi E. Sustainability and public participation: toward an inclusive model of democracy / E. Geczi // Administrative Theory & Praxis. 2007. No. 29 (3). Pp. 375-393. URL: <http://www.jstor.org/stable/25610875>
18. Mathews D. The Ecology of Democracy: Finding Ways to Have a Stronger Hand in Shaping Our Future / D. Mathews. Kettering Foundation Press, 2014. URL: <https://www.kettering.org/wp-content/uploads/Ecology-Introduction.pdf>
19. McBain H. L. The Doctrine of an Inherent Right of local self-government. I. The extent of its application by American courts / H. L. McBain // Columbia Law Review. 1916. No. 16 (3). Pp. 190-216. DOI: 10.2307/1110684
20. The Constitution of the State of Massachusetts, adopted 1780: with the amendments annexed. Boston: Richardson and Lord, 1826. URL: <https://malegislature.gov/laws/constitution>
21. Yang J. The psychology of courage: striving and overcoming “in-spite-of” / J. Yang // Dr. Paul Wong: off. website. 2020. URL: http://www.drpaulwong.com/wp-content/uploads/2020/09/Yang-Julia-20190123_v2-1.pdf

Alexander V. LEIS¹

UDC 342.25

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN NEW CONSTITUTIONAL CONDITIONS

¹ Postgraduate student,
Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)
1042200128@pfur.ru; ORCID: 0000-0002-8844-8189

Abstract

In 2020, a constitutional reform was carried out in Russia, the provisions of which significantly affected the regulation of local self-government, as well as the entire system of state structure of the country.

At first glance, the changes are not fundamentally new, since many of them are the consolidation of the provisions of the current legislation or the established policy of the state. Nevertheless, constitutional norms significantly expand the discretionary powers of state authorities, which may lead to a lack of constitutional guarantees for individual institutions. The formulation in the text of the constitution of a unified system of public authority is one of the most important changes that can affect the future of local self-government in Russia. Public authorities enter the system based on the principles of consensual interaction and coordination of activities within interests of the population.

The novelty of the article is determined by an integrated approach to the study of the essence of the unified system of public authority, of assigning citizens a central place in the system, as well as of introducing the category «unified system of public authorities» into the nomenclature. The main changes are examined through the prism of increasing the level of citizens' involvement in participation in local self-government, which will have a positive impact on the legal culture of society. The author touches upon the problems of the implementation of local self-government in the federal territories and proposes possible ways of improving the legislation. The author also analyzes the American experience of local self-government regulation and approaches to placement of municipal authorities in the federal system.

Citation: Leis A. V. 2021. "Local self-government in new constitutional conditions". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 235-252. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-235-252

The formal legal method, being the basic one for legal science, is used to study the essence of local self-government, as an element of a unified system of public authority, and the placement of citizens in this system on the basis of studying and interpreting the norms of domestic legislation. When applying the elements of the comparative legal method, the relation between the approaches to understanding certain issues in Russia and in the United States will be taken into consideration.

Keywords

Federalism, local self-government, democracy, public power, constitutional reform, unified system of public authority, unified system of public bodies.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-235-252

REFERENCES

1. Vinnitskiy A.V. 2011. "On the need for legislative consolidation of the institution of legal entities of public law". *Journal of Russian Law*, no. 5 (173), pp. 81-90. [In Russian]
2. Russian Newspaper. 1995. No. 67. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948). [In Russian]
3. Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 1998. No. 36. Art. 4466. European Charter of Local Self-Government (Accepted in Strasbourg on 15 October 1985). [In Russian]
4. Russian Newspaper. 2020. No. 56. On the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities", as well as on the compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation: Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16 March 2020 no. 1-Z. [In Russian]
5. Parliamentary newspaper "Tyumen Bulletin". 2005. No. 295. On local self-government in the Tyumen region: Law of the Tyumen region of 22 December 2005 No. 444 [In Russian]
6. The RF Constitution: accepted by popular vote on 12 December 1993 with amendments approved during the nationwide vote on 1 July 2020. Official Internet Resource of Legal Information [pravo.gov.ru](http://publication.pravo.gov.ru). Accessed on 7 December 2021. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> [In Russian]
7. Kostko N. A. 2021. "Theoretical foundations of the city social space study". *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 7, no. 2 (26), pp. 65-88. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-65-88. [In Russian]
8. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2011. No. 4. On the case of verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of part 4 and part 5 of the Article 35 of the RF Federal Act on the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation in connection with a complaint by the citizen N. M. Savostyanov: RF Constitutional Law Resolution of 18 May 2011 No. 9-p [In Russian]

9. Russian Newspaper. 2015. No. 282. In the case of checking the constitutionality of paragraphs 4, 5 and 5.1 of Article 35, paragraph 2 and 3.1 of Article 36 of the Federal Law “On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation” and paragraph 1.1 of Article 3 of the Law of the Irkutsk Region “On certain issues of formation of local self-government bodies of municipalities of the Irkutsk region” in accordance with the request of a group of deputies of the State Duma: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 1 December 2015 no. 30-P. [In Russian]
10. State Duma of the Federal Assembly. 2021. On the general principles of the organization of public power in the constituent entities of the Russian Federation: The Draft Law of 27 July 2021 no. 1256381-7. Accessed on 14 December 2021. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256381-7> [In Russian]
11. Russian Newspaper. 2020. No. 280. On the State Council of the Russian Federation: Federal Law of 8 December 2020 no. 394-FZ. [In Russian]
12. Russian Newspaper. 2020. No. 292. On the federal territory “Sirius”: Federal Law of 22 December 2020 no. 437-FZ. [In Russian]
13. Chikhladze, L. T., Larichev A. A. 2020. “Local government in Russia at a crossroad: The dynamics of constitutional doctrine and legal regulation”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, no. 11 (2), pp. 273-292. DOI: 10.21638/spbu14.2020.202.
14. Alexander, J. R. 1988. “Dillon’s rule under the Burger Court: The municipal liability cases”. *Publius*, no. 18 (1), pp. 127-140. DOI: 10.2307/3330385
15. Aristotle. 1999. *Aristotle’s Politics*. Translated in English by B. Jowett. Kitchener: Batoche Books. Accessed on 7 December 2021. <https://historyofeconomicthought.mcmaster.ca/aristotle/Politics.pdf>
16. Berner M. M., Amos J. M., Morse R. S. 2011. “What constitutes effective citizen participation in local government? Views from city stakeholders”. *Public Administration Quarterly*, no. 35 (1), pp. 128-163. Accessed on 7 December 2021. <http://www.jstor.org/stable/41804544>
17. Geczi, E. 2007. “Sustainability and public participation: Toward an inclusive model of democracy”. *Administrative Theory & Praxis*, no. 29 (3), pp. 375-393. Accessed on 7 December 2021. <http://www.jstor.org/stable/25610875>
18. Mathews D. 2014. *The Ecology of Democracy: Finding Ways to Have a Stronger hand in Shaping Our Future*. Kettering Foundation Press. Accessed on 7 December 2021. <https://www.kettering.org/wp-content/uploads/Ecology-Introduction.pdf>
19. McBain H. L. 1916. “The doctrine of an inherent right of local self-government. I. The extent of its application by American Courts”. *Columbia Law Review*, no. 16 (3), pp. 190-216. DOI: 10.2307/1110684
20. Richardson and Lord. 1826. *The Constitution of the State of Massachusetts, adopted 1780: with the amendments annexed*. Boston. Accessed on 7 December 2021. <https://malegislature.gov/laws/constitution>
21. Yang J. 2020. “The psychology of courage: Striving and overcoming ‘in-spite-of’”. Dr. Paul Wong: official website. Accessed on 7 December 2021. http://www.drpaulwong.com/wp-content/uploads/2020/09/Yang-Julia-20190123_v2-1.pdf

ЭКОНОМИКА

Сергей Владимирович КРЮКОВ¹
Елена Александровна БЕРЕЗОВСКАЯ²

УДК 338.27

СТАТИЧЕСКАЯ И ДИНАМИЧЕСКАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

¹ доктор экономических наук, профессор
кафедры экономической кибернетики,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
svkrukov@sfedu.ru; ORCID: 0000-0003-4736-7697

² кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономической кибернетики,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
berezovskaya@sfedu.ru

Аннотация

Результаты адекватной статической и динамической оценки социально-экономического развития региона необходимы и региональным, и федеральным органам власти. От этой оценки зависит выбор правильной стратегии повышения качества и уровня жизни населения региона. Предложен новый подход к получению статической и динамической картины результатов реализации социально-экономической политики в регионе, непосредственно влияющей на качество и уровень жизни населения региона. Широко используемые подходы, основанные на расчете одного интегрального показателя или на сравнении отдельных частных показателей, не позволяют получать непротиворечивую и объективную картину социально-экономического

Цитирование: Крюков С. В. Статическая и динамическая сравнительная оценка социально-экономического развития регионов / С. В. Крюков, Е. А. Березовская // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 253-269.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-253-269

развития региона. Предложенный подход к проведению сравнительной экспресс-оценки регионов основан на анализе изменения позиции региона в пространстве двух координат, объективно отражающих качество жизни и уровень жизни населения. Для оценки уровня жизни населения региона отобран показатель «среднедушевые доходы населения», а для оценки качества жизни — показатель «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Статическая оценка позволяет получить картину относительного расположения регионов в пространстве выбранных двух координат и получить основу для проведения межрегионального сравнения, а также оценить качество жизни и уровень жизни населения региона относительно среднероссийских значений. Динамическая оценка позволяет дополнительно получить информацию об изменении качества жизни и (или) уровня жизни населения региона за выбранный временной промежуток, проанализировать позитивные и негативные тенденции на определенных участках построенной траектории, оценить последствия принимаемых руководством региона соответствующих решений. Благодаря предложенному подходу возможно получить непротиворечивые результаты, позволяющие объективно оценить достигнутый уровень реализации выбранной социально-экономической политики в регионе, как относительно других регионов, так и в динамическом плане — на выбранном временном промежутке.

Ключевые слова

Уровень жизни, качество жизни, среднедушевые доходы населения, ожидаемая продолжительность жизни, регионы РФ, социально-экономическое развитие, сравнительная оценка регионов, статическая и динамическая оценка.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-253-269

Введение

Адекватная оценка социально-экономического развития региона может послужить базой для принятия решений по многим направлениям: выбор стратегии развития региона, оценка проводимой руководством региона социально-экономической политики, помощь федерального центра регионам и др.

Любой регион является сложной социально-экономической системой, при проведении оценки состояния и развития которой может быть учтено множество показателей, характеризующих как отдельные подсистемы, так и систему в целом. Поскольку регионы сами являются частью более крупной системы — страны, необходимо не просто оценивать состояние и направление развития каждого региона, но и проводить межрегиональный анализ для выявления лучших практик и устранения негативных тенденций.

В любом статистическом сборнике можно найти десятки частных показателей, характеризующих различные аспекты социально-экономического состояния и развития региона. Для проведения сравнительного анализа и сопоставления уровня развития регионов используют два основных подхода. Наиболее распространенным является подход, основанный на расчете одного интегрального по-

казателя, характеризующего в целом социально-экономическое развитие региона. Такой подход часто используют и отечественные, и зарубежные исследователи при проведении межрегионального сравнительного анализа и ранжирования регионов [1, 4, 11, 12, 13, 15]. Второй подход основан на формировании вектора, включающего целый ряд частных показателей социально-экономического развития региона, и проведении межрегионального анализа по отдельным частным показателям, без сведения их в интегральный показатель [5, 8, 14].

Расчет одного интегрального показателя, характеризующего социально-экономическое развитие региона в целом, с одной стороны, облегчает проведение сравнительной оценки регионов, с другой стороны — обладает существенными недостатками. При формировании интегрального показателя возникает проблема выбора формулы осреднения. Известно, что для одного и того же набора частных показателей при применении различных формул осреднения обязательно будут получены разные интегральные оценки. При использовании формулы расчета среднеарифметического для получения интегрального показателя два региона могут получить одинаковую оценку, хотя у одного региона все значения частных показателей имеют примерно одинаковый уровень, а у другого серьезные провалы по одним частным показателям могут быть нивелированы высокими значениями по другим частным показателям.

У второго подхода также есть определенные недостатки. Использование множества (иногда нескольких десятков) частных показателей, характеризующих отдельные подсистемы региона, на практике не позволяет проводить адекватного сравнения как состояния социально-экономического развития региона в разные временные периоды, так и сравнения различных регионов. Как правило, приходится сравнивать регионы, у которых значения одних частных показателей лучше, других — хуже, в итоге непонятно, как на этой основе определить, какой из регионов более успешен с точки зрения социально-экономического развития.

Социально-экономическое развитие региона тесно связано с такими понятиями, как качество жизни и (или) уровень жизни населения региона. Во многих статистических сборниках отдельно выделяют раздел, связанный с оценкой качества жизни и уровня жизни населения. Во-первых, существует проблема с четким определением этих понятий. Одни исследователи не проводят четкого разделения и используют одно комплексное понятие «качество и уровень жизни населения региона» [2, 9]. Другие всё же разделяют эти два понятия и предлагают оценивать их отдельно друг от друга [1, 4].

Для примера рассмотрим подход коллектива авторов из ИСЭПН ФНИСЦ РАН, представленный в монографии «Мониторинг доходов...» [8].

В разделе 7 указанного Мониторинга представлена сравнительная характеристика федеральных округов РФ по семи показателям и индикаторам, отражающим, по мнению авторов, уровень и качество жизни населения регионов России:

1. Индекс человеческого развития (ИЧР).
2. Душевой валовой региональный продукт (душевой ВРП).
3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ).

4. Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения (СДДН).
5. Уровень абсолютной бедности.
6. Коэффициент фондов.
7. Коэффициент Джини.

Во-первых, отобранные показатели и индикаторы не разделены на группы, поэтому не ясно, какие из них позволяют оценить уровень жизни населения региона, а какие — качество жизни населения региона.

Во-вторых, расчет ИЧР основывается на значениях трех показателей, два из которых также указаны в вышеприведенном списке — это «душевой ВРП» и «ОПЖ».

В-третьих, авторы Мониторинга сравнивают регионы друг с другом, а также со среднероссийским значением выбранного показателя отдельно по каждому показателю. При этом не понятно, как сравнить регионы, у которых по одним показателям высокие значения, а по другим — низкие.

В-четвертых, авторы Мониторинга отмечают, что обобщающими показателями уровня и качества жизни населения региона являются показатели ОПЖ и ИЧР. Если эти показатели являются обобщающими, не ясно, почему их анализируют в одном ряду с другими, частными показателями.

Целью исследования было разработать объективный и непротиворечивый подход для экспресс-оценки социально-экономического развития регионов на основе анализа уровня и качества жизни населения регионов. Задачи исследования: определить минимальный набор объективных показателей, характеризующих уровень жизни и качество жизни населения регионов; разработать методические основы проведения статического сравнительного анализа положения регионов в пространстве отобранных показателей; разработать методические основы проведения динамического анализа изменения позиции региона относительно других регионов РФ.

Данные и методология

Статистическая база проведенного исследования сформирована из данных статистического сборника «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2020» за период с 2005 по 2019 г. [10]. Из общего анализа в начале исследования были исключены регионы с аномально высокими значениями показателя СДДН (крупнейшие города-регионы: Москва, Санкт-Петербург, а также некоторые малочисленные автономные округа и области). При проведении сравнительного анализа регионов Северо-Западного федерального округа были рассмотрены данные по всем регионам, входящим в округ (включая г. Санкт-Петербург и Ненецкий автономный округ).

Подход, основанный на сравнении векторов, включающих множество частных показателей, характеризующих различные аспекты социально-экономического развития региона, мы считаем наименее пригодным для целей проведения сравнительной оценки состояния региона в различные периоды времени, а также сравнения различных регионов друг с другом. Наличие высоких значений по

одним частным показателям и низких значений по другим не позволяет сравнить и сделать однозначный вывод о превосходстве одного из регионов над другим.

Использование одного интегрального показателя, характеризующего в целом социально-экономическое развитие региона, также не имеет особого смысла, поскольку уровень жизни и качество жизни населения региона часто имеют разнонаправленные тенденции изменения. Есть регионы с довольно высоким уровнем жизни, но с невысоким качеством жизни, и наоборот. К тому же, как мы отмечали ранее, итоговая оценка региона по одному интегральному показателю во многом будет зависеть от выбранной формулы осреднения.

Для оценки уровня жизни населения нами предложено использовать такой показатель, как СДДН, а для оценки качества жизни населения региона — показатель ОПЖ. Ранее мы продемонстрировали, что эти два показателя, с одной стороны, имеют значимую корреляцию с большинством частных показателей, характеризующих различные аспекты качества жизни и (или) уровня жизни населения региона, с другой стороны, их нельзя свести в один интегральный показатель, поскольку между ними нет значимой связи. Поэтому было предложено проводить сравнительную статическую и динамическую оценку регионов по уровню и качеству жизни населения в зависимости от положения конкретного региона в системе координат, образуемой указанными двумя показателями [6].

Результаты

На рис. 1 представлена статическая картина распределения позиций регионов РФ в пространстве двух координат «среднедушевые доходы населения региона» и «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» по данным за 2019 г.

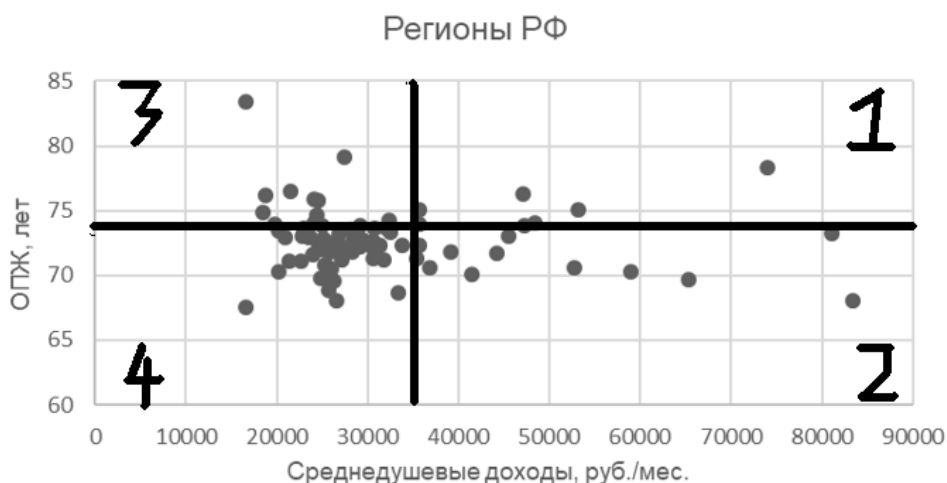

Рис. 1. Регионы РФ в пространстве координат СДДН и ОПЖ

Fig. 1. Regions of the RF in the space of coordinates “Average per capita income” (APCI) and “Life expectancy at birth” (LEB)

Если бы регионы выстроились вдоль диагонали, которая идет из нижнего левого угла в верхний правый угол координатного пространства, это бы свидетельствовало о наличии достаточно большой прямой корреляции между показателями СДДН и ОПЖ, и тогда для последующего анализа можно было бы оставить какой-то один из показателей. Но мы видим по рис. 1, что достаточно большое количество регионов имеет значительный разброс по показателю СДДН, одновременно наблюдаем примерно одинаковое значение показателя ОПЖ для разных регионов. Значит, мы должны оставить оба показателя для проведения дальнейшего анализа качества жизни и уровня жизни населения регионов.

Точка, отражающая положение Российской Федерации в данном координатном пространстве на рис. 1, имеет координаты 35 247 (СДДН, руб.) и 73,3 (средняя ОПЖ, лет). Если провести через эту точку горизонтальную и вертикальную линии, то каждый регион попадет в один из четырех квадрантов (или может оказаться на границе между квадрантами). В первом квадранте окажутся регионы, у которых значения двух координат больше, чем у РФ, во втором и третьем квадрантах окажутся регионы, у которых значение одной из координат лучше, а другой — хуже, чем у РФ. В четвертом квадранте окажутся регионы, у которых значения обоих показателей хуже, чем у РФ.

В первый квадрант попали всего четыре региона: Краснодарский край, Московская и Тюменская области и Республика Татарстан. Почему так мало? Ведь координаты для РФ получены как среднее значение выбранных показателей среди всех регионов. Вспомним, что мы исключили из анализа данные по таким регионам, как города Москва и Санкт-Петербург, а также по малочисленным автономным округам и областям. Если вернуть эти регионы в общее координатное пространство, становится ясно, что они также попали бы в первый квадрант, поскольку имеют более высокие, чем в среднем по РФ, значения показателей, отражающих уровень и качество жизни населения.

Таким образом, всего одна статическая картина уже дает нам довольно много информации для сравнительного анализа уровня и качества жизни населения регионов. Более содержательную оценку уровня и качества жизни населения региона можно получить, рассматривая изменение позиции региона в пространстве выбранных двух координат: СДДН и ОПЖ [6].

Управление такой сложной социально-экономической системой, как регион, не предполагает быстрых изменений. Поэтому для получения точной и непротиворечивой оценки реализуемой в регионе социально-экономической политики необходимо рассматривать временной промежуток минимум в 3–4 года, а иногда и больше. Статическая картина может дать много полезной информации о нынешнем состоянии социально-экономического развития региона, но она является следствием решений, принятых руководством региона три-пять лет назад.

Проведем динамический анализ изменения результатов реализации социально-экономической политики в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Анализ будем проводить в два этапа. Сначала проанализируем изменение ситуации в регионах с использованием абсолютных значений по-

казателей СДДН и ОПЖ, а затем — с использованием относительных значений тех же самых показателей (относительно среднероссийского уровня).

На рис. 2 представлены траектории перемещения регионов СЗФО в пространстве двух координат: абсолютные значения показателя СДДН и абсолютные значения показателя ОПЖ с 2005 по 2019 г.

Явно выделяется траектория Ненецкого АО — она расположена намного правее траекторий всех остальных регионов. Это свидетельствует о большом отрыве данного региона от других по абсолютному значению показателя «среднедушевые доходы населения» на протяжении всего периода с 2005 по 2019 г. По показателю ОПЖ Ненецкому АО удалось подняться за анализируемый период с 6-7-го места на 4-е место среди регионов округа.

Также выделяется траектория г. Санкт-Петербурга, которая в каждом временном периоде (за редким исключением) расположена выше траекторий всех других регионов. Видно по рисунку, что г. Санкт-Петербург по уровню номинальных СДДН с 2005 по 2019 г. уступает только Ненецкому АО, а по абсолютному значению показателя ОПЖ весь период с 2005 по 2019 г. находится на первом месте в округе, причем практически весь наблюдаемый период значение данного показателя продолжало неуклонно расти.

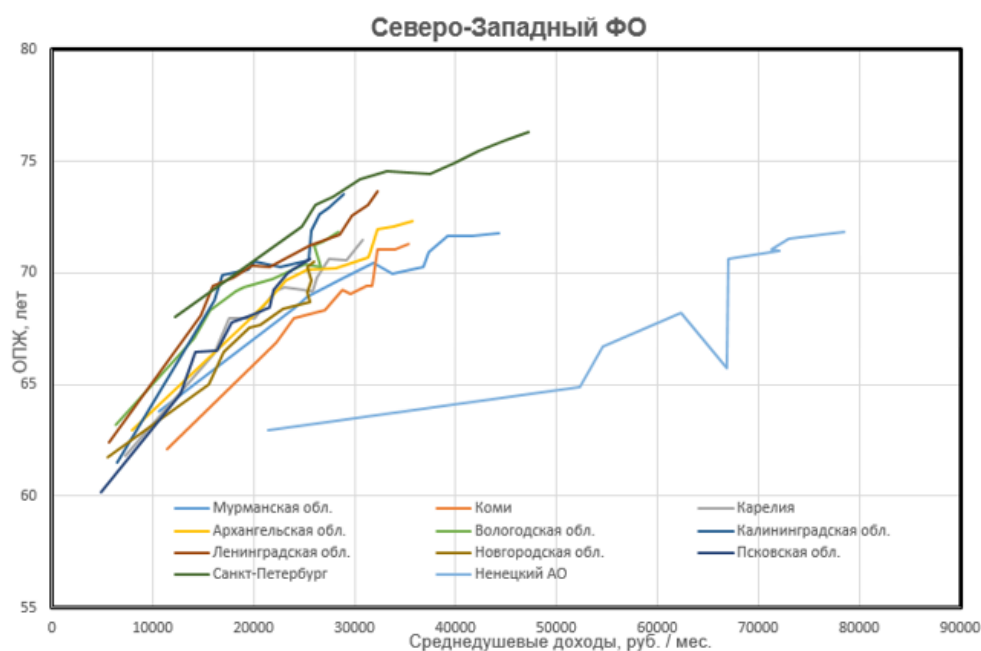

Рис. 2. Изменение позиции регионов СЗФО в пространстве координат: СДДН (руб. в месяц) и ОПЖ (лет) с 2005 по 2019 г.

Fig. 2. Change in position of the regions of the NWFD in the space of coordinates APCI (rubles per month) and LEB (years) from 2005 to 2019

Остальные девять регионов округа имеют схожие изменения позиции в выбранной системе координат, что свидетельствует о поступательном росте номинальных среднедушевых доходов населения и также поступательном росте ожидаемой средней продолжительности жизни населения региона.

Следующим этапом в проведении динамического анализа является переход от использования в системе координат абсолютных значений показателей к их относительным значениям. Абсолютное значение показателя в определенном году соотносится со средним значением данного показателя по Российской Федерации в том же году и выражается в процентах. Для каждого региона и его руководства важно не просто увеличивать со временем значения этих двух показателей — СДДН и ОПЖ, но и добиваться в новом временном периоде достижения более высокого уровня относительно среднероссийских значений этих показателей.

Увидим на примерах отдельных регионов, что возможна ситуация, когда абсолютные значения какого-то показателя у региона со временем растут, а относительно среднероссийского уровня положение с уровнем и (или) качеством жизни его населения становится всё хуже. Если остановиться на первом этапе динамического анализа и по его итогам делать выводы о социально-экономическом развитии региона, то руководство региона нужно хвалить и поощрять за абсолютный рост значений показателей, отражающих уровень и качество жизни населения региона. Но после проведения второго этапа динамического анализа становится ясным, что первоначальные оценки могут быть скорректированы, и часто в негативную сторону. В этих случаях может потребоваться более тщательный анализ причин ухудшения ситуации с уровнем и (или) качеством жизни населения относительно среднероссийского уровня.

На рис. 3 представлены изменения позиций регионов округа в пространстве координат: относительные значения показателя СДДН и показателя ОПЖ с 2005 по 2019 г. Относительное значение каждого показателя получено путем деления абсолютного значения данного показателя для региона на абсолютное значение показателя для Российской Федерации в одном и том же году и выражено в процентах. Таким образом, если значение показателя, например, «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» по региону в 2019 г. больше 100%, это означает, что в данном году уровень жизни в данном регионе выше, чем в среднем по России.

Сразу заметно, как отличаются траектории изменения позиций регионов на рис. 2 и 3. На рис. 2 практически все траектории представляют собой близкие к прямым линии, протянувшиеся в соответствии с выбранным временным промежутком из левого нижнего угла пространства координат к правому верхнему, что должно означать для всех регионов поступательный рост по обоим выбранным показателям.

Однако на рис. 3 мы видим совершенно иную картину. Нет ни одного региона, у которого бы сохранилась прежняя форма и направленность траектории. Хотя относительно друг друга траектории всех регионов расположены и на рис. 2, и на рис. 3 примерно одинаково.

Рис. 3. Изменение позиций регионов СЗФО в пространстве координат СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г.

Fig. 3. Change in position of the regions of the NWFД in the space of coordinates APCI (in percentage) and LEB (in percentage) from 2005 to 2019

Траектория изменения позиции Ненецкого АО и на рис. 3 расположена правее траекторий всех остальных регионов, что подтверждает первенство Ненецкого АО среди других регионов по показателю СДДН. Траектория изменения позиции г. Санкт-Петербурга и на рис. 3 расположена выше траекторий всех других регионов по такому показателю, как ОПЖ. На рис. 3 траектории всех остальных регионов округа также расположены рядом друг с другом. Но если мы обратим внимание на форму и направленность траекторий всех регионов на рис. 3, то заметим, что они сильно отличаются от подобных траекторий на рис. 2.

Для лучшего понимания новой информации, которую можно получить на втором этапе динамического анализа, рассмотрим подробнее траектории изменения позиции двух передовых регионов в округе: Ненецкого АО и г. Санкт-Петербурга, а также траекторию одного из регионов, у которого значения обеих координат менее 100% (Новгородская область). Т. е. за весь анализируемый период с 2005 по 2019 г. данный регион (как и целая группа похожих на него регионов) не смог выйти на среднероссийский уровень ни по уровню жизни, ни по качеству жизни населения региона.

Обратимся к рис. 4, на котором представлены изменения позиции Ненецкого АО в пространстве координат: СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г.

На рис. 4 2005 г. соответствует точка с координатами (265; 96,3), а 2019 г. — точка с координатами (230; 99,8). С одной стороны, и в 2019 г. по уровню жизни

населения регион значительно превосходит среднероссийский уровень (в 2,3 раза). Но в целом за указанный период с 2005 по 2019 г. проявилась негативная тенденция, когда относительные среднедушевые доходы населения региона уменьшились на 35 процентных пунктов, что свидетельствует о существенном снижении уровня жизни населения региона относительно среднероссийских значений.

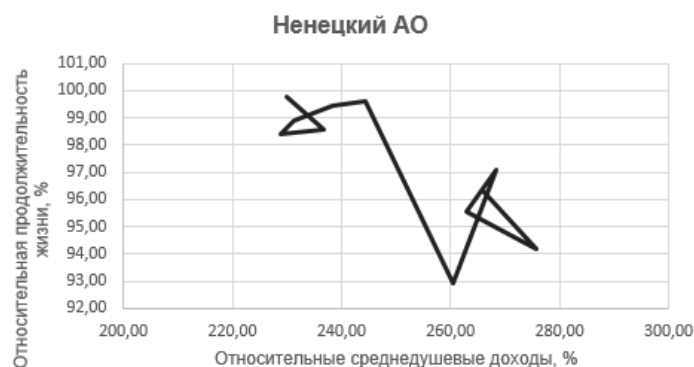

Рис. 4. Изменение позиции Ненецкого АО в пространстве координат: СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г.

Fig. 4. Change in position of the Nenets Autonomous District in the space of coordinates APCI (in percentage) and LEB (in percentage) from 2005 to 2019

За тот же период региону удалось повысить качество жизни населения и вплотную приблизиться к среднероссийским значениям по показателю ОПЖ. Траектория на рис. 4 свидетельствует о том, что ни по одному из направлений (уровень жизни и качество жизни) руководству региона не удалось за рассматриваемый период добиться проведения стабильной целенаправленной социально-экономической политики. За период с 2005 по 2019 г. траектория региона в пространстве координат «среднедушевые доходы населения региона» и «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» не раз меняла свое направление как по горизонтали, так и по вертикали. Более детальный анализ участков траектории в определенные временные периоды поможет выявить причины такого «неровного» движения региона к поставленным целям.

На рис. 5 представлено изменение позиции г. Санкт-Петербурга в пространстве координат: СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г.

На рис. 5 2005 г. соответствует точка с координатами (151; 104,7), а 2019 г. — точка с координатами (133,8; 104,5). На протяжении всего периода с 2005 по 2019 г. регион находится выше среднероссийского уровня и по показателю СДДН, и по показателю ОПЖ. Но если внимательно проанализировать изменение позиции региона в пространстве координат СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г., всё выглядит уже не так позитивно.

Рассматривая изменение уровня жизни в регионе с 2005 по 2013 г., можно отметить его существенное снижение относительно среднероссийского уровня

примерно на 33 процентных пункта. С 2013 по 2018 г. удалось преодолеть эту негативную тенденцию, повысить значение показателя «относительные среднедушевые доходы населения региона» на 17 процентных пунктов. К сожалению, в 2019 г. снова произошло снижение значения данного показателя.

Рис. 5. Изменение позиции г. Санкт-Петербурга в пространстве координат: СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г.

Fig. 5. Change in position of St. Petersburg in the space of coordinates APCI (in percentage) and LEB (in percentage) from 2005 to 2019

Рассматривая изменение качества жизни в регионе, можно заметить обратную тенденцию: в первой половине анализируемого периода показатель ОПЖ вырос, во второй половине периода — в основном снижался. Это может свидетельствовать об отсутствии системного подхода к достижению комплексных целей повышения одновременно и уровня, и качества жизни населения региона.

На рис. 6 представлена траектория перемещения Новгородской области в пространстве координат: СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г.

На рис. 6 2005 г. соответствует точка с координатами (67,7; 94,5), а 2019 г. — точка с координатами (73,7; 96,1). В 2005 г. Новгородская область находится в конце списка регионов по уровню и качеству жизни населения не только в Северо-западном округе, но и в целом по России. Однако в период с 2005 по 2010 г. руководству области удалось повысить значение показателя «относительные СДДН» с 67,7 до 84,7% от среднероссийского уровня. В последующие 5 лет явно проводилась непоследовательная политика в сфере повышения уровня жизни населения региона — каждый год позитивная тенденция сменялась негативной. А с 2015 по 2019 г. негативная тенденция возобладала, и область скатилась к уровню 73,7% от среднероссийских значений.

Рассматривая изменение качества жизни, также можно наблюдать противоречивые тенденции. С 2005 по 2010 г. показатель «относительная ОПЖ» оставался примерно на одном уровне, в 2011 и 2012 гг. наблюдался рост значений данного показателя, а в последующие годы негативная и позитивная тенденция последовательно сменяли друг друга, что, скорее всего, свидетельствует об от-

сутствии целенаправленной политики в сфере повышения качества жизни населения региона в этом периоде.

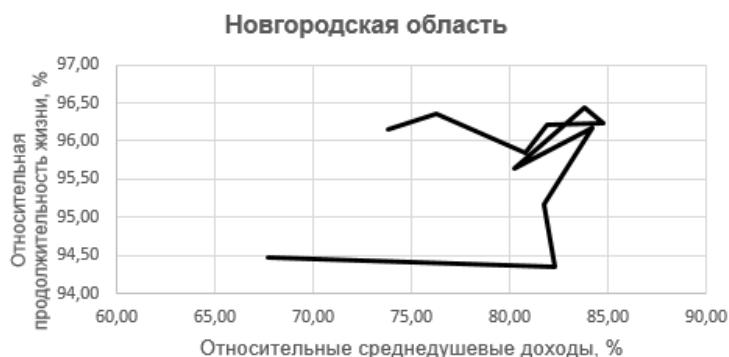

Рис. 6. Изменение позиции Новгородской области в пространстве координат: СДДН (в процентах) и ОПЖ (в процентах) с 2005 по 2019 г.

Fig. 6. Change in position of the Novgorod region in the space of coordinates APCI (in percentage) and LEB (as a percentage) from 2005 to 2019

Таким образом, проведенный в два этапа динамический анализ социально-экономического развития региона позволяет получить достаточно много полезной и непротиворечивой информации, основанной на объективных данных, благодаря которой можно выявить тенденции и аномалии в изменении социально-экономической ситуации, а также провести межрегиональное сравнение в указанной сфере. На основе выявленных положительных практик и негативных тенденций в реализации социально-экономической политики в отдельных регионах в последующем можно провести более тщательный анализ с привлечением десятков частных показателей, характеризующих различные аспекты социально-экономического развития региона. Но именно в таком порядке — сначала статический и динамический сравнительный экспресс-анализ развития регионов, затем (при необходимости) более тщательный анализ негативных тенденций изменения уровня и качества жизни населения региона на основе частных показателей.

Выводы

Предложенный подход к оценке социально-экономического развития региона базируется на объективных показателях, характеризующих уровень жизни (СДДН) и качество жизни (ОПЖ) населения региона. Для большей наглядности и лучшего понимания предлагается рассматривать позицию каждого региона в пространстве двух координат, в качестве которых служат указанные показатели.

По месту расположения регионов в пространстве «уровень жизни — качество жизни» в определенный временной период (статический анализ) можно проводить межрегиональный анализ, выявлять регионы-лидеры и регионы-аутсайде-

ры, судить о положении региона в сфере обеспечения достойного уровня и качества жизни населения относительно среднероссийских значений.

По изменению позиции региона в пространстве «уровень жизни — качество жизни» за более длительный временной промежуток времени (динамический анализ) можно судить о результатах проводимой в регионе социально-экономической политики. Также можно выявлять позитивные и негативные тенденции в обеспечении достойного уровня и качества жизни населения региона на определенных участках построенной траектории и при необходимости проводить более тщательный анализ с привлечением разнообразных частных показателей, характеризующих различные аспекты качества жизни и (или) уровня жизни населения региона.

Также предложенный подход к проведению статического и динамического анализа взаимного расположения регионов в пространстве «уровень жизни — качество жизни» можно использовать для экспресс-оценки деятельности губернаторов регионов по реализации социально-экономической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунеева М. В. Методика экспресс-оценки детерминант формирования уровня жизни населения / М. В. Бунеева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017. № 2. С. 279-289.
2. Губарев Р. В. Управление качеством жизни населения в регионах России / Р. В. Губарев, Е. И. Дзюба, О. М. Куликова, Ф. С. Файзуллин // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (2). С. 146-170. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.146-170
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год. Человек и инновации / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, 2018.
URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/228606323.pdf>
4. Зюкин Д. А. Оценка дифференциации регионов ЦФО по уровню жизни населения / Д. А. Зюкин, М. П. Куркина // Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 165-168.
5. Карпенко Е. М. Анализ уровня и качества жизни постсоветских стран / Е. М. Карпенко, Н. С. Перова // Вестник Карагандинского университета. Серия: Экономика. 2018. № 2 (90). С. 233-240.
6. Крюков С. В. Динамическая оценка уровня и качества жизни населения региона на основе пространственной модели / С. В. Крюков // Учет и статистика. 2018. № 4 (52). С. 58-67.
7. Крюков С. В. Сравнительная оценка регионов РФ по уровню и качеству жизни населения / С. В. Крюков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 22-29.
8. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2019 год: научная монография / коллектив авторов; гл. науч. ред. В. Н. Бобков; зам. гл. ред. А. А. Гулюгина. М.: Фабрика офсетной печати, 2020. 116 с.
9. Овсянникова Р. В. Кластерный анализ в оценке уровня и качества жизни населения субъектов РФ / Р. В. Овсянникова // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018. № 1. С. 38-45.

10. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2020: стат. сб. М.: Росстат, 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205>
11. Шамаева Е. Ф. О методических подходах к моделированию качества жизни / Е. Ф. Шамаева // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 1. С. 87-101. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.7
12. Юзбеков М. А. Комплексная оценка качества жизни населения в регионе / М. А. Юзбеков, А. К. Юзбеков // Фундаментальные исследования. 2014. № 3 (часть 2). С. 349-355.
13. Aroca P. The heterogeneous level of life quality across Chilean regions / P. Aroca, P. A. Gonzalez, R. Valdebenito // Habitat International. October 2017. Vol. 68. P. 84-98.
14. Danciu A. R. The ranking of the Romanian regions based on the potential to attract FDI / A. R. Danciu // Social and Behavioral Sciences. 2012. No. 62. Pp. 40-44.
15. Zuiderwijk A. Comparing open data benchmarks: which metrics and methodologies determine countries' positions in the ranking lists? / A. Zuiderwijk, A. Pirannejad, I. Susha // Telematics and Informatics. 2021. No. 62. Pp. 1-23.

Sergey V. KRYUKOV¹

Elena A. BEREZOVSKAYA²

UDC 338.27

STATIC AND DYNAMIC COMPARATIVE ASSESSMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS

¹ Dr. Sci. (Econ.), Professor,
Department of Economic Cybernetic,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)
svkrukov@sfedu.ru; ORCID: 0000-0003-4736-7697

² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economic Cybernetic,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)
berezovskaya@sfedu.ru

Abstract

The results of an adequate assessment of the socio-economic state and directions of development of any region are necessary for both regional and federal authorities. The choice of a right strategy for improving the quality and standard of living of the population of a given region depends on this assessment. The authors propose a new approach to obtaining a static and dynamic picture of the results of the implementation of socio-economic policy in a region, which directly affects the quality and standard of living of its population. Widely used approaches based on the calculation of one integral indicator or on the comparison of particular indicators of the quality and standard of living of region's population do not allow us to obtain a consistent and objective picture of the socio-economic development. The proposed approach is based on the analysis of the trajectory of "movement" of a region in space of two coordinates that objectively reflect the quality and standard of living of population. An indicator "average per capita income of the population" is selected to assess the standard of living, and an indicator "life expectancy at birth" is selected to assess the quality of life. Static assessment allows to get a picture of a location of regions in the

Citation: Kryukov S. V., Berezovskaya E. A. 2021. "Static and dynamic comparative assessment of socio-economic development of regions". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 253-269.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-253-269

space of these two selected coordinates and to get a basis for conducting an interregional comparison, as well as to assess the quality and standard of living of the population of a region in comparison with average Russian values. Dynamic assessment allows to obtain information about changes in the level and quality of life of the population of a region over a selected time period, analyze positive and negative trends in certain areas of the constructed trajectory, assess the consequences of decisions taken by the authorities of this region in the implementation of tasks for condition improvement. The proposed approach allows us to obtain consistent results that enable us to assess the achieved level of implementation of the socio-economic policy in a region in comparison to other regions, as well as during a selected time interval.

Keywords

Standard of living, quality of life, average per capita income, life expectancy, regions of the Russian Federation, socio-economic development, comparative assessment of regions, static and dynamic assessment.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-253-269

REFERENCES

1. Buneeva M. V. 2017. "The method of express assessment of the formation determinants of the population's standard of living". Herald of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, no. 2, pp. 279-289. [In Russian]
2. Gubarev R.V., Dzyuba E. I., Kulikova O. M., Faizullin F. S. 2019. "Quality management of the population in the regions of Russia". Journal of Institutional Studies, no. 11 (2), pp. 146-170. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.146-170 [In Russian]
3. Bobyleva S. N., Grigorieva L. M. (eds.). 2018. Report on human development in the Russian Federation for 2018. Moscow: Analytical Center of the Russian Federation Government. Accessed on 13 December 2021. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/228606323.pdf> [In Russian]
4. Zyukin D. A. Kurkina M. P. 2017. "Assessment of differentiation of the Central Federal District regions by the standard of living of the population". Fundamental research, no. 1, pp. 165-168. [In Russian]
5. Karpenko E. M. Perova N. S. 2018. "The analysis of the level and quality of life of post-soviet countries". Bulletin of the Karaganda university. Economy series, no. 2 (90), pp. 233-240. [In Russian]
6. Kryukov S. V. 2018. "Dynamic evaluation of the level and quality of life of the region's population based on the spatial model". Accounting and Statistics, no. 4 (52), pp. 58-67. [In Russian]
7. Kryukov S. V. 2018. "Comparative evaluation of RF regions by the level and quality of life". State and Municipal Management. Scholar Notes, no. 3, pp. 22-29. [In Russian]
8. Bobkov V. N., Gulyugina A. A. (eds.) 2020. Monitoring of income and living standards of the Russian population — 2019. Moscow: Fabrica ofsetnoi pechati. 116 pp. [In Russian]

9. Ovsyannikova R. V. 2018. "Cluster analysis in estimation of level and quality of life of population in subjects of the Russian Federation". *Vestnik of Samara State University of Economics*, no. 1, pp. 38-45. [In Russian]
10. Federal State Statistics Service. 2020. *Regions of Russia. Main characteristics of the subjects of the Russian Federation*. Moscow: Rosstat. Accessed on 13 December 2021. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> [In Russian]
11. Shamaeva E. F. 2021. "On methodological approaches to modeling the quality of life". *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 17, no. 1, pp. 87-101. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.7 [In Russian]
12. Yuzbekov M. A., Yuzbekov A. K. 2014. "Comprehensive assessment of the quality of life of the population in the region". *Fundamental research*, no. 3 (part 2), pp. 349-355. [In Russian]
13. Aroca P., Gonzalez P. A., Valdebenito R. 2017. "The heterogeneous level of life quality across Chilean regions". *Habitat International*, vol. 68, pp. 84-98.
14. Danciu A.R. 2012. "The ranking of the Romanian regions based on the potential to attract FDI". *Social and Behavioral Sciences*, no. 62, pp. 40-44.
15. Zuiderwijk A., Pirannejad A., Susha I. 2021. "Comparing open data benchmarks: Which metrics and methodologies determine countries' positions in the ranking lists?". *Telematics and Informatics*, no. 62, pp. 1-23.

Наталья Алексеевна БАБУРИНА¹
Алексей Геннадьевич КУЦЕВ²
Татьяна Александровна РАЗМАШКИНА³

УДК 336.76

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БРОКЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В РОССИИ

¹ кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
n.a.baburina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-6970-0449

² кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
a.g.kucev@utmn.ru

³ магистрант, Тюменский государственный университет
stud0000074616@study.utmn.ru

Аннотация

Представленная работа вносит вклад в разработку проблем развития брокерской деятельности коммерческих банков в России. На сегодняшний день недостаточно внимания уделено специфике функционирования кредитных организаций на рынке ценных бумаг, в том числе в качестве брокеров, и оценке факторов, влияющих на результативность их работы. В связи с этим данное исследование представляется актуальным и значимым.

В современных условиях банки стремятся диверсифицировать продуктовую линейку и найти альтернативу процентным доходам. Одним из способов повышения доли непроцентных доходов становится введение линейки брокерских услуг. Брокерская

Цитирование: Бабурина Н. А. Тенденции развития брокерской деятельности коммерческих банков в России / Н. А. Бабурина, А. Г. Куцев, Т. А. Размашкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 270-288.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-270-288

деятельность обладает потенциалом роста комиссионных доходов на фоне сокращения спроса на кредитование и снижения доходности традиционных банковских услуг.

Целью работы выступила оценка развития брокерской деятельности коммерческих банков в России на современном этапе и выявление определяющих ее факторов. Методология исследования основана на использовании структурного и динамического статистического анализа, а также корреляционно-регрессионного анализа.

Проведенный анализ продемонстрировал общую тенденцию позитивного развития брокерской деятельности российских кредитных организаций. В частности, наблюдается рост числа уникальных брокерских счетов, открытых в коммерческих банках. Тем не менее отмечено замедление темпов прироста новых счетов и снижение активности клиентов кредитных организаций, что сигнализирует о недостаточной эффективности брокерской деятельности коммерческого банка. Также современная ситуация на фондовом рынке характеризуется уменьшением интереса к индивидуальным инвестиционным счетам и высокой долей пустых брокерских счетов физических лиц. Авторами построена модель множественной линейной регрессии, позволившая определить основные детерминанты изменения доли пустых счетов физических лиц в общем объеме открытых брокерских счетов в России.

В результате проведенного исследования выявлено, что на уровень пустых брокерских счетов физических лиц оказывают воздействие такие факторы, как среднедушевой доход, уровень безработицы, доля лиц трудоспособного возраста и процент городского населения.

Ключевые слова

Брокерская деятельность, коммерческий банк, корреляционно-регрессионный анализ, кредитные организации, моделирование, рынок ценных бумаг, деятельность коммерческого банка.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-270-288

Введение

Коммерческие банки в России остаются одними из наиболее влиятельных игроков фондового рынка. Современная инфраструктура рынка ценных бумаг формируется в большей степени благодаря тому, что кредитные организации предоставляют свои услуги расчетно-денежной, депозитарной и клиринговой деятельности не только физическим лицам, но и другим профессиональным участникам.

Важность развития направления брокерского обслуживания для коммерческого банка отмечают многие авторы [1, 11, 14, 15]. Необходимость получения коммерческим банком дополнительных доходов на рынке ценных бумаг объясняется двумя основными причинами: в первую очередь, высокой маржинальностью данных операций [5], во-вторых, снижением потенциала роста дохода от сектора банковского кредитования [8].

Поскольку фондовый рынок России отличается своей молодостью, вопросы функционирования коммерческих банков на рынке ценных бумаг пока недо-

статочны разработаны. Отсутствует стандартизированная система оценки эффективности брокерской деятельности кредитных организаций, нет понимания, какие шаги приведут к увеличению дохода. В данной работе выделены специфические черты, свойственные коммерческому банку на рынке ценных бумаг, и проанализированы факторы, влияющие на результаты брокерской деятельности коммерческого банка.

В целом в мировой практике выделяется два подхода взаимодействия коммерческих банков с рынком ценных бумаг [6]. Первая модель, примером которой являются Соединенные Штаты Америки, предполагает строгий запрет на участие коммерческих банков как посредников на фондовом рынке. Европейская модель, основанная на немецком опыте, напротив, наделяет банки исключительными полномочиями осуществлять операции на фондовом рынке как брокеры и депозитарии.

В России складывается практика, согласно которой на рынке ценных бумаг одновременно имеют право функционировать кредитные и некредитные финансовые организации, фондовые биржи и другие финансовые институты. Однако если кредитные организации имеют право осуществлять деятельность брокера совместно с основными направлениями работы, то некредитные финансовые организации ведут деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг как единственную. Таким образом, это создает специфические черты брокерской деятельности коммерческих банков, присущие исключительно российской практике.

В качестве особенностей, положительно влияющих на доходы от брокерской деятельности, можно выделить низкие издержки за счет эффекта масштаба бизнеса [5], большой объем клиентской базы, чем у некредитных финансовых организаций [11], широкие профессиональные связи и доступ к эксклюзивной информации, возможность нанимать высококвалифицированные кадры и быть лидером в области технологических разработок [20]. Благодаря совмещению видов деятельности банки получают низкую стоимость заемных средств, используемых в маргинальном кредитовании, и имеют возможность формировать для клиентов пакетные предложения услуг.

Среди слабых сторон кредитной организации как профессионального участника рынка ценных бумаг следует отметить высокую консервативность клиентской базы [18], отсутствие профильного многолетнего опыта работы (в отличие от старейших некредитных организаций), ограниченный перечень финансовых инструментов, доступных клиентам.

Вопросы управления эффективностью брокерской деятельности коммерческого банка в России представляются значимыми. Для построения верной стратегии развития банка как брокера необходимо выделить детерминанты, оказывающие влияние на его результаты на рынке ценных бумаг. В данном исследовании нами была поставлена цель оценить динамику развития брокерской деятельности коммерческих банков и проанализировать определяющие ее факторы.

Методология

Методология исследования основана на проведении статистического и корреляционно-регрессионного анализа. Для понимания тенденций развития брокерской деятельности коммерческих банков в России применен подход динамического и структурного анализа на основании официальных данных Банка России, Московской и Санкт-Петербургской фондовых бирж за период с начала 2017 г. по II квартал 2021 г., результаты представлены в графическом виде.

Были выделены и проанализированы детерминанты, определяющие специфику брокерских счетов физических лиц. Построена эконометрическая модель, демонстрирующая влияние ряда регрессоров на долю пустых брокерских счетов. В частности, проведено построение модели множественной линейной регрессии на основании перекрестных данных (82 наблюдения). В выборку включено 82 субъекта (без отдельного выделения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в Тюменской области и Ненецкого автономного округа Архангельской области). Модель построена на основании статистических данных Федеральной службы государственной статистики и Банка России. Построение и тестирование модели произведено в статистической программе gretl.

Результаты

Перечень факторов, влияющих на брокерскую деятельность коммерческих банков и ее результативность, обширен. В частности, О. В. Помаскина обращает внимание как на количество зарегистрированных клиентов брокера, так и на число активных счетов, а также на общее число проведенных операций [14]. Это позволяет определить структуру спроса для каждого брокера: количество долгосрочных и краткосрочных инвесторов, наличие нефункционирующих брокерских счетов. Важным критерием является доля пустых счетов, которая отражает недополученный доход банка и сигнализирует о недостаточной эффективности брокерского направления бизнеса.

К. А. Тихонова выделяет две категории факторов, воздействующих на эффективность брокерской деятельности [17]. Первые — макроэкономические факторы, образующие внешние условия для деятельности коммерческих банков как брокеров. Это динамика структуры доходов населения, законодательное регулирование рынка ценных бумаг, расширение инструментария фондового рынка, в том числе введение формата ИИС — индивидуальных инвестиционных счетов. Так, в работе Г. Д. Боднера рассмотрена практика введения индивидуальных инвестиционных счетов как драйвера развития фондового рынка в России [3]. Вторые — факторы внутренней среды банка: ценовая политика, персонал компании, доступ к ресурсам, современность технологий обслуживания.

Авторами проведен анализ текущего состояния брокерской деятельности кредитных организаций, базирующийся на выделенных факторах. Данные собраны на основе статистической информации Московской и Санкт-Петербургской фондовых бирж.

За период с начала 2017 по октябрь 2021 г. произошли существенные изменения в сфере брокерского обслуживания. Увеличивается доля физических лиц, владеющих брокерскими счетами. Уже в октябре 2021 г. число уникальных клиентов — физических лиц составило 15,3 млн человек против 1,1 млн в январе 2017 г. (рис. 1). По итогам первого полугодия 2021 г. 17% экономически активного населения России являются обладателями брокерского счета [12].

Предпосылками этого явления стало снижение ключевой ставки Центрального банка в 2020 г., а также появление налоговых льгот для владельцев индивидуальных инвестиционных счетов [3]. Эти факторы повлекли за собой приток физических лиц на рынок ценных бумаг. Бенефициарами данных изменений стали в большей степени коммерческие банки, чем некредитные финансовые организации (рис. 2). В соответствии с информацией Банка России, на сентябрь 2020 г. 85% активов на брокерских счетах крупнейших брокеров — кредитных организаций принадлежат физическим лицам [16].

Так, в конце сентября 2020 г. на брокерских счетах кредитных организаций находилось 77% активов физических лиц, в то время как у некредитных финансовых организаций — только 23%.

Кредитные организации лидируют в сегменте брокерских услуг не только по объемам активов, но и по числу клиентов (рис. 3). Так, число клиентов кредитных организаций на конец II квартала 2021 г. составило 13,1 млн лиц, в то время как в некредитных финансовых организациях счета открыли только 1,8 млн лиц [12]. Однако при анализе прироста числа брокерских счетов кредитных организаций квартал к кварталу очевидно прослеживается замедление темпов прироста: с 29% в I квартале 2021 до 17% во II квартале 2021 г. Таким образом, ключевым риском для брокеров — кредитных организаций становится замедление притока частных клиентов и снижение темпов роста числа бро-

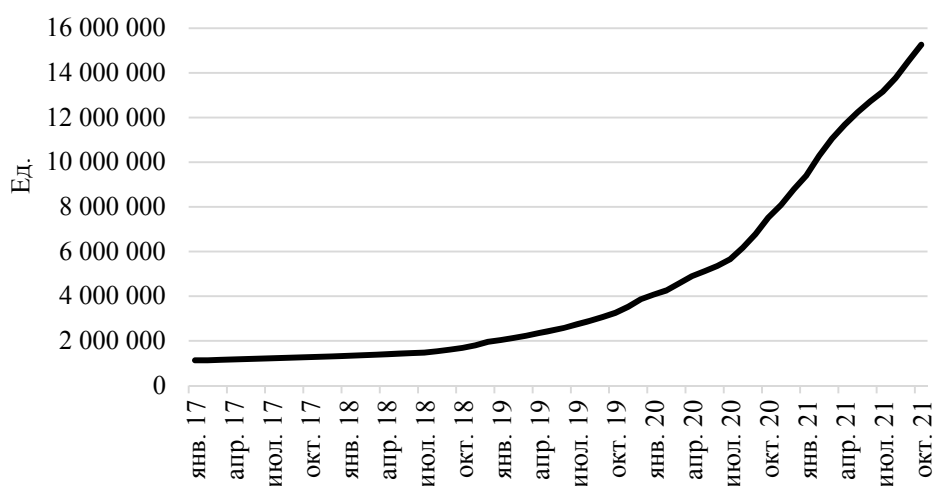

Рис. 1. Рост числа уникальных счетов физических лиц на Московской бирже, ед.

Fig. 1. Growth in the number of unique accounts of individuals on the Moscow Stock Exchange, units

керских счетов. По прогнозам аналитиков Центрального банка, в конце 2021 — 2022 г. эта тенденция будет закрепляться [13].

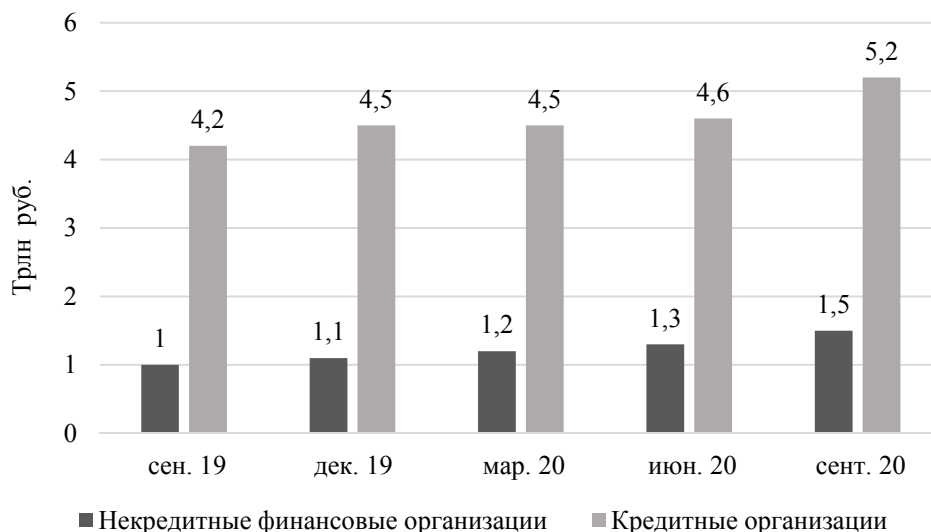

Рис. 2. Динамика активов физических лиц на брокерских счетах, трлн руб.

Fig. 2. Dynamics of assets of individuals on brokerage accounts, trillion rubles

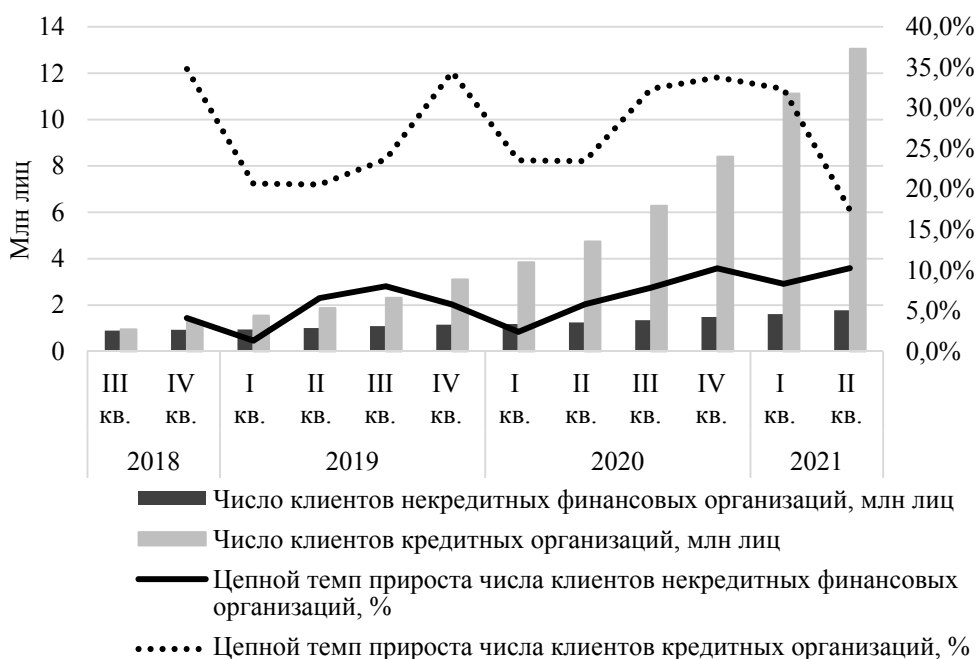

Рис. 3. Динамика числа клиентов профессиональных участников рынка ценных бумаг

Fig. 3. Dynamics of the number of clients of professional securities market participants

Одной из ключевых причин и проблем замедления роста брокерских счетов стало исчерпание потенциала в регионах с высокими среднедушевыми доходами. Так, главными источниками доходов для коммерческих банков как брокеров являются физические лица — жители регионов с высоким уровнем среднедушевых доходов [12]. Лидерами по числу брокерских счетов на 1 000 единиц населения стали Москва (131 брокерский счет на 1 000 жителей), Тюменская область (133 брокерских счета на 1 000 жителей) и Пермский край (130 брокерских счетов на 1 000 жителей). В Республике Ингушетия, напротив, открыто только 25 счетов на 1 000 жителей.

Также существенно дифференцированы по регионам и средние остатки на фондированных счетах. Например, если в Москве средний остаток составляет 3 728 тыс. рублей, в Тюменской области — 878 тыс. рублей, то в Республике Тыва средний счет не превышает суммы в 82 тыс. рублей.

Именно в регионах с высокими среднедушевыми доходами замечено снижение прироста новых счетов. Это может указывать на исчерпание потенциала и сигнализирует о снижении перспектив дальнейшего развития в данных регионах, что начнет оказывать сдерживающее влияние на весь рынок. Таким образом, в дальнейшем встает вопрос популяризации брокерских счетов в регионах с невысоким уровнем доходов.

Помимо числа брокерских счетов, важным критерием оценки является доля активных счетов. Активный клиент — это клиент оператора, совершивший как минимум одну операцию на брокерском счете в течение месяца. Данный показатель крайне важен для оценки доходности брокерского обслуживания для оператора: чем больше доля активных клиентов, тем больший комиссионный доход получает организация [14].

При рассмотрении поквартальных показателей общего числа активных счетов физических лиц на Московской бирже можно отметить, что доля активных клиентов кредитных организаций отличается более высокой волатильностью, чем некредитных финансовых организаций (рис. 4). Наблюдаемая тенденция может показаться незначительной и объясняться сезонными спадами рыночной активности. В то же время следует констатировать тенденцию к постепенному снижению интереса инвесторов к активности на фондовом рынке, что негативным образом сказывается на доходах брокеров от регулярных транзакций.

Также отмечена четкая положительная связь между вступлением в силу законопроекта о введении индивидуальных инвестиционных счетов и ростом числа клиентов фондового рынка. Так, на конец января 2017 г. было открыто 203 154 инвестиционных счета, тогда как на конец октября 2021 г. их число составило уже 4 572 045 (рис. 5). Также за четыре года изменилась доля индивидуальных инвестиционных счетов в общем числе уникальных брокерских счетов на Московской бирже. Согласно проведенному анализу, в январе 2017 г. ИИС занимали только 18,1% от общего числа открытых брокерских счетов, в то время как к октябрю 2021 г. их доля достигла 30%.

Вопрос развития индивидуальных инвестиционных счетов особенно актуален для коммерческих банков, выступающих брокерами, поскольку именно через банковские институты происходит основной приток частных инвесторов на фондовый рынок. Тем не менее постепенное снижение их доли ставит вопросы об эффективности проводимой на текущий момент политики привлечения клиентов.

Помимо активности брокерских счетов и количества индивидуальных инвестиционных счетов, важный маркер потенциальных проблем в сфере брокерской деятельности как кредитных, так и некредитных финансовых организаций — доля пустых счетов. Под пустыми, или нефондированными счетами, понимаются такие брокерские счета клиентов, на которые не был заведен депозит. В то время как ряд неактивных счетов остается фондированным (такая ситуация характерна для долгосрочных инвесторов или держателей облигаций), на пустом счете отсутствуют как ценные бумаги, так и денежные средства. В среднем по регионам России по итогам первого полугодия 2021 г. доля нефондированных счетов составила 62%, общей тенденцией выступает превышение пустых счетов над фондированными (рис. 6).

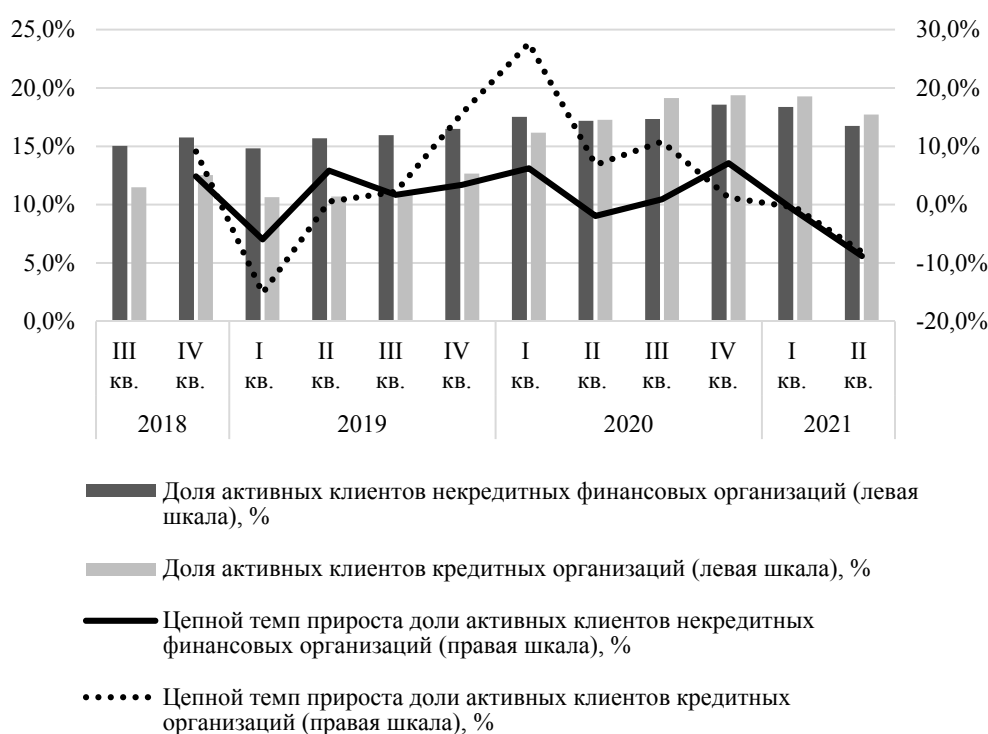

Рис. 4. Динамика доли активных клиентов профессиональных участников рынка ценных бумаг, %

Fig. 4. Dynamics of the share of active clients of professional securities market participants, %

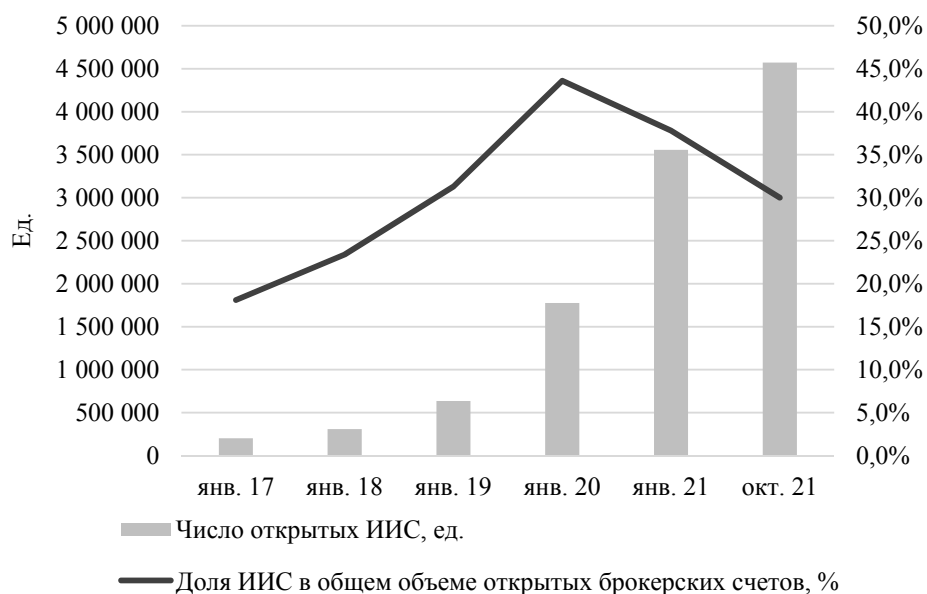

Рис. 5. Динамика числа индивидуальных инвестиционных счетов

Fig. 5. Dynamics of the number of individual investment accounts

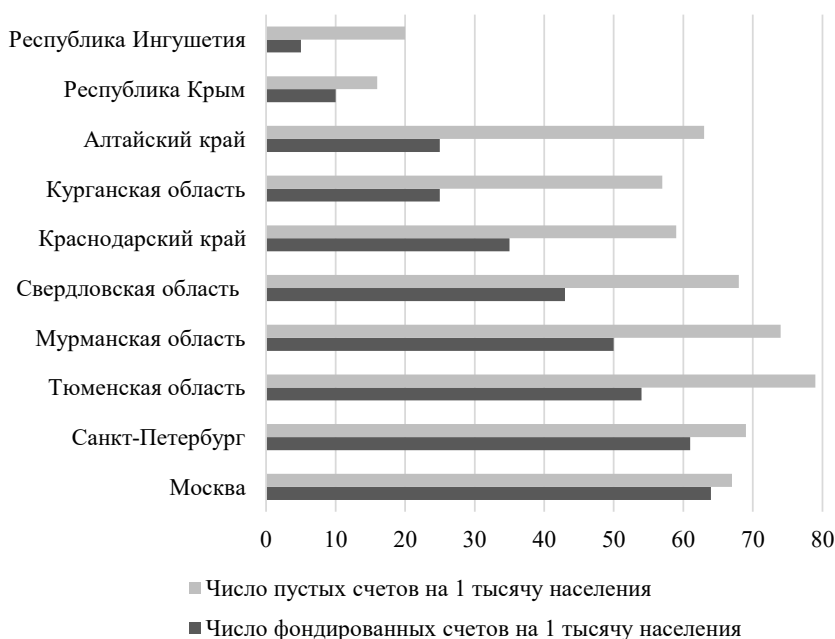

Рис. 6. Соотношение числа пустых и фондированных счетов в разрезе регионов — лидеров и аутсайдеров, II квартал 2021 г., ед.

Fig. 6. The ratio of the number of empty and funded accounts by leader and outsider regions, Q2 of 2021, units

Высокий уровень нефондированных счетов оказывает негативное влияние на брокерскую деятельность коммерческих банков. Большая доля пустых счетов снижает потенциальный доход кредитной организации, демонстрирует отсутствие лояльности клиентов банка к брокерскому обслуживанию и увеличивает затраты на обслуживание работающих счетов. Увеличение доли счетов с ненулевыми остатками будет способствовать повышению эффективности брокерской деятельности коммерческого банка. По этой причине представляется актуальным построить модель, отображающую зависимость доли пустых счетов от ряда факторов.

В качестве зависимой переменной Y выступила доля пустых счетов физических лиц от всех открытых брокерских счетов в регионах России на 31.06.2021, по данным Банка России. В выборку включено 82 субъекта (без отдельного выделения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в Тюменской области и Ненецкого автономного округа Архангельской области). По причине того, что ранее Банк России не публиковал в открытом доступе статистические данные по количеству пустых счетов в регионах, модель построена с использованием информации на один момент времени и включает всего 82 наблюдения. Незначительное количество наблюдений выступает ограничением при построении модели и полноценном применении ее результатов, но позволяет первично определить степень влияния детерминант и заложить основу для дальнейших исследований данной проблемы.

Опираясь на данные исследований по брокерской деятельности коммерческих банков, аналитику Банка России и экономическую логику, был определен ряд регрессоров, оказывающих воздействие на изменение доли пустых брокерских счетов физических лиц. Данные использованы по состоянию на 01.01.2021 с допущением временного лага воздействия на зависимую переменную. Источником данных послужила информация Федеральной службы государственной статистики (таблица 1).

Таблица 1

Показатели, используемые для корреляционно-регрессионного анализа

Table 1

The indicators used for the correlation-regression analysis

Обозначение	Показатель
Y	доля пустых брокерских счетов физических лиц, %
X_1	среднедушевые доходы, тыс. рублей
X_2	уровень безработицы, %
X_3	доля населения трудоспособного возраста, %
X_4	доля городского населения, %

Построение графиков связи позволило визуально определить связь между зависимой и объясняемыми переменными. Положительная связь выявлена между долей пустых счетов и уровнем безработицы (регрессор X2), отрицательная связь наблюдается между объясняемым показателем и среднедушевыми доходами (регрессор X1), долей населения трудоспособного возраста (регрессор X3), долей городского населения (регрессор X4). Построенная корреляционная матрица также показала связь отобранных факторов с признаком и позволила первично исключить мультиколлинеарность.

На основании перекрестных данных построена модель множественной линейной регрессии, результаты которой представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты оценки регрессионной модели

Table 2

Evaluation results of regression model

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Значимость
const	95,217 2	11,889 6	8,008	9,80e-012	***
X1	-0,084 172 8	0,039 670 4	-2,122	0,037 1	**
X2	0,625 170	0,101 895	6,135	3,42e-08	***
X3	-0,402 718	0,228 987	-1,759	0,082 6	*
X4	-0,127 160	0,030 984 0	-4,104	0,000 1	***

Примечания: * — значимость на уровне 10%,
** — значимость на уровне 5%,
*** — значимость на уровне 1%.

Notes: * — significance at the 10% level,
** — significance at the 5% level,
*** — significance at the 1% level.

Коэффициент детерминации составил 0,739. Для проверки эконометрической корректности построенной модели были проведены тест на гетероскедастичность, тест на мультиколлинеарность, тест на нормальное распределение остатков. Результаты тестов подтвердили эконометрическую корректность построенной модели.

Графики наблюдаемых и расчетных значений в зависимости от регрессоров приведены на рис. 7.

Полученное уравнение регрессии позволило определить степень влияния конкретного фактора на долю пустых брокерских счетов физических лиц в России. Результаты оценки модели выглядят следующим образом:

$$\hat{Y} = 95,2172 - 0,0842 \times X1 + 0,6252 \times X2 - 0,4027 \times X3 - 0,1272 \times X4$$

(11,8896) (0,0397) (0,1019) (0,229) (0,031)

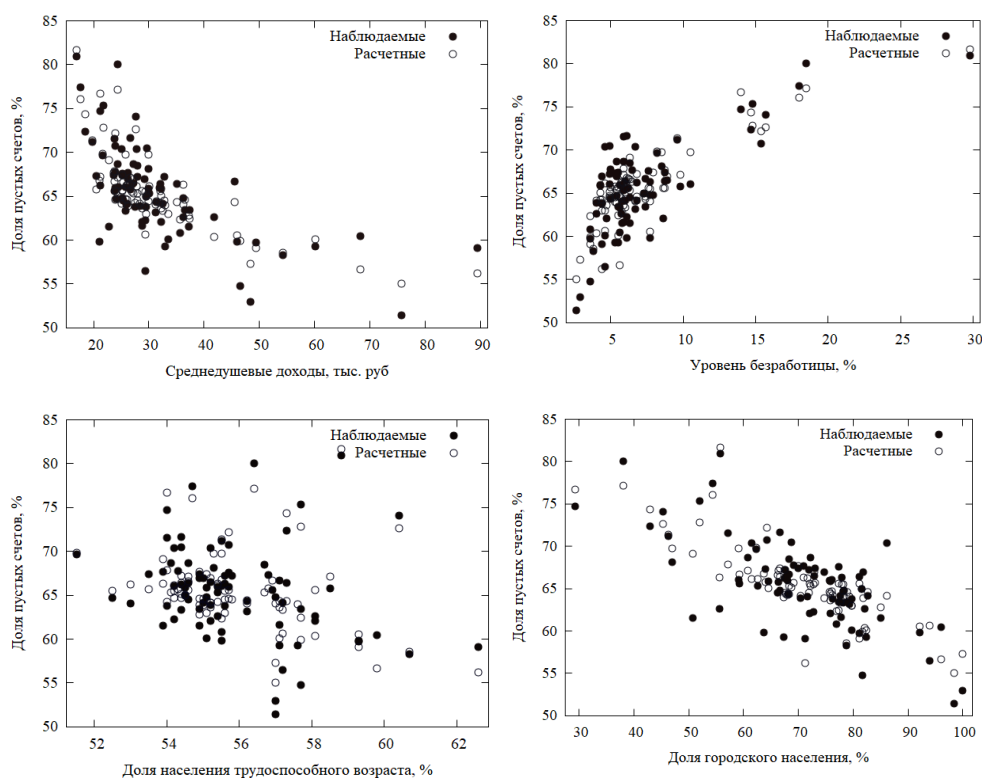

Рис. 7. Графики наблюдаемых и расчетных значений в зависимости от регрессоров

Fig. 7. The diagrams of the observed and calculated values versus regressors

Модель демонстрирует ряд зависимостей, которые важно учитывать при формировании политики развития брокерской деятельности коммерческих банков в регионах. Так, доля пустых счетов имеет прямую взаимосвязь с уровнем безработицы и обратную — с уровнем среднедушевых доходов, долей населения трудоспособного возраста и долей городского населения.

Помимо объясняющих переменных, задействованных в анализе, на долю пустых брокерских счетов оказывает влияние ряд других факторов, которые не были учтены в построенной модели по причине недостаточности статических данных.

Так, большой объем нефондированных счетов может быть связан с высокими планами банков по увеличению числа клиентов, что ведет к мисселингу — фальшивым продажам. Согласно исследованию, проведенному Центральным банком в сентябре 2021 г., 16% владельцев брокерских счетов не только не пользуются данным счетом, но и не знают, у какого брокера он был открыт [7]. Высокая доля пустых счетов может объясняться активной работой компаний по продвижению брокерских услуг, которая приводит к массовому открытию счетов потенциальными клиентами, у которых нет средств для их дальнейшего фондирования.

Выводы

Несмотря на положительную динамику числа брокерских счетов кредитных организаций, в настоящий момент наблюдается замедление активности физических лиц на фондовом рынке, что в том числе выражается в замедлении прироста числа брокерских счетов в кредитных организациях и высоком проценте нефондированных счетов. На основании проведенного анализа и выявленных проблем были сформированы рекомендации, способствующие повышению эффективности брокерской деятельности коммерческого банка.

Ключевая проблема — замедление притока новых клиентов после роста 2019-2020 гг. Поскольку потенциал привлечения на брокерское обслуживание клиентов с высокими доходами практически исчерпан, поддержание высоких темпов роста клиентской базы в дальнейшем может потребовать вовлечения инвесторов с более низкими доходами. Такие инвесторы будут более чувствительны к возможным финансовым потерям и не будут располагать большими суммами денежных средств.

Регионы с высокими среднедушевыми доходами приближаются к максимальному порогу вовлеченности населения в брокерскую деятельность, что может стать сдерживающим фактором для общего развития рынка брокерских услуг. Это приводит к необходимости поиска новых решений для привлечения клиентского сегмента с уровнем дохода ниже среднего, которые отличаются консервативностью и высокой чувствительностью к рискам. Снижение среднего чека брокера ставит вопрос строгого контроля над расходами и наращивания технологичности кредитной организации.

Универсальность — важный критерий, на основании которого физические лица выбирают брокера. Таким образом, росту числа брокерских счетов, открытых в коммерческих банках, будет способствовать расширение числа доступных инструментов и открытие доступа к Санкт-Петербургской фондовой бирже для тех коммерческих банков-брокеров, которые его еще не предоставляют.

Повышению активности на брокерских счетах может способствовать возможность приобретения валюты дробными лотами. Так, по информации Банка России, 23% сделок на бирже за первое полугодие 2021 г. пришлось на сделки по приобретению валюты [7]. При этом Московская биржа предоставляет возможность покупки только целыми лотами, кратными 1 000 условных единиц. Практика продажи дробных лотов валюты может оказать позитивный эффект на рост активности на брокерских счетах. Аналогичную политику следует использовать и для ряда биржевых фондов, уменьшив количество бумаг в минимально доступном для покупки лоте.

Для повышения темпов роста числа индивидуальных инвестиционных счетов полезно будет соблюдение следующих рекомендаций: увеличение лимита ежегодного пополнения счета, предоставление возможности частично выводить активы с сохранением льгот и без полного закрытия счета, а также открытия нескольких счетов у различных брокеров. Данные нововведения могли бы привлечь тех клиентов, которые ранее отказывались от открытия ИИС по причине

длительного срока размещения, и тех, кто хотел бы иметь несколько подобных счетов для стратегий инвестирования с применением вычетов и категории А — на взносы, и категории Б — на доход. Увеличение лимита ежегодных взносов позволит нарастить количество «длинных денег» в экономике и увеличит комиссионный доход от транзакций на ИИС [13].

Кроме того, в качестве общей рекомендации для всех брокеров — операторов ИИС следует отметить реализацию механизма получения купонов по облигациям и дивидендов по акциям на банковский расчетный счет. Данные выплаты позволят инвесторам комфортнее переносить ограничения, связанные с трехлетним сроком действия индивидуального инвестиционного счета. Ряд физических лиц продолжит реинвестировать полученные купоны и дивиденды, заводя их на ИИС и добавляя к сумме для оформления налогового вычета.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются российские коммерческие банки при осуществлении брокерской деятельности, является высокая доля пустых счетов, в качестве первоочередных причин которой выделен низкий уровень среднедушевых доходов, высокий процент безработицы, низкая доля трудоспособного населения и низкая доля городских жителей. Решение этой проблемы видится в комплексном подходе, подразумевающем привлечение консервативных инвесторов с низкой готовностью к риску и отсутствием опыта на фондовом рынке.

В этой связи для брокеров — коммерческих банков становится особенно актуальным делать акцент на продаже облигаций как альтернативы банковскому вкладу. Если ранее банки-брокеры предлагали физическим лицам портфель из акций либо доли в паевых инвестиционных фондах (как наиболее маржинальный продукт для банка), то в сложившейся ситуации следует обратить внимание инвесторов на низкорисковые активы. Данная политика позволит привлечь к брокерскому обслуживанию именно те слои населения, которые прежде не имели брокерского счета по причине низкого дохода или непонимания фондового рынка, в том числе сегмент лиц старше трудоспособного возраста.

Кроме того, необходимо проводить всестороннее информирование клиентов об условиях использования брокерского счета, разработать бесплатные вводные курсы для начинающих инвесторов, которые были бы доступны не только на сайте брокера, но и в приложении для инвестиций.

Таким образом, предложенные в работе рекомендации применимы на практике и комплексно охватывают проблемы деятельности кредитных организаций на рынке ценных бумаг в качестве брокера. Реализация данных рекомендаций позволит повысить эффективность брокерской деятельности коммерческого банка и увеличить объем комиссионного дохода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбеков И. Р. Определение роли и места коммерческих банков на рынке ценных бумаг / И. Р. Байбеков, Ю. В. Семерина // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 19. С. 35-44.
2. Богомолов С. И. Операции с ценными бумагами в деятельности коммерческих банков: современное состояние и возможности развития / С. И. Богомолов, Л. И. Ильина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 5. С. 59-68.
3. Боднер Г. Д. Индивидуальные инвестиционные счета: первые результаты и дальнейшие перспективы / Г. Д. Боднер // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2017. № 1 (38). С. 85-91.
4. Вишневер В. Я. Конкуренция на российском рынке брокерских услуг / В. Я. Вишневер // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сборник науч. статей VI Всерос. науч.-практ. конф. (1 ноября 2018 г.). Самара: Изд-во Самарского гос. эконом. ун-та, 2018. Часть 2. Экология. Экономика. Юриспруденция и право. С. 92-97.
5. Горловская И. Г. Коммерческие банки как финансовые и торговые посредники на рынке ценных бумаг / И. Г. Горловская, Я. В. Марченко // Фундаментальные исследования. 2008. № 12. С. 29-32.
6. Журавлёв А. П. Банки как профессиональные участники рынка ценных бумаг и их становление в экономике России / А. П. Журавлёв // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2007. № 3. С. 29-37.
7. Инвестиционное поведение и инвестиционные ожидания российских начинающих инвесторов в крупных городах // Банк России. 2021.
URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/info_2021-10-06.pdf (дата обращения: 06.10.2021).
8. Коченихина Е. В. Непроцентный доход коммерческого банка / Е. В. Коченихина // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. № 12.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neprotsentnyy-dohod-kommercheskogo-banka/viewer>
9. Красова Е. В. Профессиональные посредники на российском фондовом рынке: условия и тенденции развития / Е. В. Красова // Финансовый журнал. 2018. № 2 (42). С. 94-105.
10. Люц Е. В. Тенденции и перспективы деятельности отечественных коммерческих банков на рынке ценных бумаг / Е. В. Люц // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 3 (48). С. 57-69.
11. Миркин Я. М. Роль коммерческих банков на финансовом рынке (аналитическое исследование) / Я. М. Миркин, Т. В. Жукова // Финансы: теория и практика. 2010. № 6. С. 22-27.
12. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг. II квартал 2021 года. № 2 / Банк России. 2021. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/36615/review_secur_21Q2.pdf (дата обращения: 06.10.2021).
13. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и на период 2023 и 2024 годов // Банк России. 2021.
URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/124677/presentation_20210728.pdf (дата обращения: 06.10.2021).

14. Помаскина О. В. Брокерская деятельность на российском фондовом рынке в современных условиях / О. В. Помаскина // Экономика, статистика и информация. 2015. № 1. С. 98-101.
15. Пыркова Г. Х. Современные тенденции деятельности коммерческих банков на рынке ценных бумаг / Г. Х. Пыркова, Г. Ю. Симержидина // Управление и экономика в XXI веке. 2017. № 3. С. 35-41.
16. Рынок брокерских услуг: аналитический обзор // Банк России. 2020.
URL: https://www.cbr.ru/analytics/rcb/broker_market/ (дата обращения: 06.10.2021).
17. Тихонова К. А. Проблемы и рекомендации по совершенствованию брокерского обслуживания клиентов / К. А. Тихонова, С. С. Данилов, И. Г. Монин // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2019. № 9.
URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/9/financeandcredit/Tikhonova_Danilov_Monin.pdf
18. Якунин С. В. Типы стратегий банка на рынке ценных бумаг / С. В. Якунин // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 19 (322). С. 31-44.
19. Ярославцева Ю. О. Исламский банкинг на территории Российской Федерации: пути развития / Ю. О. Ярославцева // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 10 (63). С. 68-75.
20. Яценко Е. А. Стратегия банков России на рынке ценных бумаг / Е. А. Яценко // Стратегии бизнеса. 2019. № 1 (57). С. 6-9.

Natalia A. BABURINA¹

Alexey G. KUTSEV²

Tatiana A. RAZMASHKINA³

UDC 336.76

DEVELOPMENTAL TRENDS IN BROKERAGE ACTIVITIES OF COMMERCIAL BANKS IN RUSSIA

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
n.a.baburina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-6970-0449

² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
a.g.kucev@utmn.ru

³ Master Student,
University of Tyumen
stud0000074616@study.utmn.ru

Abstract

The present work contributes to the study of the effectiveness of brokerage activities of commercial banks in Russia. To date, not enough attention has been paid to the specific features peculiar to credit institutions in the securities market and the development of factors affecting the effectiveness of their work. In this regard, this study seems relevant and significant.

In modern conditions, with regular changes in interest rates and high lending risks, banks are trying to diversify their interest income. One of the ways to increase the share of non-interest income is the introduction of a line of brokerage services. In the future, brokerage activities may become a way to reduce risks when there is a decrease in demand for lending by obtaining a wide range of commission income.

Citation: Baburina N. A., Kutsev A. G., Razmashkina T. A. 2021. "Developmental trends in brokerage activities of commercial banks in Russia". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 270-288.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-270-288

The purpose of the study is to assess the development of brokerage activities of commercial banks in Russia at the present stage and identify its determining factors. The research methodology is based on the use of structural and dynamic statistical analysis, as well as correlation and regression analysis.

The assessment of trends demonstrated the overall positive development of brokerage activities of the Russian credit institutions. In particular, there is an increase in the number of unique brokerage accounts opened in the commercial banks. Nevertheless, there was a slowdown in the growth rate of new accounts and a decrease in the activity of customers of the credit institutions, which signals the lack of efficiency of the brokerage activities of a commercial bank. Also, the current situation on the stock market is characterized by a decrease in interest in individual investment accounts and a high proportion of empty brokerage accounts of individuals. The authors have constructed a model of multiple linear regression, which made it possible to discover the main determinants of changes in the share of empty accounts of individuals from all open brokerage accounts in the regions of Russia. As a result of the conducted research, it was revealed that the level of empty brokerage accounts of individuals is influenced by such factors as average per capita income, unemployment rate, the proportion of people of working age and the percentage of the urban population.

Key words

Brokerage, commercial bank, correlation and regression analysis, credit organizations, modeling, securities market, commercial bank activities.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-270-288

REFERENCES

1. Baibekov I. R., Semerina Yu. V. 2013. "Determining the role and place of commercial banks in the securities market". *Financial analytics: problems and solutions*, no. 19, pp. 35-40. [In Russian]
2. Bogomolov S. I., Il'ina L. I. 2016. "Operations with securities in the activities of Russian commercial banks: Current status and opportunities". *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, no. 5, pp. 59-68. [In Russian]
3. Bodner G. D. 2017. "Individual investment accounts: First results and further prospects". *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*, no. 1 (38), pp. 85-91. [In Russian]
4. Vishnever V. Ya. 2018. "Competition in the Russian market of brokerage services". *Russian Science: Actual Research and Development: Collection of the Articles of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference (1 November 2018, Samara). Part 2. Ecology. Economics. Jurisprudence and Law*. Pp. 92-97. Samara: Publishing house of Samara State Economic University. [In Russian]
5. Gorlovskaya I. G., Marchenko Ya. V. 2008. "Commercial banks as financial and trade intermediaries in the securities market". *Fundamental research*, no. 12, pp. 29-32. [In Russian]

6. Zhuravlev A. P. 2007. "Banks as professional participants of the securities market and their formation in the Russian economy". Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics, no 3, pp. 29-37. [In Russian]
7. The Central Bank of the Russian Federation. 2021. Investment behavior and investment expectations of Russian novice investors in large cities. Accessed on 6 July 2021. https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/info_2021-10-06.pdf [In Russian]
8. Kochenikhina E. V. 2016. "Non-interest income of a commercial bank". Scientific and methodological electronic journal "Concept", no. 12. Accessed on 13 December 2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/neprotsentnyy-dohod-kommercheskogo-banka/viewer> [In Russian]
9. Krasova E. V. 2018. "Professional intermediaries on the Russian stock market: Conditions and trends of development". Financial Journal, no. 2 (42), pp. 94-105. [In Russian]
10. Lyuts E. V. 2019. "Trends and prospects of the activity of the domestic commercial banks in the securities market". Scientific Bulletin: Finance, banks, investments, no. 3 (48), pp. 57-69. [In Russian]
11. Mirkin Ya. M., Zhukova T. V. 2010. "The role of commercial banks in the financial market (analytical research)". Finance: theory and practice, no. 6, pp. 22-27. [In Russian]
12. The Central Bank of the Russian Federation. 2021. Review of key indicators of professional participants of the securities market. II quarter of 2021, no. 2. Accessed on 6 October 2021. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/36615/review_secur_21Q2.pdf [In Russian]
13. The Central Bank of the Russian Federation. 2021. The main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2022 and for 2023-2024. Accessed on 6 October 2021. https://cbr.ru/Content/Document/File/124677/presentation_20210728.pdf [In Russian]
14. Pomaskina O. V. 2015. "Brokerage activities on the Russian stock market in the current conditions". Economics, statistics and information, no. 1, pp. 98-101. [In Russian]
15. Pyrkova G. Kh., Simerzhidina G. Yu. 2017. "Modern trends in the activity of commercial banks in the securities market". Management and economics in the 21st century, no. 3, pp. 35-41. [In Russian]
16. The Central Bank of the Russian Federation. 2020. Brokerage services market: Analytical review. Accessed on 6 October 2021. https://www.cbr.ru/analytics/rcb/broker_market/ [In Russian]
17. Tikhonova K. A., Danilov A. A., Monin I. G. 2019. "Problems and recommendations for improving brokerage service of clients". Electronic scientific journal "Vector of Economics", no. 9. Accessed on 13 December 2021. http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/9/financeandcredit/Tikhonova_Danilov_Monin.pdf [In Russian]
18. Yakunin S. V. 2013. "Types of bank strategies in the securities market". Economic analysis: Theory and practice, no. 19 (322), pp. 31-44. [In Russian]
19. Yaroslavtseva Yu. O. 2018. "Islamic banking in the Russian Federation: Development trends". Society: Politics, Economics, Law, no. 10 (63), pp. 68-75. [In Russian]
20. Yaschenko E. A. 2019. "The strategy of Russian banks in the securities market". Business strategies, no. 1 (57), pp. 6-9. [In Russian]

Вадим Борисович ГОЛОВКО¹

УДК 336

ИНСТИТУТ КРЕДИТНОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ: ОГРАНИЧЕНИЯ И КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА

¹ доцент кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет;
Управляющий КПК «Сибирский капитал» (г. Тюмень)
golovko.vadim.b@gmail.com

Аннотация

В статье дана общая характеристика сущности и специфических особенностей кредитных потребительских кооперативов (КПК), оценена степень актуальности вопроса развития КПК в контексте повышения финансовой доступности на разных территориях РФ. Определены масштабы деятельности кредитной потребительской кооперации относительно сектора микрофинансирования, ссудо-сберегательного рынка РФ в целом, а также относительно сектора кредитной кооперации в ряде зарубежных стран, в том числе процент вовлеченности населения разных стран в процессы финансовой взаимопомощи КПК. Рассмотрен исторический контекст развития кредитной потребительской кооперации в России, проведено сопоставление его количественных параметров в прошлом и текущем периодах. Определено место современного института КПК на финансовом рынке РФ исходя из понятий массовости и нишевости, с учетом специфики целевой аудитории и преимущественной области деятельности кредитных кооперативов, выделены следующие из этого ограничения и потенциальные преимущества. Сформулированы предложения по повышению конкурентоспособности КПК на ссудо-сберегательном рынке с целью трансформации тенденции роста сектора через сохранение ключевых механик традиционного сервиса кредитных кооперативов, обуславливающих высокую степень лояльности пайщиков, в сочетании с дополнением практики деятельности КПК набором современных

Цитирование: Головки В. Б. Институт кредитной потребительской кооперации: ограничения и конкурентные преимущества / В. Б. Головки // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 289-307.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-289-307

функций, предоставление которых обусловлено как используемыми кооперативами технологическими платформами, так и формой организации ключевых внутренних процессов. Сделан итоговый вывод, что именно реализация подобной двойственной стратегии позволит повысить конкурентоспособность института кредитной кооперации и обеспечить возвращение к тенденции его количественного роста и качественного развития.

Ключевые слова

Финансовая доступность, ссудо-сберегательные услуги, кредитная потребительская кооперация, эффективность деятельности, факторы эффективности, массовый и нишевой институт, ограничения, конкурентоспособность.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-289-307

Введение

В настоящий момент, несмотря на существенное развитие финансовых технологий и каналов дистанционного оказания услуг в РФ, сохраняется проблема низкой доступности финансовых услуг на отдельных территориях [9]. Кроме того, под влиянием кризисных явлений 2020-2021 гг. нехватка финансовых ресурсов для физических лиц и представителей бизнеса лишь возросла. Особенно это актуально в отношении лиц с невысоким доходом, проживающих вне территорий крупных городских центров, а также для сегмента микропредпринимателей. В связи с этим сохраняется и актуальность работы альтернативных банковским институтам ссудного финансирования.

Кредитные потребительские кооперативы являются небанковскими финансовыми организациями, действующими наряду с МКК, МФК, ломбардами, сельскохозяйственными кредитными потребительскими кооперативами, в секторе микрофинансирования РФ. Их деятельность регулируется ФЗ-190 «О кредитной кооперации», Базовыми стандартами СРО, нормативными документами ЦБ РФ. Специфика института кредитной потребительской кооперации (КПК) — некоммерческий характер предоставляемых заемно-сберегательных услуг. Извлечение прибыли не является целью функционирования КПК, основная миссия таких организаций — ведение процесса финансовой взаимопомощи среди своих пайщиков. Другой характерной чертой является принцип членства: КПК работает только со своими пайщиками. Третье — деятельность КПК строго ограничена по сравнению с другими финансовыми организациями для обеспечения большей стабильности и сохранности средств пайщиков. КПК может, по большому счету, только принимать сбережения и выдавать займы своим членам — деятельность на фондовом рынке, валютные операции и т. д. — под запретом. Всё это обуславливает ценность кредитных потребительских кооперативов как специализированного финансового института, обеспечивающего выполнение задачи перераспределения денежных средств среди закрытого круга лиц на определенной территории.

Большое значение для повышения доступности финансовых услуг и ресурсов для большей части населения страны имеет тот факт, что преимущественно кредитные потребительские кооперативы организуют и ведут свою работу на тех территориях, где традиционные финансовые институты фактически не представлены. В качестве примеров таких территорий можно назвать малые города (с численностью населения менее 200-300 тыс., а как правило — даже меньше 50 тыс.), поселки городского типа, села. В населенных пунктах такого размера, как правило, очень ограничена традиционная банковская инфраструктура, однако финансовые потребности населения находятся на высоком уровне. Тем самым решается несколько важных задач: уже упомянутое предоставление населению районов доступа к финансовым ресурсам и услугам, реализация имеющихся текущих планов и удовлетворение потребностей населения посредством предоставляемых займов из фонда финансовой взаимопомощи КПК и следующее за этим снижение социальной напряженности в районе действия кредитного кооператива [2].

Таким образом, вопрос развития сектора кредитной кооперации является актуальным, что подтверждается и декларируемой политикой Банка России, в планы которого входит реализация комплекса задач по развитию указанного сегмента [1]. Вместе с тем, ввиду того что специфика и масштабы деятельности института определяют объем его ресурсов, набор конкурентных преимуществ и, в итоге, траекторию его развития, важно четкое понимание комплекса ключевых параметров института кредитной кооперации для идентификации его принадлежности к категориям массовых институтов или так называемых «нишевых», так как во многом это определит имеющиеся уязвимости и точки роста. И, следовательно, позволит более эффективно разрабатывать и реализовывать необходимые программы развития с целью повышения конкурентоспособности сектора.

Методы

В рамках данной статьи будет дано краткое определение общих понятий массовых и нишевых институтов, идентифицирована принадлежность КПК России к той или иной категории как в контексте количественных параметров состояния сектора и актуальных тенденций их изменения, так и через соответствие КПК теоретическим признакам нишевых институтов, сформулированных в работах таких экономистов, как, например, Йозеф Шумпетер [11] и Бернт Шпигель [12]. Будет рассмотрен исторический контекст развития и количественной динамики КПК в России, проведено сравнение с рядом зарубежных стран, сделаны релевантные выводы, по результатам которых будут даны предложения по повышению конкурентоспособности кредитных кооперативов на ссудо-сберегательном рынке РФ. Следовательно, использованы как общенаучные методы исследования, так и частнонаучные методы.

Результаты

Дадим обобщенное определение понятиям массовых и нишевых институтов. Массовый действует на наиболее крупном рынке, реализуя идентичный товар/

услугу самому широкому кругу потребителей относительно единообразно. При этом потребителей много, они очень разбросаны, различаются в своих потребностях и покупательских привычках. Нишевые же, в противовес массовым, действуют в определенном сегменте рынка, реализуя отдельные товары/услуги, соответствующие выбранному сегменту и более узкому кругу потребителей, которых меньше количественно, а их запрос специфичен и может существенно отличаться от массового.

1. Проведем анализ количественных данных для определения места кредитной кооперации в структуре ссудо-сберегательного рынка РФ, а также выявления значимых тенденций динамики ее развития.

Сектор кредитной потребительской кооперации относится к парабанковскому подсегменту ссудо-сберегательного рынка РФ, который в свою очередь функционирует главным образом в пределах денежного рынка и рынка капиталов страны (см. рис. 1). Кроме КПК к парабанковскому подсегменту относятся и другие типы небанковских финансовых организаций (НФО): микрокредитные компании (МКК) и микрофинансовые компании (МФК), ломбарды, сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы (СКПК). В совокупности все они образуют сектор микрофинансирования РФ.

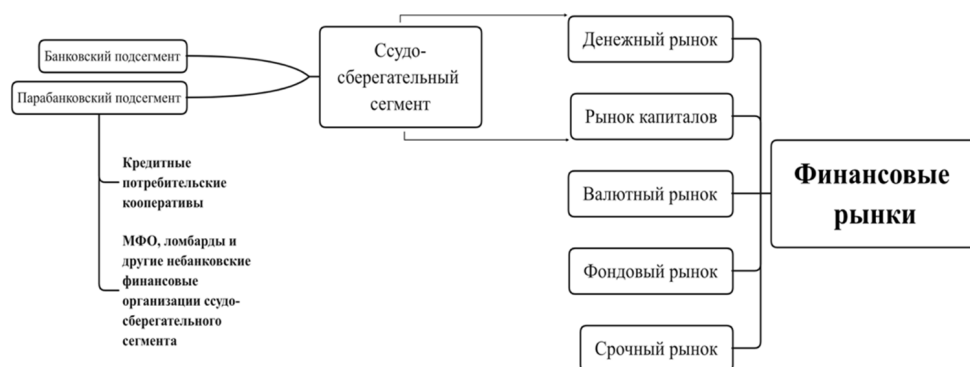

Рис. 1. Место кредитной потребительской кооперации в структуре финансового рынка РФ
Источник: разработано и составлено автором.

Fig. 1. The place of credit consumer cooperation in the structure of the Russian Federation financial market
Source: compiled by the author.

Проанализируем основные количественные параметры работы сектора КПК в сравнении с ближайшими конкурентами, которые не обладают спецификой некоммерческой деятельности, однако реализуют максимально близкий по параметрам основной продукт — банковским сектором, МКК/МФК, а также в сопоставлении с параметрами сегмента МФО в целом (см. таблицу 1).

Таблица 1
Динамика ключевых показателей банковского и микрофинансового секторов, а также сегмента КПК, а также доли соответствующих секторов в общей структуре ссудо-сберегательного рынка

Table 1
Dynamics of key indicators of the banking and microfinance sectors, as well as the CCC segment, as well as the share of the relevant sectors in the overall structure of savings and loan market

Показатель на конец соответствующего периода, млрд руб.	2018	2019	Δ 2019 / 2018	2020	Δ 2020 / 2019	I кв. 2021	Δ I кв. 2021 / 2020	II кв. 2021	Δ II кв. 2021 / 2021	Δ II кв. 2021 / 2018
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Активы банковского сектора	86 232	88 796	3,0%	103 842	16,9%	107 662	3,7%	110 171	2,3%	27,8%
Банковский кредитный портфель	52 912	56 654	7,1%	64 804	14,4%	68 131	5,1%	70 893	4,1%	34,0%
Капитал банковского сектора	10 269	10 981	6,9%	11 413	3,9%	11 566	1,3%	11 738	1,5%	14,3%
Совокупные активы сектора микрофинансирования (МФ)	340,6	379,1	11,3%	404,5	6,7%	416,0	2,8%	409,9	-1,5%	20,4%
Портфель займов совокупного сектора микрофинансирования	268,6	318,3	18,5%	352,6	10,8%	374,1	6,1%	394,7	5,5%	47,0%
Капитал совокупного сектора микрофинансирования	117,4	154,2	31,3%	189,1	22,7%	195,7	3,5%	200,7	2,6%	71,0%
Активы МФК + МКК	186,0	229,9	23,7%	256,7	11,6%	265,9	3,6%	258,2	-2,9%	38,9%
Доля в структуре сектора МФ	54,6%	60,7%		63,5%		63,9%		63,0%		
Доля от банковского сектора	0,22%	0,26%		0,25%		0,25%		0,23%		

Table 1 (end)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Портфель займов МФК+МКК	163,6	211,9	29,5%	249,0	17,5%	267,9	7,6%	286,9	7,1%	75,3%
Доля в структуре сектора МФ	60,9%	66,6%		70,6%		71,6%		72,7%		
Доля от банковского сектора	0,31%	0,37%		0,38%		0,39%		0,40%		
Капитал МФК+МКК	78,6	115,1	46,5%	146,6	27,4%	152,0	3,7%	155,9	2,6%	98,4%
Доля в структуре сектора МФ	66,9%	74,7%		77,5%		77,7%		77,7%		
Доля от банковского сектора	0,77%	1,05%		1,28%		1,31%		1,33%		
Активы КПК	81,1	71,3	-12,1%	62,0	-13,1%	60,6	-2,3%	59,9	-1,1%	-26,1%
Доля в структуре сектора МФ	23,8%	18,8%		15,3%		14,6%		14,6%		
Доля от банковского сектора	0,09%	0,08%		0,06%		0,06%		0,05%		
Портфель займов КПК	57,9	53,8	-7,2%	46,5	-13,4%	45,3	-2,8%	45,9	1,5%	-20,7%
Доля в структуре сектора МФ	21,6%	16,9%		13,2%		12,1%		11,6%		
Доля от банковского сектора	0,11%	0,09%		0,07%		0,07%		0,06%		
Капитал КПК	15,9	15,2	-4,9%	16,1	6,1%	16,5	2,3%	16,6	1,0%	4,3%
Доля в структуре сектора МФ	13,6%	9,8%		8,5%		8,4%		8,3%		
Доля от банковского сектора	0,16%	0,14%		0,14%		0,14%		0,14%		
Справочно: Количество пащиков КПК, тыс. чел.	924	797	-13,7%	680	-14,7%	654	-3,8%	643	-1,7%	-30,4%

Источник: составлено автором по данным Банка России [5-7].

Source: compiled by the author using the data of the Bank of Russia [5-7].

Очевидно, что нисходящая тенденция в части динамики количественных показателей в секторе КПК носит выраженный характер. Портфели займов, активы и численность пайщиков КПК за последние 3 года снизились в диапазоне 20-30%. При этом общие активы КПК сейчас составляют всего 0,05% (за последние 3 года данное соотношение ухудшилось для КПК практически в 2 раза) от совокупного объема ссудо-сберегательного сегмента. Доля основного профильного актива — портфеля займов практически идентична, как и темп ее снижения за 3 года. При этом аналогичные доли КПК в общей структуре сектора микрофинансирования на конец рассматриваемого периода составляют 14,6 и 11,6%, снижение за 3 года составило 9,2 п. п. и 10 п. п. Это указывает на то, что доля КПК сокращается не только относительно растущего банковского сектора РФ, она уменьшается также и относительно других типов НФО на соответствующем специализированном рынке. Хотя и КПК, и МФК/МКК абсолютно несопоставимы по величинам своих профильных активов с масштабом банковского сектора РФ, однако разрыв между МФК/МКК и КПК всё равно почти семикратный (см. рис. 2).

Таким образом, в настоящий момент доля КПК как участника ссудо-сберегательного рынка очень мала, а общий вклад в его функционирование незначителен (см. рис. 3).

При этом исторически реализация идей кредитной потребительской кооперации в России относится еще к 60-м гг. XIX в.: в 1865 г. С. Ф. Лугинин, после визита в Германию и знакомства с опытом работы и кооперативными идеями

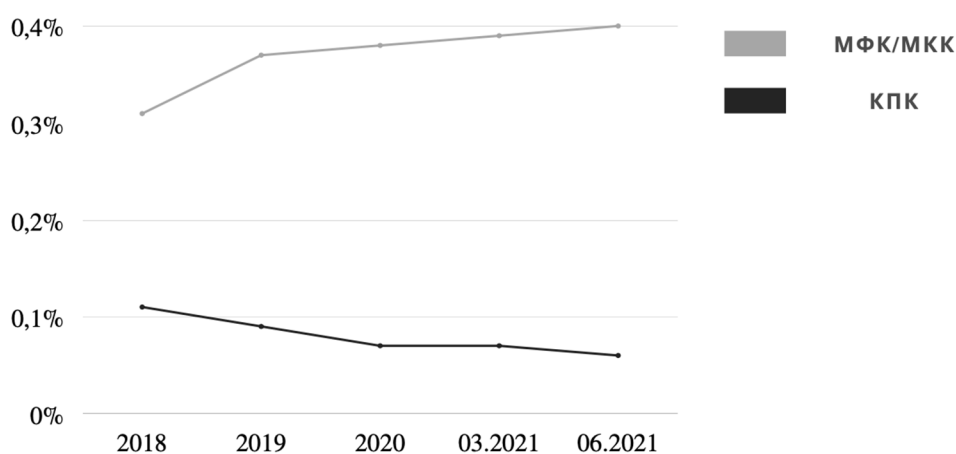

Рис. 2. Динамика изменения долей профильных активов сектора МКК/МФК, а также КПК в общей структуре ссудо-сберегательного сегмента РФ
Источник: разработано и составлено автором по данным Банка России [5-7].

Fig. 2. Dynamics of changes in the shares of core assets of the MCC / MFC sector, as well as CCC in the overall structure of Russian Federation savings and loan segment
Source: compiled by the author using the data of the Bank of Russia [5-7].

Ф. Райффайзена и Ф. Г. Шульце-Делича, основал первое ссудо-сберегательное товарищество по шульце-деличевскому типу в с. Дороватово Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, основным видом деятельности которого было предоставление мелкого краткосрочного кредита, в котором остро нуждалось российское сельскохозяйственное сообщество на новом этапе своего экономического развития. Данная форма финансового посредничества динамично развивалась, а наиболее существенным драйвером стали проводимые в 1905 г. реформы П. А. Столыпина, в результате чего на 1 июля 1913 г. число кредитных кооперативов в России достигло 12 225, в них состояло 7 649 192 члена, а сумма выданных ссуд достигла 519,4 млн рублей [4]. Динамика роста сектора кредитной кооперации в России была значительной, по абсолютному показателю количества кредитных кооперативов Россия 1915-1917 гг. уступала лишь Германии. В общем, кредитную потребительскую кооперацию в России на рубеже XIX — начала XX в. можно было охарактеризовать как развитую часть сегмента ссудо-сберегательного рынка и эффективно действующий финансовый механизм, существовавший в форме, по образцу и в соответствии с принципами кооперативной философии, провозглашенными крупнейшими учеными и общественными деятелями Запада. Практический механизм функционирования кредитной кооперации в России был подобен действующему в Западной Европе.

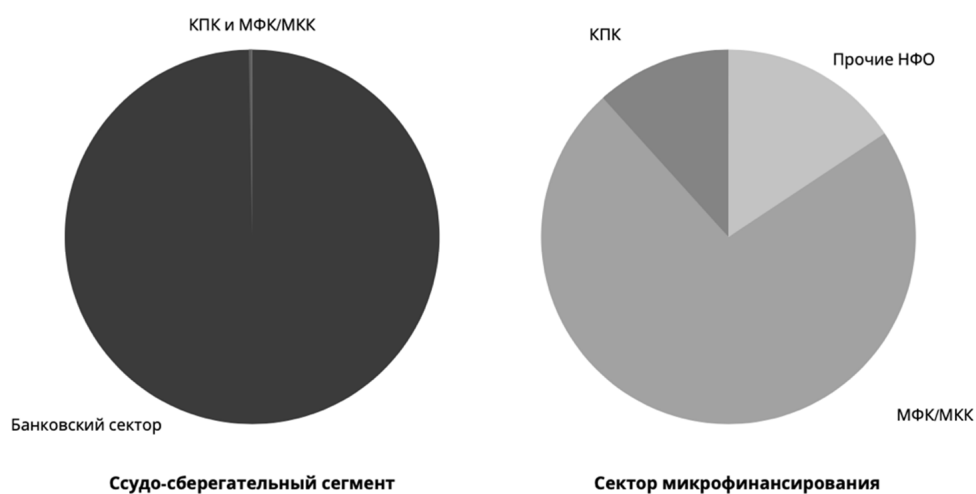

Рис. 3. Доля профильных активов секторов МКК/МФК, а также КПК в общей структуре ссудо-сберегательного сегмента/сектора микрофинансирования на конец II кв. 2021 г.
Источник: разработано и составлено автором по данным Банка России [5-7].

Figure 3. The share of core assets of the MCC / MFC and CCC sectors in the total structure of the savings and loan segment / microfinance sector at the end of Q2 2021
Source: compiled by the author using the data of the Bank of Russia.

Однако после 1917 г. развитие кредитной потребительской кооперации в России практически прекратилось: в марте 1917 г. Временным правительством было принято «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», дающее кооперативным образованиям правовое определение. В 1920 г., согласно Декрету «Об объединении всех видов кооперативных организаций», все товарищества, в том числе кредитные и ссудо-сберегательные, а также союзы кредитных кооперативов были влиты в потребительские общества. В 1922 г. было разрешено создание кредитных и ссудо-сберегательных кооперативов. К 1 октября 1929 г. в стране насчитывалось 125 кредитных союзов, включавших около 10 тыс. кредитных товариществ. Однако с началом кредитной реформы 1930 г., ликвидировавшей коммерческое и обозначившей в качестве единственно возможного прямое банковское кредитование, права на проведение всех операций по предоставлению краткосрочных кредитов были переданы Госбанку. Часть кредитных товариществ была ликвидирована, часть — реорганизована, превратившись в отделения Госбанка.

Система кредитной кооперации в России начала постепенно воссоздаваться лишь с конца 1980-х гг., а фактически — с 1991 г. и обрела современный вид после 2009 г., с принятием профильного закона 190-ФЗ «О кредитной потребительской кооперации» [3].

Вместе с тем, согласно приведенным выше данным, количественные параметры развития кредитной кооперации (а именно число пайщиков и кредитных кооперативов, действующих на рынке) на современном этапе примерно в 10-12 раз ниже аналогичных параметров начала XX в., а тенденция изменения масштабов сектора КПК является устойчиво нисходящей, что привело к существенному уменьшению доли КПК также и в сегменте микрофинансирования. Этот отраслевой регресс носит затяжной, многолетний характер. Причины этого разнообразны: ограничение допустимых механизмов ведения деятельности, ужесточение конкурентной среды, отсутствие профильных кадров на территориях приоритетного присутствия, неразвитость технической базы, а главное — устойчивая тенденция усиления административно-регулятивного воздействия со стороны Банка России, неуклонно возрастающего с 2013 г. Явным негативным фактором выступает сейчас введенное в рамках изменения 190-ФЗ «О кредитной кооперации» ограничение принципа территориальной общности [8], которое, с одной стороны, привело к сокращению инфраструктуры и охвата присутствия уже действующих КПК, в том числе лидеров данного сектора, демонстрировавших лучшие показатели развития, а с другой — фактически сделало невозможным создание новых КПК на территориях небольших муниципальных районов из-за нехватки квалифицированных и компетентных лиц, способных, во-первых, должным образом организовать процессы корпоративного управления КПК, а во-вторых — суметь обеспечить надлежащее фондирование исключительно за счет местных финансовых ресурсов и при этом проживать на территории этих районов и соответствовать обновленному принципу общности.

Примечательно, что за рубежом кредитная кооперация в подавляющем большинстве стран не прекращала свое развитие, кроме того, существенный прогресс в части роста сектора в XX столетии зафиксирован и в странах, изначально не имевших значимого исторического бэкграунда функционирования модели КПК (см. таблицу 2).

Таблица 2

Количественные показатели сектора КПК, а также доли вовлеченности населения в процесс финансовой взаимопомощи КПК в некоторых странах мира по состоянию на конец 2020 г.

Table 2

Quantitative indicators of the CCC, as well as the involvement of the population in the process of mutual financial assistance of the CCC in some countries of the world as of the end of 2020

Страна	Активы КПК, млрд долл. США	Количество КПК, ед.	Количество членов КПК, тыс. чел.	Доля членов КПК от общего количества населения страны, %
США	2 246	5 206	125 692	58,69
Канада	380	449	10 620	42,26
Австралия	112	64	5 200	31,39
Кения	14	8 966	9 237	29,17
Индия	198	1 935	91 077	9,81
Бразилия	65	847	12 037	8,13
Япония	243	145	3 984	5,35
Великобритания	2,7	240	1 356	4,82
Россия	0,84	1 330	680	0,46

Источник: составлено автором по данным Всемирного совета кредитных союзов [14].

Source: compiled by the author using the data of the World Council of Credit Unions [14].

Представленные выше данные подтверждают факт того, что КПК России по уровню своего количественного развития и интеграции в финансовую систему отстает не только от смежных секторов национального рынка, но и от многих зарубежных стран, в том числе сопоставимых по уровню общего экономического потенциала.

2. Рассмотрим второй обозначенный контекст понятия «нишевости», для чего сформулируем определение нишевого рынка и нишевого продукта. Нише-

вый рынок представляет собой сегмент общего рынка, потребности которого еще не удовлетворены текущими конкурентами или удовлетворены недостаточно (имеется разрыв предложения, или скрытая ниша). В отличие от универсалов, массовых компаний, нишевые компании реализуют свои конкурентные преимущества посредством специализации, индивидуализации и концентрации. Нишевые же продукты появляются как продукты, которые заполняют рыночные ниши далеко от основного направления, например, товары и услуги, представляющие только индивидуальный или региональный интерес.

Почти каждый рынок можно разделить на более мелкие ниши в зависимости от конкретных потребностей и предпочтений его участников. Самые распространенные способы определения ниши основаны на:

- цене (высокая, умеренная, дисконт);
- демографическом признаке (пол, возраст, уровень дохода, уровень образования);
- уровне качества (премиум, высокое, среднее, низкое);
- психографике потребителей (ценности, интересы, менталитет);
- географии (точное месторасположение потребителей).

При этом ключевые особенности КПК — объединение пайщиков по одному из принципов общности или образование специфической локальной ниши (по территориальному, профессиональному либо иному признаку), а также тот уникальный факт, что потребитель финансовой услуги одновременно участвует и в процессе управления организацией, фактически являясь ее собственником. Это само по себе обуславливает определенную «закрытость», нишевость данного финансового института.

Более того, приоритетной областью деятельности многих современных КПК являются территории вне крупных городов (специфическая география), а портрет клиента отражает определенный демографический и психогrafический набор параметров: возраст выше среднего, невысокий уровень дохода, потребность в очном контакте, приверженность классическим формам обслуживания и расчетов, зачастую — также погрешности трудоустройства, неидеальная кредитная история.

3. Можно сделать вывод, что КПК, отталкиваясь и от количественных параметров состояния сектора, и от его соответствия определениям нишевых форм продуктов, организаций и их клиентов, является в настоящее время на финансовом рынке РФ в целом нишевым институтом.

Данное обстоятельство в конечном счете не является исключительно негативным, так как для КПК оно обуславливает потенциальное наличие ряда специфических конкурентных преимуществ (лучший фокус на своей целевой аудитории и повышенную профильную экспертность) и высокую степень лояльности его членов.

При этом для государства, общества и ссудо-сберегательного сектора такое положение КПК позволяет повышать уровень доступности финансовых услуг, фокусируясь на работе со специфическими ПФУ (получателями финансовых услуг), в тех областях, где более массовые финансовые институты представлены достаточно ограниченно.

Данные проводимых кредитными кооперативами интервью с пайщиками, количественных и качественных исследований, результаты составляемых впоследствии карт клиентского пути (СJM) с выявлением точек позитивных и отрицательных впечатлений демонстрируют высокий уровень удовлетворенности пайщиков КПК механикой традиционного сервиса, главными, самыми значимыми элементами которого являются:

- гибкость и адаптивность подхода в рамках процесса финансовой взаимопомощи;
- возможность осуществления наличных расчетов в пределах законодательных ограничений;
- возможность очного обслуживания в подразделениях КПК на территориях проживания пайщиков;
- возможность доверительного, индивидуализированного общения с сотрудниками КПК (в сравнении с таковым в более массовых финансовых институтах).

Вместе с тем КПК важно учитывать так называемую систематическую ошибку отбора [13] при анализе результатов такого рода обратной связи от своих членов. Часть потенциальных пайщиков не становятся таковыми ввиду того, что их запрос не может быть удовлетворен со стороны КПК, и они не входят в итоговую выборку интервьюируемых. В первую очередь этот запрос включает более высокие требования в отношении:

- технологичности сервиса;
- развития дистанционных каналов обслуживания и взаимодействия с КПК;
- простоты и прозрачности процедуры вступления и членства;
- скорости рассмотрения заявок и расчетов;
- доступности заемного продукта;
- вариативности сервиса, большего набора предоставляемых услуг (ввиду того что многие люди в современных реалиях привыкают обслуживаться в рамках крупных и непрерывно развивающихся экосистем).

В настоящий момент многие из указанных потребностей становятся уже линейными или даже обязательными к удовлетворению (по модели Н. Кано [10]) соответствующими функциями в рамках сервисного процесса. То есть без их наличия потенциальный пользователь не станет таковым, потому что базовый уровень его потребностей в отношении качества и функциональности сервиса не будет удовлетворен. А это означает потенциальный отток из КПК базы ПФУ ввиду их переориентации на более массовые финансовые институты, что может усугубить и без того сложную ситуацию в секторе кредитной кооперации.

Таким образом, для обеспечения действительных предпосылок к развитию рынка КПК и перехода от тенденции количественного регресса к росту целесообразно в полной мере задействовать как специфические, «нишевые» конкурентные преимущества КПК, так и обеспечить предложение достаточного набора «пороговых, массовых» функций (см. таблицу 3).

Таблица 3

Акценты сервиса, следование которым в работе ожидаемо может стимулировать развитие КПК как на уровне отдельных организаций, так и на уровне сектора в целом

Table 3

Service focus points, adherence to which in work can stimulate the development of CCC both at the level of individual organizations and at the level of the sector as a whole

«Нишевые» конкурентные преимущества КПК	«Массовые» пороговые функции
Гибкость и адаптивность подхода в рамках взаимодействия с пайщиками	Технологичный сервис — личные кабинеты, функциональный сайт, мобильное приложение
Более доверительное, индивидуализированное общение в рамках такого взаимодействия	Развитые дистанционные каналы обслуживания и взаимодействия
Очное обслуживание в физических подразделениях	Простая и прозрачная процедура вступления и членства
Возможность ПФУ участвовать в управлении КПК и принятии значимых решений	Высокая скорость рассмотрения заявок и расчетов
—	Доступный заемный продукт
—	Большой набор предоставляемых услуг

Источник: разработано и составлено автором.

Source: compiled by the author.

Обсуждение

Исследованию и разработке теоретических основ кооперативного учения в общем и кредитной кооперации в частности посвящены труды как зарубежных (Р. Оуэн, Ш. Фурье, Л. Блан, Ф. Райффайзен, Ф. Г. Шульце-Делич, П. Уорбасс, М. Гойдер, Б. Бранч, Дж. Брей), так и отечественных ученых (Н. Х. Бунге, М. И. Туган-Барановский, А. В. Чайнов, А. А. Аузан, Д. Г. Плахотная).

Деятельность финансовых и, в частности, заемно-сберегательных институтов исследуют в своих работах Л. А. Толстолесова, О. С. Мирошниченко, В. В. Ковалёв, Т. В. Никитина, А. В. Репета-Турсунова, Г. Н. Белоглазова, Г. Арнольд, П. Хоуэллс и другие российские и зарубежные ученые.

Следует отметить, что, несмотря на хорошую проработанность теоретических вопросов функционирования кредитной потребительской кооперации, фактически неразработанными остаются ряд важных теоретических, а в особенности прикладных вопросов, в числе которых можно выделить и аспект повышения конкурентоспособности кредитных потребительских кооперативов в условиях современного технологического развития и масштабной комплексной цифровизации всех сфер экономической и хозяйственной деятельности, что особенно актуально в связи с выявленной в рамках проведенного исследования

неблагоприятной тенденцией сокращения сектора КПК и его неразвитости в сравнении с рядом зарубежных стран. В связи с этим целесообразно дополнить научно-практический взгляд на деятельность заемно-сберегательного института КПК рядом положений, касающихся совершенствования методик и механизмов работы кредитных потребительских кооперативов, с сохранением, с одной стороны, традиционных преимуществ этого института, с другой — обеспечением предложения потребителям финансовых услуг современного набора цифровых пороговых функций.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующий вывод: кредитная потребительская кооперация является специфической формой организации финансового посредничества и, как один из элементов ссудо-сберегательной системы страны, подвергается комплексному воздействию многих факторов влияния, в том числе и обуславливающих наличие большого количества актуальных уязвимостей рассматриваемой сферы. При этом, с учетом особого места и роли кредитной кооперации как института повышения финансовой доступности для самых разных категорий населения и бизнеса, в том числе на территориях вне крупных городов, где потребность в финансовых ресурсах зачастую оказывается неудовлетворенной, крайне важно, несмотря на имеющиеся трудности, сохранять положительную тенденцию развития сектора КПК, диверсифицируя тем самым финансовую систему страны и ее ссудо-сберегательный сегмент.

Вместе с тем полученные в ходе исследования данные свидетельствуют, что на текущем этапе сектор кредитной потребительской кооперации находится в нисходящей тенденции изменения количественных параметров своей деятельности относительно других сегментов ссудо-сберегательного рынка РФ. Также выявлена недостаточная развитость сектора КПК России как относительно ряда зарубежных стран, так и в сравнении с историческими максимумами уровня развития кредитной кооперации в России в прошлом (на рубеже XIX-XX вв.).

Кроме того, изучены теоретический контекст понятий «нишевости» и «масовости», рассмотрена специфика КПК и определено, что она, в сочетании с установленными количественными параметрами и долей кредитной кооперации на финансовом рынке РФ, обуславливает КПК в качестве нишевого ссудо-сберегательного института.

Всё это, в сочетании с наличием потребности в развитии института кредитной кооперации как механизма повышения финансовой доступности, указывает на необходимость изменения сложившейся ситуации.

Выявлено, что существенным негативным фактором является технологическое отставание КПК, отсутствие в рамках реализуемого кредитными кооперативами сервисного процесса ряда значимых в настоящий момент, или, иными словами, «пороговых» функций, непредоставление которых приводит к потере части потенциальных пайщиков — получателей финансовых услуг. При этом механика традиционного сервиса в кредитных потребительских кооперативах

является значимым преимуществом института, что подтверждается в ходе анализа результатов проводимых количественных и качественных исследований в секторе КПК. Таким образом, целесообразным является сохранение ключевых механик классического сервиса КПК, в том числе сохранение очного канала предоставления услуг для заинтересованных в этом потребителей, а также включение в механизм работы кредитных кооперативов дополнительного перечня сервисных функций, направленных на развитие дистанционного взаимодействия, упрощение процедур членства и корпоративного управления, диверсификацию набора оказываемых услуг.

Именно такая двойственность конкурентной стратегии может дать КПК импульс к действительному росту и превратить текущую «нишевость» сегмента кредитной кооперации из ограничения в конкурентное преимущество, что, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему повышению финансовой доступности на территориях приоритетного присутствия специфических потребителей (преимущественной целевой аудитории КПК по параметрам места проживания, возраста, дохода, кредитной истории, занятости и т. д.), вовлечению большей части населения РФ в процесс финансовой взаимопомощи, реализуемый в рамках кредитной кооперации, и сокращению неблагоприятного разрыва масштабов сектора КПК как в сравнении со многими зарубежными странами на современном этапе, так и с масштабом развития кредитной кооперации в дореволюционной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банк России разработал проект дорожной карты по совершенствованию регулирования кредитной кооперации на 2021-2024 годы // Центральный банк Российской Федерации: оф. сайт. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9719> (дата обращения: 25.12.2021).
2. Головки В. Б. Роль института кредитной потребительской кооперации в процессах социально-экономического развития регионов РФ / В. Б. Головки // Теоретические и прикладные исследования социально-экономических систем в условиях интеграции России в мировую экономику: материалы IV Междунар. заочной науч.-практ. конф. (2 ноября 2015 г.). Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2015. С. 455-459.
3. Головки В. Б. Эволюция кооперативной философии и развитие кредитной потребительской кооперации / В. Б. Головки // *Univsum: Экономика и юриспруденция*: электрон. научн. журн. 2015. № 7 (18). URL: <http://7univsum.com/ru/economy/archive/item/2310> (дата обращения: 25.12.2021).
4. Из истории развития кредитной кооперации в России. «Азбука пайщика» от А до Я // Вопросы кредитной кооперации (приложение к журналу). 2012. № 1. С. 33.
5. Микрофинансирование. Аналитика // Центральный банк Российской Федерации: оф. сайт. URL: <https://cbr.ru/microfinance/analitics/> (дата обращения: 25.12.2021).
6. Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов // Центральный банк Российской Федерации: оф. сайт. URL: https://cbr.ru/analytics/microfinance/reveiw_mfo/ (дата обращения: 25.12.2021).

7. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации // Центральный банк Российской Федерации: оф. сайт. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 25.12.2021).
8. Федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2009 № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О кредитной кооперации» // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/ (дата обращения: 25.12.2021).
9. Финансовая доступность // Центральный банк Российской Федерации: оф. сайт. URL: https://cbr.ru/develop/development_affor/ (дата обращения: 25.12.2021).
10. Kano N. Attractive quality and must-be quality / N. Kano, N. Seraku, F. Takahashi, Sh. Tsuji // Journal of the Japanese Society for Quality Control [in Japanese]. April 1984. Vol. 14 (2). Pp. 39-48.
11. Schumpeter J. A. The Theory of Economic Development / J. A. Schumpeter. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1934. 255 pp.
12. Spiegel B. Niche — a term from theoretical biology in marketing // Thesis. 1990. Vol. 7. No. 4. P. 7.
13. Wald A. A Method of Estimating Plane Vulnerability Based on Damage of Survivors: A Reprint / A. Wald. Operations Evaluation Group, Center for Naval Analyses, 1980. 89 pp.
14. World Council of Credit Unions' annual 2020 Statistical Report // World Council: off. website. URL: https://www.woccu.org/our_network/statreport (дата обращения: 25.12.2021).

Vadim B. GOLOVKO¹

UDC 336

INSTITUTION OF CREDIT CONSUMER COOPERATION: RESTRICTIONS AND COMPETITIVE ADVANTAGES

¹ Associate Professor,
Department of Economics and Finances,
University of Tyumen;
General Manager of Credit Co-operation “Sibirskiy Kapital” (Tyumen)
golovko.vadim.b@gmail.com

Abstract

The article provides a general description of the essence and specific characteristics of consumer credit cooperatives (CCC) as well as the assessment of degree of relevance of the issue of CCC development in the context of increasing financial accessibility in different territories of the Russian Federation. The author defines the scale of activity of credit consumer cooperation in relation to the microfinance sector, the savings and loan market of the Russian Federation as a whole and in relation to the sector of credit cooperation in other countries, including the percentage of involvement of the population of different countries in the processes of mutual financial assistance of the CCC. The historical context of the development of credit consumer cooperation in Russia is also briefly reviewed, and its quantitative parameters in the past and current periods are compared. The author determines the place of the modern institution of the CCC in the financial market of the Russian Federation in the context of the concepts of mass and niche, taking into account the specifics of the target audience and the predominant area of activity of credit cooperatives. In this regard, the following limitations and potential advantages are highlighted. The research has resulted in proposals to increase the competitiveness of the CCC in the savings and loan market. These suggestions are made in order to transform the sector towards a growth trend through the preservation of the key mechanics of the traditional service of credit cooperatives, which determine a high degree of loyalty of shareholders. The author's

Citation: Golovko V. B. 2021. “Institution of credit consumer cooperation: Restrictions and competitive advantages”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 289-307.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-289-307

ideas are combined with the addition of the practice of CCC activities with a set of modern functions, the provision of which is conditioned by both the cooperatives technological platforms and the form of organizing key internal processes. The final conclusion of the present work is that it is the implementation of such a dual strategy that will increase the competitiveness of the institution of credit cooperation and will ensure a return to the trend of its quantitative growth and qualitative development.

Key words

Availability of the financial resources, loan and savings services, credit consumer cooperation, efficiency of activity, efficiency factors, mass and niche institution, limitations, competitiveness.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-289-307

REFERENCES

1. The Central Bank of the Russian Federation. 2021. The Bank of Russia Has Developed a Draft Roadmap to Improve the Regulation of Credit Cooperation for 2021-2024. Accessed on 25 December 2021. <https://cbr.ru/press/event/?id=9719> [In Russian]
2. Golovko V. B. 2015. "The role of the institution of credit consumer cooperation in the processes of socio-economic development of the regions of the Russian Federation". Proceedings of the 4th International Extramural Scientific and Practical Conference "Theoretical and applied research of socio-economic systems in the context of Russia's integration into the world economy" (2 November 2015). Pp. 455-459. Tyumen: Tyumen State University. [In Russian]
3. Golovko V. B. 2015. "Evolution of cooperative philosophy and development of credit consumer cooperation". *Universum: Economics and Jurisprudence*, no. 7 (18). Accessed on 25 December 2021. <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2310> [In Russian]
4. Issues of Credit Cooperation (Appendix to the Journal). 2012. "From the history of the development of credit cooperation in Russia. 'ABC of a shareholder' from A to Z". No. 1, p. 33. [In Russian]
5. The Central Bank of the Russian Federation. Microfinance. Analytics. Accessed on 25 December 2021. <https://cbr.ru/microfinance/analytics/> [In Russian]
6. The Central Bank of the Russian Federation. Review of Key Indicators of Microfinance Institutions. Accessed on 25 December 2021. https://cbr.ru/analytics/microfinance/reveiw_mfo/ [In Russian]
7. The Central Bank of the Russian Federation. Statistical Indicators of the Banking Sector of the Russian Federation. Accessed on 25 December 2021. https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ [In Russian]
8. ConsultantPlus legal reference system. 2009. On credit cooperation: Federal Law of the Russian Federation of 18 July 2009 no. 190-FZ (as amended on 2 July 2021). Accessed on 25 December 2021. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/ [In Russian]

9. The Central Bank of the Russian Federation. 2021. Financial Availability. Accessed on 25 December 2021. https://cbr.ru/develop/development_affor/ [In Russian]
10. Kano N., Seraku N., Takahashi F., Tsuji Sh. 1984. “Attractive quality and must-be quality”. *Journal of the Japanese Society for Quality Control*, vol. 14 (2), pp. 39-48. [In Japanese]
11. Schumpeter J. A. 1934. *The Theory of Economic Development*. Cambridge, Mass: Harvard University Press. 255 pp.
12. Spiegel B. 1990. “Niche — a term from theoretical biology in marketing”. *Thesis*, vol. 7, no. 4, p. 7.
13. Wald A. A. 1980. *Method of Estimating Plane Vulnerability Based on Damage of Survivors: A Reprint*. Operations Evaluation Group, Center for Naval Analyses. 89 pp.
14. The World Council of Credit Unions. 2020. *World Council of Credit Unions’ Annual 2020 Statistical Report*. Accessed on 25 December 2021. https://www.woccu.org/our_network/statreport

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2021. Том 7. № 4 (28)

Редакторы	<i>Д. В. Петелина, А. А. Горбунов</i>
Перевод	<i>А. А. Горбунов</i>
Компьютерная верстка	<i>Н. А. Хромова</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 30.12.2021
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
27,0 усл. печ. л., 21,6 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 515

Центр научных периодических изданий
625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15а
тел./факс: +7 (3452) 59-74-32
vestnik-social-r@utmn.ru

Отпечатано в Издательстве ТюмГУ